Социология

ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

3
2015

Содержание

Теория и методология

Кирка А.В. Социально-сетевая Россия: перспективы развития и направления совершенствования **4**
Кузнецова Ю.Н. Связь психологических свойств личности со структурой ее ценностей **8**
Михальский А.В. Проблематика конструирования будущего в философии **12**
Пятаков А.Н. «Социальное» как поле межгосударственной интеграции (опыт Латинской Америки) **16**

Социальная структура и стратификация

Андрусяк Н.Ю., Олейник Е.В., Супрун Н.Г. Содержательный анализ социальных услуг семье **24**
Бабаев С.С., Новиков Р.А. Технологии социальной работы с гражданами пожилого возраста **28**
Ежова П.С. Динамика социальной структуры современного Китая **33**
Епархина О.В. Э.Вульф: крестьянство в российских революциях XX века **38**
Николаева А.Ю. Рельеф состояния взрослости **43**
Поплавская И.А. Динамика социальной структуры российского общества **51**
Рахманов А.Б. Капиталистический класс в Китае начала XXI века: основные характеристики **58**
Романенко М.В. Девиантные слои в социальной структуре современной России **66**

Эмпирические исследования

Алиева К.М., Самудинова А.К. К исследованию внешней миграции Кыргызстана **76**
Голубева А.С. Политика США в сфере межэтнических отношений **81**
Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Хетагурова Л.Т. Культурные предпочтения учащихся средних школ **86**
Желнов В.М. Формирование молодежного философского сообщества: проблемы и перспективы **95**
Зиланова М.С. Сравнение употреблений имперфектых форм в трех рукописях Откровения Иоанна Богослова XIV века **101**
Константинова А.Г. Основные тенденции и особенности развития демографического потенциала регионов Восточной Сибири **105**
Костылев П.Н. Российское религиоведческое сообщество: метарелигиоведческий контекст **111**
Невская Т.А. Международный имидж России в условиях санкций: тенденции трансформации и проблемы укрепления **116**
Рогатко С.А. Научная и техническая политика государства в развитии агропромышленного комплекса Российской империи во второй половине XIX - нач. XX вв. **124**
Сушко В.А. Особенности протестного поведения современной молодежи .. **131**
Цогоева Ф.Б. Интерференция угроз экстремизма в современном обществе **138**

В помощь преподавателю

Джавахидзе Л.Б. Воспитательный потенциал урока экономики в формировании социальной ответственности старшеклассников **146**
Добреньков В.И., Кравченко А.И. Система социологического знания **150**
Копейкина О.В. Особенности проблем личностной беспомощности выпускников интернатных учреждений **169**
Колбаев К.Б. Из опыта повышения качества образования в контексте конкурентоспособности **171**
Сорокина И.Р. Взаимодействие школы и клубов по месту жительства в вопросе профилактики девиантного поведения детей и подростков **178**
Улитина Т.И. Условия реализации модели педагогического стимулирования технического творчества студентов профессиональных образовательных организаций **181**
Ульяновская Л.В. Формирование содержания понятия «внешкольное образование» в русской педагогической мысли в конце XIX-начале XX века **187**
Шимановская С.В. Интегративный и социально-инновационный характер системы «школа?негосударственный вуз» **193**

Междисциплинарные исследования

Бирюкова Е.Е. Духовная сущность архитектурного пространства **198**
Борисова К.Ю. Этические проблемы оказания психологической помощи в период чрезвычайных ситуаций **203**
Григорян С.В. Документальный телефильм как инструмент формирования имиджа во внутреннем медиапространстве России **210**
Клейменов А.А. К вопросу о стратегии Филиппа II в военной кампании 340–339 гг. до н.э. **216**
Манцуров С.О. Феномен политической оппозиции в условиях представительной демократии современных зарубежных стран **221**
Насобин О.Б. Портреты Бенвенуто Челлини: опыт атрибуции на основе историко-антропологических сопоставлений ... **227**
Мелешко Г.А. Макарьевская ярмарка и ее роль в формировании единого национального всероссийского рынка **235**
Нафаа Дорар, Мартыненко Е.В. Спасение культурного наследия Сирии по данным телеканалов CNN, BBC, AL-JAZEERA **240**
Новикова Ю.В. Модальность как критерий оценки качества переводного художественного текста **246**
Уздеева З.И. Агрегация как первый этап моделирования корпусного исследования языковых контактов **250**
Федорова О.Ю. Социально-экономическая эффективность регулирования финансовых рынков: от классиков теории до современных критериев оценки **255**
Харченко Н.Л. Вариативность элементов вымысла в политическом дискурсе ... **266**
Шавкунова К.А., Гутинева Е.Ю., Крицкая М.Ю. Основные этапы покорения Сибири **270**

Размышление над новой книгой

Доброхотов Л.Н. «Великий разрыв» Джозефа Стиглица **274**

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Социально–сетевая Россия: перспективы развития и направления совершенствования

Кирка А.В.

В рамках статьи раскрываются основные перспективы развития и направления совершенствования практического использования социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе современной России, а также сформулирован ряд рекомендаций, направленных на обеспечение значительного повышения степени проникновения социально-сетевых коммуникаций в политический процесс современной России.

Russia in social networks: prospects of development and the ways of improvement

Kirka A.V.
State university of management

The article reveals the main development prospects and directions of improvement of the practical use of social-networks communications in the political process in modern Russia, and also formulated a number of recommendations aimed at ensuring a significant increase in the level of penetration of social-network communications in the political process of modern Russia.

Ключевые слова: Государство, гражданское общество, политический процесс, государственная политика, социально-сетевая среда, социально-сетевые коммуникации
Keywords: Government, civil society, political process, public policy, social-networks environment, social-networks communications

Современный отечественный опыт применения социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе характеризуется недостаточной институциализацией подходов к социально-сетевой среде, а также слабой интеграцией механизмов социально-сетевого коммуницирования в повседневное политическое поведение [1]. Государственные институты в условиях фрагментарности нормативно-правого обеспечения в области социально-сетевых коммуникаций и его преимущественной ориентированности на контрольно-запретительную практику со слабо выраженной инновационно-стимулирующей компонентой, отличаются недостаточной степенью погружения в социально-сетевую среду. В свою очередь общественные структуры, активно участвуя в социально-сетевом дискурсе [3], как наименее затратном формате социально-сетевого коммуницирования, а также используя государственные контент-генерирующие площадки, не отличаются активным погружением в иные виды социально-сетевых коммуникаций в количественном аспекте – существующая политическая практика характеризуется яркими и эффективными [2], но крайне малочисленными примерами прикладного использования ресурсо-аккумулирующих и организационно-координирующих социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе при преимущественной ориентации на социально-экономическую и культурную сферы [7].

В рамках осмысления возможных направлений нейтрализации существующей проблематики, были исследованы основные перспективы развития социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе современной России. Так, отечественную социально-сетевую среду ожидает значительное расширение как в масштабе пользовательской аудитории, что связано с лидирующими мировыми позициями России в контексте динамики расширения доступа населения к Интернету и социально-сетевой среде, так и в номенклатуре применяемых форматов общественного взаимодействия. Ожидается дальнейшая поляризация политизированного социально-сетевого дискурса с ориентацией на конструктивный диалог и поиск адекватных решений общественно-значимых проблем. Интерес к деструктивной безальтернативной критике будет снижаться, а источники подобной информации маргинализироваться, что связано, во-первых, со снижением доли оппозиционной аудитории за счёт значительного притока активной консервативной аудитории [6], а, во-вторых, пресыщением негативной повесткой политического дискурсионного коммуницирования оппозиционных лидеров [3]. Ожидается повышение активности ресурсо-аккумулирующих социально-сетевых коммуникаций в неполитических сферах при высокой вероятности перехода в политический контекст при условии формирования новых политических акторов, осуществляющих эффективное альтернативное политическое позиционирование конструктивного характера. Государство и далее будет расширять политические социально-сетевые контент-генерирующие практики в условиях растущего запроса на общественное участие в подобном взаимодействии. Ожидается значительная активизация общественного участия в организационно-координирующих социально-сетевых коммуникациях. При этом массовый протестный сценарий крайне маловероятен в связи с достаточно высоким запасом прочности текущей политической системы.

Означенные перспективы в совокупности с рядом объективных условий, среди которых можно выделить благоприятную политическую конъюнктуру для государственной власти, а также особую национальную политическую культуру, позволяют сделать предположение о позитивных перспективах социально-сетевой среды в контексте интеграции в отечественный политический процесс, при условии активной мобилизующей роли государства. Именно мобилизующая роль государства привьёт соответствующие практики в массовом сознании лояльного большинства, консолидирует их в монолитное институциональное русло и повысит степень проникновения социально-сетевых коммуникаций в политическую жизнь, что расширит политическое участие самых широких слоёв населения, стимулируя дальнейшее формирование гражданского общества.

Сформулированные выводы позволяют сформировать ряд рекомендаций по повышению степени проникновения современных социально-сетевых коммуникаций в отечественную политическую жизнь, которые можно условно классифицировать по следующим основным направлениям.

Во-первых, стратегические направления, в том числе обеспечение информационного суверенитета, расширение масштабов социально-сетевой среды, а также построение компромиссной модели регулирования законодательства, реализация которых обеспечит критически важную независимость отечественной социально-сетевой среды от внешнего воздействия в условиях её всё более возрастающего политического значения, увеличит пользовательскую аудиторию социально-сетевой среды, повысит эффективность системы государственного управления, снизит фрагментарность существующих законодательных норм, а также обеспечит эффективную интеграцию в повседневную практику и сознание социально-сетевой аудитории устанавливаемых государством поведенческих рамок.

Во-вторых, направления совершенствования дискурсионных социально-сетевых коммуникаций, в том числе институционализация аналитических процессов в социально-сетевой среде, модернизация внешнеполитического [4] и институционализация внутриполитического социально-сетевого дискурса [8], реализация которых обеспечит поддержку управленческих решений в рамках осуществления как внешней, так и внутренней государственной политики, повысит результативность внешнеполитического социально-сетевого дискурса, снизит негативное информационное воздействие иностранных государств, а также осуществит крайне эф-

фективную интеграцию всё более расширяющейся аудитории социально-сетевой среды в общественно-политический дискурс.

В-третьих, направления совершенствования контент-генерирующих социально-сетевых коммуникаций, в том числе модернизация существующих и внедрение новых формальных контент-генерирующих коммуникативных практик политического характера, а также легитимация неформальных общественных контент-генерирующих коммуникативных практик общественно-политического характера, реализация которых позволит значительно повысить эффективность существующих направлений практического использования контент-генерирующих социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе, расширит масштаб общественно-государственного партнёрства, повысит транспаррентность и эффективность деятельности государственных институтов, а также обеспечит расширение гражданского участия в политической жизни и рост авторитетного капитала государства.

В-четвёртых, направление совершенствования ресурсо-аккумулирующих социально-сетевых коммуникаций, в том числе реализация социально-сетевого проекта «Фонд солидарных социальных инвестиций», что обеспечит консолидацию и активизацию ресурсо-аккумулирующих социально-сетевых коммуникаций, нарастит значительный общественный опыт в данной области, повысит общественную солидарность, что впоследствии очевидным образом перейдёт в политическую плоскость, оказывая всё более возрастающее влияние на политический процесс, а также позволит реализовать эффективное целевое государственное субсидирование действительно значимых общественных проектов, что окажет дополнительную стимуляцию экономической сферы на региональном и муниципальном уровнях.

В-пятых, направление совершенствования организационно-координирующих социально-сетевых коммуникаций, в том числе реализация социально-сетевого проекта «Российская добровольческая инициатива», что обеспечит унификацию и консолидацию существующих организационно-координирующих практик как в рамках социально-сетевой среды, так и вне её, реализуя эффективный механизм агрегации общественного мобилизационного потенциала как для государственной власти, так и для различных структур гражданского общества.

В-шестых, реализация комплекса мероприятий обеспечительного характера, в том числе расширение специализированных образовательных практик в форматах вебинаров, публичных лекций, обеспечение обширной информационной поддержки реализуемых проектов в традиционных средств массовой информации, а также рекламы в общественных местах, а также обеспечение интеграции реализуемых проектов в мобильный формат, что обеспечит общую информационную и организационную поддержку перечисленного комплекса мероприятий.

Реализация означенных направлений должна обеспечить значительное повышение степени проникновения социально-сетевых коммуникаций в политический процесс современной России.

Разработанные рекомендации в области ресурсо-аккумулирующих и организационно-координирующих коммуникаций не имеют явных институализированных аналогов в зарубежной практике. Более того, реализация означенных рекомендаций в условиях зарубежной социально-сетевой среды не увенчалось бы успехом, в первую очередь, по причине совершенно иной её политико-культурной содержательности, предполагающей развитие данных областей общественного взаимодействия на основе естественной социальной самоорганизации и не приемлющей подобных проявлений «административной самодеятельности». Вместе с тем, путь слепого копирования наиболее успешных зарубежных практик заведомо утопичен. У России свой собственный путь в совершенствовании социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе, который неотрывен от традиционных для отечественной политической культуры ценностей, таких как соборность, корпоратизм, равноправный диалог с властью, солидарность и взаимопомощь, духовность, отрицательное отношение к эгоистическому индивидуализму и «властолюбивому эгоизму» [5].

В настоящее время у нашей страны, обладающей колоссальными ресурсным, организационным и интеллектуальным капиталами есть уникальная возможность значительно повысить качество государственного управления за счёт повышения транспаррентности и эффективности государственного аппарата, снижения уров-

ня коррупции и перехода взаимодействия государства и гражданского общества на совершенно новый уровень на основе повышения степени проникновения социально-сетевых коммуникаций в политический процесс. Современное общество достигло той черты, за которой нельзя говорить об истинно легитимной демократии и эффективном государственном управлении без совместной работы государства и гражданского общества. Необходимо содействовать развитию гражданской активности в социально сетевой среде, направленной на конструктивный диалог, созидание, общественный контроль. Подобная открытость опередит любые негативные воздействия извне и в этом контексте существующая поддержка со стороны населения даёт власти серьёзный временной запас, который необходимо использовать в полной мере.

Литература

1. Кирка А. В. Социально-сетевые коммуникации в политическом процессе: зарубежный и отечественный опыт // Инновации и инвестиции. – 2015. - №9. – С. 157-161.

2. Кирка А. В. Социально-сетевые технологии в избирательном процессе на региональном уровне на примере предвыборной кампании А. Навального // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 20. С. 42-46.

3. Кирка А. В. Проблематика оппозиционного социально-сетевого политического дискурса в современной России // В сборнике: Проблемы развития науки и образования: теория и практика. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 августа 2015 г.: в 3 частях. ООО «АР-Консалт». Москва, 2015. С. 45-47.

4. Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 104-113.

5. Омельченко Н. А. История государственного управления в России: учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008

6. Путинское большинство: этапы формирования, структура, ценности [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Фонда развития гражданского общества. – Режим доступа: http://civilfund.ru/mat/view/79 (дата обращения: 8.07.2015)

7. Сострадание и спонтанность: отчёт о массовых пожертвованиях в России / Ю. Ходорова и др. – М.: CAF Россия, 2014. – 24 с.

8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. Пер. с англ. – М.: АСТ МОСКВА, 2009

Связь психологических свойств личности со структурой ее ценностей

Кузнецова Ю.Н.

В работе проведен анализ понятия ценности с точки зрения философского и психологического понимания. Были получены статистически достоверные данные доказывающие, что между степенью выраженности различных психологических свойств личности и мерой приоритетности для нее различных ценностей существуют множественные корреляционные связи.
Ключевые слова: личность, психологические свойства личности, ценности, ценностные приоритеты, , структура ценностей.

The connection of person's psychological traits with the structure of its values
Kuznetsova Yu.N.
Kazan (Volga) federal university
The paper analyzes the concept of value in terms of philosophical and psychological understanding. As a result of the study there were obtained statistically significant data showing different values of multiple correlation between the severity of different psychological traits of personality and a measure of priority for the person. Moreover, the connections can be both positive and negative..
Key words: personality, psychological personality traits, values, values, priorities, structure values.

Проблемы, связанные с ценностями, относятся к числу важнейших для наук, занимающихся человеком и обществом. Важнейших, прежде всего, в силу того, что ценности выступают интегративной основой, как для отдельно взятой личности, так и для любой социальной группы. Ценностные предпочтения личности, играют важную роль при оценке ею всего происходящего, при принятии решения, при совершении действий. Эта проблема до настоящего времени является актуальной, в ней осталось еще много областей, которые остаются неисследованными.

Ценности стали объектом специального философского познания с середины XIX века, когда в философии стали рассматривать человека как практическое существо, которое не только относится к миру гносеологически, но главным образом практически и аксиологически. Существующие подходы к проблеме ценностей неоднозначны. В их понимании отсутствует четкое представление о том, к чему относится само понятие «ценность», оно используется различными авторами в разных, иногда взаимоисключающих смыслах.

Когда-то И.Кант определил ценности как предельные нормативные основания актов сознания или поведения людей. В учении Ф.Ницше мы сталкиваемся с теорией Сверхчеловека. Ценности, по его мнению, носят субъективный характер. У М.Хайдеггера ценность становится чем-то вроде инстинкта, основанного на «психологическом подсчете», оценке. Согласно Н.А.-Бердяеву, ценности обладают бытийно-объективной сущностью и объяснить их рационально невозможно. Среди сторонников позитивизма распространено понимание ценностей как объектов внешней действительности, приобретающих то или иное значение для субъекта.

В психологии также существуют различные понимания. Например, по Г. Оллпорту, ценности – это некий личностный смысл. А. Маслоу выстраивает иерархию ценностей, по его мне-

нию, предпочтение бытийных ценностей опирается на предварительную реализацию низших, более насущных ценностей. В работах отечественных психологов тоже не сложилось однозначного понимания проблемы. Однако, несмотря на многообразие мнений, практически все авторы, рассматривающие вопрос ценностей, сходятся на том, что ценности являются, прежде всего, регулятором человеческой деятельности, но различным образом: как нормы, как идеалы, как критерии выбора и оценки нравственных действий (М.И. Бобнева, Д.А. Леонтьев, Р.Х.Шакуров, В.А. Ядов и др.).

В данной работе мы опираемся на понимание сущности ценностей и их структуры, предложенное Б.С.Алишевым в рамках системно-функционального подхода. По его мнению, следует выделять фундаментальные ценности, которые являются отраженными в психике и сознании человека функциональными связями между субъектом и объективным миром, имеющими конкретную модальность, обусловленную их содержанием [1, с.242]. В его концепции отмечается также, что фундаментальные ценности (такие, как добро, свобода, справедливость, любовь, семья, благополучие, власть и др.) имеют разную приоритетность для отдельных людей и по-разному трактуются ими в содержательном плане, но в любом случае они настолько глубоко укоренены в их психике, что зачастую перестают ими осознаваться.

Поэтому ценностные приоритеты и ценностные представления личности вступают во взаимодействие со всеми другими элементами структуры личности и оказывают влияние на формирование ее устойчивых психологических свойств. С другой стороны, эти свойства, как известно, формируются под влиянием врожденных особенностей нервной системы человека, а потому и его индивидуальные ценности испытывают обратное влияние развивающихся психологических свойств. Так возникает связь между ценностями и психологическими свойствами личности, суть которой состоит в том, что образуются комплексы свойств и ценностей, внутри которых те и другие взаимно обуславливают друг друга.

В психологии, начиная с Р.Б.Кеттелла, активно изучается структура психологических свойств личности. Исследований в этой области выполнено огромное количество, в том числе и у нас в стране. Среди последних можно, например, отметить серию масштабных исследований А.Г.Шмелева [5] в рамках концепции «большой пятерки» (big five). Также активно проводятся, но уже в основном социальными психологами исследования структуры ценностей личности и различных социальных групп [2; 3; 4]. В то же время мало изучен вопрос о связи ценностей личности с ее психологическими свойствами.

Это и обусловило наш интерес к данной проблеме. В нашем исследовании принимали участие 354 студента высших учебных заведений г. Казани. Для изучения структуры ценностей личности была использована методика, разработанная и предложенная Б.С.Алишевым, для изучения психологических свойств личности использовался многофакторный опросник 16 PF Р.Б.Кеттелла.

При работе с методикой изучения ценностей респондентам предлагалось четыре блока ценностей по 7 ценностей в каждом. В методике они объединялись в пары по принципу - каждая с каждой по одному разу внутри каждого блока отдельно. От испытуемых требовалось указывать, что они считают наиболее важным в данном сочетании. При подведении итогов определялось количество выборов каждой из ценностей данного блока. А полученные индексы считались показателями их приоритетности. Это позволило определить для каждого опрошенного отдельно структуру его ценностных предпочтений по всем четырем блокам ценностей.

Полученные данные по 2 двум методикам сопоставлялись путем сравнения на основе двух группировок: 1) группировки по структуре ценностей и б) группировки по индивидуально-психологическим свойствам. При таком сопоставлении проводился качественный и статистический анализ. Анализ данных проводился на основе t-критерия Стьюдента, показывающего статистическую достоверность различий средних арифметических. Кроме того, ряды, составленные из показателей личностных характеристик каждого респондента, коррелировались с рядами индексов приоритетности различных ценностей и выявлялась зависимость ценностей и личностных особенностей студентов. Наиболее интересные результаты были получены при использовании корреляционного анализа. На них мы и остановимся.

Однако, прежде чем приступить к их описанию дадим полный перечень изучавшихся ценностей, представленных в использованной нами методике (поскольку тест Р.Б.Кеттелла давно и хорошо известен нет необходимости в описании его шкал). Итак, первый блок (основное ценностное отношение) включал в себя следующие ценности: *сохранение среды обитания*, *жизнь человека, экономический и научно-технический прогресс человечества, культурный и нравственный прогресс человечества*, *мощь и процветание родины*, *благополучие близких людей, личное благополучие*. Второй блок (первичные функциональные ценности) образован ценностями: *польза, истина, красота, мощь (сила), справедливость, свобода, добро.* В третий блок (ценности – сферы жизнедеятельности) входили: *здоровье, семья, любовь, дружба, работа, отдых, общественная жизнь.* Наконец, четвертый блок (ценности – способы жизнедеятельности) включал в себя: *покой, материальное благополучие, гармонию отношений, статус, разнообразие жизни, саморазвитие, самоотдачу.*

В результате проведенного анализа выяснилось, что между степенью выраженности различных психологических свойств личности и мерой приоритетности для нее различных ценностей существуют множественные корреляционные связи (как положительные, так и отрицательные). Почти каждое личностное свойство имеет хотя бы одну-две статистически достоверные корреляционные связи с какими-либо ценностями, и наоборот. В силу этого мы приведем сначала только некоторые конкретные примеры обнаруженных корреляционных связей, а потом постараемся представить некоторые обобщенные выводы. Кроме того, мы возьмем в качестве основы для анализа не психологические свойства, а ценности.

Вот некоторые примеры по первому блоку ценностей. Выяснилось, что у студентов с повышенными индексами ценности «сохранение среды обитания» более выражены такие личностные особенности, как взвешенность поступков, соблюдение установленных правил, развитое мышление. Отрицательные корреляционные связи у них имеются с такими качествами, как недисциплинированность, не развитое мышление. Индексы ценности «жизнь и безопасность каждого человека» имеют только отрицательные корреляционные связи с такими качествами, как склонность к переменам, индивидуализм, недисциплинированность. Результаты, полученные по ценности «мое личное благополучие», обнаружили наличие связей с такими качествами, как недисциплинированность, неаккуратность, неразвитое мышление. Отрицательные корреляционные связи имеются по качествам консерватизм, развитое мышление.

Во втором блоке ценностей основные связи с психологическими свойствами таковы. С ценностью «польза» отрицательную корреляцию показало такое качество, как непрактичность. Ценность «истина» обнаруживает связь с таким качеством как выдержка. Индексы приоритетности ценности «мощь (сила)» отрицательно коррелируют с четыремя свойствами: экстраверсия, соблюдение установленных правил, эмоциональность, коллективизм. Ценность «справедливость» имеет положительную связь с таким качеством, как соблюдение установленных правил, и отрицательную с качествами: пассивность (подчинение), недисциплинированность, беспокойность.

По ценности «личное здоровье» наблюдаются только отрицательные корреляционные связи с таким личностным качеством, как спокойствие. Применительно к ценности «отдых» обнаружена положительная связь с качеством недисциплинированность и отрицательные связи с такими личностными свойствами, как аккуратность, соблюдение установленных правил, рациональность. По ценности «дружба» обнаружилась связь с такими особенностями, как коллективизм и спокойствие. Отрицательные связи с интроверсией. Ценность «общественная жизнь» коррелирует со шкалой «смелость».

Наибольшее количество связей с личностными свойствами прослеживается у ценности «покой». Она коррелирует с пассивностью, взвешенностью поступков, застенчивостью, покладистостью, тактичностью, неуверенностью, консерватизмом. Отрицательные связи у нее имеются с качествами смелость, руководство (инициативность), уверенность в себе и спокойствие. По ценности «материальное благополучие» получены только отрицательные связи по качествам экстраверсия, эмоциональность, неуверенность, коллективизм, соблюдение установленных правил. А ценность «гармония отношений» связана с наличием таких личностных

свойств, как экстраверсия, эмоциональность, непрактичность (мечтательность), неуверенность, коллективизм, развитое мышление. Для студентов с повышенными индексами ценности «разнообразие», характерно наличие таких личностных особенностей, как импульсивность действий, непрактичность. Отрицательные связи прослеживаются с такими свойствами личности, как эмоциональная неустойчивость, пассивность, взвешенность поступков, соблюдение установленных правил, практичность, неуверенность, аккуратность. Таковы некоторые конкретные данные, показывающие взаимосвязь психологических свойств личности и особенностей ее ценностных приоритетов. Отсюда можно сделать вывод о том, что ценности личности, несомненно, оказывают влияние на формирование психологических личностных свойств.

Теперь представим основные, обобщенные выводы. Исходя из анализа полученных данных, мы выявили следующее:

- студентам, для которых высокое значение имеют такие ценности как «жизнь и безопасность каждого человека» и «гармония отношений» присуща экстравертивная направленность;
- студенты, в структуре ценностей которых наблюдаются повышенные индексы ценностей «сохранение среды обитания», «покой» проявляется тенденцию к взвешенности поступков;
- студенты с такими ценностными приоритетами, как «сохранение среды обитания», «развитие нравственности и культуры», «справедливость», склонны к соблюдению установленных правил (и, наоборот, у студентов с повышенными значениями индексов ценностей «мощь», «отдых», «экономический и технический прогресс» преобладает недисциплинированность);
- у студентов, для которых значимы ценности «любовь», «покой», «красота», «добро» более, чем у других выражена тактичность;
- студенты, в структуре ценностей которых более высокое положение занимают «покой» и «гармония отношений» обладают свойством неуверенности в себе;
- коллективизм присущ студентам с преобладанием таких ценностных приоритетов как «дружба», «гармония отношений», «самоотдача».

Как можно видеть, некоторые из полученных результатов носят вполне логичный характер и не требуют особых пояснений. Например, соотношение ценности «покой» и свойства «неуверенность в себе» может быть легко объяснено тем, что люди, испытывающие неуверенность, стремятся ограничить свои социальные взаимодействия и стараются избегать возникновения различных проблем. Они действительно могут стремиться к покою. С другой стороны, само такое стремление лишает человека значительной части возможного жизненного опыта, и, попадая, в различные ситуации (нестандартные, конкурентные и т.д.), он начинает чувствовать себя неуверенно.

Также нетрудно понять закономерность связей между ценностью «дружба» и коллективизмом, или между ценностью «гармония отношений» и экстраверсией. С другой стороны, наличие связей между той же ценностью и неуверенностью в себе требует более основательного анализа.

Мы рассматриваем полученные результаты, как предварительные. Проблема связей между ценностями и психологическими свойствами личности является сложной. Она требует дальнейшего углубленного анализа, как в эмпирическом плане (причем, не только в количественно-статистическом), так и в теоретическом. Несмотря на сложность, эвристический потенциал разработок в данной области, на наш взгляд, чрезвычайно велик особенно, если учитывать их значение для построения более развернутых моделей личности. На основе полученных данных мы предполагаем дальше рассматривать проблему в контексте того, как влияют ценности людей на направленность, мотивацию, намерения, личностные свойства, на процессы принятия решений.

Литература

1. Алишев Б.С. Психологическая теория ценности: системно-функциональный подход: дис… док. психол. наук. – Казань: ИСПО РАО, 2002. – С.58.

2. Кузнецова Ю.Н. Ценности и их роль в принятии решений // Казанский педагогический журнал. - 2014. - № 4 (105). - С. 156-161.

3. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Под ред. А.Л.Журавлева, Е.В.Шороховой. – М.: Институт психологии РАН, 1998.

4. Фаустова Э.Н. Жизненные ценности студентов в новых социокультурных условиях // Вестник Оренбургского государственного университета. – 1999. - № 3. С. 72 -77.

5. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002.

Проблематика конструирования будущего в философии

Михальский А.В.

Идеи философского направления конструктивизма, проблематика социального конструирования реальности, служат фундаментом для осмысления психологии конструирования будущего, и построения новых принципов практической психологии данного направления.
Ключевые слова: конструирование образа будущего, пространство будущего в философии, образ будущего, исследования, конструктивизм, проблематика.

Philosophical issues of constructing the future
Mikhalsky A.V.
Moscow state pedagogical university
Ideas of constructivism, issues of social construction of reality, serve as the foundation for understanding the psychology of the future constructing and of the new principles of practical psychology in this direction.
Keywords: design vision of the future, the future of space in philosophy, a way of the future, research, constructivism perspective.

В конце XIX - начале XX века ученые задумываются о том, что изучить мир, не учитывая самого познающего (субъект познания) и те условия, в которых действует познающий, невозможно. Ведущая роль идеи вселенной как «часового механизма» сменяется специальной и общей теорией относительности (Альберт Эйнштейн, 1905 и 1916 годы). Фактически, за очень короткий период, за первую четверть XX века, фундаментально перестраиваются все науки. Свершается третья глобальная научная революция. В понимании мира происходит переворот.

Истоки философского подхода к изучению психологии конструирования будущего прослеживаются в философии позитивизма, а более всего - в одной из его школ - в логическом позитивизме. Это философское направление было создано группой мыслителей, объединившихся в Вене в конце 1920-х годов (Венский кружок). Они, в частности, опирались на классические идеи Д. Юма (1711-1776) о том, что:

1) познание основывается на опыте, им начинается и заканчивается (эмпиризм);

2) мир представлен в сознании каждого человека - мы можем познать наше восприятие явлений, которые происходят вокруг нас, но сущность мира скрыта от нас. Человек не в силах ответить на такие вопросы как существование Бога, изучить, бессмертна ли душа (агностицизм) [6].

Идеи философского направления конструктивизма, проблематика социального конструирования реальности, заложенная Л.С. Выготским (1896-1934), безусловно, служат фундаментом для осмысления психологии конструирования будущего, и построения новых принципов практической психологии данного направления.

В 1931 году выходит знаменитая книга Л.С.Выготского «История развития высших психических функций» [1]. В ней, в частности, автор впервые излагает идеи философии соци-

ального конструктивизма, общий смысл которой заключается в следующих основных положениях:

1) Взаимодействие между людьми - неотъемлемый фактор успешного развития личности, так в обучении, зона ближайшего развития задается общением с тем, кто обладает большим опытом, знаниями, умениями.

2) Развитие высших психических функций - это, фактически, перенос вовнутрь (интериоризация) отношений между людьми, социальных отношений.

3) Знак - решающий фактор в развитии сознания и осознание мира зависит от сложности организации языковых значений, которыми оперирует человек.

4) Психика - это определенное «решето», через которое просеивается окружающая реальность. Оно искажает окружающую реальность, так, чтобы человек смог ориентироваться и начать действовать.

К ученым, фактически заложившим основы психологии конструирования будущего в современной науке, можно также отнести Альфреда Коржибского (1879-1950). По мнению Коржибского, наше познание ограничено двумя факторами: свойствами организма (нервной системы), и системой языка. Именно он сформулировал «золотые слова», ставшие одним из основных предпосылок НЛП (нейролингвистического программирования): «Карта не есть территория». Коржибский считает способность к абстрагированию одним из самых важных навыков личности, с помощью абстрагирования человек готовится к восприятию нового, созиданию будущего [6]. И вновь ключевым для развития личности признается умение выйти за рамки проблемы!

Джордж Келли (1905-1967) - философ и гениальный психолог, опередивший время. В эпоху неклассической философии, он предложил концепции, которые реализовались и распространились уже в эпохе следующей - постнеклассической. Дж. Келли в книге «Психология личности. Теория личностных конструктов» указывает основные идеи конструктивного альтернативизма (в данном случае - как философского направления):

- реальность - процесс познания, она интерпретируется каждым человеком постоянно и индивидуальным образом;

- интерпретация (происходит в процессе отражения-репрезентирования реальности) дает человеку возможность наилучшей адаптации к окружающей среде;

- успешные интерпретации (когнитивные модели) закрепляются, а неудачные (лишние) отбрасываются за ненадобностью;

- интерпретация реальности происходит с помощью специальных инструментов нашей психики - отдельных «шкал оценки» окружающей действительности, которые Келли называет персональными конструктами (например, других людей мы можем оценить по шкалам «умный-глупый», «счастливый-несчастный», «толстый-тонкий» и др.);

- конструкты работают взаимосвязанно в системе, таким образом достигается достаточно комплексная оценка ситуации (и, конечно, не всегда у нас есть наготове оформленные заранее конструкты, чтобы оценить сложные ситуации);

- активность (поведение) человека направляется по наилучшему варианту-модели, подсказанной сложившейся системой конструктов;

- взаимодействие людей - это взаимная подстройка их когнитивных систем [3].

Переходя от интеракционизма Дж. Мида к своей собственной теории, и принимая идеи взаимного раскрытия сигналов в коммуникации и предвосхищения ситуации общения через воображение, Келли идет дальше: он полагает, что любая интерпретация (понимание и объяснение человеком своей жизненной ситуации) вполне имеет право на существование, особенно если помогает человеку справиться с трудностями.

В середине XX века наука собирает достаточно богатый эмпирический материал и (как всегда в «период кризиса») необходимо появление новых теорий, объясняющих полученные данные. Структурализм - философское течение, которое бурно развивается с начала 1960-х годов на основе идей Фердинанда де Соссюра (1857-1913). Соссюр считает, что язык - это четкая структура, состоящая из знаков. Знак - единство означаемого (смысл понятия) и означающего (акустика слова). Использовать язык вне правил невозможно и бессмысленно и, таким образом, любая коммуникация построена на определенных языковых правилах и имеет определенную структуру. Яркие представители структурализма - антрополог Клод Леви-Строс,

философ Мишель Фуко, литературовед Ролан Барт и другие.

К середине XX века структурализм стал удобной теорией для преодоления описательности с одной стороны, и для упорядочения накопленных разными науками эмпирических фактов - с другой. Однако, безличная логика, порядок, целостность, слаженный ансамбль и органическое единство структурного подхода - слишком идеальная реальность, которая постоянно нарушается в такой неспокойной жизни XX века. И вот вновь перемены: приходится изучать сложнейшие системные процессы: экологические, биотехнологические, информационные, кибернетические.

В конце 1960-х годов возникает философское направление постструктурализма, который особенно популярен в 1970-1980-х годах. Мир есть текст, утверждает французский философ Жак Деррида. Очень важна для постструктурализма концепция «различения» («differance») выдвинутая им в одноименной работе 1967 года [2]. Различия - те самые индивидуальные авторские намерения, вложенные в текст - отличают авторский текст от всего остального. И эти различия могут появиться, только если происходит процесс различения. Принципы и методы, предложенные Деррида и в целом постструктурализмом, вошли в практику психотерапевтов, работающих с проблематикой конструирования будущего, получили широкое признание и развитие в философии и психологии.

Одним из центральных терминов постмодернистского анализа является термин «Нарратив». Нарратив - это авторский текст, сюжетно построенный, разворачивающийся во времени и пространстве, субъективное понимание тех или иных ситуаций, в нарратив вкладывается личностный смысл рассказчика, нарратив - скорее инструкция, переданный код для понимания. Подход нарративной деконструкции (деконструкция личной истории) является не только философской концепцией, но и самостоятельным подходом в психотерапии. В то же время, нарративный подход оставляет большой простор для конструирования новой истории, собственного будущего людей: реконструкция истории - конструирование будущего.

Синергетический подход неразрывно связан с философией постструктурализма и ее идеями. Какие изменения происходят в сложных открытых неравновесных системах? Как они развиваются, какие варианты их развития и какой возможный финал развития системы, каково ее будущее состояние? На эти вопросы призвана ответить синергетика. Термины синергетики: аттрактор, эквифинальность, теория хаоса, флуктуации, точка бифуркации применяются не только в современных точных естественных науках, но и в философии, литературном анализе, психотерапии, что вызывает как правило, отрицательную реакцию со стороны ученых, ориентированных на точные науки. Однако, по нашему мнению, терминология имеет право на применение для обозначения процессов и явлений из гуманитарных областей. Более того, есть уверенность, что в недалеком будущем мы сможем применить методы точных наук не только к некоторым изучаемым явлениям, как это происходит сейчас, но и к большинству из них. Терминология синергетики также используется и в нашем подходе к анализу конструирования будущего живыми системами.

Эрнст фон Глазерсфельд (1917-2010) в своей «заглавной» статье сборника вводит термин «радикальный конструктивизм», основная идея которого в том, что познание - всегда конструирование. То, что мы узнаем от мира и несем в мир - только лишь наша конструкция и ничего больше. «Когда бы мы ни пытались интерпретировать сказанное другими, либо отыскать логику их поступков, осмыслить увиденное и услышанное, мы делаем это при помощи элементов, которые входят в состав нашего опыта» [11]. Система конструктов порождается самим индивидом и не может ни соответствовать реальному миру, ни отражать его. Знание приобретается активно, а не пассивно, но это нужно лишь для того, чтобы адаптироваться к миру.

По мнению П. Вацлавика (1927 -2007), реальность строится в общении между людьми («коммуникативный конструктивизм»). Реальность - продукт человеческой коммуникации, соответственно, могут существовать ее различные варианты. Любое поведение (вербальное, невербальное) - это коммуникация. Вацлавик убежден в том, что если реальность индивида позволяет ему жить, успешно действовать без страданий и разочарований, то его реальность правильна и адекватна, вне зависимости, что мы о ней подумаем [12; 13].

Можно сказать, что радикальный конструктивизм придерживается точки зрения на чело-

века как на самоорганизующуюся систему, систему, которая может творить саму себя (аутопоэзис У. Матураны и Ф. Варелы), будучи включенной в организационно закрытую аутопоэзную сеть (живая система автономна - закрыта в плане самоорганизации, но открыта для обмена энергией и материей) [5; 10].

Ник Бостром задается вопросом: «Будут ли искусственные личности настоящими «людьми»? Будут ли они разумными независимо от уровня их вычислительных мощностей? Будут ли они наделены сознанием? Реальность - это то, с чем никто на самом деле не знаком» [9]. Стоит ли вообще расценивать человека как значимое существо во Вселенной, способен ли он преобразовать мир, нужна ли цивилизация, спрашивает современный нам философ Джон Зерзан... Возможно ли конструирование будущего самостоятельным человеком, или мы обусловлены нашим опытом, ограничены нашими способностями, кругом общения, контекстом? Нужен ли вообще мозг, является ли наличие нервной системы признаком разума – спрашивают У. Матурана и Ф. Варела – и отвечают – нет, даже простейшая включенность в процесс жизни, восприятие элементарных сенсорных стимулов – уже шаг к обучению, а значит, к совместному участию в жизненной системе мира, к созиданию и сознанию - совместному знанию. Однако, у людей есть своя уникальность – включенность в языковую среду, постоянное плетение будущей реальности через реальность языковую, ведь «тот мир, который каждый из нас видит, не есть определенный мир, но некий мир, который мы созидаем вместе с другими» [10].

Каковы временные структуры, в которых лежит будущее общества, задается вопросом Никлас Луман, известный философ и социолог второй половины XX века [4]. Юрген Хабермас проясняет роль коммуникации в конструировании жизненного мира – как общий мир является ресурсом интерпретаций, организованного языкового запаса, допущений, которые «воспроизводятся в виде культурной традиции».

Таким образом, в поисках ответов на извечные вопросы продолжается неизбежное развитие философской мысли, и все снова и снова подходим мы к необходимости изучения не только умозрительных и теоретических, но и практических психологических основ конструирования совместной реальности, личного и социального будущего.

Литература

1. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
2. Деррида Ж. Письмо и различие. - М., 2007.
3. Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. - СПб., 2000.
4. Луман Н. Введение в системную теорию. - М., 2007.
5. Людевиг К. Системная терапия. - М., 2004.
6. Михальский А.В. Психология конструирования будущего. М.: МПГУ, 2014. -289 с.
7. Фейгенберг И.М. Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга // Вопр. психол.- 1963. - № 2. - С. 15 - 24.
8. Ширяев Д.А. Психофизиологические механизмы вероятностного прогнозирования. - Рига, 1986.
9. Bostrom N. Are we living in a computer simulation? // The Philosophical Quarterly. - Vol. 53. - 2003. - P. 243 - 255.
10. Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. - Boston, 1980.
11. The Invented Reality: How do we know what we believe we know? (Contributions to constructivism) / Ed. Watzlawick P. - W.W. Norton, 1984.
12. Watzlawick P. How real is real? - W.W. Norton, 1977.
13. Watzlawick P., Weakland J., Fisch R., Erickson M. Change: Principles of problem formation and problem resolution. - W.W. Norton, 1974.

«Социальное» как поле межгосударственной интеграции (опыт Латинской Америки)

Пятаков А.Н.

Традиционно основой межгосударственной интеграции выступают преимущественно экономическая и политическая сфера. В статье на латиноамериканском фактическом материале автор попытался показать, что социальная сфера может служит базой для развития и стимулирования межгосударственных отношений. Рассмотрены основные тенденции в социальной политике государств региона и их опыт в развитии консолидированной социальной политике.
Ключевые слова: социальная политика, интеграция, Латинская Америка, межгосударственные отношения, бедность.

"Social sphere" as an inter-state integration area (Latin American experience)
Pyatakov A N.
Economic and political spheres traditionally act as a basis of interstate integration mainly. Analyzing actual material on Latin American region, the author tries to show that the social sphere can form the base for the development and stimulation of interstate relations. The main tendencies in social policy of the states of that region, and their experience in development towards the common social policy are considered.
Key words: social policy, integration, Latin America, interstate relations, poverty.

В большинстве стран Латинской Америки проблемы, связанные с бедностью, социальной незащищенностью и экономической поляризацией населения, являются актуальными и требующими конструктивных решений независимо от политической ориентации официальных властей тех или иных стран. Бедность – хроническая проблема для данного региона, несмотря на прикладываемые усилия со стороны государств. Так, в 2014 г. этим социальным недугом было охвачено 28% совокупного латиноамериканского населения, что составляет около 167 млн человек. В абсолютном выражении по сравнению с 2012 г. уровень бедности в регионе увеличился на пять миллионов[1].

«Бедность» – понятие или понятия?

Для адекватного разрешения проблемы необходимо четкое и ясное понимание сути и содержания проблемного объекта или явления. Парадоксально, но в научном сообществе пока нет консенсуса относительно однозначного концептуального определения и теоретического понимания феномена бедности. В некотором смысле этому препятствует многозначность самого понятия «бедность». Например, в испанском (как, кстати и в русском и во многих других) языке существует следующий синонимичный ряд: penuria (нужда), privacion (лишение), estrechez (скудность), dificultades (затруднение), mendicidad (нищенство), indigencia (нищета), falta de resursos (нехватка средств), наконец, miseria.

В современных исследованиях, проводящихся в рамках Организаций объединенных наций (ООН) и ЭКЛАК (Экономическая комиссия по Латинской Америке и Карибам) как подчиненной ООН организацией, распространен «двухуровневый» подход к анализу бедности. Исследователи из ЭКЛАК выделяют собственно «бедность» и так называемую «абсолютную бедность» или «нищету», которая определяется как

высшая или экстремальная форма бедности – pobreza extrema.

Бедность является глобальной проблемой, поэтому борьба с ней входит в повестку работу многих международных институтов, в том числе и ООН. В 2000 г. была принята «Декларация тысячелетия», в которой формулировались цели социального развития стран мира до 2015 г. Из восьми целей документа главной остается снижение уровня бедности на половину (принятая в ООН черта бедности - ежедневный доход менее чем 1,25 долл. США). Как показывают исследования, ни одна из стран Латинской Америки не достигла к 2015 г. поставленных ООН целей. Разные страны в той или иной степени лишь приблизились к установленным темпам снижения.

В латиноамериканской политологической и социологической литературе введено и активно используется в какой-то степени альтернативный понятию «бедность» термин «социальная исключенность» (exclusion) – широко и давно применяемый в Латинской Америке термин. Он был введен в середине 1970-х гг. во Франции, а в Латинской Америке стал использоваться в рамках «теологии освобождения», а впоследствии получил широкое распространение в общественных науках и политической идеологии. Он обозначает положение той части населения, жизнь которой даже при позитивной динамике макроэкономических показателей (росте производства, увеличении ВВП в целом и на душу населения) не улучшается, и в этом смысле данные социальные слои «исключены из развития».

Характерно, что данный термин не стоит в одном ряду с традиционными и привычными для экономического дискурса понятиями, характеризующими неблагоприятное социальное положение (бедность, нищета, безработица, недоедание, голод, безграмотность и т. д.), но является интегральным. В данном общественно-экономическом контексте все вышеперечисленные общественные недуги выступают как различные аспекты, проявления феномена социальной исключенности. Наиболее близкий к рассматриваемому понятию термин традиционной социологии – «маргинализация», также предполагающая и бедность, и безработицу, и недоедание, и низкий уровень образования и медицинской помощи. Испанский словарь по общественным наукам определяет исключенность как «процесс, посредством которого индивид или группа индивидов полностью или частично исключены из общества, в котором живут»[2]. В качестве альтернативы социальной исключенности рядом стран региона (Венесуэла, Бразилия, Боливия и др.) реализуется стратегия стимулирования противоположного процесса, а именно социальной вовлеченности (или включения - inclusion). В ее рамках государство делает упор на самоорганизацию гражданского общества, создаются территориальные и производственные объединения граждан, которые своими силами пытаются решить социальные проблемы. Государство лишь создает условия для такой самоорганизации. Например, довольно распространен в Венесуэле и Бразилии опыт, так называемого, «партисипативного бюджета» (бюджета участия), когда граждане сами участвуют в распределении средств своего муниципалитета. Однако в большинстве случаев обсуждение населением, куда направить наличные средства, носит не обязательный, а консультативный характер. В целом же, стоит отметить, что латиноамериканская трактовка бедности как социальной исключенности значительно обогащает данное понятие, не сводимое только к уровню материального потребления.

Национальные стратегии борьбы с бедностью

Прежде чем рассмотреть интеграционные формы решения социальных проблем, на наш взгляд, целесообразно окинуть исследовательским взором опыт, который практикуют государства региона «по отдельности». Наиболее распространенный подход к решению данного круга проблем – дотационный. Он направлен на быстрое снятие социальной напряженности и подразумевает экономическую помощь со стороны государства малоимущим слоям населения.

Как полагают аналитики из ЭКЛАК, главной целью дотаций является «универсализация социальных и экономических прав граждан, находящихся в дискриминационном материальном положении»[3]. С нашей точки зрения, говорить об универсализации можно лишь тогда, когда достигнут определенный минимум благополучия, достатка, потребления и т. д. Уровень же потребления большинства нуждающихся в дотациях лежит ниже пределов такого минимума. Иными словами, универсализировать или расширять можно то, что уже существует, здесь же речь идет о *создании* возможностей, а не об их

расширении. Дотации как максимум позволяют достичь данного уровня, об универсализации же речи не идет.

Формы реализации экономической помощи можно подразделить на две группы – это товарная (или натуральная) и финансовая помощь. Бесплатное товарное распределение среди бедного населения в целом слабо распространено в Латинской Америке. Последний пример – это запущенная в 2013 г. в Бразилии программа «Bolsa Celular», в рамках которой бесплатно раздаются малоимущим бразильцам сотовые телефоны эконом-класса, а также ежемесячно от государства пополняется мобильный счет в размере 7 реалов (4 доллара США). В Никарагуа с целью стимулирования частной инициативы в области сельского хозяйства государство снабжает крестьян и мелких фермеров семенами, скотом, домашней птицей, удобрениями и т. д.

Финансовую помощь можно подразделить на прямую и косвенную. Косвенное финансирование – это льготное кредитование покупки жилья, например, перуанская программа «Своя крыша» («Techo Propio», и продажа по низким ценам промышленных и продовольственных товаров, например, венесуэльская социальная миссия «Рынок» «Mercal». Прямое финансирование может быть краткосрочным - единовременные субсидии ad hoc и долгосрочным – социальные программы систематических денежных выплат. Ярким примером краткосрочной программы может служить одобренная правительством Чили инициатива оппозиции, реализованная в августе 2009 г., когда 4 миллионам чилийцев, пострадавшим от экономического кризиса, были выплачены денежные пособия. Наиболее распространена в регионе практика регулярных денежных пособий.

Практически в каждом государстве региона реализуется собственная программа, рассчитанная на оказание материальной помощи малоимущим слоям населения. В Парагвае она носит название «Текопора» (Tekoporr), ею охвачено около 550 тыс. человек; в Колумбии – «Семьи в действии» («Familias en Acciyn»), в Чили – «Солидарное Чили», в Перу – «Вместе» («Juntos») и другие. Остановимся на некоторых их них.

Мексика стала первой страной региона, где была запущена целенаправленная дотационная программа, ориентированная на поддержку малоимущих. Это – программа «Новые возможности» («Oportunidades»), действующая с 1997 г., субсидирует по данным на 2010 г. 5,8 млн семей[4]. В январе 2015 г. она была переименована и получила не лишённое иронии и явно популистское название «Процветай» («Prospera»), но сути своей не изменила. Главная причина инициирования программы – монетизация льгот и приватизация в сфере образования, в результате чего был значительно ограничен доступ к среднему образованию малоимущих слоев. Большую часть выплат в рамках «Новых возможностей» составляют дотации, предназначенные для оплаты обучения в средней школе.

В Бразилии с октября 2003 г. с учетом мексиканского опыта[5] проводится программа «Bolsa Famnlia» («Семейная корзина»). Размер субсидий зависит от количества детей в семье, выплаты проводятся при том условии, что деньги будут потрачены на школьное образование и вакцинацию. В противном случае семьи-реципиены лишаются помощи.

В Эквадоре – проводится две программы - «Боны человеческого развития» (БЧР) и «Боны на жилье», которые выплачиваются ежемесячно примерно 1,6 млн граждан. В отличие от Бразилии БЧР выплачиваются на безусловной основе. Материальная помощь беднейшим слоям осуществляется по программе БЧР, стоимость которых в 2007 г. была увеличена вдвое (с 15 до 30 долл.)[6], что привело к повышению доходов 20% беднейших слоев на 30%. На улучшение материального положения малоимущих нацелена и программа «Боны на жилье». Участвовать в ней имеют право те, у кого нет жилья в собственности и чьи ежемесячные доходы не превышают 510 долл. на семью горожан и 360 долл. - на семью сельских жителей. Размер выплат был увеличен вдвое (с 1800 до 3600 долл.). Кроме того, были введены субсидии на улучшение жилищных условий (1000 долл. для сельских семей и 1500 для городских). Выплаты по бонам и субсидиям поглощали 71,6% расходов правительства на социальные цели.

В Боливии проводится четыре дотационных программы, охватывающие престарелых (пенсия «Dignidad»), школьников (боны «Juancito Pinto»), домохозяек и тех работников госсектора, чьи зарплаты не индексировались с учетом инфляции в последние годы. Правительство Э. Моралеса, следуя примеру Венесуэлы, ставит целью перераспределить доходы, получаемые от экспорта нефти и газа и направить часть средств на реализацию социальных программ.

В частности оной из первых мер в этом направлении стала пенсионная программа «Пенсия достоинства». Правительство поставило цель обеспечить всех выходящих на пенсию минимальным пенсионным обеспечением.

В Доминиканской Республике в социальной сфере был запущен ряд программ, ориентированных главным образом на лиц с низкими доходами. Особенно выделяется программа «Солидарность», стартовавшая в 2005 г. и направленная на оказание экономической помощи малоимущим семьям, которым ежемесячно выплачивается от 20 до 40 долл. В условиях дефицита внутренних средств государство для этих целей прибегает к внешнему финансированию, регулярно получая кредиты от Межамериканского банка развития (BID).

Эффективность дотационных мер в целом очень низка. Так, в среднем по Латинской Америке эти программы охватывают лишь 12% нуждающихся в помощи семей. По данным на 2008 г. реципиентами данных программ были 22 млн. семей из 17 стран региона, при этом бо́льшая часть приходилась на Бразилию и Мексику – 12 и 5 млн соответственно. В среднем по региону объем финансирования подобных программ составляет всего 0,25% от ВВП (самый высокий уровень зафиксирован в Эквадоре – 0,84% ВВП, самый низкий в трех странах – Парагвае, Никарагуа и Сальвадоре – 0,04% ВВП)[7]. Но это не означает, что все данные средства доходят до бедных. Дело в том, что, как отмечают исследователи из ЭКЛАК, около половины выделенных из госбюджетов средств идет на обеспечение функционирования данных программ (процедура выплаты, контроль, мониторинг социальной ситуации и др.). В результате выделяемые скудные средства становятся еще меньше, если учитывать финансирование инфраструктуры программ. Думается, что в общем и целом, данные программы выполняют не столько социальные, сколько политические функции, являются своего рода PR акциями властей, призванных создать благоприятный имидж государства в глазах электората, значительную часть которого составляют именно малоимущие слои.

Интеграционные попытки решения социальных проблем

В латиноамериканском регионе немногие интеграционные объединения ставят во главу угла проблему бедности. В первую очередь это блок «Боливарианская альтернатива для Америки» (ALBA)[8] и Союз южноамериканских наций (UNASUR), объединяющий двенадцать государств Южного конуса. В рамках UNASUR действует Совет по социальному развитию, созданный 10 августа 2009 г. по инициативе Эквадора. В компетенцию совета входит координация национальных социальных программ с целью повышения эффективности социальной политики в регионе. Это направление сотрудничества получило название горизонтальной кооперации. Его основная форма деятельности – обеспечение информационной инфраструктуры, направленной на координацию усилий правительств в решении социальных проблем и позволяющей более оперативно обмениваться накопленным опытом. В рамках реализации этих направлений в 2010 г. была создана специальная организация – Региональная социальная обсерватория – которая занимается мониторингом общественного и человеческого развития в странах UNASUR. Она функционирует и обеспечивает социальный мониторинг региона и по сей день.

Но самым интересным в социальном плане, безусловно, является опыт интеграции в рамках ALBA. Социальное развитие в рамках боливарианской интеграции рассматривается не просто в ряду других направлений развития – политических и экономических, – но как, во-первых, приоритетное, и во-вторых, выступающее в качестве цели и тем самым подчиняющее все остальные. Так, в основополагающем документе ALBA – Совместной декларации о создании этого блока, подписанной Венесуэлой и Кубой 14 декабря 2004 г., – подчеркивается, что «в центре внимания ALBA находится борьба с бедностью и социальной исключенностью»[9]. Социальная направленность отражена и в формальной структуре объединения. Так, в его организационной «архитектуре» есть два органа, отвечающих за межгосударственную социальную политику: совет по социальной политике, куда входят национальные министры по социальным вопросам (министры образования, труда, социального развития и обеспечения) и Совет социальных движений ALBA (ССД), функционирующий в режиме гражданского участия.

В компетенцию Совета по социальным программам (или Социальный совет) входит реализация социально-экономических проектов в сфере образования, здравоохранения и культуры, планирование и реализация социально-экономи-

ческих программ. Ему подчинены две инстанции: рабочая группа по образованию, занятости, культуре и спорту, а также комитет по делам женщин. Отдельно стоит сказать о втором. Он был создан в феврале 2010 г. и получил официальное название «Женский министерский комитет по вопросам равенства возможностей». Инициатива принадлежала Боливии, и это не случайно в свете процесса феминизации высокой политики Латинской Америки. В сформированном в январе 2010 г. кабинете министров Боливии из 20 постов половину занимали женщины. Большинство из них курировали вопросы социального круга: здравоохранение, занятость, социальное планирование, труд и т. д.

Стратегической задачей Социального совета является интернационализация венесуэльских социальных миссий, распространение опыта социальной политики на другие государства ALBA. С 2009 г. реализуется план развертывания международных социальных миссий с целью придания большей целостности и охвата социальной составляющей ALBA. В функции Социального совета входит: формировать общую социальную политику в ALBA, продвигать реализацию и оценивать эффективность блоковых социальных проектов, включая социальные миссии.

Особо стоит сказать Совете социальных движений (ССД). Дело в том, что одним из направлений критики ALBA до создания ССД было указание на минимальную роль гражданских институтов (парламентских структур, неправительственных организаций и общественных движений) в политической жизни альянса. Учитывая такое положение дел, были приложены усилия по созданию ССД, который как бы компенсировал «перекос» организационной структуры в сторону исполнительной власти.

Рассмотрим более подробно ССД, поскольку он стал одним из имиджевых институтов ALBA, показывающих социальную ориентированность альянса. Среди других интеграционных блоков подобный институт – уникальное образование, хотя и там существуют инстанции, призванные отвечать за социальные вопросы и регулировать социальную политику.

ССД существовал с момента оформления институциональной структуры в 2007 году. В первые два года его активность в реализации социальной политики блока, что на самом деле по замыслу должно было составлять его непосредственную функцию, была минимальной и заключалась в основном в организации различных форумов альтерглобалисткого толка. Несмотря на столь высокий заявленный статус ССД, информации о его конкретной работе и составе в новостном потоке и на официальных веб-сайтах было, да и остается очень мало. Складывалось впечатление, что он был создан только для имитации участия гражданского общества в принятии решений.

ССД ALBA представляет собой очень неопределенное и во многом парадоксальное образование. Он не имеет четкой и иерархической структуры, это, скорее, сеть общественных организаций. Вероятно, это обусловлено тем, что он строится на свойственном альтерглобалистскому движению сетевому принципу: максимальная размытость и организационная гибкость без иерархии. Известно, что существуют национальные филиалы (так называемые, «главы» - capitulo) ССД, состоящие из местных более или менее крупных социальных движений, поддерживающих принципы и дух ALBA. Помимо государств альянса подобные структуры существуют во многих странах региона: Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае и др. По замыслу он должен был стать каналом влияния различных общественных групп и низовых гражданских структур на политические процессы в блоке. В него входят различные крестьянские, индейские, профсоюзные и др. организации, причем не только стран-членов ALBA, но и государств, не входящих в орбиту боливарийской интеграции. Согласно положению о ССД, любая организация, входящая в состав этого органа, автоматически становится членом ALBA. Такой уникальный механизм гражданского участия в интеграции не свойственен ни одному в мире межгосударственному объединению. Вероятно, он призван способствовать расширению социальной базы ALBA в регионе. На примере ССД можно видеть стремление властей политизировать социальную составляющую интеграции. Проводниками и рапространителями болвиарианской культуры в других странах являются «Культурные дома ALBA», функционирующие во многих государствах Латинской Америки.

Рассмотрим вкратце и проведем типологию видов социальной политики внутри Боливарианского альянса. По степени самостоятельности в проведении социальной политики страны-члены ALBA можно разделить на две группы. В первой - Боливии, Никарагуа, Эквадоре, Доминике и других карибских странах – часть социально-эко-

номических программ реализуется на основе венесуэльского финансирования и кубинского материально-технического и «человеческого» содействия в области образования и медицины, а часть – с опорой на собственные силы. Социальная политика этих стран представляет собой не столько систему, сколько совокупность мер в социальной сфере, темпы и глубина осуществления которых зависят от внутренней политической и экономической конъюнктуры.

В другую группу входят политические лидеры ALBA – Венесуэла и Куба. Их социальная политика представляет собой сложную многоуровневую систему мер в социальной сфере. При этом бо́льшая часть медицинских программ Венесуэлы проводится кубинскими специалистами. Поэтому в плане обеспеченности человеческими и техническими ресурсами социальная политика Венесуэлы носит «подчиненный» характер по отношению к Кубе, но возможности Кубы в свою очередь зависят от экономической и, прежде всего, нефтяной поддержки Венесуэлы.

Подход Кубы и Венесуэлы к социальной политике можно охарактеризовать как системный. Он предполагает структурные преобразования экономики, вследствие которых создаются новые рабочие места, повышается средний уровень жизни и т. д. В XXI веке наиболее яркая попытка проведения системных социальных реформ в Латинской Америке была предпринята в Венесуэле в форме так называемых социальных миссий.

Термин «миссия», с нашей точки зрения, выбран далеко не случайно. Семантически он многоаспектен, и каждое из его смысловых значений по-своему связывает сегодняшнюю социальную практику с определенной историко-культурной традицией, наполняя последнюю новым содержанием.

С политологической точки зрения, термин «миссия» употребляется в международном контексте для обозначения одной из форм внешнеполитической или внешнеэкономической деятельности государства. Например, говорят о дипломатической, торговой миссии, то есть о представительстве и деятельности одного государства в другом. Применение термина с такой внешнеполитической коннотацией к явлению внутриполитического порядка весьма инновационно и символично, но, с нашей точки зрения, оправдано. За годы неолиберализма в общественном сознании страны сложилось ощущение отчужденности государства от общества. Социальные миссии Венесуэлы, призванные преодолеть эту пропасть, являются своего рода миссиями государства в обществе. Тем самым власть стремится показать гражданскому обществу, что не чуждо ему, но, напротив, служит его благу и интересам.

В этическом контексте термин «миссия» принято употреблять в значении «миссия доброй воли». И здесь это значение органично сочетается с первым – международным. Обозначением социальных программ термином «миссия» венесуэльские власти как бы хотят показать, что это – миссии доброй воли, не преследующие корыстных интересов.

В религиозном аспекте венесуэльские социальные миссии являют собой своеобразное продолжение традиции миссионерства, особенно актуализировавшейся в рамках «теологии освобождения», популярной несколько десятилетий назад в Латинской Америке. Кстати, в начале XXI века эта концепция снова вошла в политический и теологический дискурс. Особенно часто тематика и дух «теологии освобождении» звучали в выступлениях У. Чавеса, проблематика «теологии освобождения» обсуждается на международных социальных форумах и конференциях, а с избранием на ватиканский престол Папы Франциска усиливается ее влияние в католической церкви[10]. С данной точки зрения, «миссии» Венесуэлы, ориентированные на социально исключенные, беднейшие слои – жителей городских барриос и сельской глубинки, – можно рассматривать как оригинальную форму практического воплощения основного принципа теологии освобождения. Речь идет о «выборе в пользу бедных» («opcion por los pobres»), который рассматривался многими теологами и философами как главный в латиноамериканском общественном сознании.

Наконец, термин «социальные миссии» косвенно указывает на кубинский опыт в проведении социальных программ, и в частности на имеющие мировую известность интернациональные медицинские миссии Кубы. Эта связь становится особенно очевидной, если принять во внимание тот факт, что среди персонала медицинских и образовательных социальных миссий Венесуэлы 70-80% составляют кубинские специалисты.

Главной целью миссий была и остается борьба с бедностью. Представляется, что венесуэльский подход более адекватен проблеме, нежели популярная ныне в регионе практика денеж-

ных субсидий бедным семьям. Социальные миссии можно определить как государственные проекты, направленные на решение неотложных социальных проблем с целью повышения уровня человеческого развития.

Миссии охватывают практически все секторы социальной сферы. Первые шесть, провозглашенные У. Чавесом в октябре 2003 г., стартовали в сложнейшей ситуации после затяжной забастовки нефтяной отрасли, лишившей страну 24% ВВП (для сравнения, США за время Великой депрессии потеряли 29% ВВП)[11]. К концу 2014 г. проводилось уже 37 миссий[12]. В период правления У. Чавеса (1999-2013) было введено в действие 28, остальные – уже в президентство нынешнего главы государства Н. Мадуро.

Пять образовательных миссий – Робинзон-I, Робинзон-II, Рибас, Сукре и Альма Матер – охватывают все уровни образования: от ликбеза до высшего университетского образования. Шесть медицинских миссий – Внутрь квартала-I, -II, -III, -IV, «Чудо» и «Улыбка» – направлены на решение таких задач, как обеспечение первичного медобслуживания, создание институциональной и технической инфраструктуры здравоохранения в целом, а также решение конкретных медицинских задач в области офтальмологии и стоматологии. Миссии «Повернитесь лицом» (Vuelvan Caras), «Че Гевара» и «Самора» обеспечивают занятость населения путем создания кооперативов мелких и средних предприятий, в том числе и в сельской местности. Миссия «Меркаль» ориентирована на продуктовое обеспечение населения. Юридические миссии «Идентичность» и «Справедливость» - на обеспечение гражданского правового поля. Миссия «Гуайкаипуро»[13] имеет целью обеспечение зафиксированных в Конституции гражданских прав индейских народов (в 2295 общинах живет 33 автохтонных народности – более полумиллиона человек).

Ведущими тенденциями в общеблоковой социальной политике ALBA являются, во-первых, процесс интернационализации социальных миссий, во-вторых, создание совместных (так называемых, крупнонациональных) предприятий в социальной сфере.

Социальные миссии постепенно обретают многонациональный характер. Более или менее интернационализированы (т.е. действуют в той или иной форме и степени за пределами Венесуэлы) шесть: «Внутрь квартала», «Робинзон», «Наука», «Культура» (научные и культурные проекты), «Идентичность», миссия им. Хосе Грегорио Эрнандеса (помощь недееспособным и инвалидам). Хронологически первые миссии «Внутрь квартала» и «Робинзон», запущенные в 2003 г., были интернациональными уже с момента возникновения, поскольку в них с самого начала принимали участие кубинские специалисты.

Своеобразным образцом в плане интернационализации социальных программ, безусловно, является всемирно известная офтальмологическая миссия «Чудо» (Misiyn Milagro). Эта самая масштабная международная кубинско-венесуэльская миссия солидарности началась 10 июля 2004 г. Название миссии, вероятно, происходит от названия комплекса специализированных здравниц, где лечат детей Чернобыля, – Город Чудес (Сьюдад-Милагрос), на базе которого создана первая клиника для лечения латиноамериканцев с болезнями глаз.

Первоначально миссия «Чудо» была двусторонней, однако через полтора года – 5 декабря 2005 г. – она начала действовать за пределами двух государств. «Чудо» была интернационализирована быстрее всех остальных миссий. В настоящее время ее представители работают не только в странах ALBA, но и в большинстве государств Латинской Америки (Сальвадоре, Гватемале, Перу, Коста-Рике, Колумбии, Чили, Парагвае, Доминиканской Республике, Мексике, Аргентине, Бразилии, Пуэрто-Рико, Уругвае – государства расположены в порядке убывания количества пациентов, охваченных миссией). В Европе миссия «Чудо» охватила Португалию и Италию.

Первые интенции распространить опыт кубино-венесуэльского сотрудничества (помимо миссии «Чудо») в другие страны ALBA появились на рубеже 2006-2007 гг. Тогда же – после присоединения к ALBA Боливии – было предложено начать проведение этой миссии в андской стране, однако что-то помешало планам, и инициатива не реализована до сих пор. В марте 2006 г. группа венесуэльских учителей выехала в Боливию с целью ликбеза не только на испанском, но и на индейских языках кечуа, аймара и гуарани, положив начало Международной миссии «Робинзон».

Для иллюстрации процесса интернационализации миссий можно привести следующие примеры. В рамках миссии «Идентичность» в Боливии при венесуэльском содействии была проведена программа под названием «Существуешь ты – существует Боливия», направленная на регистрацию индейского населения, а

также выдача удостоверений личности[14]. В рамках ALBA планируется проведение миссии «Идентичность» в региональном масштабе, что предполагает введение единого паспорта «Наша Америка». Это должно способствовать борьбе против нарушений прав мигрантов.

В 2010 г. Эквадор принял решение провести реформу здравоохранения по венесуэльскому образцу. В частности, ведется модернизация системы первичного медицинского обслуживания с использованием опыта миссии «Внутрь квартала»[15]. На протяжении нескольких лет в ALBA функционирует «Misiyn Robinson Internacional» - международный вариант миссии «Робинзон».

Мы рассмотрели наиболее яркие примеры проведения общей социальной политики в рамках Боливарианского альянса. Социальная проблематика не уходит из повестки дня данного интеграционного объединения, вступившего в 2015 году во второе десятилетие своего существования. В какой степени накопленный опыт окажется полезен для других стран региона – покажет время.

***

По всей видимости, социальные проблемы, с которыми сталкивается латиноамериканский регион в начале XXI века не могут быть разрешены в сугубо национальном масштабе и требуют консолидации межгосударственных усилий. Некоторые страны регионы, как было показано, приходят к осознанию этого императива и стремятся к выработке кумулятивной интегрированной социальной политики. Бесспорным остается одно – проблема бедности многомерна и требует комплексного подхода. Международный подход к этой проблеме, продемонстрированный некоторыми странами Латинской Америки является выражением комплексности стоящей перед этими странами проблемы.

Литература

1 http://www.portafolio.co/internacional/pobreza-america-latina-segun-cepal-enero-2015

2Diccionario de Acciyn Humanitaria y Cooperaciyn al Desarrollo (1995) – http://www.dicc.hegoa.ehu.es/listar/mostrar/96

3 CEPAL, Panorama social de Amйrica Latina 2009.

4 Источник – официальный сайт программы – www.oportunidades.gob.mx.

5 Любопытно, что используя мексиканский опыт программы «Новые возможности» власти Нью-Йорка (США) также инициировали схожую программу – «Opportunity NYC». Она была рассчитана на два года, ее бюджет составлял 53 млн долл. Спонстором программы стал «Фонд Рокфеллера».

6 Боны представляют собой ежемесячные денежные субсидии. В 2007 г. программа охватила 1269,71млн. эквадорцев, в 2008 г. – 1304,6 миллионов (81% - домохозяек, 17,7% - людей старше 65 лет и 1,3% - недееспособных).

7 Panorama social de Amйrica Latina 2009. Capнtulo II. P. 37.

8 В декабре 2014 г. исполнилось десять лет с момента основания Боливарианского альянса для народов нашей Америки (ALBA), объединяющего двенадцать государств региона: семь карибских государства (Куба, Антигуа и Барбуда, Гранада, Доминика, Санта Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Сан-Кристобаль и Невис), четыре южноамериканских (Венесуэла, Боливия, Эквадор, Суринам) и одно центральноамериканское (Никарагуа). Территория альянса составляет 2,6 млн км^2, население – 79,7 млн человек, суммарный ВВП – 715 млрд долл. (соответственно 11,12 и 9% от Латинской Америки в целом). Совокупные валютные резервы достигают 45 млрд долл., а нефтяные запасы (главным образом Венесуэлы и Эквадора) – 177 млрд баррелей.

9 Совместная декларация о создании ALBA, подписанная Венесуэлой и Кубой. См. в Интернете на русском языке. Режим доступа: http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/2004/rus/d141204r.html .

10 Подробнее см.: Т.Б.Коваль. Новый Свет Папы Франциска, Латинская Америка, № 7, 2013.

11 Bernardo Alvarez Herrera «Como ha ayudado Chavez a los pobres» // Foreign Affairs Latinoamerica, Vol. 87, Num. 4, 2008. – p. 194.

12 Полный список миссий доступен по следующей ссылке: http://www.informeonline.com/2013/09/09/lista-completa-y-actualizada-de-misiones-y-grandes-misiones-en-venezuela/

13 Гуайкаипуро – вождь индейцев нынешней Венесуэлы, оказавших упорное сопротивление конкистадорам в середине XVI в.

14 Источник: http://www.gobiernoenlinea.ve/miscelaneas/misiones.html#

15 Agencia Bolivariana de Noticias 25/01/10 «Barrio Adentro serб modelo para reformar Sistema de Salud en Ecuador

Содержательный анализ социальных услуг семье

Андрусяк Н.Ю., Олейник Е.В., Супрун Н.Г.

Статья посвящена анализу Национального стандарта РФ «Социальное обслуживание населения: социальные услуги семье». В работе изучаются стандарты 2007 и 2013 гг., рассматриваются отличия и сходство содержания социально-педагогических услуг семье.
Ключевые слова: семья, государственная семейная политика, социально-педагогические услуги, национальный стандарт.

A content analysis of social services to family
Andrusyak N.Yu., Oleynik E.V., Suprun N.G.,
Nosov Magnitogorsk state technical university
This article is devoted to analysis of the national standards «Social services of the population. Social services to family». In this article we study the standards in 2007 and 2013, discusses the differences and similarities of containing socio-educational services to family.
Keywords: family, state family policy, socio-pedagogical services, the national standard.

Современная российская семья испытывает множество проблем, которые изучаются учеными в области философии, социологии, демографии, политологии, экономики, психологии, педагогики и т.п. Результаты научных исследований определяют круг социальных проблем семьи, включающий материально-финансовые, жилищно-бытовые, медицинские, проблемы образования, воспитания детей и др. При этом в решении возникающих проблем многие семьи рассчитывают на помощь государства, что подтверждается и данными социологических исследований [1].

Прежде чем перейти к рассмотрению национального стандарта РФ по социальному обслуживанию населения, обратимся к содержанию государственной семейной политики, являющейся составной частью социальной политики Российской Федерации и представляющей собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышение качества жизни семьи.

Главными направлениями государственной семейной политики, согласно Указа президента РФ «Об основных направлениях государственной семейной политики», являются [4]:

– обеспечение условий для преодоления негативных тенденций и стабилизации материального положения российских семей, уменьшения бедности и увеличения помощи нетрудоспособным членам семьи;

– обеспечение работникам, имеющим детей, благоприятных условий для сочетания тру-

довой деятельности с выполнением семейных обязанностей;

– кардинальное улучшение охраны здоровья семьи;

– усиление помощи семье в воспитании детей.

Анализируя этот документ, в контексте нашего исследования, особое внимание обращают на себя меры по усилению помощи семье со стороны государства в воспитании детей, к ним относятся:

– государственная финансовая поддержка издания массовым тиражом и распространения книг по воспитанию ребенка и уходу за ним, по проблемам семейных отношений;

– распространение специальной литературы для семьи среди молодежи, молодых родителей, комплектования ею массовых библиотек;

– запрет на изготовление, распространение и рекламирование печатных изданий, изображений, видеокассет или иных изделий, пропагандирующих порнографию, культ насилия или жестокости;

– государственная координация и финансовая поддержка нравственного, этического и экологического просвещения населения и введения программ такого просвещения для детей и молодежи в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях;

– формирование и укрепление комиссий по защите прав несовершеннолетних;

– создание системы специализированных социальных служб для безнадзорных детей и подростков (подкинутых; утративших семейные, родственные и другие социальные связи; отказавшихся жить в семье или в учебно-воспитательных учреждениях; оставшихся без попечения родителей или лиц, их заменяющих; не имеющих постоянного места жительства, средств к существованию; задержанных за бродяжничество; подвергшихся любым формам физического или психического насилия);

– совершенствование деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, органов образования и здравоохранения по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что одним из главных субъектов реализации государственной семейной политики по осуществлению помощи семье в воспитании детей являются учреждения социального обслуживания, к которым относятся: центры социальной помощи семье и детям, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социально-реабилитационные центры для детей с ограниченными возможностями, социальные приюты и др. Деятельность этих учреждений направлена на предоставление социальных услуг, содержание которых определяют национальные стандарты, разработанные федеральным государственным унитарным предприятием «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия». В настоящее время в области социального обслуживания реализуется ряд национальных стандартов, в том числе и национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье» ГОСТ Р 52885-2013 [3] (взамен ГОСТ Р 52885-2007 [2]), дата введения 1 января 2015 г.

При изучении данного стандарта мы установили, что социально-педагогические услуги семьям предоставляются в следующих формах: услуги, направленные на обеспечение безопасности семей и прочие социально-педагогические услуги. Так к услугам, направленным на обеспечение безопасности семей, относятся:

– организация работы групп дневного пребывания детей;

– создание обществ, клубов взаимопомощи жителей на территориях, обслуживаемых конкретными учреждениями социального обслуживания;

– социально-педагогическое консультирование по вопросам преодоления семейных конфликтов, ранней профориентацией детей и их трудоустройства, по методике семейного воспитания;

– педагогическая помощь семьям с педагогической несостоятельностью родителей: педагогическая коррекция неадекватных форм поведения родителей и их установок при воспитании детей, помощь родителям в вопросах преодоления педагогической запущенности или педагогических ошибок;

– организация досуга (экскурсий, встреч с деятелями литературы и искусства, посещение выставок, театров; концерты художественной самодеятельности, праздники, юбилеи, игры,

клубная и кружковая работа, другие культурные мероприятия);

– оказание педагогической помощи семьям, имеющим детей с ограниченными умственными и физическими возможностями, в воспитании, обучении и профессиональной подготовке с учетом их психического и физического состояния, обучение родителей основам реабилитации таких детей в домашних условиях, организация их внешкольного образования (при необходимости) и налаживания учебного процесса;

– содействие семьям, оказавшимся в экстремальной ситуации (пострадавшим от стихийных бедствий или приравненных к ним событий), семьям беженцев и вынужденных переселенцев в адаптации детей к сложившейся ситуации, их социально-педагогической реабилитации, оказание родителям педагогической помощи в воспитании детей, содействие в устройстве детей в школу иди другое учебное заведение;

– обучение навыкам семейной жизни (навыкам построения адекватных отношений в семье и навыкам позитивного разрешения конфликтов) молодых семей и семей с несовершеннолетними супругами;

– оказание педагогической помощи родителям в семьях, имеющих на попечении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в воспитании приемных детей с учетом их физического и психологического состояния, характера и наклонностей.

Вместе с тем, прочими социально-педагогическими услугами, являются:

– социально-педагогический патронаж;

– организация и проведение игротерапии детей.

Анализ национальных стандартов двух поколений показал, что особенностями действующего документа является сокращение спектра социально-педагогических услуг семье. А именно, стандарт 2007 г. включал ряд социально-педагогических услуг семье, которые отсутствуют в стандарте 2013 г., среди них:

– организация выступлений работников социальной службы в средствах массовой информации по актуальным социально-педагогическим проблемам;

– распространение и популяризация среди населения педагогических знаний;

Также стандарт 2007 г. содержал дополнительные социально-педагогические услуги семьям отдельных групп в зависимости от особенностей их социального положения (чего нет в стандарте 2013 г.). Это социально-педагогические услуги семьям:

– имеющим на попечении детей-сирот и детей, оставшихся на попечении родителей (оказание педагогической помощи родителям в воспитании приемных детей, преодоления их педагогической запущенности; социально-педагогическое консультирование по вопросам, касающимся особенностей индивидуального развития приемных детей);

– имеющим детей с ограниченными умственными и физическими возможностями (подготовка и проведение мероприятий по организации досуга детей вместе с родителями);

– оказавшимся в экстремальной ситуации (привлечение к участию в семейных и детских праздниках, соревнованиях и конкурса, клубной и кружковой работе);

– молодым семьям и семьям с несовершеннолетними супругами (оказание педагогической помощи в создании в семье атмосферы взаимопонимания и взаимоуважения, благоприятного микроклимата; содействие в преодолении возникающих конфликтов, нарушений семейных и супружеских отношений).

Следует отметить, что выявленные различия не говорят об отсутствии этих направлений работы в рамках социально-педагогических услуг семье в содержании нового стандарта. Вместе с тем, они явно представлены в обобщенном виде и не разграничивают отдельные группы семей, в частности, в организации досуга детей. Кроме того, в национальном стандарте 2007 г. социально-педагогические услуги семье представлены явно детализировано и структурировано с учетом типов семей и их проблем.

Резюмируя сказанное можно сделать вывод о том, что действующий национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье» ГОСТ Р 52885-2013 в части социально-педагогических услуг семье отличается от своего предшественника тем, что перечень социально-педагогических услуг представлен в обобщенном виде, отсутствует описание услуг по конкретной категории семей. Это, на наш взгляд, объясняется в том числе и тем, что в целом в стандарте уделено особое внима-

ние социальным услугам направленным на обеспечение экономической устойчивости семей, их социальной безопасности, заключающейся в осуществлении необходимых превентивных мер по их защите от нежелательных жизненных факторов, определяемых как трудная жизненная ситуация, характеризуемая возможными бедностью, бездомностью, безработицей членов семей и др.

Литература

1. Мустаева Ф.А. Социальные проблемы современной семьи // Социологические исследования. – № 7. – 2009. – С. 109-113.

2. Национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения Социальные услуги семье» ГОСТ Р 52885-2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsegost.com/Catalog/44/44106.shtml.

3. Национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье» ГОСТ Р 52885-2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/1200107238.

4. Указ президента РФ от 14.05.96 N 712 (ред. от 05.10.2002) «Об основных направлениях государственной семейной политики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakonbase.ru/content/base/7042/.

References:

1. Mustaeva F. A. Social problems of the modern family // Socio-logical studies. – No. 7. – 2009. – P. 109-113.

2. National standard of the Russian Federation «Social services are Social services family» GOST R 52885-2007 [Electronic resource]. – Mode of access: http://vsegost.com/Catalog/44/44106.shtml.

3. National standard of the Russian Federation «Social service of the population. Social services family,» GOST R 52885-2013 [Electronic resource]. – Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/1200107238.

4. The decree of the President of the Russian Federation of 14.05.96 N 712 (edited on 05.10.2002) «On main directions of state family policy» [Electronic resource]. – Access mode: http://zakonbase.ru/content/base/7042/

Технологии социальной работы с гражданами пожилого возраста

Бабаев С.С., Новиков Р.А.

Автором статьи проводится исследование инновационных форм социального обслуживания пожилых людей. Автором отмечено, что максимальное приближение социальных услуг маломобильным группам, к числу которых относятся граждане пожилого возраста, позволяет обеспечить выездное социальное обслуживание.
Ключевые слова: социальное обслуживание, инновационные формы, специалист, социальные услуги, выездное обслуживание, методы обслуживания, пожилые люди, социальная защита.

Technologies of social work with the elderly
Babayev S.S., Novikov R.A
Russian state social University Branch in Dedovsk Moscow region
The author of the article conducts the study of innovative forms of social services for elderly people. The author observed that the maximum approximation of social services to low-mobility groups, including the elderly, allows us to provide outreach social services.
Keywords: social services, innovative forms, specialist, social services, catering service, service methods, older people, social protection.

Социальная работа - одно из функциональных выражений социально-политической и социально-правовой ответственности государства и общества перед населением. Такая ответственность имеет исторические корни в различных актах социального характера. Так в XV-XVIII вв. в России формируется система общественно-государственного призрения. При Петре I появились Приказы общественного призрения, в ведении которых находились народные школы, сиротские дома, госпитали, больницы, богадельни.

Общества прошли долгий путь развития, прежде чем законодательно закрепили основы социальной политики и социальной работы. На развитие социального законодательства повлиял ряд факторов. 1. Последствия многочисленных войн XIX и XX вв. с их массовыми жертвами, приводившие к осознанию необходимости государственных компенсационных механизмов. 2. Вызов социализма, пытавшегося впервые обеспечить для всех гарантированные права на труд, бесплатное образование и медицинское обслуживание, предоставление жилья, помощь из общественных фондов потребления, гарантии прав женщин и детей. 3. Правление социал-демократических и христианскодемократических партий в странах Скандинавии, Австрии, Франции, Италии, ФРГ, Испании. 4. Рост социальных рисков (экологических, миграционных, телесных, духовных, производственных и др.), с одной стороны, активность профсоюзов, гражданских инициатив, с другой, ведущие к законодательному закреплению новых социальных гарантий.

Так в становлении института социальной работы определяющую роль сыграли государственно-правовые основы (законодательные, исполнительные, судебные, контрольные). Социальная работа стала важнейшим механизмом

комплексного макро-института - социального государства. В мире утвердились социальные государства нескольких типов: социалистическое патерналистское государство с редистрибутивным (перераспределительным) обеспечением благ «сверху» («максимальное социальное государство»); социальное правовое государство («государство всеобщего благоденствия») в Европе с различием на «северную» и «южную» («средиземноморскую») модели; «минимальное» социальное государство в США, где при минимизации государственной помощи, но развитой судебной системе развивались механизмы социальной защиты.

Законодательство государств в Европе было более последовательно в создании условий для охраны труда и здоровья людей, поддержки семьи, материнства, детства, инвалидов и пожилых, безработных, мигрантов. Развивались системы социальных служб, создававшие «щадящую» среду для «социально слабых» слоев, вовлекающие их в жизнь общества. В конституциях (1947), ФРГ (1949), Франции (1958), Испании (1978) социальный характер государства закреплялся как цель постоянного развития. Общества приближались к этой цели, особенно в скандинавских государствах и ФРГ. Но выявились слабости государства всеобщего благоденствия, в частности, снижение мотивации к производительному труду, ослабление конкурентоспособности экономики.

Государственно-правовые основы включают в себя ценности и институты (международного права, государственного права, договоры, правовые обычаи), а также механизмы их реализации (государственные и муниципальные учреждения). Россия утвердила в ст. 7 Конституции положение о социальном государстве. Правовые ценности отражены также в статьях Конституции о правах: на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, защиту от безработицы, отдых, охрану здоровья и медицинскую помощь, оказываемую бесплатно в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, социальное обеспечение, государственную защиту семьи, детства, материнства, отцовства. Конституционное закрепление этих прав придает им статус основных и расширяет условия формирования государственно-правовых основ социальной работы. Государство взяло на себя публично-правовые обязательства в отношении своих граждан.

При этом необходимо отметить, что особенностью современной демографической ситуации в мире является тенденция увеличения продолжительности жизни и рост доли населения старше трудоспособного возраста. В связи с этим в обществе весьма актуальной является проблема оказания социальной помощи, поддержки пожилым людям. Эту проблему можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны - это приводит к повышению общего количества потребления социальных услуг, с другой - у пожилых людей появляется потребность в качественно новых услугах. В современном мире у граждан пожилого возраста происходит постепенная переориентация от простого доживания к активному включению в общественную жизнь. Пожилые люди отдают предпочтение формам и методам социального обслуживания, позволяющим развивать физическое здоровье, интеллектуальные способности, поддерживать психо-эмоциональное и духовное состояние в равновесии. В этих условиях традиционные формы обслуживания пожилых людей становятся недостаточными. Созданию условий для качественных социальных изменений служат инновационные социальные технологии.

Широкое распространение в России в последнее время получили инновационные формы социального обслуживания пожилых людей такие, как социальный туризм, хосписы на дому, новые формы выездного и надомного обслуживания, участковая социальная служба, приемная семья для пожилого человека, оккупациональная терапия и другие.

Сегодня инновации прочно вошли в деятельность учреждений системы социального обслуживания. Учреждения, предоставляющие услуги пожилым гражданам, активно внедряют инновационные технологии, которые в настоящее время являются приоритетными. Среди них выездные и надомные формы социального обслуживания, социальная реабилитация граждан пожилого возраста и инвалидов по путевочному принципу, приемная семья для граждан пожилого возраста, социальная реабилитация граждан пожилого возраста в стационарном учреждении.

В рамках инновационной деятельности учреждения системы социальной защиты предос-

тавляют широкий спектр услуг посредством применения новых форм и методов обслуживания пожилых людей.

Например, в большинстве социальных учреждений гражданам пожилого возраста предоставляется возможность пройти курс социальной реабилитации по путевочному принципу. В рамках данной технологии предусматривается временное пребывание (от 14 до 21 дня согласно путевке) граждан пожилого возраста, способных к самообслуживанию, с сохраненным интеллектом, нуждающихся в оздоровлении, социальной реабилитации и адаптации, не имеющих установленных медицинских противопоказаний к приему в стационарные учреждения социального обслуживания. Для успешной реабилитации в учреждении созданы все условия. Обустроены комфортабельные спальные помещения, уютная столовая, кабинеты для принятия различных медицинских процедур, зал для досуговых мероприятий. В течение всего периода пребывания отдыхающие находятся в благоприятной, непринужденной обстановке, получают необходимое медицинское, социально-бытовое обслуживание, психологические консультации, участвуют в различных досуговых мероприятиях.

В целях социальной реабилитации граждан пожилого возраста учреждениями системы социальной защиты широко используются «комната оккупациональной терапии», «сенсорная комната», «кабинет Биологической обратной связи» (кабинет БОС). В настоящее время специалисты учреждений системы социальной защиты владеют методиками оказания помощи клиентам в условиях указанных кабинетов. Оборудованная специальными техническими средствами «комната оккупациональной терапии» позволяет людям с ограничениями здоровья овладеть навыками самообслуживания в быту с учетом характера заболевания. Укреплению и развитию психоэмоциональной сферы пожилого человека способствует «сенсорная комната». С помощью оборудования, которое воздействует на органы зрения, слуха, обоняния, осязания и вестибулярные рецепторы, создается искусственная окружающая среда, позволяющая клиенту почувствовать себя в приятной, спокойной и безопасной обстановке. Метод биологической обратной связи является эффективным средством оздоровления, позволяющим человеку увидеть и услышать работу органов и систем организма, целенаправленно корректировать их деятельность с помощью сигналов биологической обратной связи.

Все эти методы работы с пожилыми людьми позволяют включать механизмы саморегуляции и целенаправленно использовать огромные функциональные возможности организма. Создание специфической окружающей среды в условиях учреждений социального обслуживания позволяет оптимизировать реабилитационный процесс. Пожилые люди успешно справляются с проблемами социальной и социально-бытовой адаптации, посттравматическими болями, эмоциональным и мышечным напряжением.

Ни для кого не секрет, что помимо поддержания и развития физического здоровья, огромную роль играет социально-культурная реабилитация. Среди технологий социально-культурной реабилитации пожилых людей можно отметить арт-терапию. Арт-терапия - метод лечения посредством художественного творчества, направленного на преодоление или компенсацию определенного дефекта. Она и диагностирует состояние человека и лечит, и приносит глубокое позитивное «ощущение себя». А все потому, что арт-терапия удовлетворяет самую главную фундаментальную потребность человека - потребность в самоактуализации. Техники арт- терапии применяются при достаточно широком спектре проблем. Это могут быть психологические травмы, потери, кризисные состояния, внутри- и межличностные конфликты, постстрессовые, невротические и психосоматические расстройства, экзистенциальные и возрастные кризисы.

Современная арт-терапия насчитывает большое количество видов методик: библиотерапию, маскотерапию, сказкотерапию, оригами, драматерапию, музыкотерапию, цветотерапию, видеотерапию, песочную терапию, игротерапию и т.д. Некоторые учреждения системы социальной защиты используют элементы театротерапии, посредством которых клиенты социального учреждения получают возможность самовыражения и самопознания. В результате реализации данного метода реабилитации устраняется апатия и безынициативность, у участников наблюдается стойкая ремиссия. Дополнительный заряд позитивных эмоций и артистам, и

зрителям приносят спектакли, представляемые на суд зрителей каждое полугодие. Арт- терапия апеллирует к внутренним, самоисцеляющим ресурсам человека, тесно связанным с его творческими возможностями, дает социально приемлемый выход агрессивности и другим негативным чувствам.

Высоким реабилитационным потенциалом обладают выездные и надомные формы обслуживания пожилых граждан. Эти формы обслуживания дают возможность гражданам пожилого возраста проживать в привычных домашних условиях и, вместе с тем, позволяют пользоваться им качественными социальными услугами.

Надомные формы социального обслуживания представлены широким спектром услуг в рамках индивидуальных программ оказания помощи клиентам: паллиативная помощь (элементы хосписа на дому), санаторий на дому, служба домашнего визитирования. Паллиативная помощь - оказание социально-медицинской и психологической помощи пациентам (и членам их семей) с активными проявлениями прогрессирующих заболеваний в терминальных стадиях развития с неблагоприятным прогнозом для жизни. Специалистами учреждения создаются условия по ликвидации и уменьшению болевого синдрома и страха смерти при максимально возможном сохранении сознания и интеллектуальных способностей. Обеспечение психологического комфорта осуществляется на основе принципа индивидуального подхода к каждому больному с учетом его состояния, духовных, религиозных и социальных нужд.

Особенность оздоровительной программы «Санаторий на дому» состоит в том, что при небольших финансовых затратах подопечный получает широкий спектр услуг социально-медицинского характера, которые направлены на укрепление здоровья, повышение эмоционального тонуса обслуживаемого. Данная форма обслуживания включает в себя комплекс реабилитационных мероприятий, направленных на лечение и профилактику различных заболеваний. Особо востребована эта программа у пожилых граждан, не имеющих возможности по различным причинам получить курс оздоровления в санаториях, профилакториях, а также у лиц, поступающих в учреждение на период отпусков родственников. В течение 10 дней пожилые люди находятся под наблюдением медиков, социальных работников, работников культуры.

При решении проблем одиноких старых людей социально-бытового характера, самообслуживания, культурно-досуговой деятельности важную роль играет «Служба домашнего визитирования». Задачами «Службы домашнего визитирования» определены организация клубной работы («Умелые руки», «Воспоминания», «Любители литературы», «Фотодело»), встреч с бывшими сослуживцами, поздравлений со знаменательными датами, реализация комплекса оздоровительных мероприятий, направленных на профилактику заболеваний пожилых людей, решение самых обычных бытовых и гигиенических вопросов. В результате граждане пожилого возраста имеют возможность получить моральное удовлетворение и ощущение собственной полезности, укрепить психологическое и соматическое здоровье в условиях своего дома.

Учреждениями системы социальной защиты предлагается форма обслуживания пожилых граждан - «Гимнастика на дому». Содержание физкультурно-оздоровительного комплекса предполагает индивидуальные программы занятий гигиенической гимнастикой, разработанной специалистом по ЛФК учреждения. Занятия физическими упражнениями - одно из направлений гериатрической реабилитации. Важной функцией гимнастики является профилактика хронических заболеваний, преждевременного старения организма. В результате, благодаря ежедневным 25-30 минутным упражнениям, пожилой человек не только сохраняет здоровье, но и создает условия для активного существования. В данном случае физические упражнения рассматриваются как действия, в которых проявляется единство физической и психической деятельности.

Максимальное приближение социальных услуг маломобильным группам, к числу которых относятся граждане пожилого возраста, позволяет обеспечить выездное социальное обслуживание. Выездное социальное обслуживание - это социальное обслуживание, осуществляемое специалистом (группой специалистов) учреждения за пределами постоянного места предоставления социальных услуг. В рамках выездного социального обслуживания реа-

лизуются следующие формы: мобильная социальная служба и служба социальных помощников, социальное такси, мобильная группа срочного реагирования и другие. Основной задачей выездного социального обслуживания является оперативное оказание в кратчайшие сроки экстренных, разовых социальных услуг пожилым гражданам и инвалидам, остронуждающимся в них в силу преклонного возраста и состояния здоровья.

Кроме того, в настоящее время учреждениями системы социальной защиты реализуется такая форма жизнеустройства, как «Приемная семья для пожилого человека». Целью организации приемных семей является повышение качества жизни пожилых граждан и инвалидов, укрепление традиций взаимопомощи, профилактику социального одиночества. Пожилой человек входит в приемную семью с намерением преодолеть одиночество, получить необходимый уход, сохранить ощущение полезности для окружающих. На другом полюсе находится семья, готовая принять пожилого человека и обеспечить ему требуемую поддержку и уход на договорных началах, обеспечить социальную защищенность. Создание приемных семей позволяет решать ряд социальных проблем, с которыми сталкиваются граждане пожилого возраста: поддерживать традиции семейной заботы о старшем поколении, налаживать связи поколений, поднимать статус пожилых людей в семье и обществе в целом. В результате реализации данной формы жизнеустройства пожилые люди проживают в комфортных условиях, окруженные домашним теплом и заботой.

Анализ деятельности учреждений системы социальной защиты показал, что инновационные формы и методы обслуживания граждан пожилого возраста внедряются повсеместно, позволяют не только учесть индивидуальную нуждаемость пожилых граждан, но и расширить спектр предоставляемых услуг за счет привлечения к деятельности учреждений социального обслуживания некоммерческих и общественных организаций.

В целом, все рассмотренные технологии направлены на активизацию пожилых граждан, включение их в общественную жизнь, преодоление их отчужденности и замкнутости. То есть, инновационная деятельность учреждений системы социальной защиты способствует успешной социализации пожилых людей, сохранению активного образа жизни, а также реализации их интеллектуального потенциала.

Литература

1. Акмалова, А.А., Капицын, В.М. Предыстория и история социального правового государства. Социальное и пенсионное право. 2008. № 1.

2. Васильчиков, В.М. Правовое обеспечение социальной работы. Учебное пособие для студентов вузов: рекомендовано УМО по образованию... по специальности «Социальная работа». Москва: Академия, 2009.

3. Орлов, И.Б., Сулакшин, С.С., Колесник, И.Ю., Виллисов, М.В. Государство социального гуманизма - от теории к практике. Москва: Научный эксперт, 2008.

4. Социальный контракт - новая форма оказания государственной адресной социальной помощи населению в субъектах Российской Федерации. Аналитический вестник Совета Федерации. 2010. Июль. № 8 (394).

5. Терещенко, Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные. Журнал российского права. 2004. № 10.

6. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. Под ред. П.Д. Павленка. Москва: Дашков и К, 2008.

Динамика социальной структуры современного Китая

Ежова П.С.

В статье анализируются трансформации социальной структуры китайского общества, происходящие под влиянием экономических изменений, начиная с реформ 1980-х годов. В ходе исследования автор опирается на марксистский подход к пониманию классов, классовой борьбы и общественно-экономических формаций. Рассматривается три главных периода трансформации современной структуры китайского общества: 1980е гг., когда в социалистическое китайское общества были внесены элементы капитализма; 1990е гг., когда капиталистические элементы приобретали большее влияние на процессы в обществе; 2000е гг., характеризующиеся усложнением связей между элементами социальной структуры.
Ключевые слова: Китайё классовая структура, классы, социальная структура, китайское общество, классовая структура современного китайского общества, динамика социальной структуры, классовая борьба, противоречия китайского общества

The dynamics of social structure of modern China
Yezhova P.S.
This report presents a vision to China's social structure transformation during 1980s-2000s. The author uses Marxist paradigm to interpret this transformation so social changes are viewed as a result of economic changes. The author considers three periods of economic reforms in China: 1980s when the main changes had been started, the 1990s when the capitalism firmed and 2000s when the networks between classes are complicating.
Key words: China, Chinese society, social structure, classes, class structure, social structure of modern China, dynamics of social structure, class struggle, antagonisms of China's society

Сегодня Китайская Народная республика становится первой по величине экономикой мира: в 2014 году ВВП Китая по паритету покупательной способности на 200 млрд. долл. превысил ВВП США[1]. Китай ныне является крупнейшим экспортером и производителем мира, одной из ведущих космических, авиационных и морских держав, лидером в строительстве высокоскоростных железных дорог[2]. Экономическое развитие Китая за последние 30 лет стало уникальным историческим явлением: Китай смог успешно соединить то, что казалось несоединимым – социализм и капитализм. Экономические изменения в Китае не могли не отразиться на самом китайском обществе, в том числе на его структуре.

В рамках данного исследования автор опирается на марксистский подход к пониманию классов, классовой борьбы и общественно-экономических формаций. Основой социальной структуры китайского общества, таким образом, признается разделение общества на классы.

История Китая в XIX-XXI вв. с точки зрения теории общественно-экономических формаций представляется следующими этапами: феодальное общество – до Первой опиумной войны (1839–1842); период полуфеодального, полукапиталистического общества – до 1949 г.; период классического социализма – с 1949 по 1979 гг.; период рыночного социализма – с 1979 по настоящее время. Последний период можно подразделить на два подпериода[3]: период становления рынка с 1979 по 1990 гг. и период созревания капитализма с 1990 г.

Период классического социализма в Китае устраняет базис феодальной социальной структуры, существовавшей на протяжении многих веков, – частную собственность на землю, а затем и частную собственность вообще[4], – тем самым, закладываются предпосылки к формированию социальной структуры Китая после реформ 1979 г.

С 1978 г. в Китайской Народной Республике начинают проводиться реформы, направленные на развитие старых производительных сил и создание новых. С этого времени в Китае начинает интенсивно развиваться капиталистический сектор, происходит либерализация экономики, возникают тесные экономические связи с мировой капиталистической системой. Доминирование социалистического сектора, к которому относится и общественная собственность, при этом сохраняется. Частная собственность подчиняется посредством большого количества косвенных макроэкономических рычагов общественной. Таким образом, в Китае возникает тесное переплетение капиталистических и социалистических отношений. Формируется многоукладная экономика: в деревне собственность становится только коллективной, а в городах – частной, коллективной или общественной.

Период с 1979 по 1990 гг. включил в себя самые основные и самые значительные изменения социальной структуры китайского общества, заложив тенденции, продолжающиеся и до настоящего времени. Наряду с сохранением социальных групп, характерных для периода классического социализма: крестьяне, рабочие и интеллигенция, – возникает класс крупных частных собственников, а также промежуточные классы.

Аграрные реформы 1980-х годов отменили народную коммуну и заменили ее семейным подрядом при сохранении коллективной собственности на землю. Семейный подряд дал примерно 800 млн. *крестьян* право на свободное сельскохозяйственное производство, право быть собственниками продукции, но не собственниками земли[5]. Одновременно в деревнях по инициативе крестьян начинают создаваться волостно-поселковые предприятия, находящиеся в коллективной собственности. Некоторые крестьяне, работавшие на волостно-поселковых предприятиях, продолжали работать и на земле (как правило, помогая другим членам своей семьи). Так формируется промежуточный класс китайского общества – *пролетаризирующиеся крестьяне* – крестьяне, работающие и на производстве, и на земле (с доминированием работы на производстве). К началу 1990-х годов в сельских районах начинают открываться производства иностранных транснациональных корпораций, на которых также работают крестьяне, продолжающие трудовую деятельность и на земле. Ослабление жестких ранее рамок системы регистрации[6], давшее крестьянам возможность работать в городе не меняя прописки, привело к активной миграции сельских жителей в город и появлению такого промежуточного класса как *рабочие-мигранты* (migrant peasant workers)[7].

Усиленное внимание в течение первого десятилетия реформ к развитию деревни привело к значительному уменьшению отставания развития деревни от развития города и снижению противоречия между городом и деревней: к 1984 г. производство зерновых культур выросло в 1,24 раза по сравнению с 1978 г., хлопка – в 2,64 раза, мяса – в 1,6 раза[8].

Дифференциация доходов сельского и городского населения к концу 1980-х гг. составляли отношение 1 : 1,6[9].

Однако с первых год реформ начинают нарастать и темпы урбанизации и индустриализации: если за предыдущие 15 лет (1966-1980 гг.) городское население увеличилось всего на 61- млн. чел., то за первые 7 лет реформ (1979-1986 гг.) городское население увеличилось уже на 265 млн. чел.[10]

Численность городских рабочих с 1978 до 1989 гг. возросла на 1/3, составив 22,3 млн. чел. или 18,4% от всего занятого населения[11]. Сам класс *рабочих* перестает быть однородным по формам организации труда: рабочие стали работать на предприятиях государственной, коллективной и частной форм собственности. Развитие сферы услуг и банковской сферы делало класс рабочих все более различными по характеру труда – физическому и нефизическому.

Частная собственность в первые годы реформ только начинает свое становление. Высокая безработица породила стремительный рост малых и средних частных предприятий: с 1981 по 1988 гг. количество индивидуальных предпринимателей увеличилось в 10 раз с 2 275 до 23 049 [12], а доля индивидуальных предпринимателей в общей массе трудящихся города с 1982 по 1988 гг. поднялась с 0,2 до 4,6%[13]. К настоящему моменту мелкие и средние предприятия составляют около 90% всех предприятий КНР и производят до 60% ее ВВП. Так сформировался еще один промежуточный класс современного китайского общества – *мелкие собственники*. Класс мелких собственников не является однородным. Мелкие собственники от-

личаются по направлениям деятельности (сфера торговли, услуг и связи или сфера производства) и ее масштабам (наличие или отсутствие наемных рабочих).

Главной характеристикой отнесения к классу *крупных частных собственников* (private class) является факт эксплуатации рабочей силы. К крупным частным собственниками будут относится не только непосредственные владельцы предприятий, но и те, кто берет подобные предприятия в аренду – так называемые «красные капиталисты». В первое десятилетие реформ класс крупных частных собственников только зарождался и не был ключевым актором общественных процессов. В то же время доход частных собственников уже к 1990-му г. превышал доход обычных рабочих более чем в 6-8 раз.

Дальнейшая трансформация социальной структуры китайского общества (1990—2000е гг.)

В 1990-е гг. происходит созревание капитализма и проникновение его во все социальные институты. Тенденции и процессы 90-х гг. XX века переходят и на 2000-е года, поэтому оба десятилетия китайских реформ правомерно рассматривать в едином целом.

При движении от 1990-х к 2000-м годам класс крупных частных собственников становится все более развитым и разнородным как по достатку, так и по национальной принадлежности. С начала 1990-х гг. на территории Китая начинают открываться производства иностранных транснациональных корпораций, в свою очередь, китайские компании (особенно в области высоких технологий и банковской сферы) начинают выходить на международный рынок, открывая свои представительства за рубежом. За 1990-е гг. китайская крупная частная собственность становится транснациональной, а сами китайские капиталисты становятся фракцией глобального капиталистического класса[14]. В 2004 г. в мире был только один долларовый китайский миллиардер, к 2008 г. их стало 48, к 2010 г. – 64[15].

Через крупную транснациональную иностранную частную собственность в экономику Китая начинают проникать новые идеи и технологии, обуславливая существование в инновационной системе Китая двух субъектов – государственных и частных. После 1990 г. на территории Китая начинают открываться исследовательские центры иностранных транснациональных компаний, в свою очередь, китайские транснациональные компании открывают свои исследовательские центры на территории иностранных государств. Таким образом, китайская *интеллигенция* начинает обслуживать не только общественные, но и частные интересы, а также активно взаимодействует с международной интеллигенцией.

Ключевым фактором, сдерживающим развитие капитализма и эксплуатации классов в Китае, остается государственная собственность, концентрирующая в своих руках ключевые ресурсы экономики и, тем самым, сохраняющая мощный рычаг давления на частную собственность. Становящийся в начале 1990-х гг. капиталистический рынок сделал функционирование крупных государственных предприятий неэффективным: две трети из 120 тыс. наиболее значимых государственных предприятий к середине 90-х годов являлись убыточными[16]. Реорганизация госпредприятий оказала существенное влияние на состояние класса рабочих. В первую очередь, изменение системы управления персоналом госпредприятий усилило эксплуатацию рабочего класса: пожизненный найм был заменен контрактным принципом работы, увеличилась интенсивность труда и наказания за нарушение трудовой дисциплины, ранее бесплатные социальные услуги – получение жилья, медицинское облуживание, образование и т.д. – были заменены долевым участием. Оптимизация затрат на персонал предполагала масштабные увольнения сотрудников. Для недопущения роста безработицы, при этом, правительство Китая применяло различные схемы трудоустройства, в т.ч. временные увольнения и временные отстранения от работы, формируя промежуточные социальные группы рабочих – *временно уволенных* (laid-off workers) и *отстраненных от работы рабочих* (off-duty workers), формально числящихся трудящимися, но по факту, принудительно исключенными из общественного производства. Капиталистический принцип управления предприятием предполагает формирование прослойки менеджеров как своеобразного буфера эксплуатации. Менеджеры являются частью рабочего класса, однако испытывают иллюзию приобщения к классу капиталистов, что свидетельствует, с одной стороны, о разрыве единого классового сознания проле-

тариата, а с другой стороны, отражает увеличение эксплуатации рабочего класса.

С начала 1990-х годов разница в развитии деревни и города вновь начала возрастать, что было обусловлено высокими темпами индустриализации и урбанизации. Облик самой деревни под влиянием данных процессов также претерпел существенные изменения. Территориальный рост городов обусловил необходимость отчуждения сельскохозяйственных земель в пользу города, породив такую промежуточную социальную группу как обезземеленные крестьяне – *безработные безземельные крестьяне*. Урбанизация самой деревни (переселение сельских жителей в дома городского типа), создав предпосылку для снятия неантагонистического противоречия между классом крестьян и рабочих, сделало крестьянство неоднородным: часть крестьян сохранило возможность вести собственное хозяйство на приусадебных участках, другая же часть возможности собственного хозяйства не имеет.

Что касается миграции сельского населения в город, то в начале реформ смягчение системы регистрации способствовало решению безработицы в сельской местности, однако к середине 1990-х годов превратилось в существенную проблему. Рабочие-мигранты, сохраняя в пользовании землю в деревне, могут находится в городе достаточно длительное время (до 10 лет и более[17]), их земельный надел, при этом, будет простаивать, что оказывает негативное влияние на производительность аграрной отрасли. Кроме этого, социальные права и возможности, а также доходы рабочих-мигрантов в городе существенно ниже городских рабочих, что создает дополнительное социальное напряжение и разрывает единство классового сознания социалистических классов. В настоящее время среднемесячный доход рабочих-крестьян составляет около 2 290 юаней, в то время как обычные городские рабочие получают около 3 500 юаней в месяц[18].

Противоречия китайского общества и классовая борьба

Основными противоречиями в современной Китайской Народной Республике можно считать противоречие между городом и деревней, противоречие между развитием разных регионов в Китае, а также антагонистические и неантагонистические классовые противоречия, приводящие к различным формам протеста, которые можно рассматривать как проявление классовой борьбы[19]. Кроме этого, в Китае растет эксплуатация и неравенство, а также обостряются экологические проблемы и проблема дефицита ресурсов, связанные с экстенсивным типом развития производительных сил с 1980 – гг.

Нарастание противоречия между капитализмом и социализмом проявляется во все более видимой классовой борьбе. При этом классовая борьба в китайском обществе разворачивается на двух полюсах. С одной стороны, это формирующаяся классовая борьба социалистических классов (рабочих, крестьянства, интеллигенции, части промежуточных классов) против классов капиталистических (крупных частных собственников). С другой стороны, – прорастание капитализма в государственный аппарат обусловило возникновение классовой борьбы внутри самого государственного аппарата[20].

Первый полюс классовой борьбы проявляется в нарастании протестных движений, классовый состав участников которых в настоящий момент неоднороден, а выдвигаемые требования разрознены и локальны, что свидетельствует о еще несформированном классовом сознании пролетариата.

Второй полюс классовой борьбы, в отличие от первого, прямых внешних проявлений практически не имеет, но именно от его исхода зависит путь дальнейшего развития китайского общества. Будущее Китая, таким образом, зависит, с одной стороны, от выбора пути развития внутри государственного аппарата, а, с другой стороны, от степени сформированности классового сознания пролетариата. Последний в настоящий момент только формируется, в то время как капиталистические элементы Китая с помощью коррупции и снижения значимости государственной собственности в экономике стремятся к подрыву доверия социалистических классов китайского общества к государственному аппарату.

Заключение

Вслед за стремительным, противоречивым и сложным экономическим развитием Китая в последние 30 лет происходило не менее противоречивое и сложное развитие социальной структуры китайского общества. Социальная структура Китая в конце XX – начале XXI вв. прошла путь от

неантагонистических социальных групп в период классического социализма до сложных форм взаимодействия капиталистических и социалистических классов в период рыночного социализма. Капиталистические классы, длительное время находящиеся в подчиненном социалистическим классам положении, начинают активно продвигать свои интересы, стремясь сбросить ограничивающий их социализм. В ответ на нарастание капиталистического влияния на китайское общество начинает оформляться классовое сознание социалистических классов, классовая борьба усиливается и усложняется. И именно от исхода этой классовой борьбы, который пока не определен, зависит будущее Китая а, следовательно, и всего мира.

Ссылки:

1 The World Bank databank [Electronic resource]. / The World Bank Group. – Electronic data. – [Washington], 2015. – Access mode: http://data.worldbank.org, free. – Title from the screen. – Lang. Eng., Fr., Esp., Rus., etc.

2 Добреньков, В. И. , Рахманов, А. Б. Социология глобализации: Учебное пособие для вузов. / В. И. Добреньков, А. Б. Рахманов. – М.: Академический проект, 2014. – 633 с. – (Gaudeamus). – ISBN 978-5-8291-1632-3. – С. 509.

3 Thung-hong, Lin. Class Structure, Income Inequality, and Class Consciousness in Urban China: Evidences from the 2003 Panel Data [Text]. / LinThung-hong. – Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Assosiation. – TBA, New York, New York City, Aug 11, 2007

4 Qiang, Li. Transformation in social stratification structure in China after thirty years of reform [Text]. / Li Qiang. // Thirty years of reform and social changes in China / edited by Li Qiang, p. cm. – Copyright 2010 by Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands – (Social scientific studies in reform era China, 1879-7539 ; v. 4). P. 3.

5 Бергер, Я. М. Экономическая стратегия Китая [Текст]. / Я. М. Бергер. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – 560 с. –– С. 232.

6 Прим.: Согласно системе регистрации, каждый гражданин Китайской Народной Республики с рождения официально регистрировался или как сельский житель, или как городской. До реформ 1980-х гг. смена «хукоу» было практически невозможным – объем миграции из деревни в город был законодательно ограничен. При этом «хукоу» определяет социальные гарантии (медицинская страховка, субсидии, пенсии, образовательные возможности детей и т.д.) и профессиональные возможности (например, сельский житель не мог стать рабочим завода) своего носителя.

7 Han, Ke-Qing, Huang, Chien-Chung, Han, Wen-Jui. Social Mobility of Migrant Peasant Workers in China [Text]. / Ke-Qing Han, Chien-Chung Huang, Wen-Jui Han. – Delaware, USA.: SCIRP, 2011. – Vol.1, No.4. – P. 206-211.

8 Гельбрас, В. Г. Экономическая реформа в КНР : очерки, наблюдения, размышления [Текст]. / В. Г. Гельбрас. – М.: Междунар. Отношения, 1990. – 312 с. – ISBN 5-7133-0179-6. – С. 124.

9 Пивоварова, Э.П. Социализм с китайской спецификой [Текст]. / Э.П. Пивоварова. – М.: ИД «ФОРУМ», 2011. – 352 с. – С. 207.

10 Гельбрас, В. Г. Экономическая реформа в КНР : очерки, наблюдения, размышления [Текст]. / В. Г. Гельбрас. – М.: Междунар. Отношения, 1990. – 312 с. – ISBN 5-7133-0179-6. – С. 255.

11 Там же. – С. 276.

12 Там же. – С. 288.

13 Там же. – С. 256.

14 Добреньков, В. И. , Рахманов, А. Б. Социология глобализации: Учебное пособие для вузов. / В. И. Добреньков, А. Б. Рахманов. – М.: Академический проект, 2014. – 633 с. – (Gaudeamus). – С. 548-549.

15 Там же. – 534.

16 Васильев, Л. С. История Китая: Учебник [Текст]. / Л. С. Васильев, З. Г. Лапина, А. В. Меликсетов, А. А. Писарев; под ред. А. В. Меликсетова. – 4-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во «ОНИКС», 2007. – 752 с.

17 Han, Ke-Qing, Huang, Chien-Chung, Han, Wen-Jui. Social Mobility of Migrant Peasant Workers in China [Text]. / Ke-Qing Han, Chien-Chung Huang, Wen-Jui Han. – Delaware, USA.: SCIRP, 2011. – Vol.1, No.4. – P. 206-211.

18 Report 18 January 2013 [Text]. / National Bureau of Statistics of China – 2013.

19 Minqi, Li. Socialism, Capitalism, and Class Struggle : The Political Economy of Modern China [Text]. / Economic&Political Weekly. –December 27, 2008.

20 Добреньков, В. И., Рахманов, А. Б. Социология глобализации: Учебное пособие для вузов. / В. И. Добреньков, А. Б. Рахманов. – М.: Академический проект, 2014. – 633 с. – (Gaudeamus). – ISBN 978-5-8291-1632-3.

Э.Вульф: крестьянство в российских революциях XX века

Епархина О.В.

В работах Э.Р.Вульфа крестьяне рассматриваются как социальная сила, определяющая патерны коллективных действий в ходе революции. Россия является одной из стран, задавших культурные и социальные паттерны, использовавшиеся в период новых революций в Третьем мире.
Ключевые слова: крестьяне, революция, паттерн, Россия.

Eparkhina O.V.
E.Wolf: peasants in Russian revolutions XX century
Annotation: E.R.Wolf research peasants as a social force that creates different patterns of the collective activity in revolution. Russia is one of the countries which create culture and social patterns for new revolutions in the Third World.
Key words: peasants, revolution, pattern, Russia

В работах, посвященных анализу крестьянских войн последнего столетия, один из известнейших представителей исторической социологии американский ученый Эрик Вульф [Eric Wolf] (1923-1999) рассматривает несколько наиболее интересных и масштабных случаев крестьянских волнений, трансформировавшихся в фундаментальные социальные изменения, ломающих социальный, политический и экономический облик страны, и в то же время обладающих спецификой, что дает возможность говорить об исторических паттернах формирования и развития крестьянских движений. К таким случаям, по мнению Э.Вульфа, относятся события во Вьетнаме, Кубе, Мексике, России, Китае, Алжире.

Автор предпринимает попытку сопоставления этих случаев, однако, не разрабатывает систему четких критериев для проведения такого сопоставления в соответствии с требованиями классического социологического анализа. Фактически не представлена им и единая концепция анализа таких явлений. Тем не менее, его работа претендует на определенное место в пространстве исторической социологии в силу качественности и системности представления материала, преимущественно в форме вторичного анализа данных.

Сам Вульф указывает, что он пытается выявлять паттерны коллективных действий, которые воспроизводятся в более позднем опыте: Вьетнам нашел продолжение – человечество получило «другой Вьетнам - на Кубе, в Гватемале и Доминикане». Аналогично используется опыт остальных стран.

Э.Вульф говорит о наличии в истории шести случаев мятежей и революций, где крестьяне были принципиальными акторами этих процессов. В то время как антропологи изучают малые сообщества, необходимо смотреть на крестьян и как на массовую социальную силу. Его инте-

ресует присоединение крестьян к массовым национальным движениям, механизмы идеологического воздействия на них и прочие факторы, приводящие крестьян к осознанию своей решающей роли в социальных, экономических и политических процессах. Крестьяне обладают ощущением несправедливости, но оно чаще выливается в экспрессивные формы организации их действий. Между тем, социальная, политическая и экономическая мобилизация крестьян предполагает вовлечение множества их небольших групп в массовые движения, что обуславливает специфику социальных изменений, спровоцированных крестьянскими войнами. Э.Вульф отделяет крестьян от примитивов, от фермеров. Спецификой крестьян является их стремление к сохранению статуса в рамках узкого спектра социальных отношений. Они вовлечены в рынок в рамках статусов, создаваемых широкими социальными сетями. В определенных условиях, связанных с трансформациями рынка, крестьяне не могли «полагаться на институциональный контекст для снижения рисков»[1], но когда альтернативными институтами предлагались слишком хаотичные или ограничивающие пути, экономически, социально, политически, психологически это приводило к вовлечению крестьян в революцию.

Э.Вульф рассматривает революции XX в. в России в контексте исследования восстаний И. Болотникова, Е. Пугачева и С. Разина, а также многочисленных русских бунтов, но видит в них скорее реакциею казачества на рост централизации государства, чем против давления на крестьянство[2]. Он насчитывает между восстанием Пугачева и концом XIX века 200 восстаний, а с 26 по 61 гг. - 1136 крестьянских восстаний, и это были практически всегда крестьянские восстания и бунты. Одним из условий их осуществления была концентрация крестьянства в центральной части страны, на Юге и в Сибири, а также то, что крестьяне делились на две большие категории: принадлежавшие частным владельцам и государству (чье положение было несколько лучше). Агрокультура в таких условиях не была успешной, поскольку наличествовали низкий уровень развития технологий, беспорядок при организации государственных структур, низкие темпы роста производства.

Автор анализирует две формы крестьянского труда. Одна из них, барщина - (занимавшая от 3 до 6 дней в неделю, в результате чего крестьянин работал на себя максимум до 30% рабочего времени) - это время, затрачиваемое на производство продукции для рынка. Другая система использования крестьянского труда - платежи и налоги в денежной форме, превалировала в нечерноземных областях, т.е. в условиях менее ценной земли. Многие крестьяне были заняты ручным производством в городах, чтобы платить оброк. Освобождение крестьян 1861 года должно было стать компромиссом между двумя типами интересов – землевладельцев и крестьян северных и черноземных земель. Э.Вульф выявляет, как это повлияло на возможности индустриального развития черноземных и нечерноземных областей и на доходы землевладельцев. Институт временно обязанных крестьян как результат реформы можно было признать неуспешным, и на этом фоне начались атаки радикалов на ее вдохновителей. Это привело и к изменениям в общине, мире. Э.Вульф подробно анализирует механизмы самоуправления в русской общине и ее изменения, в том числе изменение функций общины по вовлечению в агропроизводство как таковое, и отмечает, что «...мир был больше, чем просто форма социальной организации»[3], это был и коллектив, соединенный религиозной аурой[4]; термин *мир* объединял и общину, и вселенную, сравнимую с греческим космосом, он рассматривался как конгрегация. Полурелигиозная по сути, с полусветским образованием, община идеально функционировала в условиях предоставления равных возможностей ее членам[5], однако, не спасла реформу, и Вульф говорит о ситуации 20 лет спустя как о неблагоприятной – в частности, в плане концентрации земель и роста производства. Мироедские хозяйства, образовавшиеся в результате реформ, получили возможность социального, экономического и властного доминирования. Все это вело к серии крестьянских бунтов с 1902 по 1906 г., и как реакции на них – дальнейшим попыткам реформ, что в свою очередь сократило число сельской бедноты: « ...более 900000 крестьян покинули свои земли и отошли от сельского образа жизни[6]», в то же время реформа нач.XXX в. давала возможность развития коммерческих ферм в их существующих границах[7]:– около 6 млн. крестьян перешли от общинного к частному фермерскому типу хозяйствования. Таким об-

разом, возникло то неоднородное крестьянство, которое впоследствии осложнило ситуацию в 1917 году и стало раздирать страну вопросами идти ли к общине или иным путем. Большую роль в этих процессах, по мнению Вульфа, играли и церкви, ортодоксальная и официальная, приверженцы которых реализовывали разные хозяйственные стратегии и по-разному понимали равенство. Как писал Л.Троцкий, крестьяне приняли революцию во многом потому, что она оправдывала их религиозные надежды[8]. Одновременно появляется альтернативная структура для укрепления системы – земства, которые выполняли ряд локальных функций (образование, медицина, статистика, ограниченные политические функции, развитие агрохозяйства в целом, например, за счет формирования широкой прослойки носителей агрономических знаний). Их задачами было объединение, централизация автократических тенденций вне конституционного порядка[9], крестьяне в них играли активную роль и представительство их достигало 40%, однако они « ...были политическими импотентами», удовлетворяя, тем не менее, витальные потребности общества.

Но Россия в XIX в. уже не была только крестьянской страной, началась ее активная индустриализация. Доминирующим паттерном промышленной занятости было домашнее производство, или сезонные миграции, между фабрикой и двором[10]. Э.Вульф анализирует отраслевую структуру занятости рабочих, их концентрацию, забастовочную активность иуказывает, что она сопоставима со структурой Германией или США. Концентрация составляла до 60% рабочих в европейской части страны, а также по направлениям развития железных дорог. Рабочие все больше отходили от земли навсегда, а миграция обеспечивала устойчивую связь для распространения идей между городом и селом. Таким образом, менялась не только социальная структура общества, но и его менталитет и идеологические установки. В таких условиях позиции родовой знати слабели[11], ибо русские землевладельцы в массе своей не были земельными грандами в классическом смысле и имели крайне небольшой объем локальной власти в таких условиях. Предпочитая жизнь рантье в городах, они не претендовали на соперничество с государством в осуществлении власти, и после реформ Петра I в силу прироста доли иностранцев сильно отличались от основной массы населения по культуре и менталитету. Поскольку они не рассматривались как эффективные субъекты власти, на эти позиции стали претендовать иные социальные группы, врачи, инженеры, учителя, разночинцы. Расширение возможностей образования, которое получали эти слои, не распространялось на крестьян: крестьянские дети составляли около 3,3% обучающихся, а к 1914 г. – 14,5% университетских студентов[12]. Образование стало стратегическим каналом социальной мобильности для разночинцев[13], именно образовательные процессы вели к изменениям социальной структуры: росла численность технического персонала, расширялась образованная элита, в том числе за счет выходцев из незнатных слоев.

В этих кругах и набирали вес идеи революции, привносимые в Россию из Европы и Америки. Появляются так называемые «профессиональные революционеры». Э.Вульф описывает кружки и видных революционеров 70-90-х гг., структуры их организаций и приходит к выводам, что пролетариатом было востребовано не столько спонтанное руководство, сколько жесткая партийная организация, что и было предложено В.Лениным и «молодым поколением образованных классов»[14]. В то же время в России рос и развивался независимый класс предпринимателей (Э.Вульфу особо интересен процесс становления буржуазии в среде староверов). Автор полагает, что аристократия и буржуазия вместе создали те компрадорские силы, которые позднее были вовлечены в реализацию империалистических интересов[15]. Расширение военной машины в условиях слабости классовой основы общества и их неспособности артикулировать свои интересы на политическом поле, наличие образованного населения, активизация внутриобщественной борьбы стали процессами, которые предваряли промышленную революцию и позднее повлияли на развитие страны при вовлечении ее в Мировую войну, особенно - после вакуума поражения режима – как военного, так и политического[16].

Именно в таком ключе Вульф рассматривает революции 1905 и 1917 гг., отмечая, что большую роль здесь сыграл социальный состав армии (рабочие и крестьяне). Массовые забастовки, распространившиеся с 80-х гг., привели к тому, что многие рабочие уже имели опыт учас-

тия в организациях и союзах, и умели выдвигать и отстаивать свои требования[17]. Но его более интересуют крестьянские беспорядки и их распространение, число которых достигло пика в 1905 г (240), а затем пошло на спад – 72 и 3 соответственно в последующие годы[18]. Революция 1905 г. была прологом к более серьезным событиям, которым предшествовала волна роста забастовок рабочих, и автор описывает и организационные и хронологические моменты революции 1917 г., и рост революционного насилия, где крестьяне снова являются решающей силой, способствовавшей расколу революционного движения по вопросу о крестьянской общине и ее жизнеспособности. Крестьяне-солдаты были поневоле вовлечены в урбанистическое направление движения, и эта ситуация может сравниваться с Китаем Мао, когда акцент был сделан именно на крестьянство, в то время как большевики, напротив, ориентировались на рабочих. Дальнейшие требования большевиков к деревне он сводит к требованиям продовольствия и набора в армию, а также к проведению определенной политики в отношении «середняков», и описывает события становления Советской власти и Гражданской войны, когда альтернативные силы использовали крестьянское недовольство в политических целях, а большевики провоцировали конфликт между беднотой и кулаками в своих собственных целях[19]. Махновщина в версии этого исследователя – аналог Запатизма в Мексике[20], а организация конституционалистов в Мексике – аналогия с большевиками. Россия имела сходство с Мексикой в границах крестьянства и организации общин, но революции показала и серию уникальных для страны черт: рабочие крестьянского происхождения и дезинтеграция армии.

Однако, несмотря на оригинальность концепции, Э.Вульф неоднократно подвергался критике со стороны других видных представителей западной исторической социологии: Дж.Мугдала, Т.Скочпол, Дж.Пейджа. Наиболее последовательную критику концепции Э.Вульфа дает Т.Скочпол в работах 90-х гг., находя в них сходство с работами Мугдала. Как и Э.Вульф, Т.Скочпол считает, что крестьянские восстания XX в. представляют собой не просто реакцию крестьян на локальные проблемы, а реакцию их на крупные социальные перемещения; это своего рода культурный феномен.... распространившийся по всему миру через североатлантическую систему капитализма[21], в ходе которой... происходила трансформация крестьян в экономических авторов, что и вело к кризису существующей власти. Расширение рынков влекло за собой усиление отношений эксплуатации крестьян и землевладельцев и создавало возможности для формирования нового типа элит интеллектуалов, профессионалов, политических представителей, предпринимателей[22]. В этой переходной ситуации и стали возможными крестьянские революции.

В целом, концепции Э.Вульфа и Дж.Мугдала сходны, разница в том, что если Вульф в фокусе своего анализа имеет мир в целом проводит сравнительные исследования в целях выявления общих паттернов, то Мугдал исследует группу крестьян как таковых и как участников протестных действий. Крестьяне стран Третьего мира, оказавшись под сильным контролем общины и землевладельцев и окунувшись в рыночные условия, стали ориентироваться вовне - на рынок или на изменение сферы приложения своих трудовых ресурсов[23]. Дж. Мугдал видит корни проблемы в расширении экономической экспансии Запада в XVIII в., добавляя, однако, к ней в качестве дополнительного фактора «политическое посредничество»[24] в форме политических институтов. Империализм же в свою очередь, реорганизовал общественные центры, прекратив доступ благ на периферию[25], чем сформировал более эффективные бюрократические и административные техники, и крестьяне стран Третьего мира были вынуждены отвечать на эти изменения, в т.ч. путем поддержки радикальных политических партий и движений.

Дж.Пейдж, например, в отличие от Э.Вульфа и Дж. Мугдала, в понимании аграрных революций интересуется не столько распространением североатлантического капитализма на аграрные общества, сколько появлением новых видов экономических анклавов – агрокультурных экспортных зон, которые составляли неразвитые аграрные территории. Это порождало новые формы классовых конфликтов для сельского населения этих стран, особо острыми они стали после Второй мировой войны, чему способствовали политические условия и крах колониальной системы[26]. Дискуссионен, например, по мнению Т.Скочпол, вопрос о позиции северных вьетнамских крестьян: на при-

мере северных и южных территорий Вьетнама наиболее четко прослеживается влияние колониальной темы.

Все указанные авторы расходятся в представлении о роли империализма в процессах формирования крестьянской революционности, однако, все три автора говорят о том, что он играл роль в коммерциализации крестьянской жизни, что обеспечивало крестьянский базис революции, создавая тем самым новые социальные страты. Т.Скочпол, например, полагает, что империализм помог не только оформить этот базис, воздействуя на крестьян, но и воздействуя на государство и организационную политику[27] ; примером тому являются Китай и Вьетнам: «...капиталистическое развитие фигурирует в моем анализе не только как мотор внутригосударственного соперничества, но и как мотор изменений отношений между государствами и классами»[28] .

Таким образом, даже критика Э.Вульфа косвенно подтверждает актуальность вектора его исследований и дает основания для дальнейшего развития концепции «коалиции классов».

Ссылки:

1 E.R.Wolf. Peasant wars of the twentieth century. - Harper and Row publishers. New York, Evanston and London. 1969. – P. 3.

2 Ibid, P.53.

3 Ibid, P.60.

4 Ibid.

5 Ibid, P.62.

6 Ibid, P.68.

7 Ibid.

8 Ibid, P.70.

9 Ibid, P.71.

10 Ibid, P.73.

11 Ibid, P.77.

12 Ibid, P.79.

13 Ibid.

14 Ibid, P.82.

15 Ibid, P.84.

16 Ibid, P.85.

17 Ibid.

18 Ibid, P.86.

19 Ibid, P.96.

20 Епархина О.В. Социальная революция в фокусе исторической социологии. – Ярославль: Литера, 2011. – С.81.

21 T. Skocpol. Social revolutions in the modern world. - Cambridge: Univ. press, 1994. P.230.

22 Ibid.

23 T. Skocpol. Social revolutions in the modern world. - Cambridge: Univ. press, 1994. P.231.

24 Ibid.

25 Ibid..

26 T. Skocpol. Social revolutions in the modern world. - Cambridge: Univ. press, 1994. P.232

27 T. Skocpol. Social revolutions in the modern world. - Cambridge: Univ. press, 1994. P.233.

28 T. Skocpol. Social revolutions in the modern world. - Cambridge: Univ. press, 1994. P.234.

Рельеф состояния взрослости

Николаева А.Ю.

В статье анализируется возможности понятия «состояние взрослости», с точки зрения его интерпретации в дискурсе «новой событийности» жизни взрослого. Интерпретируются данные, полученные на основе авторской методики. Предлагается модель состояния взрослости и содержательное наполнение компонентов состояния взрослости.
Ключевые слова: состояние взрослости, субъект состояния взрослости, образы взрослости, переживания взрослости, отношения взрослости, символы взрослости.

The relief status of adulthood
Nikolaeva A.Y.
Novomoskovsk branch of University of the Russian Academy of Education
The article analyzes the possibilities of the concept of «state of maturity» from the point of view of its interpretation in the discourse of the «new eventfulness» of adult life. Interpreted data obtained on the basis of the author's methodology. A model of the state of adulthood and substance for the state component of state of maturity.
Keywords: state of maturity, the subject of the status of maturity, images of maturity, maturity perceptions, maturity relationships, symbols of maturity.

Теоретико-методологическое и практическое развитие современной психологии, определяемое с точки зрения перспектив психологии в решении задач российского общества, направлено на решение стратегически важной задачи оптимизации психологического состояния общества. Одним из условий понимания психологии человека является поиск образа человека, который возможно инкорпорировать в модели развития общества. Образ (или модель) человека, разрабатываемый современной психологией должен быть представлен не как постоянный и неизменный, а как принимающий различные состояния, зависимые от социальной и культурной среды, но не редуцируемые к социальным и культурным отношениям. Состояния психосоциального человека подчиняются внутренним закономерностям, преломляющим средовые влияния, что придает им определенную устойчивость и способность сопротивляться внешним воздействиям [1].

Традиционно принятый в российской культуре способ поведения, ориентированный на кооперацию, сотрудничество, доверие, внутрисемейные связи в условиях конкуренции, соревновательности, индивидуализации приводит, зачастую, к эмоциональной неудовлетворенности, неопределенности, неуверенности, социальной изоляции, потере семейных и дружеских связей. Противоречие заключается в расхождении желания быть полноценным участником общественной жизни и одновременно передать ответственность за решение жизненных трудностей социальному окружению, государству. Развитие не столько индивидуального, сколько субъектного потенциала, на наш взгляд, могло бы быть одним из решений сложившегося противоречия.

Проблема взрослости стоит особенно остро в связи с бытием человека в «новой реальности», речь идет о «гиперреальности» (Ж.Бод-

рийяр), о «киберпространстве» (У.Гибсон), «виртуализации» современного общества (Ю.П.Зинченко). С одной стороны, субъектность личности возрастает, так как упрощается доступ к «глобальным воплощениям» своего ментального продукта. Благодаря технологиям виртуальной реальности, ментальная конструкция отдельного человека потенциально более субъектна, отдельный человек более активный агент воздействия на структурирование событий. С другой стороны, виртуализация отношений личности таит опасность симуляции ее субъектности или искажения субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с другим. Таким образом, основная проблема человека быть субъектом тех многообразных бытийных пространств, в реорганизации которых он утверждает себя [5].

По-новому осмысливается игра, ее значение в становлении взрослости. Игра в экзистенциальном измерении обнаруживает способность человека к самопревосхождению, самоконструированию и изменению собственной темпоральности и топоса и темпоральности и топоса окружающего мира. Игра позволяет человеку овладеть такими своими состояниями, о самой возможности которых человек не догадывался.

В то же время игрушечная жизнь внутри компьютерных игр, блеск персонажей рекламы обесценивает взрослость, создает иллюзию того, что оставаясь ребенком или как минимум молодым в душе можно прожить жизнь, не задумываясь о последствиях. Остаются без внимания жизненные реалии мира взрослых.

Спонтанности и эмоциональности противопоставляется рационализация деятельности. Спонтанность является необходимым условием творческой самореализации личности. При благоприятных условиях спонтанность является основой самостоятельности, самодисциплины, внутренней свободы, более ценного и глубокого переживания жизни. При неблагоприятных условиях спонтанность становится основой инфантилизма.

Социальная инфантильность – состояние рассогласования между биологическим и социальным возрастом. Инфантилизм является защитной реакцией на неспособность справиться с семантическим шоком, когда с одной стороны выдвигаются требования к взрослости, самостоятельности, а с другой – предоставляются материальные блага и негласное послание оставаться зависимым.

Современная семья сталкивается с проблемами внутренне противоречивого развития ребенка. В качественно новой, семиотически неоднородной жизненной среде, которая включает в себя принципиально различные социотексты и коммуникативные поля, множество моделей социального поведения усложняется и затрудняется становление социальной и индивидуальной идентичности, интериоризация социокультурных кодов поведения, выработка собственных стратегий и форм взаимодействия со значимыми другими. Наряду с развития интеллектуальных и творческих способностей детей прослеживается инфантилизация, снижение темпов и уровня развития мотивационно-волевой сферы, воображения, возрастание нервно-психической напряженности, затруднения в формировании коммуникативной компетентности. Возрастает число детей с проблемным течением психического развития, с нарушениями социализации. Влияние информационной среды и масс-медиа становится фактором риска возникновения информационной и игровой зависимости (Фельтдштейн Д.И., 2012).

Неразрешенные детские проблемы инфантилизируют взрослость, блокируя становление аутентичного субъекта взрослости[6].

Актуальность конвергенции понятий взрослость и субъект, создание проблемного поля взаимодействия этих понятий определена вызовами, которые бросает психологической науке бурно развивающаяся практика психологического сопровождения жизнедеятельности.

Живущий активной жизнью мир, отраженный как информационно насыщенная, открытая внешняя среда, находится в противоречии с неразвитостью категориальной системы, способной обозначить предлагаемую реальность, адекватно реагировать на нее (об этом свидетельствует, например, рубрика «nocomments»). Интернет делает доступной информацию не только о событиях, происходящих во внешнем мире, но и предлагает обилие фото- и видеоматериалов о ранее интимном и сокровенном внутреннем мире, что требует от современного человека психологической компетентности для анализа происходящего.

Становление субъектности в постиндустриальную эпоху происходит в качественно новых

условиях информатизации и виртуализации жизненной среды. Закономерности и язык виртуального мира проникают в социокультурную среду и жизненный мир личности. Традиционная «гуманитарная» культура, которая транслировалась посредством рационально организованного процесса познания вытесняется «мозаичной» культурой, имеющей неупорядоченный, случайный характер (Моль,1995).

Взрослость – наиболее длительный, ответственный, фокусирующий на себе результативность жизни этап онтогенеза. Понимание взрослости в современной психологии недостаточно дифференцировано от биологизаторского и социологизаторского критериев. Факт размытости хронологических границ взрослости от 20 до 60-65 лет, говорит о субъективной принадлежности этого состояния и относительности биологических критериев, включая половую зрелость и возможность деторождения.

Социальные показатели взрослости более надежны, но и они порой иллюзорны, когда социально состоявшийся человек, финансово независимый, семейный, имеющий детей, ощущает внутреннюю опустошенность и нереализованность. Психологическая практика показывает, что подавляющее большинство обращающихся за психологической помощью - с точки зрения социума, казалось бы, взрослые, самостоятельные, благополучные и даже состоявшиеся люди. Однако, несмотря на возраст, они все еще находятся под прессингом неразрешенных юношеских конфликтов, драматических детских переживаний, жизненных страхов и иллюзий.

Взрослость описывается либо в терминах универсального , единого подхода, единой природы, универсальных законов, либо сопоставляется с множественностью, многообразием онтологий, темпоральностей, модальностей, ипостасей, состояний(экстазисов).

Взрослый период является наиболее продолжительным и наиболее продуктивным периодом развития человека. Несмотря на признание важности более комплексного его изучения, исследований, касающихся специфики развития взрослого, субъективной взрослости в настоящее время все еще недостаточно.

Специфика развития взрослого человека состоит в том, что он решает уже не учебные, а собственные жизненные задачи. Взрослый всегда имеет определенное представление о собственной жизни, включающее события индивидуально-психологического, биологического, исторического характера и охватывающее его прошлое, настоящее и будущее. В связи с этим, наиболее адекватно изучать развитие во взрослости через анализ жизненного пути, личностного развития и саморазвития, субъективную оценку состояния взрослости, что становится особенно актуальным в эпоху социальных перемен и усложнения, интенсификации общественной жизни. В настоящее время психологическая теория и практика нуждается в разработке закономерностей изменения субъективного представления о собственной жизни в различные возрастные периоды.

Очевидно, homosociologicus, мотивированный моральными и социальными нормами, должен ужиться с homoeconomicus, стремящемуся к личному гедонистическому удовлетворению, а также с homosubjecticus, реально оценивающему «субъективную стоимость» денег, социальных требований и социальных благ.

В исследованиях Мамычевой Д.И. отмечается динамика восприятия детства и взрослости. От восприятия детства как самобытной субкультуры через идею равноправия альтернатив мировоззрения ребенка и взрослого к восприятию детства как Другого, онтологически необходимого взрослому. Таким образом, опыт детства выполняет структурирующую роль множественности альтернативных, не сводимых друг к другу внутренних пространств в самосознании взрослого. Идея «внутреннего ребенка», разрабатываемая психоанализом, постулирует возможность сосуществования детскости и взрослости, способствуя расширению внутреннего пространства взрослого субъекта.

По мнению Мамычевой Д.И., тенденциями в мире современных взрослых являются вариативность стилей жизни, утрата личностного смысла, необходимость постоянного повышения профессионализации, приоритет креативности над функционированием, что вызывает предположение о появлении «новой взрослой событийности», «нового способа жизни». Эта «новая событийность» представлена кризисом взрослости как зрелости и ответственности, развенчанием образа «сложившегося» индивида. Критерии зрелости, сформированные опытом предшествующих поколений (семейное положение, линейная карьера, целенаправленное

накопление капитала, т.е. совершенность основных выборов на раннем этапе), не встречают прямых аналогов в опыте настоящем [3].

Специфику взглядов на взрослость в новое время отмечает и Н.А.Рыбакова, которая пишет о двух формах прохождения человека по возрастному ряду. Первая, известная с древнейших времен, имеет форму круга, жизненный цикл завершается уподоблением ребенку. Вторая форма характеризуется сохранением всех потенций человека, и старый человек также входит в категорию взрослых [4].

Динамичная социальная жизнь в России в последние десятилетия ведет к размыванию границ традиционных периодов жизни. Это характерно и для других обществ. Так, американские психологи , в частности, Грэйс Крайг, пишет об отсутствии возрастных маркеров и обращению к понятиям возрастных часов и социальных норм. Возрастные часы выступают в качестве внутренней временной диаграммы, структурирующей время жизни, своего рода расписанием жизни. Сверяясь с ними можно определить насколько медленно или быстро продвигается человек относительно социальных норм. Однако, возрастные часы тоже подвижны. Можно вернуться к учебе в 35, 40 и более лет, а вступать в брак и разводиться на протяжении всей жизни.

Таким образом, мировой тенденцией является движение к безразличному к возрасту сообществу, члены которого, независимо от возраста вовлечены в разнообразную деятельность и в широкий круг событий. Стабильностью обладает лишь оппозиция «ребенок-взрослый».

Проблематизируется состояние психологической взрослости и высокими требованиями, предъявляемыми к социальной и психологической зрелости человека. Эклектика аксиосферы ведет к попыткам подвергнуть сомнению онтологическую самодостаточность взрослости, провоцирует социальный нигилизм, инфантилизацию, иждивенчество, девиантное поведение. Современная ситуация жизнедеятельности взрослых характеризуется «постфигуративностью» (М.Мид), «смешанными линиями развития» (А.Г.Асмолов, В.А. Вагнер), «надситуативной активностью» (В.А.Петровский), что накладывает отпечаток на организацию пространства и времени взрослости.

Субъектная модель состояния взрослости должна предполагать возможность полиидентичности личности, многообразие исторических и современных культурных ориентиров , пребывание на нескольких уровнях бытия одновременно (скольжение через границы событий, эмоций, смыслов, символов), политемпоральность и полиморфность взрослости, нелинейность жизненного пространства взрослости, актуализация бинарных оппозиций: субъект-объект, сознание-бессознательное; мое-чужое; подлинное-ложное; эго-синтонное – эго-дистонное; аутентичное-идентичное [2].

Необходима модель субъективного состояния взрослости, формирующейся с самого рождения человека дающая возможность самоосуществления человеческого в человеке в условиях динамичной общественной трансформации. На наш взгляд это может быть модель динамичного состояния взрослости.

Взрослость должна связываться не столько с достижением определенного возраста или статуса в обществе, уровнем освоения семейных или профессиональных ролей, а со становлением субъектности человека: формированием оценки себя и собственного поведения как поведения взрослого, самоощущением взрослости

Субъект взрослости, на наш взгляд, наиболее объемлющая характеристика, дающая возможность увидеть состояние взрослости, дать ему более объективную интерпретацию. На уровне новообразований взрослости именно субъект занимает ведущее, доминирующее место. Статус субъекта в состоянии взрослости объединяет в себе не только идентичность личности, но и возможность разотождествления без потери себя, как контейнирующая структура при поиске более адекватных паттернов контакта с изменяющейся

Субъективное состояние взрослости исследовалось с помощью авторской методики «Рельеф субъективного состояния взрослости». Методика направлена на изучение основных сторон субъективного состояния взрослости: образов взрослости, переживаний взрослости, отношений взрослости и символизаций взрослости. Субъективное состояние взрослости оценивалось со стороны его компонентов, их интенсивности и изменений.

На основе полученных данных была сконструирована модель состояния взрослости (рис. 1).

Структура субъективной взрослости представлена комплексом образов, переживаний, отношений и символов взрослости. В модели отражены тесные взаимосвязи, взаимопереходы между этими компонентами.

Образы взрослости появляются на ранних этапах онтогенеза и изменяются в течение жизни, в соответствии с внешними и внутренними условиями. Это могут быть образы (целостные или фрагментарные) значимых взрослых в раннем детстве, авторитетов и героев в подростковом возрасте, объектов идентификации в юности, и, наконец образ собственно себя в зрелости. Переживания и отношения взрослости имплицитно включаются в образ, обогащая его содержание, включая его в систему чувственных отношений. Символы взрослости могут представлять собой как бессознательные структуры, обозначающие субъективные смыслы, так и экзистенциальные ценности, которые могут как декларироваться, так и иметь жизненное значение.Как уже отмечалось ранее, психическое отражение и образ, как его результат представляют собой систему разномодальных , разноуровневых компонентов, в которую входят в единстве и взаимодействии телесные и эмоциональные ощущения, мыслительно-понятийное, социально-личностное и экзистенциально-духовное отражение. Образ-средство, предметная опора, обеспечивает визуализацию определенного перцептивного образа, как своеобразного «ключа», позволяющего войти в определенное психическое состояние, так,например, образ взрослости у детей и подростков. Образ позволяет преобразовывать состояние не только объектов внешнепредметной деятельности, но и внутреннее, ментальное состояние самого субъекта. Давая возможность субъекту сознательно перейти в иное психическое состояние, образ есть еще и отражение, и средство произвольной или непроизвольной регуляции психического состояния[64].

Под образом взрослости понимается субъективная картина взрослости или фрагментов взрослости, включающая самого субъекта, других людей, пространство и время событий, это субъективная представленность взрослости, обусловленная как чувственно переживаемыми предметами и явлениями взрослого мира, так и гипотетическими конструктами (средняя оценка в целом по блоку «Образ взрослости» 8,6 по 11-балльной шкале).

Рис. 1. Модель состояния субъективной взрослости.

Наиболее значимыми для собственной взрослости является образ собственно Я и сообществ людей (первый ранг, средняя оценка 8,9). Второй ранг, со средней оценкой 8,8 у ответственности. Третий ранг, средняя оценка 8,7 отдается взрослыми самостоятельности, семье, желаниям, потребностям, возможностям.Четвертый ранг (средняя оценка 8,5) отдан работе, занятости делом, финансам и положению. Пятый ранг (средняя оценка 8,3) в образе взрослости получили представления о мире. Последний шестой ранг(средняя оценка 8,2) заняли представления о жизни и опыт, знания, умения, восприятие, осознание.

Переживание взрослости (средняя оценка 7,4) или чувство взрослости, начиная с подросткового возраста определяется потребностью в уважении, доверии, близости, признании самостоятельности, права на собственную позицию. Переживание - это особое, субъективное, пристрастное отражение, причем отражение не окружающего предметного мира самого по себе, а мира, взятого в отношении к субъекту, с точки зрения предоставляемых им (миром) возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей взрослого субъекта. Л.С.Выготский считал переживания динамичными единицами сознания, в которых представлена личность. Ф.Е.Василюк обращал внимание на особые жизненные ситуации, разрешение которых возможно только при помощи переживания. Переживания по поводу взрослости имеют самый низкий средний показатель по сравнению с другими блоками. Это свидетельство того, что переживания (эмоции, чувства) не являются ведущими в состоянии взрослости, сама взрослость не воспринимается как критическое состояние.

Радость – ведущее переживание состояния взрослости. Это основная положительная эмо-

ция человека, внутреннее чувство удовлетворения, удовольствия и счастья. Радости (средняя оценка 8,6) присвоен первый ранг. Второй ранг (средняя оценка 8,4) имеет необходимость. Третий ранг имеют переживания высоты, глубины, полноты (средняя оценка 8,1). Переживанию агрессии (средняя оценка 7,7) присвоен четвертый ранг. Пятый ранг (средняя оценка 7,6) присвоен переживанию удовлетворенности. Шестой ранг имеет переживание четкости (средняя оценка 7,4). Четкость - ясность переживания эмоций, осознание их субъективной ценности. Седьмой ранг (средняя оценка 7) присвоен активности. Восьмой ранг (средняя оценка 6,9) имею тревоги и страхи взрослости. Девятый ранг (средняя оценка 6,4) имеет подчинение. Десятый ранг (средняя оценка 6,2) имеет переживание по-другому, по-иному, инаковое.

Отношения, по мнению В.Н.Мясищева, в их субъективном виде формируются в макро- и микробытии человека, создавая ту субъективную «призму», через которую неповторимо, своеобразно, в каждом случае преломляются все воздействия, которым подвергается живой, действующий человек. Отношение как связь субъекта с объектом едино, однако имеет структуру, отдельные компоненты которой могут выступать как частичные отношения, его стороны, или виды. Оно определяется рядом признаков: избирательностью, активностью, целостно-личностным характером, сознательностью.Истинные отношения человека к взрослости проявляются в полной мере тогда, когда человек начинает действовать в субъективно значимых для него ситуациях. Отношения взрослости получили среднюю оценку 7,8.

Наиболее выраженными отношениями взрослости являются отношения власти, позволяющие управлять, распоряжаться, контролировать ,организовывать, они имеют первый ранг (средняя оценка 9,4).Второй ранг (средняя оценка 9,1) имею связанные с предыдущими отношения ограничения, разграничения. Третий ранг (средняя оценка 8,5) имеют отношения, связанные анализированием, чувствованием, осознанием событий, ситуаций, поведения других людей. Четвертый ранг заняли отношения доверия и отдачи (средняя оценка 8,4).Пятый ранг (средняя оценка 8,1) заняли отношения созидания, проявления, представления, поиска. Шестой ранг со средней оценкой 7,4 присвоен отношениям заботы, помощи, опеки, удовлетворения чьих-то нужд и отношения зависимости. Седьмой ранг (средняя оценка 7,2) у отношений принятия, взятия. Низкий ранг этих отношений может быть связан с проблемностью принятия реальности без искажений и иллюзий. Восьмой ранг (средняя оценка 4,5) у отношений участия.

Символы взрослости рассматриваются нами как категории, в которых актуализировано трансцендентное, чувственное и сверхчувственное. Истолкование содержания символа требует вживания, чувствования, наития, интуитивного прозрения. Вслед за Н.А.Бердяевым, мы рассматриваем символ как посредник между реальностью и метафизическим бытием (между объективной и субъективной реальностью). Символ актуализирует смысл вне предметности (может соединяться с разными предметами), вне житейской конкретности (может реализоваться в фантазийных образах, сновидениях), вне жизненной судьбы (имеет отношение к нереализованным потенциям). В психоанализе символ выражает скрытое содержание.

Символы взрослости имеют среднюю оценку 8,7. Высший ранг в блоке символов взрослости занимает серьезность (средняя оценка 9,7)Второй ранг (со средней оценкой 9,1) имеет защита.Третий ранг (средняя оценка 9,0) имеют выбор и зрелость. Четвертый ранг (средняя оценка 8,6) имеет развитие и саморазвитие. Пятый ранг (средняя оценка 8,5) имеет продуктивность. Шестой ранг со средней оценкой 8,4 имеют свобода, терпение и самость.Седьмой ранг (средняя оценка 8,3) имеют трудности и противоречия.

Таким образом, состояние взрослости символизировано серьезностью, глубиной и осознанностью поступков, ответственностью, существенностью, внимательностью. Отношения субъекта взрослости связаны с управлением объектами для достижения цели, планирования, организации и контроля, активного изменения. Состояние взрослости несет в себе ясные, четкие рамки, в то числе ограничений, установления границ дозволенного, разграничения пространства существования. Субъект взрослости ориентирован на сохранение и защиту стабильности, идентичности, самооценки личности, образа Я и мира, устранения или сведения к минимуму негативных, травмирующих переживаний, тревоги, дискомфорта. Зрелость состо-

яния взрослости предполагает конструктивность, адаптацию к изменениям, удовлетворение от того, что отдаешь и получаешь, умение понимать людей, любить. Это состояние выбора, избирательного предпочтения одного и отвержения другого.

Для взрослости существенны субъективно значимые сообщества людей, занимающихся общим делом, имеющих общие интересы и вкусы, жизненные принципы. Возможность реализации состояния взрослости предполагает осознание представления о себе, образ собственного Я, относительно устойчивый, не всегда осознаваемый, переживаемый как рефлексивное знание о самом себе.

Образ семьи – компонент состояния взрослости, включающийвзаимоотношения в семье, особенности членов семьи, семейные ценности, традиции, праздники, будни, деятельность. Семья, через отношения участия, сочувствия, помощи, дает пространство для зарождения т поддержки желаний, потребностей, возможностей осуществления и обладания тем, без чего невозможно обойтись. В близких отношениях происходит формирование самостоятельности на основе представления о своей отдельности, независимости от других, решительности, инициативности, совершении жизни собственными силами, без посторонних влияний; принятие инаковости, своеобразия, непохожести, отдельности.

В состоянии взрослости существуют интенции для становления самости, глубинного центра, выражающего психологическую целостность, объединяющую сознательную и бессознательную части психики, вычленяющую индивида из окружающего мира.

Состояние взрослости сопровождает радость, чувство удовлетворения, удовольствия и счастья.

Взрослость предполагает дальнейшее развитие, но уже из собственного источника, в направлении усложнения, повышения адаптивных возможностей, появления новых функций.

В состояние взрослости включено представление о совместной деятельности, о желаемой работе, собственном деле, удовлетворяющем финансовом и социальном положении. Взрослость реализуется через продуктивность, созидание полезного, путем концентрации на поставленной задаче. Взрослость принимает как неизбежность отношения зависимости, подневольности, подвластности, потери контроля, вплоть до привычки совершать действия, не смотря на последствия, отношения подчинения, вынужденного или оправдываемого обстоятельствами, отказа от собственных волевых установок, следования указаниям извне.

Продуктивность взрослости создается активным психическим напряжением, через анализирование, чувствование, ощущения, восприятия внешнего воздействия, принятие и осознание отражаемого.

Взрослость принимает необходимость и неизбежность событий реального мира. Это требует терпения, толерантности к боли, бедам, скорби, несчастьям жизни; совладания с переживаниями сильных, негативных аффектов, тревоги, напряжения, чувствоопасности и неудачи, со страхом перед существующей опасностью или чрезвычайными обстоятельствами, угрожающими жизни.

Невозможно прожить жизнь без преодоления трудностей, противоречий, препятствий, затруднений, сложностей, противостояния двух отрицающих друг друга сущностей, создающих проблемы. Для решения проблем состояние взрослости оснащено опытом, знаниями, умениями в восприятии и осознании, являющимися результатом деятельности, проверенным на практике. Опыт дается переживанием высоты, глубины, полноты взаимодействия с действительностью, через доступность чувств любой направленности, глубины, устойчивости, побудительной силы. В том числе и переживания агрессии, активных форм гнева, в случае причинения человеку ущерба, боли, страдания, вреда. Состояние взрослости позволяет интегрировать оценку успешности и адаптированности к имеющимся жизненным условиям, эмоциональное переживание удовлетворенности потребностей субъекта.

Состояние взрослости несет в себе символ свободы, когда определяющей причиной является сам субъект, освобожденный от ограничений и запретов: природных, социальных, межличностных, индивидуально-родовых факторов. Взрослость направлена на творчество, построение, появление, представление, поиск нового. Свобода, творчество опираются на доверие, веру в добросовестность, искренность, правильность сущего. Картина мира включена в состоя-

ние взрослости как целостная многоуровневая система представлений о мире, людях, себе, своей деятельности.

Обращение к времени и пространству жизни дает представление о сущности собственной жизни, направленности, своем предназначении, авторстве собственной жизни.

Литература

1. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть II. Концептуальные основания // Психологический журнал. 2013.Т.34.№2.С. 70-86.

2. Игнатова Н. Ю. Онтология взрослости: опыт философской реконструкции :дис. ... к-та филос. наук : 09.00.13 Екатеринбург, 1999.

3. МамычеваД.И.«Детство» и «взрослость»: взаимопроникновение опытов //Антропология творческой субъективности и креативности. Коллективная монография. / Отв. редактор О. К. Румянцев. – СПб: Эйдос, 2013. – 310 с С. 224- 234).

4. Рыбакова Н.А.Взрослость – базисная категория андрогогики. //Профессиональное развитие педагога в системе постдипломного образования: Материалы IX областной научно-практической коенференции 27-29 ноября 2001г.: В 2ч./Под ред. Н.С.Рыбакова.- Ч.1.- Псков: ПОИПКРО, 2002.-С.18-23

5. Рябикина З.И. Исследование бытия личности и ее со-бытия с теоретико-методологических позиций психологии субъекта. //Человек,субъект,личность в современной психологии. Материалы международнойнаучнойконференции,посвященной 80?летию А.В.Брушлинского 10–11 октября 2013 г. / Под ред. редакторы А.Л.Журавлев,Е.А.Сергиенко М.,2013.Том 1. С.430-433.

6.Shapiro, M. K. (1988). Second childhood: Hypno-play therapy with age-regressed adults. New York: Norton.

Динамика социальной структуры российского общества

Поплавская И.А.

Стратификационная динамика структурной модели российского общества рассматривается на результатах социологических исследований ИС РАН. На современном этапе развития российское общество можно назвать обществом массового нижнего среднего класса. В статье отмечена неустойчивость социальной структуры, ее предстоящие изменения. Представлен сравнительный анализ особенностей занятости российского и западного среднего класса, прокомментирована социальная политика государства в отношении нуждающихся слоев населения.
Ключевые слова: модель социальной структуры, социальная стратификация, российская бедность, средние слои, средний класс.

Poplavskaya I.A.
The dynamics of the social structure of Russian society.
Stratification dynamics of Russian society structural model is considered on the results of sociological research IS RAS. The present stage of Russian society development can be called a society of mass lower middle class. The article highlighted the instability of the social structure, its upcoming changes. Presents a comparative analysis of peculiarities of employment of the Russian and Western middle class, commented on the social policy of the state towards the poor population.
Key words: model of social structure, social stratification, Russian poverty, middle class, middle class.

Ключевой проблемой познания и развития любого общества является изучение его социальной структуры, модель которой оказывает влияние на стабильность и конкурентоспособность государства на международной арене. Несмотря на обширную базу статистических данных, для России до сих пор актуально суждение «Мы не знаем общества, в котором живем».

Сложная и противоречивая схема формирования социальной структуры российского общества постсоветского периода пролонгирована известными геополитическими событиями на Украине, поэтому природа российских структурообразующих элементов еще будет меняться и современную модель общества нельзя рассматривать как завершенную, стабильную и устойчивую.

Картину мира современных россиян не в последнюю очередь пополняют результаты научных исследований, которые имеют практическое значение не только для культурных и политико-экономических элит, но и для различных социально-профессиональных сообществ.

Для понимания противоречивых и часто разновекторных процессов, происходящих в современном российском обществе, представляется целесообразным проанализировать материалы общероссийских опросов Института комплексных социальных исследований РАН и Института социологии РАН, выполненные в 1999-2014 годы и отражающие модели развития России [4].

Охарактеризуем и сопоставим модели социальной структуры российского общества, построенные в рамках основных современных подходов к стратификации. Данные изложены Аналитических докладах Института Социологии РАН [1].

Как известно, в социологии применяются 4 способа определения принадлежности индивида к какому-либо классу:

- маркетинговый подход, вычисляющий «человека потребляющего» - каким набором вещей, предметом, услуг обладает человек;

- ресурсный, при котором берется в расчет не только движимое и недвижимое имущество

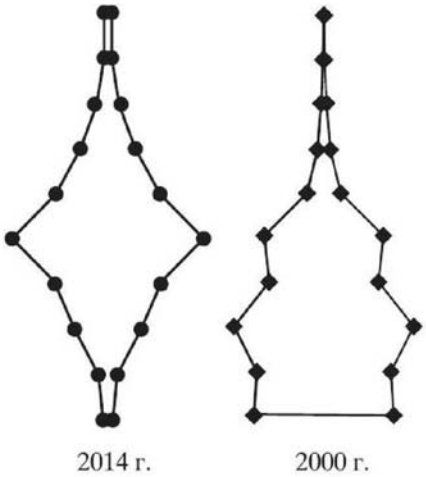


Рис.1. Модель социальной структуры России на основе самооценок россиянами своего места в обществе, 2014 и 2000 гг.

Примечание. Численные значения, использовавшиеся для построения модели в 2014 г. (в скобках – данные 2000г.), в %:

10 (высшая) позиция– 1,4 (0,2)	5 позиция – 31,5 (16,1)
9 позиция – 1,3 (0,1)	4 позиция – 18,0 (14,8)
8 позиция – 4,5 (0,7)	3 позиция – 11,4 (24,4)
7 позиция – 9,2 (1,8)	2 позиция - 3,6 (18,2)
6 позиция – 17,5 (4,1)	1(низшая) позиция – 1,6 (19,6)

человека, но и то, чем он располагает с точки зрения человеческого капитала (например, образовательные характеристики);

- субъективный, когда человек сам определяет свое место в системе социальных координат и самостоятельно оценивает свой статус;

- и комплексный подход, при котором одновременно используются многие из уже названных показателей.

Для анализа ощущения российских граждан своего места в обществе в указанных исследованиях ИС РАН использовались графический и вербальный тесты, позволившие выстроить модели субъективной социальной структуры российского общества. Графический тест, как наиболее информативная и, одновременно, максимально эмоционально нейтральная форма замера, представляет собой вертикальную десятибалльную шкалу социальных статусов, на которой респондент должен указать свое место. Поскольку статусные позиции ориентированы вертикально, по оси ординат откладывались процентные значения числа выбравших соответствующий балл, а затем, для придания фигуре симметрии, они зеркально откладывались в область отрицательных значений. Представленные модели, для сохранения пропорций, были сужены вдвое по оси абсцисс.

Сравним «десятиступенчатые социальные лестницы», воспроизводящие модели социальной структуры России на основе самооценок россиянами своего места в обществе в 2014 г. и в 2000 г.

В 2000 году на нижних ступенях «социальной лестницы» находилось достаточно много людей, считающих себя социальными аутсайдерами, самой массовой была третья позиция снизу, а на позиции 5 и выше себя помещали считанные проценты россиян.

Средний балл социального статуса в разных группах, по-разному оценивающих свою материальную обеспеченность в 2000 году, высчитывался следующим образом:

респонденты, считающие, что высоко обеспечены материально, получали 3 балла;

среднеобеспеченные – 4 балла, низко обеспеченные – 6 баллов, и, находящиеся за чертой бедности, – 7 баллов.

В последующие годы, по мере роста уровня благосостояния населения, самоощущения россиянами своего статуса в обществе постепенно улучшились. Реальные доходы населения действительно выросли: начиная с 1993 г., показатели демонстрируют рост доходов в 1,6 раза, а с момента кризисного 1998года – почти в 4 раза, когда резко упавшая экономика восстановилась лишь к 2004 году.

В 2014 году наиболее популярной стала 5-я снизу позиция (рис.1), она же является и медианной, а средний балл социального статуса по населению страны в целом составляет 5,18, что условно позволяет считать *российское общество обществом массового нижнего среднего класса.*

В представленной модели растворены представители нового, потенциально опасного класса – *прекариата (*от англ. *precarious*- не надежный). В российской действительности он представлен временными рабочими-мигрантами, фрилансерами и др., лишенными большинства социальных гарантий и политических прав, стабильной зарплаты и страхового медицинского обслуживания. Численность нового класса неуклонно растет и включает в себя новые формы социальной жизни. С одной стороны, он играет важную роль в производстве материальных и нематериальных ценностей, с другой стороны, лишенный якоря стабильности, представляет собой социальную угрозу обществу. Осознать проблемы «нового опасного

Таблица 1

Доли представителей различных страт в составе различных группах населения, 2014 г., %

Группы и страты	Средний класс, в т. ч.			Остальные россияне, в т. ч.			Население России в целом
	Ядро СК	Периферия ядра СК	*СК в целом*	Потенциальный СК	Остальное население	*Не СК*	
Бедствующие	***3***	***10***	***8***	***25***	***35***	***32***	***22***
1 страта	0	0	***0***	1	5	***4***	3
2 страта	1	3	***3***	7	10	***9***	6
3 страта	2	7	***5***	17	20	***19***	13
Мало-обеспеченные	***40***	***47***	***44***	***59***	***53***	***55***	***50***
4 страта	12	18	***16***	34	29	***31***	25
5 страта	28	29	***28***	25	24	***24***	25
Средне-обеспеченные	***27***	***26***	***26***	***11***	***9***	***10***	***17***
6 страта	17	15	***15***	7	7	***7***	10
7 страта	10	11	***11***	4	2	***3***	7
Обеспеченные	***26***	***15***	***19***	***5***	***3***	***3***	***10***
8 страта	20	12	***15***	4	3	***3***	8
9 страта	6	3	***4***	1	0	***0***	2
Высоко-обеспеченные (10 страта)	***3***	***2***	***3***	***0***	***0***	***0***	***1***

класса» и предсказать возможные пути решения – будущие задачи социологов.

В исследованиях отмечается, что социальная структура России и социальный статус населения в целом, довольно неустойчивые конструкции: те, кто, по их мнению, 10 лет назад были в социальном низу (1-2 ступени социальной лестницы) лишь на четверть идентифицируют себя в настоящее время как представителей низшего класса. Такая же неустойчивость характерна и для тех, кто занимал 7-10 позиции: сегодня четверть из них оказались на 5 и ниже позициях, в том числе каждый седьмой – на 1-4 снизу позициях.

Наиболее устойчивыми оказались те, кто ставил себя на 5 позицию снизу – более половины из них сохраняют свое место в обществе неизменным на протяжении более 10 лет.

Выделенные 10 страт можно объединить в 5 основных групп.

К *бедствующим (1-3 страты)* отнесены группы бедных, выделяемых по абсолютному («по доходам») и депривационному («по лишениям») подходам к бедности, бедными они являются давно, глубина их бедности различна.

Малообеспеченные (4-5 страты) – люди, балансирующие на грани бедности, имеющие характеристики многомерной депривации и очень ограниченные возможности изменения своего положения за счет собственных усилий в силу низкой ресурсообеспеченности. *Среднеобеспеченные (6-7 страты)* выглядят более благополучно на фоне бедствующих и малообеспеченных, составляющих три четверти россиян. К среднеобеспеченным гражданам относятся всего 17% россиян, доминирующей идентичностью в этой группе выступает идентификация себя со средними слоями.

Обеспеченные (8-9 страты) широко используют возможности, открывшиеся для потребителей при переходе к рыночной экономике: они всегда имеют сбережения, ценные бумаги, собственный бизнес, второе и третье жилье.

Высокообеспеченные (10 страта) – 3-5% наиболее состоятельного населения страны, в выборки массовых опросов вообще не попадают.

Анализируя приведенные данные в определении своего места в социальной иерархии, видно, что во все годы социологических замеров россияне, руководствуясь важными для характеристики

Таблица 2
Динамика достижений экономически активной части населения за три года перед опросом, 2003 и 2014 гг. (в %)

Чего удалось добиться	2003 г.	2014 г.
Повысить уровень своего материального положения	42	33
Сделать дорогостоящие приобретения	28	21
Повысить уровень образования, квалификации	36	15
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую	31	10
Улучшить жилищные условия	23	18
Открыть собственное дело	9	3
Ничего из вышеперечисленного добиться не удалось	21	29

их статусной позиции критериями, главным выбирают *уровень материального благосостояния*. Именно поэтому российское общество было и остается обществом смещенных вниз статусных позиций, где *основная часть населения сосредоточена в средних и ниже среднего слоях*[5].

Экономический рост последнего десятилетия улучшил структуру социальных позиций и общие контуры социальной структуры России, однако, динамика жизни исследуемых социальных групп демонстрирует их явные различия. Последние годы ознаменовались дальнейшим углублением разрыва между относительно благополучной частью населения страны и неблагополучной частью, составляющей более половины населения в активном возрасте (до 55 лет). Сегодня можно говорить скорее об инерционном росте материального благосостояния россиян, вызванного не столько возникновением в обществе новых структурных позиций и социальной мобильностью акторов за счет рыночных отношений, сколько политическими, коррупционными и экономическими факторами «перераспределительного» характера. И распределение прироста (фактически - углеводородной ренты) крайне неравномерное: 45% всего прироста приходится на долю приближенным к власти группам [3]. Возникшее крайнее неравенство порождает сильнейшее чувство социальной зависти, несправедливости социального порядка.

В социологических исследованиях достаточно давно прослеживается идея бесполезности действия, усталость общества от невозможности решить конкретные проблемы на федеральном, региональном, местном уровне.

Пресечение инициатив порождает в массовом сознании эффект «выученной беспомощности»: чтобы не делал – все равно ничего не получится, и люди просто отказываются от действия.

Разрушающаяся ткань общественной солидарности запускает процессы саморазрушения общества и человека, связанные с инерцией приспособления к законодательству, с адаптивностью через понижение. Власти больше не в состоянии произвести образ привлекательного будущего, прежде всего для молодежи. Сегодняшние школьники не хотят заниматься производством каких-либо товаров, ибо, на примере своих родителей знают, что любой человек, ведущий бизнес в России, законодательно будет поставлен перед выбором: либо соблюсти все законы и разориться, либо стать частью схемы всеобщей коррупции для выживания бизнеса. Поэтому сегодня подавляющее большинство граждан России сознательно не хотят заниматься полезным товаропроизводительным трудом.

Подтверждения этому можно найти в таблице 2, где обозначены неутешительные достижения последних лет людей с высокой социальной и экономической активностью [1].

Данные показывают, что все показатели, связанные с идей мобильности, сократились за последние 11 лет более чем в 2 раза. Почти втрое сократилось число тех, кто смог открыть собственное дело, получить повышение на работе или найти более подходящую работу, в 2,4 раза – число тех, кто повысил качество своего человеческого капитала.

Негативные тенденции в этой области подтверждаются данными о платных социальных услугах, которые использовали россияне: платные медицинские, образовательные, оздоровительные услуги для детей и взрослых, представляющие собой инвестиции в человеческий капитал, снизились на 10-15%.

Таким образом, россияне перестали в прежних масштабах инвестировать в наращивание своего человеческого капитала, соответствующим образом отреагировав на изменения макроуровня.

Эти тенденции весьма неблагоприятно сказываются на развитии российского общества, поскольку не только свидетельствуют о закрытии в последние годы «социальных лифтов» и росте социальной напряженности в обществе, но и отражают падение качества человеческого потенциала страны: Россия занимает 57 место в рейтинге стран по ИЧР согласно «Докладу о человеческом развитии 2014 года» (Human Development Report, 2014) и 108 место в мире по продолжительности жизни населения.

Тем не менее, по результатам теста на вербальную идентификацию своего места в обществе, до трех четвертей населения России идентифицируют себя сейчас со средними слоями, в т.ч. 5% - верхним средним слоем, 40% - с собственно средним слоем, 28% - с нижним средним слоем.

Следует различать понятия «средний слой» и «средний класс», ибо для российского среднего класса слишком характерны специфические слоевые идентичности.

Средние слои – это доля населения, которая располагается между высшими и низшими малообеспеченными слоями, а значит, степень обеспеченности является главным критерием. При переходе к понятию «средний класс» учитываются характеристики, имеющие отношение к вопросам: Какие функции в обществе выполняете? Насколько развито у Вас самосознание среднего класса? Организованы ли Вы в какие-то группы? Чем занят Ваш досуг? Используя такой подход, сразу следует признать, что массовый средний класс в России слаб в политической самоорганизации, имеет мало горизонтальных, а тем более вертикальных связей и не выполняет свою главную функцию – экономического стабилизатора общества, поскольку не является в полной мере поставщиком высококвалифицированной рабочей силы.

По результатам последнего исследования численность среднего класса по состоянию на 2014год составляет 40-42%. Вызывает интерес качественный состав и профессиональный портрет российского среднего класса и возможны ли сравнения с той же категорией западных стран.

Исследование «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» проведено ИС РАН в феврале 2014 г. Общий объем выборочной совокупности составлял 1900 человек. Модель выборки включала 2 объекта: население в целом, представленное репрезентативной совокупностью респондентов в возрасте 18 лет и старше-1600 человек и дополнительную группу в 300 чел., отобранную с учетом критериев, позволяющих отнести их к представителям среднего класса. При определении численности применялась методика комплексного подхода: уровень образования не ниже среднего специального, нефизический характер труда, душевой месячный доход от медианного и выше, оценка своего социального статуса не ниже «четырех» на десятибалльной шкале статусов.

Результаты показали, что по своему составу средний класс не является гомогенным. Устойчивое ядро среднего класса, к которому отнесены 16% россиян, имеют высшее образование и занимают в экономике позиции руководителей, предпринимателей и профессионалов. Среднедушевые ежемесячные доходы российской семьи, принадлежащей к ядру среднего класса, на начало 2014 года составляли 16,5 тыс. $ без учета паритета покупательной способности.

Периферия ядра, составляющая 26% населения – это работники нефизического труда средней квалификации (полупрофессионалы), клерки, рядовые работники в сфере торговли и бытового обслуживания со среднемесячным доходом в 11,5 тыс. $ без учета ППС.

Таким образом, специфика места среднего класса России в социальной структуре общества такова, что трудится он на рабочих местах рутинного нефизического труда с относительно высоким уровнем зарплат в офисах, торговле, сфере услуг и ЖКХ и доля представителей среднего класса, занятых в четвертичном секторе экономики, ничтожно мала.

Именно занятость в четвертичном секторе, т.е. в областях науки, информационных технологий, фундаментальных исследованиях и финансовых услуг, наиболее характерна для среднего класса современного развитого мира.

Для сравнения [2]:

- в Германии в первичном секторе экономики (рыболовство, сельское хозяйство, лесоводство, добывающие отрасли и т.п.) и вторичном (строительство, промышленность, производство и распределение электроэнергии, воды, газа) занято 36% работающего населения,
- в Великобритании – 24%,
- в России - 44%.

Доля специалистов средней квалификации *сократилась* в Германии с 21% до 19% (с 2002 по 2012гг.), в Великобритании – с 12% до 11%, в России за этот период она *выросла* с 17% до 19%.

В четвертичном секторе экономики в Германии занято 36% всех работающих, в Великобритании – 38%, в России – 26%.

В России только представители ядра среднего класса сконцентрированы в четвертичном секторе, в развитых стран – до 70% профессионалов трудятся в этой области.

Российский средний класс прирастает среднеквалифицированной рабочей силой, тогда как средний класс на Западе сокращает средние позиции, увеличивая долю занятых высокой квалификации. Поэтому субъективная модель со-

циальной структуры развитых обществ концентрирует наибольшую долю граждан на 6 и выше позициях, и средний балл самооценки граждан своего социального статуса гораздо выше.

Особенности занятости работающего населения, *уровень его благосостояния* и, соответственно - *самоощущение своего места в обществе*, отражают различия в моделях субъективной и объективной социальной структуры России и западных стран и обусловлены различиями в развитии экономик. Российская экономика становится все более хрупкой и неустойчивой. По данным сайта Федеральной службы государственной статистики РФ, спад промышленного производства в первом полугодии 2014 г. составил 2,4%, во втором – 4,1%, индекс деловой активности снижается весь 2015 год, снижение ВВП на 2015 год ожидается 2,8%.

Законодательный запрет на патентирование инженерно-технических концепций блокирует рост научного потенциала страны. Умные и талантливые люди, по законам РФ обязанные представить сразу опытный образец, вынуждены вывозить свои ценные идеи на Запад, внедрять их в производство через хорошо отлаженный механизм патентирования, обеспечивая западному миру очередные технологические прорывы.

Рентоориентированный характер экономики не позволяет создавать высококвалифицированные рабочие места и обеспечивать повышение средней заработной платы по стране. Она подвержена кризисным явлениям любого характера, поэтому всегда могут наступить изменения в социальной структуре общества: бедные станут беднее, и наоборот.

Картина общего количественного состояния российской бедности, включающая основные группы бедных, по данным Аналитического доклада- 2013 г. выглядела следующим образом:

11% - бедные «по доходу» - те, чей среднедушевой доход ниже официально установленного прожиточного минимума в данном регионе;

25% - бедные «по лишениям» - не только те, у кого среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, но и те, кто испытывает нужду в удовлетворении таких базовых потребностей как питание, жилищные условия, приобретение одежды и обуви, получение качественной медицинской помощи;

4% - хронические бедные – те в составе бедного населения, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет и характеризуются глубокой и застойной бедностью, качественно отличающейся от других видов бедности.

Установки повседневной жизни с учетом сложившихся в стране институциональных условий: избыточное неравенство с его необоснованной легитимностью и полное отсутствие равенства людей перед законом, далеки от преобладания норм, характерных для западных обществ.

Абсолютно все категории граждан ощущают неуверенность в завтрашнем дне и испытывают ряд опасений. В развитых странах подобные опасения традиционно компенсируют меры социальной политики. В России консенсус между государством и обществом по решению социальных проблем до настоящего времени не найден.

Политика правительства страны фактически сводится к попытке усидеть сразу на двух стульях: сохранить идеологическую приверженность концепту социального государства и одновременно сократить государственные расходы на социальные нужды. Понять такое двоемыслие не сложно: идея социального государства или даже «мягкого» социализма пользуется популярностью значительной части общества. Это выгодный лозунг для электоральных компаний и легитимации режима. Однако на деле государство скорее пытается казаться социальным, чем быть им реально. Существует огромный диссонанс между заявлениями государства и реальной практикой в социальной сфере. Денежные выплаты и льготы малообеспеченным слоям населения часто являются настолько низкими, что лишь формально могут считаться социальной поддержкой, а сама социальная помощь часто не является системной и адаптивной. Созданная система оказывает минимум социальных гарантий населению, отказывая гражданам в развернутой и эффективной социальной помощи на доступное образование, качественное медицинское обслуживание, действенную поддержку семьи, социализацию инвалидов. Все реформирование социальной сферы последних лет оказалось направлено на то, чтобы сохранив формальные социальные обязательства перед населением, сократить бюджетные расходы по социальным статьям [6].

Большой проблемой является искажение статистических данных государственными органами. Суть проблемы в том, что в основе признания российского гражданина малоимущим лежит получение им дохода ниже прожиточного минимума, который, в свою очередь, рассчитывается исходя

из стоимости минимальной потребительской корзины. В России уже долгие годы величина товаров в этой потребительской корзине держится на абсолютно заниженном уровне. Так, рассчитанная сумма потребления на человека в день составляет всего 226 рублей. Физиологическая ценность подобного потребления держится на уровне физиологического выживания, фактически голода – 2600 ккал в сутки. Рассчитанная по принципу сильнейшего недоедания корзина лежит в основе всех расчетов – от нее отсчитываются получатели коммунальных субсидий, повышенные детские денежные пособия, санаторные путевки и т.д. Абсурдность такого метода исчисления бедности показывает, например тот кейс, что официальный уровень бедности в России равен уровню бедности в Германии (13,4% на 13%). Хотя общий уровень бедности в Германии значительно ниже, а немецкие бедные по доходам и потреблению могли бы быть отнесены к категории обеспеченного населения в России, чисто статистически Росстат ставит нас на одну строчку. Подобный метод расчета бедности - по границе физического выживания - используется ООН для развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки, тогда как для европейских и развитых стран давно используется метод вычисления долевых расходов семьи на питание, транспорт и ЖКХ. Рассчитанная подобным образом шкала бедности в России *обнаружит уровень бедности в диапазоне 60% - 70% населения.*

Таким образом, структура потребления и имущественный потенциал всех слоев российского населения нынешнего времени совпадает со статистикой уровня жизни населения конца 70-х годов XX века Германии или американского общества 30-х годов XX века. Поэтому ошибочно сравнивать социальную структуру западных обществ с отечественной, ибо для нее слишком характерны дезинтеграционные тенденции, обусловленные разными темпами социальных изменений, их пространственной неравномерностью и региональной спецификой.

При более совершенной социальной политике и устранении необоснованных отраслевых и региональных диспропорций в оплате труда высококвалифицированных специалистов, ресурсы расширения благополучных слоев возможны. Преподаватель-пенсионер университета с высоким образовательным уровнем и социальным статусом, живи он в другой стране, мог бы относить себя к группе второго статуса высшего класса (на основании, например, господствующей в США концепции социальной стратификации). Однако в российских условиях он может с трудом причислить себя к среднему классу. На современном этапе развития максимальный ресурс расширения среднего класса даже при самых благополучных условиях в стране составляет в России не более 10% населения.

Непредсказуемость российской жизни, нестабильность банковской системы, отсутствие эффективных финансовых инструментов, часто меняющиеся правила игры, и в целом, антинародное и антигосударственное базовое внутреннее законодательство РФ, блокирующее развитие промышленности, сельского хозяйства и предпринимательства, лишает шанса любого гражданина воспользоваться вертикальной мобильностью и не позволяет всем группам населения использовать инвестиционные жизненные стратегии.

Модель социальной структуры российского общества вполне соответствует модели российской экономики. Отказ от сырьевой зависимости и смена курса экономики повлечет позитивные изменения социальной структуры общества.

Литература

1. Аналитический доклад «Средний класс в современной России: 10 лет спустя». ИС РАН. М., 2014; Аналитический доклад «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя». ИС РАН, Москва 2013

2. Данные Европейского социального исследования (ESS, 2012) , см.: http://www.europeansocialsurvey.org

3. Из интервью директора Левада-центр Льва Гудкова//Новая газета, выпуск № 94 от 31.08.2015

4. Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999; Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2004; Бедность и бедные в современной России /Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2014; Средний класс в современной России / Под ред. М.К.Горшкова, М., февраль 2014

5. Социальная структура России: теории и реальность / Н.Е. Тихонова.- М. Новый хронограф: Институт социологии РАН, 2014, с.64-65

6. Поплавская И.А. Изменения в структурах социальных неравенств как вектор реформирования социальной политики// Социальная политика и социология. 2015. №1.

Капиталистический класс в Китае начала XXI века: основные характеристики

Рахманов А.Б.

С 1978 Китайская народная республика осуществляет политику реформ. В результате реформ в Китае появился могущественный капиталистический класс. Автор анализирует капиталистический класс Китая с разных точек зрения – численности, богатства, расселения, возраста, пола, образа жизни. Автор сравнивает капиталистический класс Китая с капиталистическими классами других стран, в том числе и России.
Ключевые слова: капиталистический класс, транснациональный капиталистический класс, миллиардеры, миллионеры, Китай, Россия, капитализм, социализм, класс трудящихся, социалистическая бюрократия.

Rakhmanov A B.
The capitalist class in China the beginning of the XXI century: the main characteristics
Since 1978 People's Republic of China has been carrying out the policy of reforms. As the result of these reforms, the powerful capitalist class has emerged. The author analyzes the capitalist class of China from different perspectives – number, wealth, location, age, gender, style of life. The author compares the capitalist class of China with capitalist classes of other countries, including Russia
Key words: capitalist class, transnational capitalist class, billionaires, millionaires, China, Russia, capitalism, socialism, working class, socialist bureaucracy.

После 1978 г. Китай развивается очень быстро, хотя в последние годы темпы экономического роста замедляются. В результате реформ была высвобождена частная инициатива в сельском хозяйстве, которая в промышленности и других отраслях, развертываясь в противоречивом единстве с плановой экономикой, привела к возникновению разветвленного капиталистического сектора. Среднегодовой прирост ВВП Китая в 2003-2013, согласно данным Мирового банка, был равен 10,2%[1] . Правда, экономическое развитие Китая замедляется: в 2014 г. прирост ВВП страны был всего 7,4% – самый низкий показатель с 1990[2] , а в 2015 г. он, как ожидается, будет менее 7%. Китай изменился в последние десятилетия колоссальным образом: быстро происходила индустриализация (Китай превратился в одну из ведущих индустриальных стран мира), прогрессировала система образования (ведущие китайские университеты вошли в первую сотню самых лучших университетов мира, опередив российские), наука (Китай стал третьей страной мира после СССР и США, самостоятельно приступившей к пилотируемым космическим полетам), военная мощь, разворачивалась урбанизация (численность городского населения страны перевалила несколько лет назад за отметку в 50%) – и в 2014 г. по ВВП по паритету покупательных способностей валют обошел США, став самой крупной экономикой мира.

Вместе с тем, по главному индикатору социально-экономического развития, по душевому ВВП, Китай все еще значительно уступает развитым капиталистическим странам и даже слабеющей сырьевой и деиндустриализирующейся России. После 1978 г. Китай под руководством Коммунистической партии развивается как социалистическая страна с мощным капиталистическим сектором. За эти десятилетия дракон китайского капиталистического класса вы-

Таблица 1
Мультимиллиардеры ведущих стран мира из числа 200 самых богатых людей мира и их состояния с 24 января 2013 по 17 апреля 2015 г.[7]

Дата	Характеристики мультимиллиардеров	Китай	Гонконг	США	Россия	Германия	Франция	Индия
17.04.15	Кол-во, чел.	17	10	67	15	14	8	8
	Совокупное богатство, млрд долл.	227,5	144,1	1300	177,5	173,7	151,5	118,8
	Среднее богатство, млрд долл.	13,38	14,4	19,4	11,83	12,4	18,94	14,85
26.01.15	Кол-во, чел.	11	9	71	15	14	8	8
	Совокупное богатство, млрд долл.	148,7	125,4	1300	162	167,2	137,1	115,2
	Среднее богатство, млрд долл.	13,52	13,93	18,31	10,8	11,94	17,14	14,4
7.11.14	Кол-во, чел.	7	8	69	16	15	8	8
	Совокупное богатство, млрд долл.	102,6	112,4	1300	182,1	163,8	126,8	116,5
	Среднее богатство, млрд долл.	14,66	14,05	18,84	10,12	10,9	15,85	14,56
5.05.14	Кол-во, чел.	6	8	65	19	15	8	8
	Совокупное богатство, млрд долл.	68	121,3	1200	214	191,6	136,6	110,4
	Среднее богатство, млрд долл.	11,33	15,16	18,46	11,26	12,77	17,08	13,8
6.05.13	Кол-во, чел.	7	8	61	18	13	5	8
	Совокупное богатство, млрд долл.	54,4	121,5	1100	220	165,9	98,9	113,3
	Среднее богатство, млрд долл.	7,77	15,19	18,03	12,22	12,76	19,78	14,16
3.03.13	Кол-во, чел.	5	8	60	21	13	5	10
	Совокупное богатство, млрд долл.	46,8	119,3	1000	248,1	155	90,5	111,9
	Среднее богатство, млрд долл.	9,36	14,91	16,67	11,81	11,92	18,1	11,2
24.01.13	Кол-во, чел.	5	9	59	21	12	5	11
	Совокупное богатство, млрд долл.	47,7	132	1000	259,9	156,9	90,8	130,7
	Среднее богатство, млрд долл.	9,54	14,67	16,95	12,38	13,01	18,16	11,88

рос и окреп. Он превратился в младшего партнера социалистической партийно-государственной бюрократии Китая, причем их отношения являются сложными и не безоблачными. Попытаемся определить основные характеристики капиталистического класса Китая, опираясь на многочисленные статистические исследования.

Численность и богатство. В первую очередь обратимся к оценкам численности капиталистического класса Китая и, в первую очередь, его высшего слоя – миллиардеров, т.е. лиц, располагавших богатством на сумму свыше 1 млрд. долл. США. Миллиардеры образуют высший слой буржуазии, которые – вместе с примыкающими к ним мультимиллионерами – образуют ядро капиталистического класса любой страны. Самым известным и авторитетным в мире исследователем миллиардеров является американский журнал Forbes. Согласно его данным, в 2015 г. в Китае было уже 213 миллиардеров, и по этому показателю Поднебесная уступала только США (536 миллиардеров)[3]. Первый миллиардер в Китае появился лишь в 2004 г., но количество миллиардеров в Китае увеличивалось быстрее, чем в любой другой стране мира. При этом Россия в 2015 г. оказалась всего лишь на пятом месте (88 миллиардеров), причем количество миллиардеров в нашей стране сократилось по сравнению с 2014 г., что было обусловлено экономическим и внешнеполити-

ческим кризисом, настигшим ее в 2014 г. Без сомнения, численность китайских миллиардеров будет быстро расти и в дальнейшем. При этом первое место США еще долгое время будет оставаться неоспоримым.

Обратимся к другим источникам. По данным китайской исследовательской организации Hurun, на 3 февраля 2015 г. в Китае было 430 миллиардеров (всего миллиардеров китайского происхождения в мире – 529), тогда как в США – 537, в Индии – 97 (3-е место), в России – 93 (4-е место)[4]. Согласно исследованию The Wealth Report 2014 г., осуществленному британской консалтинговой группой Knight Frank, в 2013 г. в Китае было 179 миллиардеров (США – 417, Россия – 92)[5]. В соответствии с докладом World Ultra Wealth Report 2012-2013 гг., подготовленном сингапурской исследовательской фирмой Wealth-X, в 2013 г. в Китае было 147 миллиардеров (США – 480)[6]. Как видим, все исследования единодушно ставят Китай по численности миллиардеров на второе место после США.

Бросим взор на высший слой миллиардеров, обратившись к данным финансового агентства Майкла Блумберга, которое отслеживает состояния 200 самых богатых людей мира. В этом случае речь идет уже не просто о миллиардерах, а о мультимиллиардерах, самый бедный из которых обладает примерно 7,1 млрд. долл. Подсчитаем, опираясь на данные Блумберга, количество мультимиллиардеров из ведущих стран мира, их совокупные и средние состояния в динамике с 24 января 2013 г. по 17 апреля 2015 г. (табл. 1).

Данные, приведенные в табл. 1, показывают, что в последние два года количество китайских мультимиллиардеров, их совокупный и средний капиталы взрывообразно увеличились. Этот рост не имеет аналогов. Китайские мультимиллиардеры по численности и совокупному капиталу обошли своих коллег из всех приведенных стран (кроме США), а по среднему капиталу – мультимиллиардеров России и Германии. Росла мощь и гонконгских мультимиллиардеров, что вполне закономерно, поскольку Гонконг является посредником между экономикой Китая и глобальной экономикой. В это же время уверенно усиливались мультимиллиардеры США, Германии и Франции. А вот положение индийских супербогачей ощутимо ухудшилось с точки зрения их численности и совокупного богатства, хотя и улучшилось в том, что касается среднего богатства. Позиции российских мультимиллиардеров катастрофически ослабли за рассматриваемый период, и если в январе 2013 г. они уступали по совокупному богатству и численности только своим американским коллегам, то в апреле 2015 г. их по численности и совокупному богатству опережали еще и мультимиллиардеры Китая. По среднему капиталу российские мультимиллиардеры ныне уступают своим коллегам из всех названных стран, тогда как в январе 2013 г. они превосходили китайцев и индийцев. Согласно данным Блумберга, самый богатый человек Китая Джек Ма, располагающий на 17.04.2015 богатством в 35,3 млрд. долл., был намного состоятельнее самого богатого россиянина В. Вексельберга с его 15,1 млрд. долл. (Согласно Forbes, по состоянию на 18 апреля 2015 г. самым богатым человеком Китая был Ли Хэцзюнь с 31,5 млрд. долл., а самым богатым человеком России – М. Фридман с 15,3 млрд. долл.)[8].

От высшего слоя капиталистического класса Китая перейдем к его основной массе. Согласно исследованию The Chinese Millionaires Report 2013, подготовленному китайскими организациями Hurun Research Institute и GroupM Knowledge, в 2013 г. в Китае число лиц с активами на сумму от 10 млн. юаней (около 1,6 млн. долл.) достигло 1,05 млн. чел., а количество тех, чьи активы превышают 100 млн. юаней (около 16 млн. долл.) – 64,5 тыс. чел.[9] Как следует из исследования швейцарского банка Credit Suisse, в Китае в 2014 г. было 1181 тыс. человек с богатством на сумму свыше 1 млн. долл.[10] Капиталистический класс Китая быстро растет, но все еще составляет мизерную часть населения страны. Миллионеров в Китае в относительном исчислении намного меньше[11], чем в основных развитых и развивающихся капиталистических странах: лиц с богатством на сумму свыше 1 млн. долл. в США насчитывалось 14166 тыс., Японии – 2728 тыс., Франции – 2444 тыс., Великобритании – 2042 тыс., Германии – 1964 тыс., Италии – 1597 тыс., в Южной Корее – 333 тыс., а в Бразилии – 225 тыс. чел.[12] Это означает, что население Китая остается пока еще в значительной мере не буржуазным. Кстати, это характерно и для России, в которой было всего лишь 158 тыс. миллионеров на 144 млн. чел.

Но количество миллионеров в Китае в последние годы быстро возрастало, а в России – сокращалось.

Отраслевая специализация. Важной характеристикой капиталистического класса Китая отраслевая специализация его представителей. Журнал Forbes осуществил исследование, касающееся 400 самых богатых китайцев, самый бедный из которых обладал состоянием на сумму в 700 млн. долл[13]. Какие же отрасли экономики являются источниками обогащения китайских капиталистов и, следовательно, сферами приложения их капиталов и сил? Для 61 – недвижимость, 38 – фармацевтика, 28 – промышленность, 21 – диверсифицированные источники, 19 – химикаты, 18 – розничные продажи, 11 – производство автомобилей и автозапчастей, 10 – инвестиции, 10 – телекоммуникации и телекоммуникационное оборудование, 9 – программное обеспечение, 8 – электроника, 7 – Интернет, 7 – пищевая промышленность, 7 – производство одежды и обуви, 5 – агробизнес, 5 – онлайновая торговля, 5 – энергетика, 3 – торговля автомобилями и т.д. Китайские капиталисты трудятся во всех отраслях экономики, причем многие из них оперируют в сфере реального производства – промышленности, в том числе и, высокотехнологической, высокотехнологических услугах, сельском хозяйстве. Структура отраслевой вовлеченности китайских сверхбогачей сопоставима со структурой отраслевой вовлеченности буржуазии ведущих развитых и развивающихся стран, чем они выгодно отличаются от российских сверхбогачей, занимающихся в основном сырьем, недвижимостью, финансами и торговлей. Это означает, что китайские капиталисты, обогащаясь, волей-неволей способствуют индустриализации своей страны, ее всестороннему развитию, тогда как российские сверхбогачи, обогащаясь, способствуют деиндустриализации России и ее всесторонней деградации.

Половозрастные характеристики. Еще одной важнейшей характеристикой капиталистического класса Китая являются его возрастные характеристики, а именно средний возраст его членов. Многие люди даже и преклонном возрасте сохраняют свои высокие интеллектуальные качества, здоровье и интенсивную жизнедеятельность, позволяющие им решать самые сложные задачи, но в целом, если брать большие по численности массы индивидуумов, относящихся к разным возрастным категориям, то средние показатели качества активности людей будут – при равенстве всех других характеристик – снижаться по мере перехода к более пожилым когортам. В связи с этим, чем моложе капиталистический класс (разумеется, в рамках обладания образованием и надлежащим жизненным и профессиональным опытом), тем лучше для его господства, для его перспектив и для перспектив развития данной капиталистической страны.

Подсчет показывает, что средний возраст китайских миллиардеров из списка Forbes[14] за 3 марта 2015 г. составляет 53,1 года, а средний возраст 400 китайских супербогачей согласно списку Forbes за ноябрь 2014 г. равен 53,86 года. По сравнению с капиталистами почти всех других стран китайские супербогачи довольно молоды: средний возраст всех миллиардеров из списка Forbes за 2015 г. равен 63,27 года, немецких миллиардеров – 65,45, французских – 69, индийских – 63,58 года. Средний возраст 400 самых богатых людей США – 67,1 года, 50 самых богатых японцев – 67,55, 50 самых богатых южнокорейцев – 57,36 года, 50 самых богатых индонезийцев – 67 лет, 50 самых богатых Гонконга – 68,57 года[15]. Средний возраст российских миллиардеров из списка Forbes за 2015 равен 53,33 года, что чрезвычайно близко китайским показателям. Китайские и российские миллиардеры заметно моложе своих коллег по классу из подавляющего большинства других стран мира.

Безусловно, «молодость» капиталистических классов Китая и России обусловлена недавним переходом этих стран к капитализму. По этой же причине среди китайских и российских сверхбогачей абсолютно доминируют селфмэйдмены – люди, сделавшие себя, тогда как среди миллиардеров США, Западной Европы, Японии, Индии и Бразилии велика доля «наследников», т.е. тех, кто унаследовал свои богатства от родственников. Превалирование селфмэйдменов является позитивной характеристикой капиталистических классов, поскольку в среднем и типическом случае означает преобладание более энергичных, инициативных и одаренных индивидуумов, что с точки зрения перспектив капиталистического класса и соответствующей капиталистической страны является чрезвычайно благоприятной характеристикой.

«Молодость» и преобладание селфмэйдменов выгодно отличают капиталистические классы Китая и России, но эти показатели в случае России полностью обесценивается, если вспомнить, на какие сферы экономики направлена их энергия. В отличие от этого «молодость» и преобладание селфмэйдменов в случае китайских капиталистов в рамках их благоприятного отраслевого распределения сулит китайскому капитализму и Китаю в целом в будущем интенсивное развитие.

Любопытен и гендерный аспект бытия китайского капиталистического класса. Согласно списку Forbes за 3 марта 2015 г. среди 1826 миллиардеров мира было 197 женщин или 10,79%. Среди 536 миллиардеров США женщин 67 или 12,5%. Среди 103 немецких миллиардеров женщин 19 или 18,5%. Среди 88 российских миллиардеров всего одна женщина (Елена Батурина), т.е. 1,1%. Среди 90 индийских миллиардеров женщин 5 или 5,56%. Среди 55 французских миллиардеров женщин 8 или 14,5% 39 итальянских миллиардеров дают 6 женщин или 15,38%. 32 турецких миллиардера – 8 женщин или 25%. 29 швейцарских миллиардеров дают 8 женщин или 27,59. Гонконг – 12,77%. Бразилия – 13 из 54 или 24,1%. Южная Корея – 6 из 30 ли 20%. Среди 213 китайских миллиардеров 12 женщин или 5,6%. Среди 400 китайских супербогачей 26 или 6,5% женщин. Как видим, китайский капиталистический класс несколько более патриархален, чем буржуазия большинства капиталистических стран, хотя и менее патриархален, чем российские сверхбогачи. Капиталистическая элита современной России превосходит в отношении патриархальности своих коллег из развитых и многих развивающихся стран.

Расселение. Следующей важнейшей характеристикой капиталистического класса Китая будет порядок размещения китайских мультимиллионеров на территории страны. The Chinese Millionaire Wealth Report 2013 предоставляет информацию об их расселении в городах центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин), провинциях и национальных автономных районах (Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанский, Нинся-Хуэйский, Синьцзян-Уйгурский, Тибет)[16]. Это исследование свидетельствует об относительной неравномерности расселения китайских сверхбогачей. В двух главных городах страны (Пекине и Шанхае) и в двух провинциях (Гуандун и Чжэцзян) в 2013 г. было сконцентрировано свыше 56% китайских мультимиллионеров. Это означает то, что более развитыми, богатыми и капиталистическими регионами являются Пекин и Шанхай, приморские восточные и южные провинции Китая, более отсталыми, бедными и менее капиталистическим – внутренние западные и северные провинции.

Если же обратиться к данным о расселении супербогачей в городах Китая, то подсчет показывает, что в 2014 г. в 22 наиболее крупных городах Китая жили 40400 мультимиллионеров, из которых 20400, т.е. чуть свыше 50%, проживали в Пекине и Шанхае. При этом в 21 городе находились 1668550 миллионеров, из которых 910 тыс., т.е. намного больше половины, проживали в двух главных городах страны. Добавим, что согласно самому влиятельному рейтингу глобальных городов Kearney, Пекин и Шанхай в 2014 занимали 8 и 16 места соответственно, тогда как в состав первой пятерки входили Нью-Йорк, Лондон, Париж, Токио и Гонконг[17]. Вероятнее всего, Пекин в недалеком будущем сможет войти в первую пятерку самых глобальных городов мира. Важным аспектом и детерминантой глобального характера Пекина и Шанхая является деятельность крупной китайской буржуазии, сконцентрированной в этих городах.

Образ жизни. Для более адекватного понимания образ жизни и менталитета китайского капиталистического класса обратимся к рассмотрению его образа жизни, который включает в себя, в частности, такие компоненты, как способы проведения свободного времени, туризм, акты дарения, получение образования. Согласно исследованию The Chinese Luxury Travel 2014, осуществленному уже упоминавшейся нами организацией Hurun, на вопрос о том, как они предпочитают проводить досуг, 56% назвали путешествия, 39 – чтение, 28 – чаепитие, 23 – времяпровождение в семейном кругу, 15 – вождение автомобиля, 13 – спа, 11 – общение с домашними животными, 9 – дегустацию вин, по 8 – фотографирование, караоке и рыбная ловля, по 4% – массаж ног и плавание на яхтах, игры – 2%, курени сигар – 1%[18]. Среди предпочитаемых видов спорта были названы плавание (37%), гольф (23), йога (22), бег трусцой

(20), альпинизм (15), бадминтон (13), дайвинг (13), теннис (10), конный спорт (9), лыжный спорт (7%)[19]. Как видим, увлечения и вкусы китайского капиталистического класса вполне буржуазны, и недавно появившиеся китайские богачи осваивают радости жизни современного глобального общества, идя вслед за своими коллегами из США, Европы, Японии, Индии и других стран мира.

Одним из наиболее распространенных видов отдыха китайских миллионеров был туризм, путешествия по Китаю и за рубежом. Куда же предпочитают ездить на отдых китайские богачи? (табл. 2).

Как видим, излюбленными местами отдыха китайских миллионеров в 2014 г. в Китае были Санья, Гонконг, Тибет и Юннань. Санья – это курортный город на юге острова Хайнань, являющегося ведущей курортной зоной Китая. Для китайцев Хайнань и Санья – как Краснодарский край и Сочи для жителей России. Очевидно, Гонконг для китайских миллионеров был привлекателен как китайская территория, где господствуют капиталистические отношения, где существует чисто капиталистический образ жизни. Юннань – это горная провинция с живописной природой и тропическим климатом на юге Китая, своего рода китайские Альпы.

Очевидно, Франция, США, Австралия, Япония и Канада притягивали китайских свербогачей как развитые капиталистические страны с развитой инфраструктурой элитарного потребления. Почетное место Мальдив, расположенных на субэкваториальных островах в Индийском океане, очевидно, объясняется их исключительными природными, климатическими условиями. Швейцария, Гавайи и Дубай, по всей вероятности, интересны китайским миллионерам своим элитным рекреационным потенциалом, а Сингапур – как близкий к Китаю центр глобальной капиталистической жизни и соответствующих развлечений.

Важным компонентом жизни любого человека является дарение. Что предпочитали получать в подарок и дарить китайские миллионеры? (табл. 3).

Итак, наиболее ценимые китайскими миллионерами предметы потребительской роскоши (одежда, обувь, аксессуары, парфюмерия, часы, алкоголь, ювелирные изделия и т.д.) производятся почти исключительно в странах Запада. Как видим, более всего брендов из Италии, на втором месте – Франция. Представлены и элитные бренды из США, Германии, Великобритании и Швейцарии. Единственным исключением в этом ряду является китайская водка «Маотай». Очевидно, что с точки зрения китайских миллионеров Запад является метрополией элитарного потребления, местом потребительского паломничества владельцев толстых кошельков. Китайские супербогачи в отношении личного потребления имеют практически те же вкусы, что и богачи со всего мира. В этом смысле они совершенно космополитичны.

Таблица 2

Туристские маршруты китайских миллионеров в 2013-14 гг.[20]

Внутренние поездки			Зарубежные поездки		
Пункты назначения	2013	2014	Пункты назначения	2013	2014
Санья	18,9	14,4	Австралия	6,8	11,8
Гонконг	15,1	13,9	Франция	11,8	9,6
Тибет	9,5	13,9	Дубай	6,0	9,5
Юннань	11,1	10,6	Швейцария	8,0	8,7
Макао	6,1	10,6	Мальдивы	4,8	8,7
Ханчжоу	6,8	5,8	США	11,8	7,7
Синьцзян	6,1	5,5	Япония	4,7	6,5
Пекин	н/д	5,1	Германия	5,7	6,2
Циндао	4,4	4,5	Сингапур	9,2	5,6
Сычуань	5,1	4,5	Новая Зеландия	3,8	5,6

Таблица 3

Бренды, которые китайские миллионеры предпочитали дарить и получать в подарок в 2014 г.[21]

Мужчины			Женщины		
Бренд	Страна	Доля предпочитающих, %	Бренд	Страна	Доля предпочитающих, %
Hermès	Франция	10,5	Chanel	Франция	9,5
Apple	США	9,3	Louis Vuitton	Франция	8,9
Louis Vuitton	Франция	9,0	Apple	США	8,3
Chanel	Франция	8,6	Hermès	Франция	7,9
Gucci	Италия	7,0	Gucci	Италия	6,7
Cartier	Франция	5,5	Christian Dior	Франция	6,4
Prada	Италия	4,2	Cartier	Франция	5,6
Montblanc	Германия	4,0	Prada	Италия	5,2
Giorgio Armani	Италия	3,8	Giorgio Armani	Италия	4,5
Burberry	Великобритания	3,5	Bulgari	Италия	3,6
Bottega Veneta	Италия	3,0	Bottega Veneta	Италия	3,5
Longines	Швейцария	2,9	Fendi	Италия	2,9
Ermenegildo Zegna	Италия	2,8	Tiffany	США	2,1
Moutai	Китай	2,2	Salvatore Ferragamo	Италия	2,0
Bulgari	Италия	1,9	Chopard	Швейцария	1,6

Таблица 4
Зарубежные страны, в которых китайские миллионеры предпочитали учить своих детей в 2011-2013 гг.[22]

Страны	2011	2012	2013
США	31	33	33
Великобритания	21	24	26
Канада	14	13	13
Швейцария	7	3	6
Австралия	6	7	5
Германия	2	5	5
Сингапур	3	4	3
Франция	4	3	3
Гонконг	н/д	4	2
Новая Зеландия	н/д	н/д	2
Япония	3	2	н/д

Зарубежные страны были очень интересны китайским миллионерам не только как эпицентр мирового элитарного потребления, но и как место получения образования детей. Китайские богачи, как показывает исследование The Chinese Millionaire Wealth Report 2013, предпочитают учить своих детей за рубежом. Первая десятка стран, в которых китайские миллионеры собирались учить или учат своих детей, выглядит так (табл. 4).

Итак, китайские миллионеры предпочитают направлять своих детей учиться в развитые капиталистические страны, а также в Гонконг и Сингапур. США, Великобритания и Канада уверенно занимают первые позиции, причем интерес к двум первым в 2011-2013 гг. рос. Китайские миллионеры, направляя учить своих детей в англоязычные страны, рассчитывают не только на освоение ими соответствующих специальностей и овладение английским языком как средством глобальной коммуникации, но и, очевидно, на то, что они будут учиться в этих странах духу капиталистической предприимчивости и конкурентоспособности.

Образ жизни включает в себя и такой параметр, как трансграничная горизонтальная мобильность, иначе говоря, миграция за пределы Китая. Показательны данные об эмиграции китайских супербогачей за рубеж. Согласно исследованию южноафриканской исследовательской организации New World Wealth, в 2003-2013 гг. из Китая эмигрировали – главным образом, в Гонконг, Сингапур и Великобританию – 76200 человека с состоянием свыше 30 млн. долл. В тот же период из Франции уехали 244100 сверхбогачей, из Индии – 43400, а из России – 82300[23]. Такие масштабы эмиграции, происходящей в условиях беспримерного экономического роста Китая и вопреки языковым барьерам, говорят о наличии серьезных причин для отъезда, чем может быть только пределы капиталистического накопления и потребления, полагаемые китайским социализмом. Желающие эмигрировать китайские сверхбогачи называют следующие предполагаемые пункты назначения: Лос-Анджелес (13,9%), Сан-Франциско (13,7), Ванкувер (13,4), Нью-Йорк (8,6), Торонто (8,4), Сиэтл (7,6), Бостон (4,6), Мельбурн (4,3), Новая Зеландия (4,1), Сидней (3,5)[24]. Примечательно, что китайские миллионеры выбирают для эмиграции самые и богатые капиталистические страны мира из числа эмигрантских (США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию), где капиталистические отношения развиваются в чистом виде. Подобная миграция свидетельствует не только о том, что происходит формирование транснационального капиталистического класса, но и о том, что китайский капиталистический класс становится его неотъемлемой частью, фракцией в его составе.

Рассмотренные выше особенности образа жизни китайских капиталистов, как и глобализация вообще, убедительнейшим образом опровергают так называемый цивилизационный подход в духе Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и евразийцев, представляющий человечество как совокупность обособленных, принципиально различных по своей природе и не влияющих друг на друга и цивилизаций. Интересы, вкусы и наклонности китайских богачей абсолютно космополитичны, практически ничем не отличаясь от пристрастий их коллег из других стран мира. Уникальная китайская история снята в современном Китае, активно включающемся в процессы глобализации, интенсивно интегрирующегося в мировую капиталистическую систему, в том числе и благодаря деятельности китайского капиталистического класса. Человечество становится единым все более, причем основанием этого единства в современную эпоху выступает глобальный капитализм. Не существует никакого столкновения цивилизаций, но есть противостояние глобального капиталистического меньшинства, преуспевшего подобно китайским миллионерам и миллиардерам в условиях капиталистической глобализации и приобщающегося к радостям глобального элитного потребления, и глобального трудящегося большинства, уделом которого является гло-

бальная эксплуатация и всевозможные напасти, обусловленные кризисным характером развития мировой капиталистической системы.

Ссылки:

1 Подсчитано по: GDP growth (annual %) http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG

2 China's 2014 economic growth misses target, hits 24-year low//URL: http://www.reuters.com/article/2015/01/20/us-china-economy-idUSKBN0KT04920150120, дата обращения 20.02.2015.

3 The World's Billionaires http://www.forbes.com/billionaires/list/

4 Hurun Global Rich List 2015 // http://www.hurun.net/EN/ArticleShow.aspx?nid=9607

5 The Wealth Report 2014. The Global Perspective on Prime Property and Wealth. London: Knight Frank, 2014, p. 19.

6 World Ultra Wealth Report 2012-2013. Singapore: Wealth-X, 2013.

7 Составлено и подсчитано по: Bloomberg Billionaires. Today's ranking of the world's richest people, http://www.bloomberg.com/billionaires/latest/aaaya

8 The World's Billionaires. The List. Real Time //URL: http://www.forbes.com/billionaires/#version:realtime, дата обращения 18.04.2015.

9The Chinese Millionaire Wealth Report 2013. Hurun Report, GroupM Knowledge, 2014//URL: http://up.hurun.net/Humaz/201312/20131218145315550.pdf, дата обращения 15.01.2015.

10 Global Wealth Databook 2014. Research Institute. Thought leadership from Credit Suisse Research and the world's foremost experts. Zurich: Credit Suisse, October 2014, p. 111.

11 Население Китая в 2013 составляло 1,337 млрд. чел.

12 Global Wealth Databook 2014, p. 111.

13 China Rich List 2014 // http://www.forbes.com/china-billionaires/

14 С учетом того, что информация о возрасте части миллиардеров отсутствует.

15 Подсчитано по: Forbes. Rich Lists http://www.forbes.com/lists/

16 В этом случае не учитываются Гонконг и Макао.

17 Global Cities. Present and Future// URL: http://www.atkearney.com/documents/10192/4461492/Global+Cities+Present+and+Future-GCI+2014.pdf/3628fd7d-70be-41bf-99d6-4c8eaf984cd5.

18 The Chinese Luxury Traveler 2014, 2014, p. 9.

19 The Chinese Luxury Traveler 2014, 2014, p. 10.

20 The Chinese Luxury Traveler 2014, p. 18. – Ранжирование по данным на 2014.

21 The Chinese Luxury Traveler 2014, p. 21.

22 The Chinese Millionaire Wealth Report 2012, P. 18; The Chinese Millionaire Wealth Report 2013, p. 12.

23 Worldwide migration of HNWIs..., 2014.

24 The Chinese Luxury Traveler 2014. Hurun Report. 2014, p. 17.

Девиантные слои в социальной структуре современной России

Романенко М.В.

В статье выделяется три типа девиантных слоев и выявляется их роль в социальной структуре современной России.
Ключевые слова: девиация, социальный слой, правонарушения, алкоголизм, наркомания, социальное дно, суицид, коррупция, неоиндустриализация.

Deviantnye layers are in the social structure of modern Russia
Romanenko M.V.
In appearance (to the article) three types of deviantnykh layers are selected and their role comes to light in the social structure of modern Russia.
Key words: deviaciya, social layer, offences, alcoholism, drug addiction, social bottom, suicid, corruption, neoindustrializaciya

Мы живем в сумеречном мире, ибо вопросов на много порядков больше, чем ответов на них. Это всецело относиться и к проблеме девиантного поведения, поступков и действий людей в обществе.

Сначала определимся в понятиях.

Социальная структура общества – совокупность (система) взаимосвязанных и взаимодействующих между собой классов, социальных слоев и групп [1].

Социальные слои – социальные общности (группы) людей, выделяемые по одному или нескольким родственным признакам дифференциации, стратификации общества (доход, собственность, власть, престиж, уровень образования и т.п.) [2].

Девиантное поведение – деятельность субъектов (человек, группа, слой, общность) не соответствующая официально установленным или общепринятым в конкретном обществе нормам поведения (образцам, ценностям, стереотипам, устоям) [3]. Диапозон девиаций широк: от сквернословия до геноцида. К основным формам девиаций относятся правонарушения, включая преступность, пьянство и алкоголизм, наркотизм и таксикоманию, проституцию и активизировавшиеся сегодня – терроризм и экстремизм. Э**то негативные девиации**, наносящие обществу урон и препятствующие социальному развитию, в том числе и формированию прогрессивной и относительно стабильной социально - классовой структуры общества.

Но есть и **позитивные, прогрессивные девиации,** включающие все виды социального творчества: художественного, научно-технического, институционального. Социальное творчество (новаторство) связано с преодолением существующих, особенно устаревших и тормозящих прогрессивное развитие, норм, традиций, ценностей, обычаев, форм и типов деятельности, и оно требует всемерной общественной поддержки и развития.

Современная социально - классовая структура России – представляет собой переходную,

эклектичную, гибридная, деклассированную, формирующуюся на базе уродливого сочетания, смешения осколков (укладов) натурального хозяйства, рабства, феодализма, капитализма, социализма. В регионах, наряду с традиционными, возродились архаичные социальные группы - слои, которые существовали в царские времена и смешались с современными на базе натурального хозяйства, подпольного производства (в виде «соподчиненных мануфактур»), отходничества – современный вариант ухода дореволюционных крестьян на заработки, группы охотников-промысловиков. Современные рабы и крепостные крестьяне, фермеры и предприниматели, отходники, вахтовики, сословия (возрождение дворянства), кустари – одиночки, киллеры [4], корпорации за плату по оказанию научных услуг (написание дипломных работ, диссертаций и т.п.), низшие и высшие слои, мошенники и бродяги, фанаты футбольных клубов, байкеры, иностранные агенты, переселенцы, члены религиозных, в том числе тоталитарных сект, «черные охотники за древними артефактами», «черные лесорубы» [5] и т. д. – такова далеко не полная мозаика социальной структуры современной России. Ситуация в этой сфере фактически не контролируется не только федеральным центром, но и местными властями.

Особенность сегодняшнего времени в том, что в девиантную сферу все больше вовлекаются слои, которые раньше считались благополучными – учителя, врачи, военнослужащие, работники правоохранительных органов, спецслужб, работники науки (к обратившемуся в интернет клиенту поступило 3 млн. предложений написать за плату кандидатскую диссертацию). Уровень преступности в российских Вооруженных силах высокий. По данным Главной военной прокуратуры за шесть месяцев 2012 года более 530 военнослужащих пострадали, 16 - погибли в результате преступных посягательств офицеров. Масштабы офицерской преступности в войсках и воинских формированиях, по мнению главного военного прокурора России Сергея Фридинского, превысили всякие разумные пределы [6]. Показательно в этом отношении осуждение на пять лет за получение взятки высокопоставленного военного генерал-полковника Владимира Чиркина, экс-главкома Сухопутных войск[7].

Несмотря на недавнюю реорганизацию и переименование уровень преступности полиции остается на том же уровне, каким он был во времена существования милиции. Это признает член общественного совета при ГУ МВД по Москве Антон Цветков.

Отметим также формирование особого «экзотического» социального слоя, который в зарубежной литературе обозначен как прекариат, то есть наемные работники, лишенные части политических и социальных прав и гарантий и находящихся между рабочим классом и резервной армией безработных [8]. Это все работники, занятые в теневом секторе экономики и сферы услуг, нелегальные трудовые мигранты. Они вынуждены соглашаться на любые виды работ (сезонная работа, работа неполный день, стажерство, заемный труд, надомничество). В России прекариат, как новый социальный слой, находится на стадии активного формирования и быстрого умножения.

По степени вовлеченности, близости к возникновению и реализации девиантного поведения, действий и поступков людей выделим три типа социальных слоев:

Первая группа (слой) - *актуальные, активно действующие девианты. Самая многочисленная группа – правонарушители*, в том числе преступность, включая организованную и профессиональную. В 2012 г. совершено 2302,2 зарегистрированных преступлений, в 2013 г. - 2206,2 (в действительности, по мнению криминологов (А.И. Долгова и др.), совершается ежегодно около 10 млн. преступлений). Вот некоторые штрихи «Социального портрета преступников»: 42% преступлений в РФ в 2012 году совершили мужчины в возрасте 30-49 лет. Что касается *социального положения*, то 65% преступников не имеют постоянного источника дохода (по крайней мере официального), а на втором месте находятся наемные работники, совершившие 35% преступлений. Наименьший вклад в статистику преступлений внесли работники сельского хозяйства. *Уровень образования преступников:* около 40% обоих полов не окончили даже среднюю школу. Примерно по 25% имеют полное среднее и среднее специальное образование. Любопытно, что среди преступников выпускниц вузов женщин больше (10%), чем мужчин с высшим образованием (6,5%).

Преступность, особенно организованная, политизируется. Через подкуп чиновников, представителей правоохранительных, специальных служб и контролирующих структур, путем делегирования своих представителей во власт-

ные структуры образуются преступные сообщества (мафия), которые способны принимать государственные решения в интересах преступных групп. **Вторая группа -** *алкоголики***.** По последним данным Роспотребнадзора, количество алкоголиков в России превысило отметку в 5 млн. человек. По словам главного нарколога Минздрава России Е. Брюна, «зеленый змий» совратил более 2% всего населения страны - именно столько людей стоит сейчас на учете в медицинских учреждениях. Еще примерно 30% россиян злоупотребляют алкоголем, не думая о последствиях. Сегодня Россия занимает третье - четвертое место в мире по уровню потребления спиртного на душу населения - 15-17 л/ч, не считая самогонки. Всемирная Организация Здравоохранения считает, что потребление свыше 8 литров чистого спирта в год на человека ведет к его физической и духовной деградации. Алкоголизм является причиной смерти 1/3 всех мужчин и 15% женщин. От алкоголя умирает столько людей, сколько в совокупности не умирает от аварий на транспорте, убийств, эпидемий и стихийных бедствий. Эксперты подсчитали, что с злоупотреблением алкоголя в России напрямую или косвенно связано: 62% самоубийств, 72% убийств, 60% смертей от панкреатита, 67,7% от цирроза печени и больше 23% от сердечнососудистых заболеваний. Ежегодно регистрируется более 40 тыс. случаев отравления некачественным алкоголем, в том числе и смертельных. С 12 октября 2011 г. в России полностью прекратили свою работу вытрезвители в силу «неэффективности их работы». Теперь пьяницами «занимаются врачи», а не сотрудники МВД.

По многочисленным опросам, большинству наших соотечественников алкоголь нужен для снятия стресса (26% опрошенных); 31% не видят другого способа расслабиться в конце рабочей недели. *30% с помощью алкоголя хотят забыть окружающую действительность.* Для 28 % россиян алкоголь неразделим с весельем праздниками. За компанию пьют 19%, а чтобы поднять себе настроение – 18%. Около 11% респондентов заявили, что испытывают потребность выпить. Чтобы снять похмелье алкоголь принимают почти 5 %. Из желания быть как все - около 5%. По мнению около 3% реципиентов, алкоголь помогает им «согреться».

Третья группа - *наркоманы***.** Около 8 млн жителей страны употребляют наркотики и психотропные вещества в немедицинских целях. Это почти 7% населения России, именно столько жителей страны, по подсчетам ФСКН, употребляет наркотики и психотропные вещества. Официальная статистика фиксирует 630 тыс. зарегистрированных наркоманов. 8 миллионов – это не больные наркоманией, а те, кто регулярно или эпизодически употребляет наркотики. Главный нарколог Минздрава России Евгений Брюн подверг сомнению эти цифры. Он считает, что даже если учитывать латентный характер заболевания и статпогрешность, число наркозависимых в России не превышает полутора миллионов человек. И это тоже немало, учитывая тенденцию быстрого роста наркоманов, особенно среди подростков.

Четвертая группа - *коррупционеры***.** Россия вошла в число самых коррумпированных стран в мире. Международная компания по анализу рисков Verisk Maplecroft опубликовала результаты своего исследования 198 стран мира и составила рейтинг подверженности коррупции и взяточничеству. Россия заняла место рядом с Южным Суданом и Мьянмой. Verisk Maplecroft, компания, занимающаяся анализом разнообразных рисков, опубликовала исследование, посвященное изучению степени их подверженности коррупции. Исследование проводилось по данным с августа 2012 года по август 2014 года. Использовались данные как Transparency International и Freedom House, так и Государственного департамента США. Факторы, на которые обращали внимание исследователи, – частота коррупционных действий, продолжительность коррупции, ее распространенность, тяжесть и способность лиц, совершающих коррупционные действия, заниматься этим безнаказанно. Под коррупцией исследователи понимали - «оказание влияния, часто через предоставление денег или привилегий, для получения одолжений и услуг».

В 2014 году уровень коррупции в России увеличился - страна заняла 136 место из 150 стран, поделив его с Нигерией, Ливаном и Камеруном в ежегодном рейтинге, представленном 3 декабря 2014 г. международной организацией Transparency International. Чиновники, особенно в российских регионах, не просто берут «административную ренту». Сейчас – это уже доля власти в бизнесе, и это называется «административное предпринимательство»: конкретный человек во властных структурах,

возглавляющий какие-то региональные департаменты, министерства, мэр и его замы – участвуют в бизнесе тех компаний, которые работают на региональном или на муниципальном уровне. Силовые структуры, особенно в регионах, ФСБ, прокуратура, полиция, все более интенсивно вовлекаются в бизнес. Коррупция становится основой жизнедеятельности российского государства [9]. Сейчас в России на 10 тыс. населения - 102 чиновника (для сравнения в Китае – 72, в СССР в 1985 г. было 73). По данным независимых экспертов, чиновничество в России получает до 35% доходов страны.

Пятая группа – *самоубийцы***.** Россия за прошедшие годы перестройки от самоубийств, потеряла около 800 тыс. человек. По подсчетам специалистов Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского основная масса самоубийц – мужчины, в основном это люди зрелого, работоспособного возраста. Средний возраст мужчины-самоубийцы в России 45 лет, женщины – 52 года. Во многом, по мнению медиков, на рост самоубийств в России повлиял сложный для страны период 1990 -х годов, когда страна теряла от самоубийств около 55 тыс. ежегодно и занимала по этому показателю второе место в мире. *Нужно также учитывать, что из 20-ти попыток самоубийства лишь одна приводит к смерти.* Среди основных причин желания свести счеты с жизнью - это психические нарушения, депрессия, алкогольная и наркотическая зависимость, а также неврологические заболевания, рак, ВИЧ-инфекция. Человека к мысли о суициде могут привести плохие отношения в семье, с друзьями, в коллективе на работе или на учебе (в последнее время при неудачной сдаче экзамена по ЭКГ), смерть близких, боязнь наказания, неудачная любовь и другие острые стрессовые ситуации.

Ситуация к началу второго десятилетия XXI века изменилась в положительную сторону. Если в 2007 г. суициды в России составили 41329 человек, то по данным ВОЗ, в 2013 г. число самоубийств составило 28779 человек, хотя по подростковому (15-19 лет) суициду наша страна занимает самый высокий в Европе уровень, велик уровень и детских суицидов. В год кончают жизнь самоубийством 1500 детей и ещё 4 тыс. совершают попытку самоубийства. По данным зарубежных экспертов, 45% русских девочек и 27% русских мальчиков хотя бы раз в жизни серьёзно обдумывали возможность самоубийства. Павел Астахов, Уполномоченный при Президенте России по правам ребёнка, заявляет, что государство держит в секрете точное количество самоубийств. Некоторые регистрируются как несчастные случаи. Если мы не искореним причины этой трагедии, то потеряем целое поколение. В 2014 г. количество детских самоубийств в Москве выросло в три раза.

Второй тип – это *латентные девиантые слои, продуцирующие девиации***:**

Прежде всего - это ***социальное дно.*** К представителям социального «дна» («люмпен – пролетариата») в России относятся десоциализированные, стоящие на грани преступного мира элементы (воры, бандиты, торговцы наркотиками, содержатели притонов, мелкие и крупные жулики, наёмные убийцы), а также опустившиеся люди – алкоголики, наркоманы, проститутки (включая детей), бродяги, бомжи, ведущие асоциальный образ жизни. Председатель Конституционного Суда Валерий Зорькин на международном форуме по конституционному правосудию, посвященному проблемам социального государства в октябре 2007 года привел статистику, согласно которой в России - 4 млн бомжей, 3 млн. нищих, 5 млн. беспризорных детей, 4,5 млн проституток, то есть 16,5 млн. человек - 11,3% населения страны. В. Зорькин сделал вывод о том, что когда на грани бедности находится до трети населения, тогда не могут быть в полном объеме обеспечены политические и социальные права граждан страны. О наличии многомиллионного «дна» пишет и И.М. Ильинский, который утверждает, что к 2007 г. на социальное «дно» в России опустилось 14 миллионов человек: 4 миллиона бомжей, 3 миллиона нищих, 4 миллиона беспризорных детей, 3 миллиона уличных и привокзальных проституток [10].

Российское «дно» социально опасно, так как оно склонно к насилию. По опросам представителей «дна», 85% беспризорников и 34% бомжей вооружены холодным оружием, а 28% - огнестрельным. Среди беспризорников практически нет таких, кто бы не имел оружия. Многие из них болеют заразными болезнями, употребляют токсичные вещества или наркотики, а также занимаются их распространением. Обитатели «дна» в России – «естественный ресурс» уголовного мира. Эксперты считают, что если человек бродяжничает больше полугода, то вытянуть его из

этой «тины» очень трудно, а иногда и невозможно. Он становится бомжом по своей социальной сущности и «своей философии» [11].

Мигранты. По данным Федеральной Миграционной Службы на территории России сейчас находятся от 11 до 16 млн. граждан других стран, включая 1 млн. беженцев с юго-востока Украины. Количество нелегальных мигрантов на территории России варьируется от 3 млн до 5 млн. По оценке представителей ФМС, около 40% мигрантов прибыли в Россию не для работы, а около 30% находятся в стране дольше положенного срока. Большинство иностранцев, безусловно, приезжают в Россию на заработки, т.е. с намерениями длительного нахождения на территории страны, однако при этом до 80% из них указывают недостоверные причины приезда.

К сожалению, в настоящее время иммиграция в России приобретает все более девиантный характер: это неуплата налогов, подпитка теневой экономики, вывоз денег из страны, ведение противоправной коммерческой деятельности вплоть до доставки и сбыта наркотиков и оружия, изготовления и продажи фальсифицированных спиртных напитков, поддельных документов, справок, печатей и т.п. Мигранты создают конкуренцию местному населению на рынках труда, и тем самым создают реальную угрозу экономике страны [12].

В последние годы участились факты ввоза иностранных граждан их же соотечественниками с целью обращения в рабство. Малообеспеченные граждане соглашаются въезжать на территорию Российской Федерации за счет оплативших их поездку лиц, у которых впоследствии остаются в услужении. Такие нелегальные мигранты становятся настоящими рабами, которых их более состоятельные соотечественники перепродают друг другу как для домашних услуг, так и для выполнения криминальных поручений: перевозки наркотиков, контрабанды товаров, совершения вымогательства чужого имущества и т.п. Активно участвуют нелегальные мигранты в вербовке и покупке российских женщин для дальнейшей их сексуальной эксплуатации на территории Западной Европы и других стран. В настоящее время расследуется ряд дел по контрабанде и незаконной банковской деятельности, совершенных иностранцами, т.е. и этот сектор противоправной деятельности мигрантами также активно осваивается. *Массовый наплыв иноэтничного населения, неконтролируемые поселенческие процессы могут привести к изменению национального и конфессионального состава целых районов РФ, что неизбежно приведет к обострению межэтнических отношений, к усилению неустойчивости социальной стабильности.* За последние 10 лет число преступлений, совершенных по почве национальной ненависти и вражды, существенно возросло. В текущем году данные негативные тенденции сохраняются и углубляются.

Третий тип - *потенциально девиантные слои, из которых рекрутируются девианты***.**

Слои безработных – в 2013 г. официально зарегистрировано 5,5% (4,137 млн.), хотя в действительности, их минимум в 1,5 – 2 раза больше. Эксперты считают, что в 2015 г. безработица увеличится на 434 тыс. человек и составит 6%. В 2013 г. лица без постоянного источника дохода совершили 665 тыс. преступлений, в том числе безработные – 38,1 тыс. [13].

Работники–нелегалы. Около 15 млн. трудоспособных граждан России фактически работают нелегально, главным образом в теневой экономике, заявил в мае 2015 г. зам. руководителя Роструда Михаил Иванков. Он сообщил, что главная задача сейчас – в ближайшее время снизить этот показатель на 30%. Вице-премьер Ольга Голодец недавно поведала, что 38 млн. трудоспособных граждан неизвестно, где работают и они не платят налогов. Теневая экономика в России составляет по разным оценкам от 30 до 50% ВВП. В феврале 2013г. в докладе американского исследовательского института Global Financial Integrity (GFI) сообщалось, что теневая экономика России в 1994-2011 годах составляла 46 процентов от ВВП страны.

Бедные слои - президент В.В. Путин недавно признал, что в России 13% населения все еще живут за чертой бедности. Это примерно 18 миллионов человек. По данным ИСПИ РАН до кризиса в 2013 г. бедными себя считали одна треть населения, сегодня эту цифру можно увеличить в 1,5-2 раза. Децильный коэфициент в 1991 г. в нашей стране составлял 4,5, в 2014 – уже 16. По экспертным оценкам, с учетом скрытых доходов от 25 до 40. [14]. Минимальный размер заработной платы в 2014 г. - 5554 руб., минимальный прожиточный минимум в декабре 2014 г. составлял 8234 руб. Расширяется слой *«работающих бедных».* Стипендия студента в 2013г. составляла 19% минимального прожиточного минимума, начального и среднего про-

фессионального образования – 7%. Известный экономист Михаил Делягин считает, что если государство отказывается гарантировать каждому своему работающему или учащемуся гражданину право на жизнь в виде прожиточного минимума, оно совершает антиконституционное преступление. Журналисты из профсоюзной газеты «Солидарность» некоторое время назад подсчитали, что «продуктовая корзина» пленного немца в советском лагере времен Второй мировой войны была более солидной, чем та, которую предлагало российское правительство собственным гражданам. Прожиточный минимум в России, это уровень не просто бедности, а физического выживания. При этом в отличие от Запада, где большинство бедных сконцентрировано в крупных городах, специфика российской «работающей бедности» состоит в преимущественной концентрации ее представителей в сёлах и в малых городских населенных пунктах, отличающихся узким и депрессивным рынком труда. По выборочным исследованиям у пятой части работающих российских бедных доходы не превышают 7 тыс. рублей. По данным Россстата в 1-ом квартале 2015 г. численность россиян с доходом ниже прожиточного минимума увеличилась на 3,1 млн. человек по сравнению с аналогичным периодом 2014 года и составила 22,9 млн. человек, что резко повысило количество преступлений, связанных с материальной мотивировкой [15].

Социологические исследования ИС РАН выявили 3 типа бедных:

• 9% - бедные «по доходу» - те, чей среднедушевой доход в домохозяйстве ниже официально установленного прожиточного минимума в данном регионе;

• 25% - бедные «по лишениям» - не только те, у кого среднедушевой доход

ниже прожиточного минимума (он может быть и равен ему, и даже выше его), но и те, кто испытывает нужду в удовлетворении таких базовых потребностей как питание, жилищные условия, приобретение одежды и обуви, получение качественной медицинской помощи и т. п.;

• 4% - хронические, застойные бедные – те в составе бедного населения, которые находятся в состоянии бедности более 5 лет и характеризуются глубокой и застойной бедностью, качественно отличающейся от других видов бедности: человек привыкает к бедности и вернуть его к производительному труду очень трудно.

Тенденции развития девиантного поведения в России на ближайшую перспективу:

Мерой развитости социальной структуры является степень ее разнообразия, т.е. разнообразие видов, форм деятельности, способов связей между людьми, общностями и институтами – это разнообразие применительно к современной России усиливает девиантные процессы и девиантный характер старых и новообразованных слоев и групп, и институализирует их девиантную деятельность.

- расширение сферы и масштабов девиантной деятельности;

- умножение субъектов девиантной деятельности и объектов воздействия; - усиление жестокости, циничности, антигуманности и разрушительности актов девиантной деятельности;

- появление новых (в том числе экзотических) форм и методов деятельности в связи с бурно развивающимися новейшими (авангардными) технологиями, генной инженерией, биотехнологиями, всеобщей компьютеризацией мира;

- повышение уровня организованности и управляемости и конспиративности девиантной деятельности как внутрислоевой, так и интерслоевой;

- повышение уровня интеллектуализации и профессионализации девиантной деятельности;

- феминизация девиантности - за счет значительного вовлечения в антиправовую и криминальную деятельность представителей женского пола.

– омоложение субъектов девиантной деятельности за счет молодежи, подростков и детей. Пик массового девиантного поведения в России сместился в возрастную группу 14-15 лет.

– повышение уровня социальной защиты за счет социальной помощи девиантным элементам и их семьям нелегальными организациями (финансово – материальная помощь, лечение, оказание юридической помощи, целевое направление и оплата учебы в государственных и коммерческих структурах, организация отдыха и т.д.);

- все большее проникновение во все слои общества, властные структуры, сращивание с правоохранительными органами и спецслужбами за счет угроз и подкупа (коррупции) представителей органов власти, правоохранительных органов и спецслужб;

- сближение, взаимопроникновение некоторых девиантных слоев, вплоть до их «слияния» - сейчас отчетливо вырастает опасность слияния оргпреступности, терроризма и наркомафии «наркотеррокриминального интернационала», как в национальном, так и на транснациональном уровне;

- взаимопроникновение (диффузия) недевиантных слоев с девиантными при ведущей роли девиантности. Диффузия в пользу усиления девиантности.

Вывод: *Социальная структура России ныне в значительной мере деклассирована, турбулентна, аморфна, дезинтегрирована, девиантна. Девиантные слои занимают в ней значительное место и играют негативную роль в становлении социально-классовой структуры, проникая и разлагая все социальные слои. Девиантизация, криминализация социальной структуры и общества судя по всему будет нарастать.* Попытки властей противодействовать девиациям, как правило, имеет лишь локальный эффект при общем усилении тенденции девиантного поведения. При продолжении нынешнего либерального социально – экономического курса нас ожидает *девиантизм* – «цивилизация безумия», где человек будет подобен зверю, лишенного разума, а сообщество людей – стае, где человек человеку – волк и выживает сильнейший.

Необходимо срочное лечение больного общества – *реабилитация, ресоциализация и профилактика* прежде всего наиболее острых и социально опасных форм. Для этого нужна научно разработанная комплексная ***национальная программа реинтеграции девиантов в общество.*** Эффективная борьба на государственном уровне с процессом эскалации девиантности возможна лишь в том случае, если к деятельности правоохранительных органов, спецслужб и других международных институтов и структур власти, присоединится гражданское общество, все законопослушные и заинтересованные в ликвидации «социальных патологий» патриоты Отчизны [16]. В процессе минимизации девиантности социума активное участие должны принять и социологи.

При нынешнем неолиберальном социально - экономическом курсе страны девиантность общества будет только усиливаться. Россия и Китай начинали реформы приблизительно в одно и тоже время время. Китайскую модель реформ, впоследствии получившую название «Пекинский консенсус», *отличает ведущая роль государства в экономике, опережающий рост промышленности, повышенное внимание к развитию науки и образования, существенное повышение уровня и качества жизни населения, резкое сокращение бедности и нищеты.* Достижения Китая в строительстве социализма с китайской спецификой поражают весь мир. По объему ВВП и привлеченным зарубежным инвестициям Китай с ноября 2014 года занимает первое место в мире.

Нынешнее правительство в России в социально-экономической и других сферах жизнедеятельности общества с 1991 года следует *курсу «Вашингтонского консенсуса», то есть политике либерализма, «минималистского государства» и монетаризма.* Итоги неолиберальных реформ констатирует проф. В.Л. Иноземцев в «последние 25 лет российской экономики оказались ужасающими». К примеру, доля высокотехнологичной продукции в экспорте России составляет менее 0,2%. Современную Россию характеризуют деиндустриализация и деградация производства, стагфляция, нарастание девиантности и множество других негативных факторов: Росстат констатирует, что ВВП России по итогам первого полугодия 2015 г. снизился к аналогичному периоду 2014 года на 3,4 процента. Внешнеторговый оборот за указанный период сократился почти на треть. Экспорт упал на 28,5 процента к тому же периоду прошлого года, а импорт рухнул на 38,6 процента. Оборот розничной торговли снизился на 8,1 процента. МВФ считает, что по итогам 2015 года ВВП России сократится на 3,4 процента. Данные о социально-экономическом развитии нашей страны за время либеральной перестройки, точнее «катастройки» (термин А.А. Зиновьева) «свидетельствуют о наличии вполне серьезных угроз национальной безопасности», когда под угрозу поставлено существование России, как государства, - утверждают ученые РАН, [17]. «Социально-экономическая ситуация в России ухудшается у нас на глазах. При этом больше всего страдает население», - констатирует академик А. Амбарцумян [18]. ***Назрела острая необходимость смены социально-экономического курса страны.***

Ученые РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова, Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте (СПб) изучая опыт социализма, передовых стран мира, и прежде всего Ки-

тая, который в свое время использовал наработки русских ученых, разработали новую научную стратегию **неоиндустриализации России** [19]. *Суть этой стратегии* заключается в становлении и быстрого развития базисных производств нового (шестого) технологического уклада (нано-, био-, инфо-, и социальных технологий), и скорейшем выводе, прежде всего российской экономики, на связанную с ним длинную волну социально –экономического опережающего роста. Это даст возможность занять пока еще в основном свободные ниши мирового и отечественного рынка, перевооружить все отрасли народного хозяйства на новой высокоразвитой информационно - цифровой технологической основе и сделать реальные шаги перехода от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития, совершить существенный подъем уровня и качества жизни населения нашей страны.

Для перехода к реализации стратегии неоиндустриализации, опережающего развития Россия имеет объективные и субъективные предпосылки: высокий уровень образования населения (по данным ОЭСР Россия по высшему образованию занимает первое место в мире), богатейшие природные ресурсы, сохраняет современный и конкурентоспособный научно-технический потенциал в атомной и авиакосмической отраслях, в электронном приборостроении, лазерной технологии, изготовлении наноматериалов и др., значительный научный потенциал: Россия сохраняет ведущие позиции в мире в математике, программировании, молекулярной биологии и генной инженерии, нанофотонике, в электронных силовых микроскопах.

Эти предпосылки могут быть превращены в движущие силы неоиндустриализации только в деятельности высокоразвитого человеческого капитала, под которым понимается интеллект, здоровье, знания, опыт и умения людей, качественный и производительный труд и высокое качество жизни. До сих пор продолжается деградация народа – физическая: - из 1000 чел. с диагнозом, установленным впервые в жизни в 1998 г. было 666,9 чел., многие с 5 и даже 10-ю заболеваниями. Счетная палата констатирует, что в результате «оптимизации» здравоохранения было уволено 90 тыс. врачей и медсестер.17,5 тыс. населенных пунктов вообще не имеют медицинской инфраструктуры, из них более 11 тыс. расположены на расстоянии 20 км от ближайшего врача [20]. Президент потребовал от правительства доложить, почему общий уровень смертности в стране вырос на 2%, а в первом полугодии 2015 г. показатель смертности вырос на 4%. При этом идет резкое сокращение расходов на здравоохранение. В июне месяце 2015 г. глава Минздрава Ольга Голодец сообщила, что 83 тыс. деревень и сел невозможно обеспечить фельдшерскими пунктами. Не только физическая, но и духовно – нравственная деградация народа в условиях аномии, «культуры одноразового использования» и бесконтрольного потребления, где главная ценность – материальное богатство – деньги, продолжается [21]. Идет девиантизация, «озверение» людей, отдельных групп, слоев населения. Например, опрос студентов журфака МГУ выявил, что 17% студентов не видят различия между добром и злом. «Пока человек отличает добро от зла – он человек, - вещает Святейший Патриарх Кирилл, - а как только перестает отличать – он ничем не отличен от животного» [22].

Ускоренными темпами идет физико-биологическая и духовно – нравственная деградация и демонтаж российского народа, особенно русского, самого непокорного в истории человечества и самого талантливого. Великий русский писатель В.Г. Распутин, наблюдая процессы в современной России, недавно с горечью говорил: «Порой складывается впечатление, что дело ведется к тому, что её, Россию, закрывать. Пройдет еще 30-40 лет – и развеют по ветру сначала все русское, чем заняты уже теперь, а затем и российское, оставив, быть может, только кое-какие названия и обозначения» [23].

Выход на траекторию инновационного, опережающего развития необходимо требует, прежде всего, отказа в экономической политике от догм рыночного фундаментализма, который утверждает, что рынок автоматически решает все, в том числе и социальные проблемы. Предложенный и реализуемый ныне «План Шувалова» выхода России из современного системного кризиса основан в основном на догме - «рынок все выправит и поставит на свои места». Это, по словам депутата Госдумы Оксаны Дмитриевой, - «план похоронной команды».

Имеются ли в России социальные слои, заинтересованные в том, чтобы объективные и субъективные предпосылки превратить в активно действующие факторы неоиндустриализации, опережающего развития? Стоящее у власти чиновничество в своем большинстве не заинтере-

сovано в коренных изменениях, поскольку это связано с потерей ими привилегированного положения и потерей заработной платы, которая превышает среднюю заработную плату по стране у некоторых из них в тысячи раз. Добавим к этому также и то, что многие чиновники «приватизированы» крупным бизнесом и часто выполняют их корпоративную волю часто в ущерб решению государственных задач. Всячески против новой модернизации выступает и так называемая элита - олигархи, которые обладают колоссальным богатством, и могут лишиться богатства, которое нажито в основном в обход законов и с нарушением их. Не может быть позитивной активной силой и «дно общества» (бомжи, алкоголики, наркоманы, бродяги), криминальная организованная, в том числе профессиональная, преступность, дельцы теневой экономики, «черного рынка» и т.п. Это носители негативно - деструктивного человеческого капитала, не способные решить назревшие вызовы социально-экономического прогрессивного развития страны. Носителями позитивно - конструктивного человеческого капитала являются те социальные слои – «пассионарии» (термин Л.Н. Гумилева), которые недовольны своим положением и жизненно заинтересованы в коренных преобразованиях – это высококвалифицированные рабочие, врачи, учителя, инженеры, ученые, преподаватели вузов, студенты по контракту, мелкие и часть средних предпринимателей, безработные, среди них молодежь (лица от 20 до 34 лет составляла в 2013г. 48,6%), и работники с неполным рабочим днем. Они – армия прогресса – «прогрессисты». Организовать и возглавить их может только народное правительство, реализующее в жизнь коренные национальные интересы, что требует решительной политической воли высшего руководства страны, то есть «революции сверху», которая будет поддержана абсолютным большинством «низов», сторонниками утверждения социальной справедливости в де факто несправедливом обществе. Возглавить стремление трудовых масс к прогрессивным изменениям могут и политические партии, среди которых, на наш взгляд, прежде всего КПРФ, которая имеет Антикризисную научно разработанную, обоснованную программу выхода страны из стагфляции и построения справедливого социалистического общества.

Стратегическое направление минимизации девиантности и элиминации особенно ее острых и социально опасных форм – это создание условий для свободного творческого труда каждого субъекта истории. Нужно резко повысить в системе шкалы социальных ценностей престиж продуктивного труда, «нужно развивать таланты каждого человека. Нужно инвестировать в те институты, в рамках которых таланты людей формируются и процветают», - призывал папа Римский Франциск 26 ноября 2014 г. в Европарламенте и Совете Европы. Этот призыв папы Римского должны услышать все граждане и правительство нашей многострадальной России.

Ссылки:

1. Социология: Словарь–справочник. Том 1. Социальная структура и социальные процессы. М.: Наука, 1990, с. 50 – 51.

2. Социология: Словарь–справочник. Том 1. Социальная структура и социальные процессы. М.: Наука, 1990, с. 160; Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М.: НОРМА, 1998, с. 323.

3. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. VI: Социальные деформации. – М.: ИНФА - М, 2005, с. 278; Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других отклонений. СПб.: Юридический центр ПРЕСС, 2004, с. 23; Джери Дэвид, Джери Джулия Большой толковый социологический словарь. Том 1. М.: ВЕЧЕ - АСТ, 2001, с. 161.

4. В 2013 г. зарегистрировано 23 факта убийства по найму // Российский статистический ежегодник. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014, с. 259.

5. В результате незаконных рубок леса в России «черные лесорубы», по данным руководителя Федерального агенства лесного хозяйства, ежегодный ущерб оценивается в 10 млрд. рублей. (Ежегодно крадут на 10 миллиардов // Советская Россия. 30 июля 2015 года, с. 1).

6. Преступность в армии (Электронный ресурс) – Режим доступа: http://globalist.org.ua (Дата обращения: 05. 08. 2012).

7. Приговорен к пяти годам за взятку // Советская Россия. 15. 08. 2015, с. 2.

8. См.: Гай Стэндинг Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

9. В современной России коррупция в административных кругах стала делом обыденным,

привычным. Ежедневно газеты сообщают о фактах взяточничества, коррупции, преступлениях. Например, газета «Советская Россия от 15 августа 2015 г. сообщает: задержан вице-губернатор Новгородской области В. Нечаев, которого обвиняют во взяточничестве, прокурор Симферопольского района Крыма задержан по обвинению в получении взятки, руководитель Шимского района Новгородской области М. Некипелов арестован за превышение полномочий, экс-чиновница Минобороны РФ Е. Васильева, осужденная на пять лет, приступила к возмещению ущерба, установленного судом, генерал-полковник В. Чиркин осужден на пять лет за получение взятки.

10. Ильинский И. М. Белая правда Бунина (заметки о бунинской публицистике) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. См. также: Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения (социальное дно) // Социологические исследования. 2004. № 4.

11. См.: Лиходей О. А. Социальные причины и особенности роста бродяжничества и попрошайничества в постсоветской России // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. СПб.: РГПУ имени А. И. Герцена, 2005. № 11. С. 208–219.

12. Фролов Александр Ловушки бедности / / Советская Россия, 23. 07. 2015, с. 2.

13. Российский статистический ежегодник. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014, с. 259.

14. Глазьев Сергей Запредельное неравенство // Завтра. № 29, июль 2015, с. 4.

15. По данным Федеральной налоговой службы в 2014 г. граждане украли в магазинах товаров на сумму более 930 млн. рублей. Это почти вдвое выше показателей 2013 г. Чаще всего из магазинов крадут продукты, алкоголь, парфюмерию. (Максим Грегоров Доброта хуже воровства // Мир новостей. 28 июля 2015 года, с. 2).

16. Федютин М.И. Социальный контроль девиантного поведения // Социальное право: курс лекций. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1998; Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других отклонений. СПб.: Юридический центр ПРЕСС, 2004. (Часть IV).

17. Глазьев С.Ю., В.В. Локосов Оценка предельно-критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской Академии Наук. – 2012. – Том 82. – № 7, с. 598. См. также: Кара-Мурза Манипуляции продолжаются. Стратегия разрухи. М.: АЛГОРИТМ, 2011; Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г. Белая книга России. Строительство, перестройка и реформы. М.: Научный эксперт, 2015.

18. Аргументы и факты. Июнь, № 28, 2015, с. 17.

19. Бодрунов С.Д., Лопатин В.Н. Стратегии и политика реиндустриализации для инновационного развития России. Монография. СПб: Институт нового индустриального развития, 2014; Романенко М.В. Возрождение России как ведущего центра мировой теоретической науки. М.: Университетская книга, 2011; Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.

20. Александр Чуйков Рентабельность уничтожения народонаселения // Аргументы и факты. 2 июля 2015 г., с. 3.

21. Наши масс-медиа, и особенно TV, всячески способствуют росту девиаций. Актриса Ольга Дегтярева дает такую оценку телевидению: «Я считаю, что благодаря нашему телевидению у нас сейчас идет какое-то растление нации... По нашему ТВ постоянно демонстрируют не то, что хорошо в стране, а то, где и как кого-то убили, расчленили...» (Александр Малюгин Определённость в амплуа // Аргументы недели, 27.08.2015, с.12). Либералы внутри страны и из-за рубежа своими заявлениями - призывами также способствуют росту хаоса и дезорганизации в нашем обществе - усиливают девиантное поведение россиян. Например, экс-глава ЮКОСа Михаил Ходорковский недавно заявил на сайте «Открытая Россия», что россияне имеют полное право не соблюдать ряд «аморальных и несправедливых» законов, принятых в стране за последние годы, законное право обходить блокировки Роскомнадзора.

22. Сила нации – в силе духа. Книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилла. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2009, с. 269.

23. Будем жить и помнить. Не стало великого писателя Валентина Распутина // Аргументы и факты. № 12 (18-24 марта 2015 г.), с. 41.

К исследованию внешней миграции Кыргызстана

Алиева К.М., Самудинова А.К.

В статье проведен анализ внешней трудовой миграции в Кыргызстане. Показано, что разное понимание труда и работы кыргызскими мигрантами определяет значимость для них российского рынка труда.
Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, демография, рынок труда, работа, ценность.
The study of external migration of Kyrgyzstan
In the article the analysis of external labor migration in Kyrgyzstan. It is shown that a different understanding of work and the work of Kyrgyz migrants determines the significance for them of the Russian labor market.
Keywords: labor migration, demography, labour market, work, value.

Миграционные явления Кыргызстана представляют трудовую миграцию в форме саморазвивающейся и самопорождающейся социальной процессуальности [Алиева, 2003]. Такие явления необратимы, имеют собственную сложную природу и характер открытой системы, так как миграция приводит к спонтанным включениям в реальные социо-экономические явления множество людей. Сравнительно-сопоставительный анализ 1990-2000-х годов показывает, что быстроразвивающаяся внешняя миграция как открытая система режимов обострения резко снижает внутреннее напряжение социальной сложности республики массовыми людскими оттоками периодической интенсивности [Алиева, 2001]. Но в самоорганизации трудового миграционного потока кыргызов основной интерес представляет организация их труда и работа.

Самобытный кочевой образ жизни, благодаря которому сегодня происходит самосохранение кыргызского народа, остается определяющим параметром его самоидентификации и в период техногенной цивилизации. В номадической кыргызской истории миграционные явления известны как собственный выбор и альтернативное решение всех процессов дестабилизации. Так, в начале XX века этнокультурная самоидентификация кыргызского народа вызвала трагические переселенческие исходы. Но миграционный феномен в конце XX века является взаимозависимой компонентой глобализационного состояния этой цивилизации. Трудовая миграция представляет конвективный поток взаимодействия внутренних параметров кыргызского государства: экономических, политических, демографических, исторических, социальных и т.д. Их высокая степень сопряженности нарушает симметрию взаимодействия и создает сильнонеравновесную область генерирования глубокого системного кризиса с 1990-х годов. Но определяющими природу миграции является экономический кризис и полная деиндустриализация республики, сформировавшие тотальную безработицу. И именно этот обратный ин-

дустриализации процесс выявляет интенсивное регулирующее влияние внешнего постиндустриального пространства мира, так как его новая социальная структура, опирающаяся на высокую степень креативности интеллектуального труда, отличается резким снижением социальной роли рабочего и большим спросом на низкоквалифицированный труд. Отсюда растущие потребности сервизной макроэкономики в дешевой рабочей силе являются основой активации и мобилизации трудовых ресурсов республики и их последующей интеграции в мировой рынок труда, который все больше становится бизнесом работы. Известно, что в СССР безработица исчезла еще в 1931 году. В республике она возникла почти сразу в постсоветский период. Но уже в 2000 – 2007 годы количество безработных резко выросло. Официальные отчеты по безработице характеризуют ее как быстро растущую. Так, в период 2000-2015 годы уровень общей безработицы (в %), вычисленный по методологии Международной организации труда (МОТ), составляет: 7,5 – 2000; 12,5 – в 2002; 8,9 – 2003; 9,0 – 2004; 9,7 – 2005; 8,6 – 2011; 8,5 – 2012, 2013, 2014, а на начало 2015 года – 8,3. Следует учесть, что динамика этого объективного показателя нестабильности рыночной экономики отражает не реальное положение безработицы: в действительности ее величина намного выше, так как ее скрытая часть учитывается не строго. Но он раскрывает основное предостережение постиндустриализации: впервые в истории социального прогресса человек стоит перед необходимостью признать свою ненужность и упрощенную сущность социума, новых условий бытия человека как «существа социального». И в этом смысле исчезает хайдеггеровская ценность или «человечность человека», сущность которого ранее К. Маркс выделяет в концепции материалистического понимания через основополагающий труд, и обозначает человека через «совокупность общественных отношений» как аристотелевского «общественного существа». Интегрируемое информационное общество постиндустриального мира требует консенсуса между всеобщностью научного знания, с одной стороны, и неограниченной властью наукоемких информационных технологий – с другой, но и полностью упрощает бытие человека как целенаправленное действие или выполнение работы. Его технократический детерминизм выталкивает кыргызского труженика, закрепляя за ним статус ненужного постиндустриальному миру. И его стремительное деонтологизацизирующее выхолащивание приводит к полному отчуждению труда, заменив рабочим процессом. В противопоставлении труда-работы он пытается проявить свое несогласие с этим ускоряющимся нормативным обезличиванием.

Специфика самобытного кыргызского человека состоит в том, что в великой триаде социального развития: доиндустриальная – индустриальная – постиндустриальная, предложенной в теории постиндустриального общества социолога Д. Белла, промежуточная эпоха была самой короткой и неплодотворной: становление кыргызского рабочего класса, как и промышленного производственного сектора так и не состоялось. Объективную причину этого не становления социального типа рабочего и особенности перехода кыргызского народа к социализму отмечают и прогнозируют в кыргызской философии еще 1960-х годах [Алтымышбаев, 1959]. Так, системная природа исторического развития требует обязательного культивирования понимания купли-продажи рабочей силы и свободной наемной организации человеческого труда. Но в номадической мировоззренческой рефлексии нет такого понимания и нет определения частной собственности на кыргызскую землю. И до сих превалирует осмысление бесспорного единства земли-народа – жерим-элим – как родина и в космологическом как моя Земля. Только суверенный Кыргызстан впервые вводит распределение государственной, муниципальной и частной формы собственности на землю. Осознание этого факта вызывает, прежде всего, негативные вопросы: национального единства республики и разобщения кыргызского народа. Отсюда резкий переход к рыночным отношениям обострил политическое неверие в институты государственного управления и привел к интенсивным социальным потерям в республике. Но следует выделить позитивную сторону: впервые в Кыргызстане формируется абсолютно новое понимание отчужденного труда, его сущности как специфического товара, и, главное: его потенциальной рабочей силы в обосновании человеческого бытия и рыночных реалий кыргызского номада XXI века, нового витка его возрожденной кочевой действительности.

Иной потенциальной движущей силой миграции является демографическое состояние республики, которое оценивают соотношением основных интенсивных показателей: коэффициента фертильности, роста численности, уровня рождаемости и смертности. Народонаселе-

ние как нелинейная многофакторная сложная совокупность исключает простое их суммирование и подвержено решающему влиянию случайных действий извне, а, следовательно, резонансно таким колебаниям устойчивости и целостности, как людские потери, социальная диссипация, депопуляция и т.д. Современное демографическое моделирование установило, что численность населения приоритетно предопределяется рождаемостью как квадратичным параметром, в то время как смертность является всего лишь линейным. В 1913-2005 годы кинетика роста численности населения Кыргызстана отвечает закономерности катастрофического роста «острие» (в соответствии с теорией бифуркаций) [Алиева, 2001]. В советский период социально-экономическое развитие и повышение уровня жизни республики обеспечивают такое воспроизводство: прирост населения уже в 1960 году достиг 3,85 %. Согласно Первой национальной переписи населения в 1999 году общая численность наличного населения Кыргызской Республики составляет 4,851 млн., а в 1913 году это был малочисленный народ в 864тысяч кыргызов. Это стабильный позитивный демографический тренд: в апреле 2015 года в республике проживают 5,895062 млн человек, естественный прирост населения на конец 2013 года составляет 104221,0; а в 2014 году – 117901,0 и равен 2 %, в то время как годовой прирост населения мира в 2014 году в два раза меньше и равен 1,13 % [http://countrymeters.info/ru/World]. Известно, что и в России, впервые с 1991 года, заметен естественный прирост численности населения в 2013-2014 годы. Демографический рост в республике происходит на фоне наблюдаемой с середины XX века демографической транзиции: нарастающего прироста населения в индустриальном экономическом пространстве мира, а далее постиндустриализация вызывает его резкий спад вследствие снижения доли людей, необходимых в материальном производстве. В понимании индивидуализированного современника приоритетна особая ценность собственного жизненного успеха (карьеры, свободы, благополучия и т.д.), что тоже выводит к преднамеренной бездетности целого общества. И сегодня наступает депопуляция народов. Так, общеизвестно, что уже с 2000-х годов к ним относится большинство развитых стран, к примеру, Франция и Германия. Неуклонное сокращение численности населения с 1990-х годов является проблемой многонациональной Российской Федерации. Так, в апреле 2015 года численность ее населения – 14630519, для сравнения в всегда малочисленной и этнически закрытой (99,0% – японцы) Японии составляет 126377046 человек. Демографическое развитие и обладание людьми для России станут проблемой XXI века. А ведь вероятностно-статистический анализ демографических явлений в 1996 году предлагает экспоненциальное распределение численности населения мира и переход к сингулярной зависимости ее роста [Капица, 1996]. Но экспоненциальные зависимости имеют переломную точку линеаризации. Поиски критерия демографической стабильности Кыргызстана последнего десятилетия XX века [Алиева, 2001] показывают, что такой критический момент был осенью 1994 года. Внешняя миграция из республики имеет полиэтнический характер, но в этот период превалирует русскоязычное население. Оно отличается высокой мобильностью. Здесь выделяют два специфических признака. За 1988-2000 годы из страны уехало всего 377,6 тысяч человек, из них эмиграция русских составила 222,1 тысяч. Их удельный вес резко сократился: с 21,5 % в 1989 году до 11,7 % в 2001 году; а в 2000 году составляет еще 12,5 %, но в 2009 году всего лишь – 7,8 [НСК КР, 2009], в 2011 году –7,2 % или 394,7 тысяч человек, в 2014 году в республике остается всего 6,4 % русских [НСК КР, 2014]. Но более значимым и существенным последствием этого исхода следует считать исчезновение высококвалифицированного рабочего и, следовательно, полное уничтожение индустриализационной основы страны. Структура кыргызского общества в советский период представлена, в основном, многочисленным колхозным крестьянством и сплоченной народной интеллигенцией. Генерирование целого пласта кыргызского рабочего класса – совершенно новых людей в социальной истории кыргызов – начинается только в 1950-1970-е годы в короткий период становления индустриальной экономики КССР. Именно в этот период положительное сальдо приехавших извне составляет 159,8 тысяч человек или 17,0 % общего прироста населения республики, при этом 4 из 10 осело в столице. Но уже в первой волне эмиграции, в 1988-1993 годы, такое количество людей (157,0 тысяч) выехало. Это: рабочие, научно-техническая интеллигенция, врачи, учителя, служащие, зажиточная: сельская и, в основном, городская часть населения. Социальная

структура упростилась: вновь преобладает аграрное бедное кыргызское население. Но и обезлюживание городов – кратковременное событие, так как быстро наступает катастрофический режим обострения внутренней миграции.

Эмиграционные тенденции русскоязычного населения в 2000-е годы снизили темп, а доминирующим становится феминизированные кыргызские потоки молодых мобильных мигрантов. Так, к 2005 году кыргызов-мигрантов насчитывают до более 1074 тысячи человек [Осмонов, 2005], но встречаются более высокие показатели, к примеру, 2008 году их число вне республики достигло до 1900 тысяч [Современная демографическая ситуация, С. 27], поэтому на каждые 10 трудоспособных в стране остается 9 (7 детей и 2 пожилых) иждивенцев. Но в эти годы восстановилась национальная однородность республики: если в 1924 году в Кыргызской автономной области удельный вес кыргызов равнялся только 63,5 %, а русских – 16,9 %, то в 1989 году кыргызов проживает чуть больше половины всего населения или 52,4 %, а в 2000 – 64,9, в 2001 – 65,7, но уже в 2010 году становится 70,9 % и остается постоянным и в 2015 году.

Сегодня существует твердое утверждение: Кыргызстан стал крупным экспортёром рабочей силы на мировом рынке труда, в частности Российской Федерации. Стабильная динамика миграционного потока – необходимая мера снижения упорядочивания социальной, экономической и политической состояния государства, но и осознанный выбор и способ существования целого народа. Отсюда заинтересованность в создании оптимальных миграционных условий или маркетинг рабочей силы является стратегической предпосылкой становления и эффективности наметившейся экономики сервизных услуг самого государства. Так, банковский трансферт из Российской Федерации в Кыргызстан только в 2014 году составляет около 1,9 млрд. долларов: около1/3 валового внутреннего продукта, а в 2011 году – 1,4. Денежные переводы трудовых мигрантов благоприятно влияют на социальное состояние республики, полностью обеспечивая жизнедеятельность оставленных членов семьи и их благосостояние, но и вызывая их финансовую зависимость от трансферта. При этом значительно улучшается и весь национальный платежный баланс республики.

С другой стороны, маркетинг труда обеспечит конкурентоспособность кыргызских трудовых ресурсов, повысит потребительскую стоимость труда мигранта-кыргыза и приведет к наибольшей выгоде при товарно-денежном обмене на рынке труда. Следует подчеркнуть, что низкоквалифицированный, но востребованный труд не отрицает качество рабочей силы. Самоценность трудового мигранта определяют: образование, квалификационные, интеллектуальные, возрастные, физиологические, социально-психологические, гендерные качества, действующие на конъюнктуру спроса и предложения на рабочую силу. Но способность к труду, т.е. его личная собственность мигранта, через работу, являющуюся главным источником средств на существование и его условием, становится не зависящей от его собственной воли, выбора и свободы. Труд как отчуждаемый компонент человеческого бытия, знакомый пролетариату с XIX века, кыргызы впервые ощущают сегодня, при найме на работу мигрантов, и пытаются спешно осмыслить эту специфику XXI века. В социальной памяти народа до сих пор известны факты наемного труда кыргызов только как воинов. А здесь, при найме на работу, особым фактором выступает емкость рынка рабочей силы в России, величину которой определяет экономико-демографическое состояние и политическая воля государства-акцептора. По официальным статистическим данным ФМС РФ на территории страны на 5 апреля 2015 года находится 468841 мигрантов-кыргызов, из них в активной возрастной группе от 18 до 29 лет: 239902 человека или 51,17 % от общего числа. В реальности это количество, как правило, намного выше и иная возрастная структура.

Следует подчеркнуть, что в этой ключевой отрасли экономики суверенного государства десять лет назад мигрантом был каждый шестой [Алиева, 2003], а сегодня каждая четвертая семья (или 26,0 %) имеет одного трудового мигранта, являющегося перманентной единицей трудовых ресурсов [Миграционная политика КР, С. 25]. В структуре кыргызской трудовой миграции, несмотря на высокую степень рекрутирования рабочей силы, составляют (%): Казахстан – 16,0; Европейские страны – 6,0 и Северная Америка – 1,0, а Россия – 81,0 (91,0), т.е. она выступает основным работодателем. Но уже давно активно осваиваются другие привлекательные альтернативные рынки труда, к примеру, Турции. Так, в этой стране низкий прирост населения – 1,23 %, но уменьшение численности ее населения не наблюдается. Сегодня на ее территории живут около 4000 этнических кыргызов-эмигрантов 1917 года, немногочисленная, но сплоченная, кыргыз-

ская диаспора (около 2000 студентов, стажеров) и очень много временных трудовых мигрантов.

Но значимость российского рынка труда очень высока: так как, выбрав его, трудовой мигрант-кыргыз демонстрирует свое избирательное отношение к реалиям современного найма на мировом рынке труда, заинтересованность которого все больше принимает образ хищнической вербовки. Это разные типы рынка: системная природа первого заинтересована в большом количестве трудовых мигрантов как экстенсивных параметров своего экономического развития. От спроса и предложения на этом рынке рабочей силы зависит заработная плата мигранта, которая существенно выше, чем в Кыргызстане. Второй рынок представляет жесткий бизнес работы как собственно формы инновационных технологий преобразования труда. Социально-экономическое толкование труда лишает многогранности и содержательности этого понятия: социокультурных, социобиологических, физиологических, психофизических, социально-исторических, мировоззренческих и других составляющих. Такой подход не учитывает и ценностное отношение к феномену труда. Современные сложные социально-экономические преобразования вызвали качественное изменение системы ценностей. И человек сам, вновь, переопределяет свои ценностные приоритеты. Сегодня кыргызский трудовой мигрант особенно выделяет актуальность и важность аксиологического измерения сущностной фундаментальности современного быстрого мира. При этом его ценностная ориентация на труд обоснована когнитивным осмыслением собственного социально-психологического опыта и экзистенциальным пониманием человеческого труда как целерациональной и целесообразной деятельности для существования в постсоветском пространстве безработицы. Это не только приоритетный, и прежде всего, рациональный выбор, а проявление интуитивного предпосылочного знания соизмеримости нечужого ему социокультурного мира российской реальности. Понимание труда как основания человеческой жизни как человечность человека является ментальным ощущением и представляет ценностное его самоопределение и самоутверждение, так как труд есть субстанция человека. Такое мировосприятие человеческого мира есть свободное проявление его ценностей: свободы, жизни, счастья. Они составляют основу человеческого всеединства. И обосновывают взаимопонимание. Отсюда проявляется демаркация труда как действительно определяющего сущность современного человека, а работа понимается как необходимый способ (форма) его существования. Только с конца XVIII века в целенаправленном и целеустремленном действии, или в работе, рабочая сила преобразуется в средства существования человека, т.е. собственно в работе она выступает на рынке объектом купли-продажи, а работа и есть необходимое количественное измерение при обмене. И только с конца XX века кыргызы-мигранты вовлекаются в бизнес работы. Именно в таком противопоставлении труда-работы современный трудовой мигрант пытается проявить свое несогласие с обезличиванием человека. Это наполняет истинным смыслом его жизнь как трудового человека XXI века. И он находит единомышленников в конструировании общего интеграционного социума этнически разнообразного миграционного поля Российской Федерации. Отсюда, междисциплинарное понимание дилеммы труда-работы и есть методологическое основание социологии миграции. В самоорганизации внешней миграции притягивающим кыргызов является труд, а его цивилизационная организация в форме работы как «странного» аттрактора выступает как особая ценность самосохранения человека.

Литература

Алиева К. М. Энтропийный подход в анализе процессов демографии и миграции // Политика и общество. 2001. № 5 (1). С. 43–52.

Алиева К.М., Тишин А. И. Философия и синергетика о сложности. Б.: Илим, 2003.

Алтымышбаев А. О некоторых особенностях формы перехода народов Средней Азии к социализму. Фрунзе: Илим, 1959.

Асанканов А.А., Осмонов О. Дж. История Кыргызстана. С древнейших времен и до наших дней. Б.: КГПУ им. И. Арабаева, 2005.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.

Капица С.П. Феноменологическая теория роста населения Земли // Успехи физических наук. 1996. Т. 166. № 1. С. 63-80.

Миграционная политика Кыргызской Республики. Б. 2012. URL: http://www.docme.ru/doc/794420/migracionnaya-politika-kyrgyzskoj-respubliki (дата обращения 01.07.2015).

Национальный статистический комитет, Кыргызстан в цифрах. Б. 2014. URL: http://stat.kg/index.php?Itemid=101&id=24 &option=com_content&task=view (дата обращения 01.07.2015).

Современная демографическая ситуация в КР и альтернативы ее развития. Б.: ЮНФА, 2000.

URL: http://countrymeters.info/ru/World (дата обращения 01.07.2015).

Политика США в сфере межэтнических отношений

Голубева А.С.

На основе проведенного анализа этнополитических процессов, происходящих в США, раскрыты наиболее острые этнополитические проблемы, эскалация которых может привести к возникновению этнополитических конфликтов и политической нестабильности в государстве. В статье рассмотрены основные мероприятия, проводимые государством по формированию политики в сфере межэтнических отношений, и проанализирован опыт США по преодолению этнополитических конфликтов.
Ключевые слова: межэтнические отношения, многонациональное государство, нация иммигрантов, этнополитический конфликт, сепаратистские движения, американская модель, этнополитическая безопасность.

US policy in the sphere of interethnic relations
Golubeva AS.
Based on the analysis of ethno-political processes taking place in the United States, revealed the most acute ethno-political problems, the escalation that could lead to ethno-political conflicts and political instability in the state. The article describes the main state activities to policy-making in the field of interethnic relations, and analyzed the United States experience to overcome the ethno-political conflicts.
Key words: interethnic relations, multinational state, a nation of immigrants, ethno-political conflict, separatist movements, american model, ethno-political safety.

В настоящее время вопросы преодоления этнополитических конфликтов и обеспечения национальной безопасности многонациональных государств приобрели мировое значение. Из-за последствий, к которым может привести эскалация этнополитических конфликтов, их можно отнести к проблемам, имеющим глобальный характер.

В наши дни многие многонациональные государства сталкиваются с проблемой обострения этнических процессов и возникновением этнополитических конфликтов в внутри страны. И от того насколько эффективной будет политика государства по предотвращению и разрешению таких конфликтов, будет зависеть судьба самого государства.

Соединенные Штаты Америки, являясь одним из крупных многонациональных государств в мире, также сталкиваются с проблемами в сфере межэтнических отношений. По данным «Гарвардской энциклопедии этнических групп в Америке» в США проживает 106 этнических групп и меньшинств.

Проблема межэтнических отношений всегда была актуальной для США. Их часто называют страной иммигрантов. К примеру, американский историк О.Хендлин сказал: «Однажды я решил написать историю иммигрантов в Америке и обнаружил, что иммигранты и есть американская история»[1] , а президент Джон Кеннеди написал книгу под названием «Нация иммигрантов».

Процесс формирования единой американской нации происходил в результате смешения представителей различных этносов, иммигрировавших в США со всего мира. Иммигранты вливались в страну со своими этническими проблемами, культурой и бытовыми устоями. Всех их объединяла вера в «американскую мечту», стремление к свободе и надежда на лучшую жизнь. Именно национальная идея «американская мечта» сплачивала столь разношерстное по

этническому составу американское общество. В главу угла общественной жизни ставился принцип индивидуализма и материализма, а также приверженность к общепринятым национальным символам, правилам поведения и распространению унифицированной культуры. Происходящие интеграционные процессы в американском обществе часто сравнивают с образом «плавильного котла».

В 1960-70-х годах этническая ситуация в США начинает меняться. Этнические группы и национальные меньшинства активизируют борьбу за гражданские права и против различных видов эксплуатаций. Массовый характер выступлений потребовал от властей принятия решений и проведения определенных действий в сфере межэтнических отношений.

Начинается процесс институционализации американской этнической модели. Ее характерными особенностями становятся интеграция расовых и этнических элементов в единую американскую нацию. Отдается приоритет индивидуальным, личностным правам, а не групповыми, а также происходит дальнейшее внедрение английского одноязычия в общественно-политическую жизнь страны.

На протяжении второй половины XX века в США была осуществлена программа «позитивных действий» и система мероприятий, направленных на учет этнической принадлежности населения. Червонная С.А. отмечает следующие наиболее значимые проведенные мероприятия: практика назначения представителей этнических групп на высшие государственные посты; ряд мер, направленных на обеспечение политического представительства этих групп; пересмотр содержания некоторых школьных и университетских дисциплин и программ, цель которых состоит в отражении исторического и культурного вклада основных этнических групп; увеличение возможностей представителей языковых меньшинств использовать родной язык при обучении и в общественно-политической жизни и т.д.[2]

Все эти действия формируют государственную политику США в сфере межэтнических отношений.

Произошедший бурный рост этнического самосознания привел к активному изучению межэтнических отношений в стране. Новый этап в исследовании этничности сопровождался большими спорами и дебатами. Начался поиск новой теоретической парадигмы, преимущественно в направлении «плюрализма», способной заменить теорию «плавильного котла». У людей появляется интерес к своим корням, традициям, культуре, поэтому ассимиляция перестает быть идеалом, к которому раньше стремились американцы. Эти изменения в сознании американцев нашли свое отражение в Акте Конгресса об учебных программах по этническим культурам 1974 г.

На нынешнем этапе развития американского общества межэтнические отношения продолжают играть важную роль. Несмотря на все усилия властей, остаются этнические группы, которые так и не интегрировались в американское общество. Американская модель «плавильного котла» не сумела переплавить и растворить в себе этническое и культурное разнообразие. Не прекращающаяся иммиграция и растущее многообразие этносов все больше вызывает социальную динамику и напряженность в американском обществе.

Дальнейшее развитие этнических процессов в США может привести к разобщенности этносов и обернуться социальными проблемами. К примеру, О. Тоффлер озвучил прогноз о предстоящем расколе Америки или приобретении ею азиатского оттенка: «Теперь мы во всей большей степени азиатизируемся. И если стране и суждено остаться единой, это единство, вероятно, будет иметь азиатский оттенок»»[3] . С. Хантингтон в своей работе «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» предрекает США столкновение цивилизаций внутри самой страны. Это касается, прежде всего, испано-говорящих и англо-говорящих жителей Америки. По его словам, растущая волна иммиграции из Латинской Америки разделит страну на два лагеря, две культуры и, по сути, на две цивилизации, столкновение которых произойдет в итоге.

Озвученный в 1998 г. прогноз политолога И.Н. Панарина вызвал в американской прессе большой резонанс. По его сценарию США должны были в 2010 г. распасться на шесть частей: Атлантическая зона (Вашингтон и Нью-Йорк) присоединится к ЕС; Техас и прилегающие штаты образуют Техасскую республику; Тихоокеанское побережье (Калифорния) отойдёт к Китаю; северные и центральные штаты отойдут к Кана-

де; Аляска, «вероятно», присоединится к России; Гавайские острова будут находиться под протекторатом Японии и Китая.[4]

В основе всех прогнозов о распаде США – особенности истории создания государства и формирования американского общества. К главным внутренним причинам возможного раскола США аналитики относят проблемы в сфере межэтнических отношений, сосуществования этносов, культур и вероисповеданий.

Официально в США выделяются пять расовых категорий населения. По данным Бюро переписи населения США за 2011 г.: белые американцы составляют 78,1%, афроамериканцы - 13,1% азиаты - 5%, коренные американцы, то есть индейцы и коренные жители Аляски - 1,2%, гавайцы и тихоокеанские островитяне - 0,2%, граждане иных рас - 6,19% и граждане, не относящие себя с какой-то определённой расе, являющиеся представителями двух и более рас - 2,3%. При этом, в качестве расы не выделяют испаноязычных американцев («латинос»), а относят их к гражданам «испанского или латинского происхождения». В 2011 г. с латиносами себя идентифицировали 16,7% американцев.[5]

Вместе с тем, эксперты отмечают, что жёсткая централизация власти и невнимание Вашингтона к проблемам штатов и регионов, приводит к появлению различных автономистских и сепаратистских движений.

В США существует потенциал для такого рода движений и связан он не с количеством штатов, а с историческими особенностями развития этих территорий. При определённых условиях в некоторых штатах идеи сепаратизма могут очень быстро распространиться. В условиях экономического спада в США такие процессы могут быть спровоцированы белым расизмом, афроамериканским шовинизмом, латинофобией, религиозными конфликтами и другими социальными явлениями, которые имеют место быть в американском обществе.

Следует обратить особое внимание на проблему индейского сепаратизма и сепаратистские движения юго-востока США, в частности штата Техас.

Вопрос об отделении штатов, где проживает большинство индейцев, поднимается довольно часто. Наиболее остро индейский сепаратизм проявился в конце 2007 г., когда индейцы племени Лакота заявили об одностороннем выходе из состава Соединенных Штатов Америки. Лидер индейских сепаратистов Рассел Миллз объявил, что индейские племена не признают законными все 33 договора, подписанных их предками 150 лет назад. А привлеченные юристы доказали, что правительство США постоянно нарушало условия договоров, что позволяет индейцем выйти из них в одностороннем порядке.

Индейцы племени Лакота проживают на территориях, которые занимают большую часть штатов Небраска, Южная Дакота, Северная Дакота, Монтана и Вайоминг. Принимая во внимание, что эти места считаются одними из самых неблагополучных в стране (до 85% местного населения не имеет работы), а уровень жизни индейцев Лакота самый низкий на всей территории США, то реализация сценария стихийного выхода индейских территорий из состава США становится вполне возможным.

В отличие от индейского сепаратизма, который основан в основном на озлобленности, крайней бедности и вековом унижении, техасский национализм имеет финансовый аспект и исторические основания.

Во-первых, для подавляющего большинства остальных штатов Техас является регионом-донором. В итоге нефтедобывающий Техас платит самые высокие в Америке налоги, тем самым кормя, одевая и вооружая остальную часть страны.

Во-вторых, Техас обладает юридическими правами на выход из состава США. Это право было предусмотрено при присоединении республики Техас к США в 1845 г. Рик Перри, губернатор штата Техас неоднократно заявлял: «Техас - особое место. Когда мы присоединялись к США в 1845 году, мы делали это при условии, что мы сможем отделиться, если захотим...»[6] .

Власти штата Техас при возникновении спорных вопросов и противоречий с федеральным властями неоднократно пользовались данным обстоятельством в целях достижения наилучших для себя условий по тем или иным вопросам.

Еще одним штатом, в котором существуют сепаратистские настроения, является Калифорния. За провозглашение независимой Калифорнийской республики борется «Калифорнийская сепаратистская партия». В июле 2006 г. губернатор штата Калифорния Арнольд Шварценег-

гер заключил напрямую с Великобританией межправительственное соглашение по борьбе с глобальным потеплением. Заключение штатом межправительственного соглашения с другим государством до этого не встречалось в истории США.

А в июле 2011 г. в прессе появилась информация, что 13 округов штата Калифорния рассматривают возможность создания нового штата - Южная Калифорния. В общей сложности в этих округах проживает 13 млн. человек. Для реализации этой идеи инициаторам отделения необходимо получить согласие федерального Конгресса и законодательного собрания штата Калифорния. Естественно, что федеральный центр отнесся к данной инициативе весьма настороженно.

Идеи по отделению были также отмечены в Южной Каролине и Луизиане. В Луизиане влияние оказывают выходцы из Франции, а представители мормонов мечтают образовать мормонское государство в Юте. Достаточно ощутимы сепаратистские настроения на Гавайях. Сепаратистское движение «Свободу Мэну» поддерживает 20% населения штата Мэн. Вице-губернаторы Вермонта и Нью-Гэмпшира предлагают создать независимые республики. Такую идею поддерживает 13% вермонтцев.[7]

Член городского совета города Нью-Йорк Питер Валлоне предложил в 2006 году воссоздать «Вольный Город Нью-Йорк». В таком качестве город существовал в середине XIX века, накануне Гражданской войны. Инициатива П. Валлоне была поддержана почти половиной членов городского совета.

В некоторых случаях обострению этнополитических процессов в США способствуют американские чиновники, преследующие свою финансовую выгоду. В других случаях для эскалации этнополитической ситуации в определенных регионах страны оказывается поддержка из других государств.

К примеру, Соединённые Мексиканские Штаты на протяжении длительного времени поддерживают многочисленные сепаратистские латиноамериканские группы, действующие на территории западнее реки Миссисипи. Эти группы планируют объединиться и выступить за создание Новой Мексики, в состав которой войдут территории четырёх штатов.

В свою очередь кубинские эмигранты активно осваивают Флориду, а итальянцы обосновались в Нью-Джерси. Штат Мичиган разделён одноимённым озером на две части. В северной части штата Мичиган более 70 % населения идентифицирует себя как потомков выходцев из Финляндии. Поэтому время от времени они инициируют отсоединение от штата и образование самостоятельной территориальной единицы Верхний Мичиган. В 1960-х годах мичиганские финны даже планировали провести референдум.

В американской конституции возможность или невозможность выхода штатов из состава государства не упоминается. В десятой поправке к конституции США сказано, что полномочия, которые не делегированы Соединённым Штатам настоящей конституцией и использование которыми не запрещено ею отдельным штатам, сохраняются соответственно за штатами либо за народом. Это можно трактовать, что у отдельных штатов есть право принимать решения, которые изначально не запрещены основным законом страны.

Но в 1869 г. Верховным судом США в решении по делу «штат Техас против Уайта» была сформулирована «новая конституционная доктрина американского федерализма». Решение по этому делу относится к числу важнейших конституционных прецедентов. С тех пор суды трактуют любые «акты сепаратизма» как нарушение конституции. Верховный суд США определил отношения между всеми штатами как «нерасторжимые» и «окончательные».

С точки зрения международного права попытка сецессии народов США может быть признана законной. В 1974 г. ООН были приняты от представителей коренных народов США верительные грамоты («Декларации о независимости индейцев»), несмотря на возражения США.

В общем, вопросы об отделении штатов в США остаются актуальными, и зависеть будут от того, как те или иные заинтересованные стороны, включая международное сообщество, будут относиться к этим процессам.

Итак, в США существуют этнополитические проблемы, которые требуют своего разрешения. Дезинтеграционный потенциал в лице этнического фактора был заложен в основу американского государства ещё при его создании. Возможность обострения этнополитических конфликтов может усилиться под влиянием ряда внешних факторов и нового экономического кризиса и,

как следствие, привести к возникновению политической нестабильности, которая может стать угрозой существованию самого государства.

Американский историк Чарлз Мейер отмечает: «Те же самые волны фрагментации, которые захлестнули Балканы и Советский Союз, теперь докатились и до западных демократий. Поэтому в национальных и международных делах необходима сбалансированная политика гражданского универсализма, и, если американцы хотят создать новую систему международных принципов, они не должны поощрять те же самые центробежные импульсы, которые способствуют конфликтам за рубежом»[8].

Для обеспечения своей этнополитической безопасности США необходимо пересмотреть и укрепить американскую модель межэтнических отношений. Следует переосмыслить политику в сфере межэтнических отношений, отказаться от множества стереотипов и предрассудков. В целях поддержания внутреннего единства страны и «американской идентичности» перед США стоит задача поиска новой модели интеграции общества.

Ссылки:

1 Handlin O. The Uprooted. The Epic Story of the Great Migration that Made the American People. University of Pennsylvania Press; Second Edition , 2002. . P.3.

2 Червонная С.А. Этнический фактор в политической системе. // Политическая система США. Актуальные измерения. – М., 2000. С. 275-276.

3 Тоффлер О. Америку ждет раскол или единство с азиатским оттенком // Независимая газета. 7 мая 1994.

[4] Панарин И.Н. Распад США: миф или реальность? // URL: htpp://www.panarin.com (дата обращения 10.02.2015)

5 См. URL: http://www.census.gov/population

[6] Кошман А. Техас готов отделиться. // Утро.ру, 16 апреля 2009.

[7] Истомин В. Разъединённые штаты. // Наше время, 6 августа 2007.

8 Черноговцева С.В. Этнические диаспоры США.// США – Канада. Экономика – политика – культура, №2, 2008, С.119.

Культурные предпочтения учащихся средних школ

Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Хетагурова Л.Т.

Данная статья была написана на материалах этносоциологических исследований, проведенных осенью 2013 года в республиках: Северная Осетия-Алания, Татарстан, Чечня. В ходе исследования в столицах данных республик были опрошены 250 воспитателей дошкольных образовательных учреждений (ДОУ), 250 учащихся 11-х классов средних общеобразовательных школ (СОШ), 500 респондентов-горожан РСО-А, РТ, ЧР.
Ключевые слова: национальная идентичность, адаптация, мировой интеграционный процесс, традиционные социумы, модернизация, информационная матрица, рудименты нетерпимости, мировая культура, духовное обогащение, планетарное сознание, поликультурное образование, государство.

Cultural preferences of middle school students
Dzutsev Kh.V., Dibirova A.P., Khetagurova L.T.
This article was written on materials ethnosociological studies conducted in the republics of North Ossetia-Alania, Tatarstan, Chechnya. In a study in the capitals of the republics were interviewed 250 caregivers of preschool educational institutions (pre-school), 250 students of 11 classes of secondary schools (school), 500 urban respondents RNO-A, RT, CR.
Key words: national identity, adaptation, the global integration process, traditional societies, modernization, information matrix, the rudiments of intolerance, world culture, spiritual enrichment, planetary consciousness, multicultural education, the state.

Рост национального самосознания и обращение к истокам не могли не сказаться на возросшем интересе подростков и юношества к духовной культуре своего народа, в частности, к самой динамичной ее ветви – танцам. Этот интерес возрастает на фоне падения такового к обычному занятию фитнесом. На смену ему пришло желание юношества заниматься духовными и эмоционально насыщенными способами самовыражения. В интересе молодого поколения к танцам замечена следующая закономерность: если в северокавказских республиках молодежь увлечена национальными танцами, то в Казани и ряде других городов Татарстана, особенно девушки, охотно постигают азы восточной и западноевропейской танцевальной культур. Это наблюдение некоторых экспертов нашло количественное подтверждение в результатах массового опроса.

В статье приводятся результаты массового и экспертного опросов по выявлению интереса выпускников средних школ к национальному, русскому и зарубежному песенному творчеству, театральным постановкам, концертам, радио- и телепередачам на титульных и русском, а также на языках других народов России. Отдельный блок вопросов был посвящен осведомленности учащихся в области своей национальной литературы, проведения досуга в семье (национальные и общероссийские праздники) и именам, которые носят современные школьники.

Данные исследования показывают, что большинство школьников вообще не разучивают русские танцы (таблица 1): 59,3% опрошенных Республики Северная Осетия-Алания (РСО-А), 42,0% Республики Татарстан (РТ) и 68,7% Чеченской Республики (ЧР). Однако из тех, кто их разучивает, охотнее всего это делают ребята Татарстана, затем Осетии, менее всего – Чечни. Охотно разучивают русские танцы 18,1% опрошенных Осетии, 29,6% Татарстана и 10,7% Чечни, не очень охотно: 15,2% школьников Осе-

Таблица 1
Насколько охотно вы разучиваете танцы? (в %)

Русские	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
охотно	18,1	29,6	10,7
не очень охотно	15,2	21,2	8,7
совсем не охотно	7,4	7,2	12,0
не разучиваю вообще	59,3	42,0	68,7
итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 2
Насколько охотно вы разучиваете танцы титульного народа? (в %)

Титульного народа	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
охотно	56,4	28,8	54,0
не очень охотно	10,7	19,6	12,0
совсем не охотно	3,3	12,0	9,3
не разучиваю вообще	29,6	39,6	24,7
итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 3
Насколько охотно вы разучиваете танцы других народов РФ? (в %)

Танцы других народов России	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
охотно	18,3	16,0	6,7
не очень охотно	7,7	14,8	3,3
совсем неохотно	2,6	7,6	4,7
не разучиваю вообще	71,5	61,6	85,3
итого	100,0	100,0	100,0

тии, 21,2% Татарстана и 8,7% Чечни; совсем неохотно: 7,4% опрошенных из Осетии, 7,2% Татарстана и 12,0% Чечни.

Национальные же танцы школьники разучивают с большим удовольствием (табл. 2). Так ответили 56,4% опрошенных Осетии и 54,0% Чечни, среди школьников Татарстана таковых было чуть более четверти (28,8%). Только каждый четвертый школьник Осетии (29,6%) и Чечни (24,7%) вообще не разучивает национальные танцы, среди учащихся Татарстана таковых было больше – 39,6%. Разучивают, но не очень охотно каждый десятый школьник Северной Осетии (10,7%) и Чечни (12,0%) и каждый пятый Татарстана (19,6%). Совсем неохотно разучивают национальные танцы лишь 3,3% опрошенных школьников РСО-А и почти каждый десятый Татарстана и Чечни (12,0 % и 9,3 %).

Большинство опрошенных признались, что не обучаются танцам других народов России. Так ответили 71,5% школьников Осетии, 61,6% Татарстана и 85,3% Чечни (табл. 3).

Охотно разучивают танцы народов России 18,3% школьников Владикавказа, 16,0% Казани и только 6,7% Грозного. Не очень охотно 7,7% опрошенных Владикавказа, 14,8% Казани и только 3,3% Грозного. Совсем не охотно: 2,6% школьников Владикавказа, 7,6% Казани и только 4,7% Грозного.

Данные опроса свидетельствуют, что половина школьников Северной Осетии (52,3%), более половины Чечни (69,3%) и треть Татарстана (34,0%) вообще не занимаются современными европейскими танцами табл. 4.

Из тех, кто их разучивает, а именно: более половины татарских школьников (54,0%), бо-

Таблица 4
Насколько охотно вы разучиваете современные европейские танцы? (в %)

Современные европейские	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
охотно	38,0	54,0	24,7
не очень охотно	8,4	8,8	2,7
совсем не охотно	1,3	3,2	3,3
не разучиваю вообще	52,3	34,0	69,3
итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 5
На каком языке поются песни, которые вам больше всего нравятся? (в %)

Язык	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
русском	70,3	81,2	72,4
титульном	37,8	30,4	71,4
другом языке народов России	4,1	1,6	2,9
иностранном	76,4	71,6	0,0
итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 6
Если вы сами поете песни, то, как правило, на каком языке? (в %)

	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
русском	60,2	70,4	36,9
титульном	22,5	23,2	26,8
другом языке народов России	1,2	0,8	0,0
иностранном языке	41,0	27,6	14,1
не пою песни	25,8	19,2	40,9
итого	100,0	100,0	100,0

лее трети осетинских (38,0%) и четверть чеченских (24,7%) делают это охотно, 8,8% опрошенных Татарстана, 8,4% - Осетии, 2,7% Чечни разучивают их не очень охотно и совсем незначительное число всех опрошенных делают это совсем неохотно.

Данные свидетельствуют, что ребята кавказских республик более интересуются своими национальными танцами, чем их ровесники в Татарстане. Последние охотнее разучивают русские и европейские танцы.

По данному вопросу эксперты были единогласны, заявив, что дети охотно изучают национальные, европейские и восточные танцы. Также отметив, что в последнее время этот интерес возрастает.

Большинству опрошенных более всего по душе песни на русском языке. Так ответили 70,3% школьников Северной Осетии, 81,2% Татарстана и 72,4% Чечни. Последние с таким же интересом слушают и на родном языке (71,4%). Осетинские и татарские школьники проявляют к национальным песням значительно меньше интереса (37,8 и 30,4%) (таблица 5).

Таким образом, две трети школьников с интересом слушают песни на русском языке. Высокий интерес к песням на родном языке сохраняется только у чеченцев. Только треть школьников Осетии и Татарстана любят песни на осетинском и татарском языках.

С таким же интересом школьники Осетии и Татарстана слушают иностранные песни (76,4 и 71,6%), в Чечне их никто не слушает.

Эксперты считают, что большинство песен исполняется на русском языке. На школьных мероприятиях обязательно вводят песни на осе-

Таблица 7
На каком языке вы предпочитаете смотреть кино? (в %)

	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
русском	94,7	98,8	85,3
титульном	19,1	13,6	6,0
другом языке народов России	0,8	0,4	0,7
иностранном языке	8,1	9,6	6,0
не смотрю	1,2	0,0	2,0
итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 8
На каком языке вы предпочитаете смотреть телепередачи? (в %)

	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
русском	93,5	95,2	91,3
титульном	16,7	19,6	7,3
другом языке народов России	0,4	0,8	0,7
иностранном языке	2,4	2,8	0,0
не смотрю	3,3	2,4	0,7
итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 9
На каком языке вы предпочитаете слушать радио? (в %)

	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
русском	86,6	90,3	65,8
титульном	22,3	22,3	20,8
другом языке народов России	0,0	0,8	0,0
иностранном языке	8,1	10,1	2,0
не слушаю	6,5	4,5	11,4
итого	100,0	100,0	100,0

тинском, но над уровнем их исполнения надо еще работать.

Данные исследования показывают, что осетинские и татарские дети сами в основном поют песни на русском языке. Так ответили 60,2% школьников Осетии, 70,4% - Татарстана (табл. 6). И только треть респондентов Чечни (36,9%) указали, что на русском, хотя на родном языке поют еще меньше (26,8%)

Около четверти осетинских (22,5%) и татарских (23,2%) школьников могут петь на родных языках. Немного лучше дело обстоит с песнями на иностранном: 41,0% опрошенных РСО-А , 27,6% РТ и 14,1% ЧР указали, что поют на иностранном. Школьники Чечни оказались менее музыкальными: 40,9% признались, что не поют вообще. Среди не поющих - осетинских школьников - 25,8%, татарских – 19,2%.

Материалы массового опроса показывают, что почти все респонденты предпочитают смотреть фильмы на русском языке. Так ответили 94,7% школьников Осетии, 98,8% Татарстана и 85,3% Чечни. Любителей посмотреть фильмы на родном языке меньше: каждый пятый школьник Осетии (19,1%), 13,6% Татарстана и 6,0% Чечни (табл. 7).

На иностранном языке фильмы смотрят не более 10% учащихся: 8,1% в Осетии, 9,6% Татарстане и 6,0% Чечне.

Эксперты считают, что фильмы смотрят в основном на русском языке, потому что на осетинском, татарском, чеченском их практически нет.

Таблица 10
На каком языке вы предпочитаете слушать театральные выступления и концерты? (в %)

	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
русском	71,4	74,7	46,3
титульном	45,3	39,0	26,2
другом языке народов России	0,0	0,4	0,0
иностранном языке	8,6	6,0	4,7
не посещаю, не слушаю	11,0	8,4	22,8
итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 11
Считаете ли вы, что кинофильмов, телепередач, концертов и других произведений культуры на титульном языке должно быть больше, столько, сколько сейчас, или меньше? (в %)

	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
больше	53,0	31,6	56,0
столько, сколь ко сейчас	29,1	40,8	22,0
меньше	7,7	14,0	8,7
затрудняюсь ответить	10,1	13,6	13,3
итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 12
Как часто вы ходите в театр? (в %)

Русский театр	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
каждый месяц	6,1	6,8	1,4
1-2 раза в год	38,9	46,8	4,3
реже 1 раза в год	27,9	27,2	11,4
совсем не ходим	27,0	19,2	82,9
итого	100,0	100,0	100,0

Подавляющее число опрошенных смотрят передачи на русском языке. Так ответили 93,5% школьников РСО-А, 95,2% РТ и 91,3% ЧР. На титульном языке передачи просматривают: 16,7% респондентов РСО-А, 19,6% - РТ и 7,3% - ЧР (табл. 8).

На иностранном языке смотрят передачи лишь незначительное число учащихся Владикавказа (2,4%) и Казани (2,8%).

Эксперты высказали по этому поводу следующее мнение. Нынешние деятели телевидения забыли, что с самого начала, когда открывали осетинское телевидение, была поставлена четкая задача – пропаганда осетинской культуры и языка. Чиновники от республиканского телевидения оправдываются тем, что республика многонациональная, поэтому все представители этнических сообществ должны понимать, о чем идет речь. Это ложное представление, учитывая, что передач на русском языке с разной тематикой на российском телевидении достаточно. Детей нужно заинтересовать познавательными передачами, тогда они станут смотреть осетинские телепередачи.

Данные табл. 9 показывают, что каждый пятый опрошенный предпочитает передачи по радио на родном языке. Так ответили по 22,3% осетинских и татарских и 20,8% чеченских школьников. Разумеется, подавляющее число респондентов слушают передачи на русском языке. А именно: 86,6% опрошенных РСО-А, 90,3% Татарстана и 65,8% Чечни.

Число опрошенных, слушающих передачи на иностранных языках, не превышает 10%. Это

в основном респонденты Татарстана, в Осетии таковых 8,1%, в Чечне 2%.

Практически каждый десятый опрошенный школьник Чечни (11,4%), 6,5% Осетии и 4,5% Татарстана сказал, что вообще не слушает радио.

По мнению экспертов, осетинское население радио слушает охотно, особенно осетинские песни. К сожалению, чиновники Правительства РСО-А продали государственное здание «Дома радио» частным лицам, видимо, они не слушают радио, поэтому недооценивают его эффективность.

Материала исследования свидетельствуют, что дети Осетии и Татарстана с охотой посещают театральные выступления и концерты на родном языке, их ровесники Чечни - в меньшей степени. Этот вариант ответа выбрали 45,3% школьников РСО-А, 39,0% РТ и лишь 26,2% ЧР (табл. 10).

Разумеется, посещающих театральные постановки и концерты на русском языке вдвое больше: 71,4% - РСО-А, 74,7% - РТ и 46,3% - ЧР. Школьников, посещающих театральные постановки и концерты на иностранных языках немного, так же как и предложений: 8,6% - РСО-А, 6,0% - РТ и 4,7% - ЧР.

Эксперты считают, что с тех пор, как культура в нашей стране вступила в рыночные отношения, театр также «коммерциализировался». Чиновники от культуры подразумевают, что постановки на русском языке принесут больше дохода, чем на осетинском. И это несмотря на то, что осетинская часть населения в республике составляет более 60%. Школьники в организованном порядке посещают театрализованные представления, но в основном их водят в Русский театр.

Судя по данным опроса, большинство опрошенных хотели бы, чтобы культурных мероприятий на титульном языке было больше (таблицы 11). Так считают более половины учащихся Осетии и Чечни (53,0 % и 56,0%) и треть опрошенных из Татарстана (31,6%).

Большинство опрошенных Татарстана считают, что количество передач, концертов на титульном языке менять не нужно (40,8%). Меньшая, но значительная часть опрошенных Осетии (29,1%) и Чечни (22,0%) придерживаются того же мнения. И совсем немногие считают, что подобных мероприятий должно быть меньше. Так ответили 7,7% опрошенных Осетии, 14,0% Татарстана и 8,7% Чечни.

Эксперты Северной Осетии считают, что фильмов, передач и концертов на родном языке должно быть больше. Они обязаны привлекать молодежь. До сих пор на основе нартского эпоса не создали ни одного анимационного фильма, хотя мы говорим о том, что осетинский эпос входит в сокровищницу мировой литературы. Об этом пишут русские и зарубежные ученые, но пока нет понимания этой проблемы ни в обществе, ни у властных структур РСО-А. Постановки и зрелищные мероприятия на родном языке не создаются, потому что аудитория, даже осетины, лучше понимает на русском языке. Телевидение – это не бытовая сфера, а общественная, а в этой сфере больше функционирует русский язык, при помощи которого информацию воспринимать привычнее. Но все равно есть часть аудитории, которая хотела бы воспринимать телевидение на осетинском языке, в основном это представители старшего поколения. Для этой целевой аудитории и создаются в последние годы какие-то передачи на родном языке. Но это не решение проблемы языка, если мы хотим сохранить нацию, то должны находить новые формы пропаганды осетинского языка.

Школьники РСО-А (38,9%) и РТ(46,8%) чаще всего два раза в год посещают Русский театр. Более четверти респондентов Владикавказа (27,9%) и Казани (27,2%), каждый десятый респондент Грозного реже раза в год (табл. 12).

Подавляющее число опрошенных г. Грозного (82,9%) вообще не посещают Русский театр. Почти каждый четвертый опрошенный Владикавказа (27,0%) и каждый пятый Казани (19,2%) также признался, что Русский театр не посещает. Лишь незначительное число респондентов указали, что посещают Русский театр один раз в месяц: 6,1% - в Осетии, 6,8% - в Татарстане и 1,4% - в Чечне.

Материалы опроса говорят о том, что молодое поколение трех республик национальный театр посещают примерно с такой же частотой, как и русский. Так, спектакли национальных театров посещают примерно каждый третий респондент Владикавказа (34,6%) и Казани (37,6%), каждый пятый опрошенный Грозного (21,4%). Почти та же треть опрошенных Осетии (33,7%) и Татарстана (34,0%) вообще не посещают. В

Чечне тех, кто не посещает национальный театр, оказалось меньше, чем Русский театр (59,3%). Та же четверть опрошенных Владикавказа (24,0%) и Казани (25,2%) и уже 15,2% Грозного посещают театр реже одного раза в год. Лишь незначительное число респондентов указали, что посещают национальный театр один раз в месяц: 7,7% РСО-А, 3,2% РТ и 4,1% ЧР.

Подавляющее большинство школьников не бывают в других, кроме Русского и национального, театрах. Так ответили 82,0% опрошенных РСО-А, 93,6% - РТ и 98,0% - ЧР. Школьники Осетии все же посещают другие театры, но очень редко и очень немногие. Так, 9,0% из них ответили, что реже одного раза в год, 6,3% - 1-2 раза в год, 2,7% - каждый месяц.

На этот вопрос эксперты ответили так: в театр дети ходят в среднем 1 раз в месяц. В западных странах в социуме присутствует такое представление: высокая экономика государства нуждается в высокой культуре граждан. Поэтому даже шестимесячных детей родители берут с собой в театр, слушают классическую музыку, закладывая с раннего возраста фундамент нравственности, духовности, образованности и т.д. Если этого нет, то государство никогда не будет мощным, процветающим, и наши руководители станут выдавать обществу ложные представления о «великой державе», «высоком патриотизме» (таблица 15).

Половина респондентов Осетии (48,4%) и Чечни (52,7%) очень интересуются судьбой родного языка. Среди школьников Татарстана их доля вдвое меньше (26,4%). Треть опрошенных в трех республиках лишь в некоторой степени интересуются. Такой вариант ответа предпочли ровно треть школьников Владикавказа, 37,2% Казани и 32,7% Грозного.

Почти треть респондентов Казани вообще не интересует судьба родного языка. Среди опрошенных Владикавказа и Грозного доля таковых в три раза меньше 12,2 и 11,3%.

Эксперты следующим образом высказались по этому вопросу. Судьбой родного языка интересуются чиновники соответствующих ведомств, а также ученые и педагоги гуманитарного профиля, специализирующиеся на национальных языках. В данном случае ими движет профессиональный интерес. Специалисты в этой области обеспокоены низкой востребованностью их профессии в ближайшем будущем. Как правило, они и в семьях следят, чтобы разговаривали преимущественно на осетинском языке.

Другая часть людей, неравнодушных к судьбе родного языка, состоит из представителей старшего поколения, небезразличных также и к судьбе народа, и к судьбе своей страны.

Среди молодежи такой интерес не замечен, хотя уровень национального самосознания и некий интерес к своей культуре сохраняется.

Более половины школьников Татарстана (62,8%) и Чечни (54,5%), и немногим менее половины Осетии (43,3%) знают более пяти имен своих писателей (таблица 16).

Половина опрошенных Осетии и по трети Татарстана (30,0%), и Чечни (37,8%) знают менее пяти имен своих национальных писателей. Доля тех, кто вообще не знает их, не превышает 8%.

Эксперты считают, что школьники могут вспомнить до 5 имен осетинских поэтов и писателей. Дети в основном связывают писателей с произведениями, которые оставили какой-то след в душе. Таковыми являются Коста Хетагуров, Арсен Коцоев, Езетхан Уруймагова, Сека Гадиев и др. Они подняли проблемы своего этноса до общенациональных (государственных) интересов. Большинство экспертов высказались о том, что на сегодняшнем этапе в социуме нет деятелей такого уровня. Вполне возможно, что это связано с тем, что в новейшее время наши писатели не освоили мировую культуру, не вписались в современный глобальный мир, и не определили судьбу своего народа в этом движении.

Ровно треть опрошенных Северной Осетии и более половины Татарстана (54,4%) и Чечни (50,7%) читали более трех произведений своих национальных писателей. Пятая часть опрошенных читали менее трех таких произведений. Ими оказались 17,0% учащихся Северной Осетии, 18,8% Татарстана и 19,9% Чечни.

Эксперты предположили, что будет названо не более трех произведений. Они также убеждены, что увлечь молодежь чтением в настоящий момент невозможно. Одной из причин была названа следующая. В современном писательском сообществе мира так много направлений, но, к сожалению, не все писатели Северного Кавказа вписались в когорту великих творческих деятелей, чтобы они могли развивать идеи, которые были заложены в конце XIX - начале XX вв. их предшественниками.

Таблица 13
Какие праздники принято отмечать в вашей семье каждый год? (в %)
Примечание: В вопросах, в которых респондент мог выбрать более одного варианта ответа, сумма процентов может превышать 100.

	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Татарстан	Чеченская Республика
общероссийские	73,6	85,2	48,6
традиционные, титульной нации	76,0	65,6	91,9
западноевропейские	3,3	6,8	3,4
другие	3,7	3,6	8,1

В семьях респондентов Осетии в равных долях отмечают и общероссийские, и традиционные национальные праздники. В семьях респондентов из Татарстана в подавляющем большинстве отмечают общероссийские (85,2%) и традиционные праздники (65,6%). В семьях респондентов Чечни в подавляющем большинстве отмечают национальные (91,9%) и лишь каждая вторая семья отмечает общероссийские праздники (48,6%). Этот вывод можно сделать, исходя из данных табл. 13.

По мнению экспертов Осетии, осетины охотно празднуют Джеоргуба, Хетаджы бон. На бытовом уровне праздники ассоциируются с застольем. Хотя основное предназначение любого праздника, включая традиционные осетинские - это воспитание молодежи человека, чтобы она вела себя и сегодня, и завтра в лучших традициях данного этноса.

Материалы исследования также показывают, что в более половины случаев учащиеся Осетии (63,4%) и Татарстана (78,8%) носят русские имена. Среди чеченских ребят русские имена очень редки (3,7%).

В подавляющем большинстве случаев детям в национальных республиках дают традиционные имена. Так считают 89,3% респондентов РСО-А, 82,0% РТ и 95,9% ЧР.

Имена других народов России встречаются редко. 75,2% респондентов РТ, 72,5% ЧР считают, что у них таких имен вообще нет. Так же считают 41,9% респондентов РСО-А.

Респонденты считают, что в 46,0% случаев в Северной Осетии детям дают иностранные имена. В каждом пятом случае (19,6%) в Татарстане и в каждом четвертом случае (27,5%) в Чечне детям - тоже. 39,6% респондентов Осетии, 77,2% Татарстана и 67,0% Чечни читают, что имена других народов мира в их республиках детям не дают.

По мнению экспертов, имена новорожденным даются самые разнообразные - общехристианские и исконно осетинские, иногда восточные.

Материалы исследования позволяют сделать выводы, что большинство школьников вообще не разучивают русские танцы. Однако из тех, кто их разучивает, охотнее всего это делают ребята Татарстана, затем Осетии, менее всего – Чечни. Национальные же танцы школьники разучивают с большим удовольствием. Более половины школьников Северного Кавказа охотно разучивают свои танцы. Только каждый четвертый школьник Осетии и Чечни вообще не ходит на танцы, среди учащихся Татарстана таковых было еще больше. Данные исследования свидетельствуют, что половина школьников Северной Осетии, более половины – Чечни и только треть – Татарстана вообще не занимаются современными европейскими танцами.

Молодежь кавказских республик более интересуются своими национальными танцами, чем их ровесники в Татарстане. Последние охотнее разучивают русские и европейские танцы.

По данному вопросу эксперты были единогласны, заявив, что дети и юношество охотно изучают национальные, европейские и восточные танцы. В последнее время интерес к ним растет.

Большинство опрошенных показали, что им более всего по душе песни на русском языке. Ребята Чечни также с интересом слушают исполнение и на своем родном языке. Осетинские и татарские школьники проявляют к национальным песням значительно меньше интереса. С не меньшим интересом школьники Осетии и Татарстана слушают иностранные песни, в Чечне иностранные песни не слушает никто.

Осетинские и татарские учащиеся в основном поют песни на русском языке. Лишь треть школьников Чечни указали, что поют песни на русском, хотя на родном языке поют еще меньше. Около четверти осетинских и татарских школьников могут петь на родных языках. Каждый четвертый осетинский и каждый пятый татарский школьник песни не поет вообще. Школьники Чечни оказались еще менее музыкальными.

Относительно интереса юношества к песенному искусству можно сделать следующий вывод: две трети школьников с интересом слушают песни на русском языке. Такой же высокий интерес к песням на родном языке сохраняется только у чеченцев. Только трети школьников из Осетии и Татарстана нравятся песни на осетинском и татарском языках. Данные массового опроса показывают, что школьники Владикавказа и Казани на иностранных языках поют больше, чем на родных.

Эксперты считают, что большинство песен исполняется детьми на русском языке. На школьных мероприятиях обязательно вводят песни на родном, но над уровнем их исполнения надо еще работать.

Любителей фильмов на родном языке среди осетин было немало: каждый пятый школьник. В Татарстане таковых было 13%, в Чечне – 6%. И это естественно: ведь фильмов таковых совсем немного.

Подавляющее число опрошенных смотрят передачи на русском языке. Одновременно данные опроса показывают, что каждый пятый опрошенный предпочитает передачи по радио на родном языке. Материалы исследования свидетельствуют, что дети Осетии и Татарстана с охотой посещают театральные выступления и концерты на родном языке, их ровесники в Чечне это любят делать в меньшей степени.

Судя по данным опроса, более половины учащихся Осетии и Чечни, и треть опрошенных Татарстана хотели бы, чтобы произведений культуры на титульном языке было больше. Многие школьники Татарстана считают, что количество передач, концертов на титульном языке менять не нужно. Почти каждый четвертый опрошенный Владикавказа и каждый пятый Казани признался, что Русский театр не посещают. Подавляющее число опрошенных г. Грозного вообще не посещают Русский театр. Эксперты считают, что дети посещают театр в среднем 1 раз в месяц.

Половина респондентов из Осетии и Чечни очень интересуются судьбой родного языка. Среди школьников Татарстана их доля вдвое меньше. Почти треть респондентов из Казани вообще не интересует судьба родного языка. Таким образом, судьба родного языка волнует в самой большой степени чеченских ребят. В противоположность им высказались татарские школьники: будущее татарского языка их волнует в наименьшей степени.

Эксперты следующим образом высказались по этому вопросу. Судьбой родного языка интересуются чиновники соответствующих ведомств, а также ученые и педагоги гуманитарного профиля, специализирующиеся на титульных языках. В данном случае ими движет профессиональный интерес. Специалисты в этой области обеспокоены низкой востребованностью их профессии обществом в ближайшем будущем. Как правило, они и в семьях следят, чтобы разговаривали преимущественно на родном языке. Другая часть людей, неравнодушных к судьбе родного языка, состоит из представителей старшего поколения, которым также небезразлична судьба своего народа. Среди молодежи такой интерес не замечен, хотя уровень национального самосознания и интерес к своей культуре сохраняются.

Результаты опроса школьников показали, что от трети до половины из них знают менее пяти имен своих национальных писателей. В целом более половины школьников назвали более пяти имен. Ровно треть опрошенных РСО-А, более половины Татарстана и Чечни прочитали более трех произведений своих национальных писателей.

Эксперты предполагали, что будет названо не более трех произведений. Они также убеждены, что увлечь молодежь чтением в настоящий момент невозможно. К сожалению, в современном мировом писательском сообществе так много направлений, что наши писатели не вписались в когорту великих творческих деятелей, чтобы могли развивать идеи, которые были заложены в конце X1X века - начале 1920-х годов их предшественниками.

В семьях респондентов Осетии и Татарстана почти в равных долях отмечают и общероссийские, и традиционные национальные праздники. В семьях респондентов Чечни в подавляющем большинстве отмечают национальные праздники и лишь каждая вторая семья - общероссийские праздники.

Формирование молодежного философского сообщества: проблемы и перспективы[1]

Желнов В.М.

В статье анализируется проблема профессиональной социализации в контексте задач профориентационной работы в общеобразовательных учреждениях России в гуманитарной сфере и на примере философского сообщества.
Ключевые слова: философия, образование, профессиональное сообщество, социология науки

Formation of the youth philosophical community: problems and prospects
Zhelnov V.
The article analyzes the problem of professional socialization in the context of the aims of career guidance in secondary school in Russia in humanities and for example in the philosophical community.
Key words: philosophy, education, professional association, sociology of science

Проблема формирования и развития профессионального молодежного философского сообщества в России может быть рассмотрена, как минимум, с трех сторон. Во-первых, с социологической стороны в рамках сформулированной еще классиком американской социологической мысли П.А. Сорокиным проблемы флуктуаций внутрипрофессионального и межпрофессионального стратификационных профилей. Во-вторых, с позиции формирования специфичного для этого профессионального сообщества типа идентичности, являющегося основанием его внутренней солидарности. В-третьих, в логике рефлексивного самоотнесения философов не к совокупной профессиональной группе, а к собственно профессии, т.е. не с точки зрения представления философа о самом себе как о члене коллектива философов, а как представление о самом себе как о философе, т.е. человеке, занимающемся собственно философией в отличие от всех остальных, по тем или иным основаниям именующих себя философами. Также, кроме этого, появляется необходимость определения понятия молодежного сообщества, поскольку существует несколько возможных подходов к определению молодежи как особой социально-возрастной группы, обладающей специфическими признаками и своим статусом в обществе, который заключается в переходе от детства и юности к возрасту «социальной ответственности».

Теоретическая социология дает несколько определений понятия молодежи. Так, в 1968 г. В.Т. Лисовский определил молодежь как «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции»[2]. И.С. Кон дал более конкретное определение данного понятия: «молодежь представ-

ляет собой социально-демографическую группу, которая обособляется на основании совокупности определенных возрастных характеристик, а также особенностей социального положения и обусловленных ими социально-психологических свойств»[3]. Определение И.С. Кона стало основным в отечественной социологии. Фундаментальными проблемами социологии молодежи занимались также такие исследователи, как В.Н. Боряз, С.Н. Иконникова, Ф.Р. Филиппов, В.И. Чупров. Надо отметить, что возрастные границы данной группы не совсем четко определены и могут составлять от 14-16 лет до 25-30 лет. Так, например, в соответствии со Стратегией государственной молодёжной политики в Российской Федерации, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года №1760-р, к категории молодёжи в России относились граждане от 14 до 30 лет. Однако последнее время в большинстве субъектов РФ наблюдается тенденция смещения возрастного ценза для молодежи до 35 лет.

Кроме того, следует отметить, что с точки зрения профессионального научного сообщества наличие ученой степени может также расширять границы понятия молодежь и парадоксальным образом «продлевать» молодость. Так, например, в значительной части научных фондов при формировании программ поддержки молодых ученых возрастной ценз молодого ученого без ученой степени ограничен 30 годами, возрастной ценз молодого ученого, который является кандидатом наук, возрастает до 35 лет, а возрастной ценз молодого ученого – доктора наук составляет 40 лет. В нашем исследовании мы, прежде всего, будем рассматривать современное российское молодежное философское сообщество не как нечто ставшее, в социологическом плане уже состоявшееся и получившее законченные формы, а с точки зрения факторов и тенденций его становления. Таким образом, нас будет интересовать скорее возрастной интервал между 15 и 18 годами, то есть возраст, связанный с периодом профессиональной самоидентификации, выбором профессиональных образовательных стратегий, ориентацией на то или иное направление подготовки при получении высшего профессионального образования для большинства абитуриентов в РФ, т.е. возраст, в представлении социологов еще не связанный с обретением социальной ответственности, но оказывающийся ключевым и фундаментальным в человеческой жизни с точки зрения выбора дальнейшей профессиональной судьбы.

Традиционно принято считать, что на выбор профессии и профессиональной среды общения в первую очередь влияет именно престижность профессии, т.е. её положение в иерархии «профессиональных этажей». С первого момента начала процесса профессионального разделения общественного труда представители определенных профессий входили в верхние социальные страты, а другие профессиональные группы, как правило, составляли основание социального конуса. Следует помнить, что основные профессиональные классы располагаются не на одинаковом социальном уровне, но скорее накладываются друг на друга. Кроме того, явление профессиональной стратификации имеет место внутри каждой профессиональной сферы. Внутри одних и тех же профессиональных областей происходит стратификация от верхних рангов, осуществляющих контроль, до нижних, контролируемых и подчиняющихся. Профессиональные группы взаимосоотнесены в масштабе межпрофессиональной стратификации. Не является, однако, однозначным с точки зрения социологии вопрос наличия некоего единого универсального принципа, лежащего в основе межпрофессиональной стратификации.

Действительно, неизменными основаниями профессиональной стратификации являются важность занятия, т.е. профессии для выживания и функционирования социальной группы или общества в целом, а также уровень интеллекта, который необходим для успешного выполнения профессиональных обязанностей. Социально значимыми профессиями, как правило, считаются те профессии, которые связаны с осуществлением функций организации и контроля деятельности группы. Успешное выполнение таких социально-профессиональных функций, заключающихся в организации и контроле, не только связан с высокой степенью социальной ответственности, но также требует более высокого уровня интеллекта, чем труд рутинного характера. Итак, выполнение названных функций организации и контроля требует высокого уровня интеллекта, в свою очередь,

высокий уровень интеллекта влечет за собой достижения, связанные с организацией и контролем какой-либо группы.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в обществе более профессиональная работа представляет собой выполнение функций организации и контроля, а также нуждается в более высоком уровне интеллекта, который требуется для ее выполнения, в большей привилегированности данной группы, а также в более высоком ранге, занимаемом в межпрофессиональной иерархии. Как мы знаем, группы работников физического труда всегда были менее оплачиваемыми и менее привилегированными, а также менее влиятельными и менее ценимыми, чем группы работников умственного труда[4]. Этим объясняется стремление людей к более интеллектуальным профессиям, в то время как противоположное стремление обычно определяется необходимостью.

Можно ли утверждать, что единственным критерием выбора профессии является уровень ее престижности? Престижная работа привлекает молодежь по той причине, что с ее помощью можно повысить авторитет человека и собственную самооценку, кроме того, престижная работа обычно отличается высокой заработной платой, возможностью занять высокую статусную позицию, получить привилегированный доступ к дефицитному материальному или символическому ресурсу. Поэтому абитуриенты более охотно поступают на отделения права, экономики, государственного и муниципального управления, международной политики, поскольку полагают, что эти области обладают самыми престижными специальностями. Однако следует помнить, что проблема престижных профессий заключается в том, что в течение многих лет, на протяжении которых какая-либо профессия считается престижной в обществе, большинство абитуриентов выбирают именно ее, вследствие чего рынок труда становится перенасыщенным соответствующими специалистами. Высокий уровень престижности профессии со временем приводит к изменению конъюнктуры на рынке труда, к известному перекосу между спросом и предложением на определенный вид трудовой деятельности. Поэтому выпускники вузов, освоившие данные специальности, могут испытывать затруднения при приеме на работу, поскольку количество рабочих мест ограничено, а выпускников, освоивших данные специальности, становиться больше. Молодым специалистам, поступавшим на ещё не так давно считавшимся престижным, а потому и модным, направление подготовки, зачастую приходится соглашаться на менее престижные должности или переучиваться, теряя приобретенную квалификацию, пренебрегая полученными компетенциями.

С середины двадцатого века социологи разрабатывают специальные шкалы социально-профессионального престижа и статуса, пользуясь различными научными методиками и техниками. Наиболее распространенными являются три типа шкал: шкалы профессионального престижа, социально-экономические индексы и реляционные, т.е. сетевые шкалы. В основе теоретических шкал профессионального престижа лежит структурный анализ последствий разделения труда в обществе. Разделение труда является причиной существованию различных профессий, которые требуют разной квалификации, а также предполагают различную степень контроля над ресурсами. Вознаграждение за разный труд также отличается, вследствие чего одни профессии являются более престижными, чем другие. Если говорить о практике, то шкалы престижа формируются на основе данных опросов, в которых респонденты оценивают престиж предложенных профессий по определенной шкале или располагают профессии в определенном порядке с точки зрения престижа.

В 1961 г. О.Д. Данкан разработал социально-экономический индекс SEI. Данкан поставил перед собой задачу определить уровень престижа для профессий, не вошедших в опрос NORC 1947 г. Исследователем была проведена линейная регрессия, в качестве зависимой переменной был принят профессиональный престиж, в качестве независимых – профессиональное образование и доход, вследствие чего было выведено уравнение линейной регрессии, которое связывало образование и доход, а также профессиональный престиж. Данный индекс сделал возможным определение уровня престижа профессий, о которых известны лишь доход и образование представителей. Однако следует отметить, что индекс Данкана представляет собой функцию дохода и образования и связан с измерениями престижа только техническим образом.

Третий подход к составлению профессиональных шкал представляет собой сетевой/реляционный подход. В данном случае шкала составляется, исходя из данных о профессиональной принадлежности близких друзей, мужа или жены респондентов, поскольку дружеские и семейные связи являются социально обусловленными. Частота заключения браков и дружеских контактов между работниками разных профессий отличается в зависимости от их социального статуса. Профессии, находящиеся близко друг от друга на статусной шкале, схожи со структурой дружеских и брачных связей. Если говорить о технической составляющей, то такие шкалы составляются с учетом статистического анализа таблиц сопряженности профессии респондента и профессии его или ее жены, мужа или близкого друга или подруги.

Не имея возможности проводить количественное социологическое исследование, в данном случае мы можем сделать только несколько предположений, основываясь на собственном опыте общения с участниками олимпиад школьников, абитуриентами гуманитарных факультетов вузов, профильным предметом для которых является школьный курс обществознания, а также с людьми, оказывающими наиболее существенное влияние на мотивацию абитуриентов в процессе принятия решения о выборе дальнейшей специальности - их родителями и учителями. Прежде всего, следует отметить, что представления о престижности какой-либо профессии, связанной с тем или иным направлением подготовки, у абитуриентов и их родителей, а также учителей могут быть качественно различными. Многие отечественные исследователи отмечают, что по сравнению с серединой 80-х, 90-ми годами XX века молодое поколение XXI века стало гораздо более конформистским. Исходя из этого, можно сделать предположение, что влияние представлений родителей на престижность той или иной профессии в выборе абитуриентами вузов направления подготовки возрастает. Это происходит на фоне практического неузнавания философии и ее основных разделов в содержательных линиях предмета обществознания самими абитуриентами.

Несмотря на то, что в рамках обществознания рассматриваются ключевые разделы философского знания, в том числе, содержательные вопросы онтологии, гносеологии, социальной философии, аксиологии или методологии науки зачастую абитуриентами эти разделы не опознаются как собственно философские. Однако опыт продуктивного участия российских команд на международных олимпиадах по философии (IPO), проводимых под эгидой ЮНЕСКО, показывает, что философская подготовка даже на уровне школьной программы по обществознанию в нашей стране дается на определенном уровне. Тем не менее на повестку дня можно вынести и более острый вопрос - существование перспектив возникновения философии как школьной дисциплины в России. Таким образом, формирование контингента абитуриентов, сознательно выбирающих философию как свою будущую специальность и составляющих потенциальное профессиональное философское молодежное сообщество в России, сталкивается с рядом проблем.

Прежде всего, отсутствует представление о том, что такое философское профессиональное образование и философия как профессия, у родителей абитуриентов, оказывающих наиболее серьезное влияние на профессиональный выбор абитуриентов (исключением из этого правила оказываются философские династии, в которых родители прекрасно осознают тот набор профессиональных компетенций, которым должны овладеть их дети чтобы быть приняты профессиональным сообществом).

Во-вторых, отсутствует узнавание учащимися старших классов содержания философии в содержательных блоках школьного курса обществознания. Существующая сейчас для абитуриентов возможность подавать документы на несколько факультетов и на несколько направлений подготовки приводит к ситуации, в которой философские структуры становятся для большинства абитуриентов «страховочным» вариантом, и контингент абитуриентов начинает формироваться по «остаточному» принципу. Подобная ситуация воспроизводит известную в риторике и теории коммуникации модель «двойного кольца Сократа».

В платоновских сократических диалогах часто воспроизводится полемическая ситуация коммуникативного взаимодействия групп с разным уровнем профессиональных философских компетенций. Сократ и его основной оппонент/софист (маститые профессионалы) ведут бесе-

ду в окружении учеников (неофитов), которые, в свою очередь, находятся в окружении зевак, имеющих свое мнение обо всем, но не знающих ничего по существу. Участвовать в самом диспуте могут только профессионалы, но принимать окончательное решение о силе или слабости аргументов, риторических ходов на отдельных этапах диспута доверено непрофессионалам, в число которых в ситуации прочтения текста диалога попадает и сам читатель. Таким образом, формируются два кольца компетенций – «внутреннее», связанное со знанием профессионалов, и «внешнее», связанное с мнением непрофессионалов, призванных принимать ключевые решения. Данный тип коммуникативных взаимодействий вызывает к жизни ряд противоречий, порою доходящих до парадоксов. Значительная часть указанных противоречий фактически реализуется в ситуации принятия управленческих решений «профессиональными управленцами», когда проблема управления «без применения легального насилия» сталкивается с различиями между управляющими - профессионалами в управлении, но профанами в сфере управляемого и управляемыми - непрофессионалами в управлении, но специалистами в сфере управляемого.

Разорвать ситуацию двойного коммуникативного кольца применительно к затронутой нами проблеме выбора философии как собственной профессии или будущей профессии своего ребенка практически невозможно, как невозможно стереть грань между философским и обыденным мышлением, при условии, разумеется, что мы собираемся философское мышление сохранять. Более того, рискнем предположить, что философия только и возможна в условиях существования такого коммуникативного парадокса. Не случайно все-таки эта коммуникативная модель впервые была реализована именно в философских текстах. Несмотря на свою декларативную элитарность, философское знание в конечном итоге ориентировано не столько на существование внутри профессионального сообщества, сколько на возможное трансцендирование за его пределы. Будучи изначально порождением философии, модель «двойного кольца» становится одним из ее определяющих признаков. В любом случае мы не можем предугадать, останется ли философия собственно философией, если изолирует себя, по примеру современной науки, в границах интересов собственных создателей. Тем не менее, в связи с появлением самой ситуации двойного кольца компетенций оказывается важным обозначить соотношение между обыденным сознанием и сознанием не обыденным – сознанием профессионала.

Традиционно именно научное знание противопоставляется знанию обыденному. Однако наука все чаще выступает в роли непосредственно общественной производительной силой, вследствие чего обыденность активно использует научные знания, а наука становится предметом различных обыденных суждений. Кроме того, возрастает количество людей, занимающихся теоретической деятельностью повседневно. По причине того, что науку, как и другие сферы деятельности, постигло разделение труда, научные работники все чаще выходят за рамки своей повседневности и начинают мыслить по аналогии, согласно своим конкретно-научным воззрениям.

В связи с этим также возникает противоречие: разделение труда в среде научных исследователей становится причиной появления значительного количества людей, некомпетентных за пределами своей компетентности. Данное противоречие приводит к тому, что ученые выходят на уровень обыденного сознания. Получается, чем больше развивается процесс трудовой деятельности, тем более узкими становятся профессиональные рамки знания.

Как мы видим, обыденное знание проявляет себя за пределами своей повседневности и обыденности, представляя собой единство специального знания и общего незнания. Можно заметить, что массовая культура, особенно во второй половине XX века, начинает активно производить образ ученого – чудака (литературно-художественного предшественника Г.Я. Перельмана), разительно отличавшегося от образа ученого – энциклопедиста эпохи Просвещения. Таким образом, в процессе всеобщего разделения труда вместе с профессиональными знаниями формируется также особый стиль поведения, согласно которому индивид оценивает и рассматривает окружающую его действительность сквозь призму собственной профессии.

Для того, чтобы преодолеть основные проблемы формирования философского сообщества в нашей стране нужно, прежде всего, понять, какие именно методы могут сгладить эффект парадоксов возникающего «двойного кольца Сокра-

та» при необходимости сделать выбор в пользу того или иного профессионального образования не изнутри «профессионального сознания», но лишь ориентируясь на обыденные представления о том, что такое философия как профессиональная деятельность. Понять это можно не столько используя приемы философской рефлексии, сколько увидев образ философии в зеркале обыденного сознания и поняв, какие именно позитивные дескрипты легли в основу решения «в пользу» выбора философского образования. Кроме этого, важно также избежать так называемой «систематической ошибки выживших»[5], т.е. снять картину негативных дескриптов, найти способ опросить тех, кто отказался от намерения и/или возможности получить философское образование. Решение подобной задачи может лежать на пути проведения многоступенчатых качественных исследований (например, фокус-групп), позволяющих раскрыть мотивационную составляющую выбора абитуриента.

С нашей точки зрения, только выстроенная на подобном фундаменте профориентационная работа, организуемая среди учащихся разных возрастных групп (в том числе учащихся 5-6 и 7-9 классов) может привести к качественному изменению в стратегии профессионального выбора и оптимизации способов формирования профессионального философского сообщества.

Ссылки:

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Трансформация российского философского сообщества во второй половине XX – начале XXI века»), проект №12-03-00562а.

2 Лисовский В.Т. Социология молодежи. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996.

3 Кон И.С. Молодежь // Большая Советская Энциклопедия: в 30т. / 3-е изд. М., 1974. Т. 16. С. 478.

4 При том, что различия умственного и физического труда, с одной стороны, и труда управляющих и управляемых – с другой, на настоящем этапе разделения общественного труда очевидным образом тождественными не являются, тем не менее, первоначальную связь, даже изоморфность этих двух типов различий, можно проследить генетически.

5 Т.н. ошибка отбора, когда по одной группе («выжившим») есть много данных, а по другой («погибшим») – практически нет. При этом исследователи пытаются искать закономерности процесса на основании данных «выживших», забывая о том, что не менее важная информация скрывается среди «погибших».

Сравнение употреблений имперфектых форм в трех рукописях Откровения Иоанна Богослова XIV века

Зиланова М.С.

Исследование употребление форм имперфекта в трех различных рукописях Апокалипсиса, написанных в близкие временные периоды, но различные по месту написания.
Ключевые слова: претерит, имперфект, глагольные формы, прошедшее время, Апокалипсис, Откровение Иоанна Богослова, сравнительно-историческое языкознание, древнерусский язык.

Comparison of uses of the imperfect forms in Slavic-Russian texts of the three Revelations of the XIV century
Zilanova M.S.
Kazan (Volga) federal university
Comparison of the uses the imperfektykh of forms in three manuscripts of Revelation of John the Evangelist XIV veka1 Research the use of forms of the imperfect in three various manuscripts of the Apocalypse written to the close temporary periods, but writing, various in a place.
Keywords: preterite, imperfect, verbal forms, past tense, Apocalypse, John the Evangelist's Revelation, comparative-historical linguistics, Old Russian language.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект 15-04-00283).

Историческая динамика таких претеритных форм, как имперфект недостаточно изучена 1, 2010 – С. 5]. До сих пор сохраняет дискуссионный характер вопрос о статусе имперфекта как живой глагольной формы. В пользу его редкого использования говорят данные новгородских берестяных грамот, где за XII век найдено всего 3 употребления имперфекта, которые уже в этот период объясняются влиянием книжного языка [2 – С.174]. Но даже отсутствие имперфекта в разговорной речи не говорит о его искусственности в памятниках письменности, поскольку имперфектные формы последовательно и осознанно употребляются в источниках разных жанров и форм вплоть до XVI века – «это была весьма активная форма выражения сначала относительно-временных, а затем и видовых различий» [3 – С. 281].

Основным источником изучения функционирования имперфектов в данном исследовании является рукопись славяно-русского Апокалипсиса к. XIV в (РГБ, Тр. 119) с толкованиями Андрея Кесарийского, фотокопии которой выложены в свободном доступе на сайте Троице-Сергиевой Лавры. Рукопись, согласно исследованию филиграней бомбицыны, датируется ок. 1380-х гг [4 – С. 95-96]. Для большей наглядности для сравнения были подобраны еще два текста. Первый из них – отрывок (только Откровение Иоанна Богослова) из Чудовской рукописи Нового Завета 1354-го года (по факсимильному изданию), второй – еще один славяно-русский Апокалипсис конца XIV-начала XV вв. с толкованиями Андрея Кесарийского (РГБ, Тр. 120), также выложенный на сайте Лавры.

Для сравнения выбирались идентичные отрывки текста, наиболее точно обозначающие употребление интересующих словоформ.

Стоит отметить общность и различия источников:

Таблица 1

Чудовская рукопись	Апокалипсис Тр. 119	Апокалипсис Тр. 120
абье быХ вь дс+э и се прСтль *сто1ше* на нб+си (гл. 4, ст. 2)	абиё же быхъ вь д=сэ и се прт+лъ *стояше* на нб+си (л. 18в)	абие бэх вь дсэ . и се прт=лъ сто1ше на нбси (л. 16а, 23)

Таблица 2

Чудовская рукопись	Апокалипсис Тр. 119	Апокалипсис Тр. 120
иже *оучаше* валаака положити соблазнъ (гл. 2, ст. 14)	иже *оучаше* валака положити соблазнъ (л. 12а)	иже *оучааше* ваалака положити сканталъ (л. 10б, 14

Таблица 3

Чудовская рукопись	Апокалипсис Тр. 119	Апокалипсис Тр. 120
ни ёдиН же *можаше* на нб+си горэ ниже на земли долэ 8Тврести книГ (гл. 5, ст. 3)	и никто же *можаше* ни На нб+си ни на земли . ни подъ бездною разъгноути книгъ. ни разърэшити ни зрэти ихъ (л. 20в)	и никто же не *можааше* . ни на нб=си ни на земли (л. 18б, 12)

Таблица 4

Чудовская рукопись	Апокалипсис Тр. 119	Апокалипсис Тр. 120
и 8Т прСтла *исхожаху* молнь1 й гласи и громи (гл. 4, ст. 5)	и 8Т прСтла ёго *исходяху* молния и громи и гласи (л. 18 г)	и 8Т прст8ла его исх8дЛаху мльни1 и громи и гласи (л. 16б, 22)

1) Апокалипсис Тр. 119 vs Чудовская рукопись явно имеют различные протографы: текст Троицкого Апокалипсиса – часть более обширного текста с толкованиями Андрея Кесарийского, Апокалипсис Чудовский – классический евангельский текст без дополнительных комментариев; к тому же текст Откровения в Апокалипсисе Тр. 119 иногда представлен в несколько сокращенном варианте – отсутствует часть библейских стихов, перепутана нумерация глав; перевод отдельных предложений может как совпадать до полной идентичности, так и иметь значительные лексические, синтаксические и грамматические различия. Кроме различия во времени написания, различна также и локализация рукописей. Совокупность указанных факторов представляет несомненный интерес для анализа не только употребления имперфектов в тексте, но и для более полного лингво-текстологического изучения.

2) Апокалипсис Тр. 119 и Апокалипсис Тр. 120, наоборот, очень похожи. С большой долей вероятности можно утверждать, что обе рукописи имеют один протограф, и, с меньшей уверенности предполагать, что написаны в одном месте, с незначительной разницей по времени написания. В лексическом аспекте текст совпадает достаточно точно, замены встречаются не часто. Вместе с тем в графико-орфографическом аспекте рукописи достаточно сильно разнятся - вероятно, Апокалипсис Тр. 120 написан несколько позже, так как имеет больше инновационных черт написания. Тем больший интерес представляет грамматические различия, допущенные при переписывании.

Апокалипсисы – тексты высокого книжного стиля как часть Евангелия, требующего от писцов особого внимания и последовательности, поэтому нужно иметь в виду, что даже в конце XIV века текст будет содержать значительное число архаичных форм. Этим фактом обусловлено отсутствие во всех трех рукописях таких явных примет русификации имперфекта, как наращение -ть в третьем лице и образование от перфективных основ.

Зачастую, употребление форм имперфектов по всем трем текстам совпадает. Повторяется и употребленная лексема, и аффикс образования претерита, идентично контекстологическое окружение. Различия могут быть в фонетических и графико-орфографических особенностях написания, но в конкретном случае, осо-

Таблица 5

Чудовская рукопись	Апокалипсис Тр. 119	Апокалипсис Тр. 120
и азъ *плакаХ* много . 1Ж ни ёдиН же достоиН обрэтеся 8Тврести книгъ . ниже зрэти иХ (гл. 5, ст. 4)	и *плакахоуся* мнози 1ко не обрэтеся никто же достоинъ разъгноути ни почести книгъ . ни зрэти иХ(л. 20г)	и *плакахуся* мнози . 1ко не 8брэтеся никто же достоинъ разгнути . ни почести книгъ . ни зрэти ихъ(л.20г, 13)

Таблица 6

Чудовская рукопись	Апокалипсис Тр. 119	Апокалипсис Тр. 120
старци преД сэдящимь на прСтлэ й *покланяхуся* живоущемоу (гл. 4, ст. 10)	старци преД прт+лмъ и *поклониша* живущемоу въ вэки (л. 20 а)	старцй переД пртСлмъ *поклонишася* живущему въ вэкы вэкомъ (л. 18а, 3-5)

Таблица 7

Чудовская рукопись	Апокалипсис Тр. 119	Апокалипсис Тр. 120
и се коН вороН и сэдэи на неМ *имэ1* мэрило в руцэ своеи (гл. 6, ст. 5)	и се конь воронъ сэдяи на немъ *держаше* мэрило в роуцэ своеи (л. 23б)	и се конь воронъ . и сэдяи на немь *дрьжаше* мэрило в руцэ своеи (л. 21а, 24)
анг+лть *имоущии* .з+. троубъ (гл. 8, ст. 6)	иже *имяхоу* .з+. троубъ (л. 30б)	иЖ *имяаху* .з=. трубъ (л. 27б, 22)

Таблица 8

Чудовская рукопись	Апокалипсис Тр. 119	Апокалипсис Тр. 120
и видэХ .з+. англть иже преД бм+ь *сто1Т* (гл. 8, ст. 2)	иже преД б+мъ *стояхоу* (л. 29б)	иже прэД бг=мь *сто1ху* (л. 27а, 7)

бенность употребления графем даже в исследуемых имперфектах не показательна.

Пример: (табл. 1)

Если в Апокалипсисе Тр. 119 и Чудовской рукописи имперфекты представлены только стяженной форме, то Тр. 120, наоборот, отличается преобладанием более архаичной нестяженной формой имперфекта (таблица 2).

Есть случаи, когда само употребление имперфекта остается идентичным (в Тр. 119 и Чудовском полностью повторяется, в Тр. 120 используется нестяженная форма), но меняется синтаксический и лексический состав контекстуального окружения Троицких и Чудовской рукописях, что еще раз говорит о различиях в протографах (таблица 3).

Несомненной инновацией в тексте, отражающей его русификацию, является образование формы имперфекта от основы презенса четвертого класса без палатализации согласного основы. Показательно, что данная форма развивается в двух Троицких Апокалипсисах, продолжающих древнюю книжную традицию (таблица 4):

На страницах рукописей представлен интересный случай противопоставления лиц в текстах Откровения (таблица 5). В Чудовской рукописи употребляется претерит в первом лице единственного числа, а в Троицких Апокалипсисах – явный имперфект в третьем лице множественного числа. Интересна форма плакаХ Чудовской рукописи, являющаяся грамматической омонимией формы аориста и имперфекта. При рассмотрении контекста можно допустить трактовку плакаХ и как имперфекта, и как аориста, так как значение обоих видов прошедшего времени допустимо в указанном фрагменте. Поэтому можно предположить, что писцам было удобно использовать омонимичные грамматические формы в текстах, добавляющие во фрагменты элементы многозначности и вариантов трактовки таких сложных текстов, как Апокалипсис в не толковом варианте изложения.

Интересными для изучения являются примеры замены имперфекта в одной из рукописей на глагольные инварианты.

Оппозиция употребления аорист vs имперфект встречается и в Троицких, и в Чудовской рукописях.

В первом примере (таблица 6) Чудовская рукопись использует имперфект, Троицкие – аорист. При этом форма аориста в данном контексте более закономерно согласно значению обоих видов простых претеритов.

В следующих двух примерах (таблица 7) Троицкие тексты используют имперфект, в Чу-

довский – действительной причастие настоящего времени. Пример из более позднего Троицкого Апокалипсиса стоит признать более архаичным употреблением.

Еще одним интересным вариантом замены является употребление настоящего времени в Чудовской рукописи вместо имперфекта Троицких текстов (таблица 8). Вместе с тем все употребления находятся в придаточной части сложноподчиненного предложения, и форма настоящего времени в Чудовском сборнике наследует значение прошедшего времени от используемого аориста в главной части предложения.

Выводы:

Троицкие Апокалипсисы сохранили в себе большее количество имперфектных форм глаголов на своих страницах, вместе с тем последовательно используют их в исконных значениях. Троицкий Апокалипсис 120 также изобилует архаичными нестяженными формами претерита. Эти факты могут говорить о том, что оба Троицких текста действительно могли иметь общий протограф: более древний и архаичный.

Вместе с тем, несмотря на то что ко второй половине XIV века имперфект уже был отнесен в область пассивных знаний, его регулярное и правильное использованиях в книгах говорит о том, что семантические нюансы его употребления различались писцами, и, возможно, привносили в текст более возвышенную стилистическую окраску.

Литература

1. Жолобов О. Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 5–11.

2. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект, М., 2004.

3. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка, М., 2009 – 512 с.

4. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М.: Индрик, 2002. 768 с.

5. Жолобов О.Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. II: РНБ, Погод. 71а // Russian Linguistics. 2009. Т. 33. С. 37–64.

6. Zholobov O. On reflexes of ti- and t-forms of verbs in Ancient Russian // Russian Linguistics. 2014. Т. 38. № 1. С. 121–163.

Основные тенденции и особенности развития демографического потенциала регионов Восточной Сибири

Константинова А.Г.

В статье рассматривается метод демографического анализа, который используется при статистическом измерении демографического потенциала региона. В статье автором проведена оценка, основные тенденции и особенности развития демографического потенциала регионов Восточной Сибири.
Ключевые слова: демографический потенциал, регион, рождаемость, смертность, миграция, анализ, структура, численность населения, воспроизводство населения.

The main trends and features of development of the demographic potential of regions of Eastern Siberia
Konstantinov A.G.
Russian Economic University named after. G. V. Plekhanov
The article considers the method of demographic analysis, which is used in the measurement of the demographic potential of the region. In the article the author assessed the main trends and features of development of the demographic potential of regions of Eastern Siberia
Key words: demographic potential, region, fertility, mortality, migration, analysis, structure, population, population reproduction.

Одним из ключевых факторов, характеризующих тенденции и особенности демографического потенциала, являются изменения в численности населения региона. В связи с этим, прежде всего обратимся к анализу основных динамических показателей изменения численности населения регионов Восточной Сибири.

На основе данных нами рассчитаны цепные темпы роста и прироста всего населения, а также городского и сельского населения регионов Восточной Сибири за период с 1990 по 2014 гг. На основе проведённых расчётов сделаны предварительный вывод о том, что в выбранной группе регионов наблюдается «волнообразная», разнонаправленная динамика процессов изменения численности населения, обусловленная влиянием множества социальных, экономических, политических, экологических и прочих факторов. Наличие значительного анализируемого временного промежутка и объектов изучения, требуют измерения скорости роста (убыли) численности населения, путём определения среднегодовых темпов роста и прироста населения в выбранной группе регионов. Для этого воспользуемся формулой расчёта средней геометрической. Поскольку изменение демографического потенциала регионов Восточной Сибири в его отдельных результирующих проявлениях (в данном случае численности населения) происходит в рамках единого политического, правового, экономического и в какой-то степени социально-культурного пространства в России, важно проводить сравнения с аналогичными показателями на общероссийском уровне.

В табл. 1 представлены результаты расчётов среднегодовых темпов роста и прироста населения в регионах Восточной Сибири за 1990 – 2014 гг. в сравнении с общероссийскими значениями рассматриваемого показателя.

Из представленных в таблице 1 данных важно выделить следующие предварительные выводы:

Таблица 1
Среднегодовые темпы роста (убыли) и прироста (убыли) населения в регионах Восточной Сибири и Российской Федерации за 1990 – 2014 гг. в разрезе типов поселения[1]

Показатель	Тип поселения	РФ	Республика Бурятия	Республика Тыва	Республика Хакасия	Забайкальский край	Красноярский край	Иркутская область
Среднегодовые темпы роста (убыли)	Все население	99,89%	99,69%	99,99%	99,72%	99,20%	99,58%	99,40%
Среднегодовые темпы прироста (убыли)		-0,11%	-0,31%	-0,01%	-0,28%	-0,80%	-0,42%	-0,60%
Среднегодовые темпы роста (убыли)	Городское население	99,92%	99,46%	100,57%	99,45%	99,41%	99,72%	99,35%
Среднегодовые темпы прироста (убыли)		-0,08%	-0,54%	0,57%	-0,55%	-0,59%	-0,28%	-0,65%
Среднегодовые темпы роста (убыли)	Сельское население	99,80%	100,05%	99,40%	100,37%	98,82%	99,16%	99,60%
Среднегодовые темпы прироста (убыли)		-0,20%	0,05%	-0,60%	0,37%	-1,18%	-0,84%	-0,40%

- за рассмотренный период во всех регионах Восточной Сибири наблюдаются отрицательные значения среднегодовых темпов прироста населения. При этом с наибольшей скоростью население уменьшается в Забайкальском крае (среднегодовая убыль за 1990 – 2014 гг. составляет 0,8 %), Иркутской области (среднегодовая убыль -0,6 %) и Красноярском крае (среднегодовая убыль -0,4 %). Практически во всех регионах Восточной Сибири (кроме Республики Тывы) скорость убыли населения выше, чем в среднем по России;

- существенно большую скорость падения показывает сельское население в большинстве регионов Восточной Сибири. Позитивная динамика среднегодовых темпов прироста сельского населения наблюдается за рассматриваемый период только в Республиках Бурятия (0,05 %) и Хакасия (0,37 %), при этом в этих субъектах наблюдаются высокие темпы снижения городского населения, составляющие – 0,54 % и -0,55 %, соответственно. Наиболее высокая скорость снижения сельского населения за период с 1990 г. по 2014 г. наблюдается в Забайкальском (-1,18 %) и Красноярском (-0,84 %) крае.

Очевидно, при сложившейся динамике численности населения за последние годы в рассматриваемой группе регионов, при неизменных правовых, политических, экономических, социально-культурных, медицинских и прочих условиях, демографический потенциал субъектов будет продолжать убывать.

За выбранный нами период анализа – 1990 г. – 2014 г. произошло множество событий, главным образом, политико-правового и экономического характера. В связи с этим, в целях объективизации анализа изменения численности населения в рассматриваемой группе регионов и получения предварительных выводов касательно дальнейшего изменения их демографического потенциала, необходим периодизировать выбранный анализируемый временной промежуток на следующие этапы:

1. С 1991 г. по 1999 гг. – на данном этапе население страны начинает адаптироваться к новым социально-экономическим, политико-правовым, административно-территориальным и прочим условиям, оказывающим решающее влияние на качество его жизни и, как следствие, демографических процессов и демографического потенциала. В этот же период происходит первый экономический кризис в истории современной России (дефолт 1998 г.), который прямо и косвенно оказал влияние на отдельные составляющие демографического потенциала страны.

2. С 2000 г. по 2005 г. – выделять данный этап целесообразно поскольку в этот временной

Таблица 2
Средние темпы роста и прироста (убыли) населения в разрезе современных этапов развития России в регионах Восточной Сибири в сравнении с общероссийскими значениями за период с 1991 г. по 2014 г. [2]

Показатель	Территория (регион)	1991 г. - 1999 г.	2000 г. - 2005 г.	2006 г. - 2009 г.	2010 г. - 2014 г.
Всё население					
Среднегодовой темп роста	РФ	99,94%	99,57%	99,81%	100,13%
	Республика Бурятия	99,53%	99,29%	99,89%	100,15%
	Республика Тыва	99,77%	99,89%	100,10%	100,42%
	Республика Хакасия	99,74%	99,29%	99,72%	100,08%
	Забайкальский край	98,88%	98,95%	99,48%	99,66%
	Красноярский край	99,52%	99,18%	99,40%	100,14%
	Иркутская область	99,39%	99,08%	99,24%	99,75%
Среднегодовой темп прироста	РФ	-0,06%	-0,43%	-0,19%	0,13%
	Республика Бурятия	-0,47%	-0,71%	-0,11%	0,15%
	Республика Тыва	-0,23%	-0,11%	0,10%	0,42%
	Республика Хакасия	-0,26%	-0,71%	-0,28%	0,08%
	Забайкальский край	-1,12%	-1,05%	-0,52%	-0,34%
	Красноярский край	-0,48%	-0,82%	-0,60%	0,14%
	Иркутская область	-0,61%	-0,92%	-0,76%	-0,25%
Городское население					
Среднегодовой темп роста	РФ	99,86%	99,55%	99,94%	100,31%
	Республика Бурятия	99,09%	98,63%	99,27%	101,13%
	Республика Тыва	100,42%	101,05%	99,70%	101,20%
	Республика Хакасия	99,47%	99,27%	99,69%	99,33%
	Забайкальский край	98,83%	99,00%	99,88%	100,27%
	Красноярский край	99,69%	99,39%	99,33%	100,32%
	Иркутская область	99,29%	99,02%	99,27%	99,74%
Среднегодовой темп прироста	РФ	-0,14%	-0,45%	-0,06%	0,31%
	Республика Бурятия	-0,91%	-1,37%	-0,73%	1,13%
	Республика Тыва	0,42%	1,05%	-0,30%	1,20%
	Республика Хакасия	-0,53%	-0,73%	-0,31%	-0,67%
	Забайкальский край	-1,17%	-1,00%	-0,12%	0,27%
	Красноярский край	-0,31%	-0,61%	-0,67%	0,32%
	Иркутская область	-0,71%	-0,98%	-0,73%	-0,26%
Сельское население					
Среднегодовой темп роста	РФ	100,15%	99,63%	99,48%	99,63%
	Республика Бурятия	100,22%	100,22%	100,70%	98,84%
	Республика Тыва	99,16%	98,69%	100,54%	99,55%
	Республика Хакасия	100,41%	99,34%	99,78%	101,81%
	Забайкальский край	98,95%	98,86%	98,75%	98,47%
	Красноярский край	99,02%	98,55%	99,60%	99,58%
	Иркутская область	99,79%	99,32%	99,14%	99,79%
Среднегодовой темп прироста	РФ	0,15%	-0,37%	-0,52%	-0,37%
	Республика Бурятия	0,22%	0,22%	0,70%	-1,16%
	Республика Тыва	-0,84%	-1,31%	0,54%	-0,45%
	Республика Хакасия	0,41%	-0,66%	-0,22%	1,81%
	Забайкальский край	-1,05%	-1,14%	-1,25%	-1,53%
	Красноярский край	-0,98%	-1,45%	-0,40%	-0,42%
	Иркутская область	-0,21%	-0,68%	-0,86%	-0,21%

промежуток происходит смена политической курса в стране, складывается благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура и происходит рост цен на углеводороды, руководство страны предпринимает первые крупные, после распада СССР меры по стабилизации социально-экономической ситуации. Происходят качественные изменения в уровне жизни населения, в том числе стабилизируются и постепенно растут его доходы, граждане стремятся улучшить условия жизни (качество питания, жилищные условия, экологические условия и др.).

3. С 2006 г. по 2009 гг. – данный этап развития страны характеризуется принятием качественно новых законодательных актов и программ регионального, отраслевого и социального развития с соответствующими крупными бюджетными вливаниями. Вместе с этим, на данном этапе происходит второй экономический кризис в истории современной России (2008 – 2009 гг.), который также оказал влияние на показатели воспроизводства населения и его демографический потенциал.

4. С 2010 г. по 2014 гг. – этап выделен нами как этап посткризисного развития, для которого характерно продолжающееся увеличение макроэкономических показателей развития страны и социально-экономических индикаторов жизни населения.

Выделив данные этапы, проведём оценку средних темпов роста и прироста (убыли) на каждом из них в регионах Восточной Сибири в сравнении с общероссийскими значениями данных показателей (табл. 2).

Из приведённых в табл. 2 расчётов следуют выводы, характеризующие общие тенденции и особенности развития демографического потенциала регионов Восточной Сибири, с точки зрения изменения численности населения:

- переход к новой модели общественно-экономического развития, начавшийся после распада Советского союза, обусловил отрицательный среднегодовой рост одного из основных компонентов демографического потенциала – численности населения, который продолжался, как в общенациональных масштабах, так и в регионах ВС в трёх выделенных периодах, вплоть до 2009 г.;

- снижение среднегодовой скорости по темпам прироста населения наблюдалось в разрезе обоих типов поселений: для населения городов и сельских поселений. Однако, глубина среднегодового падения численности населения сельских территорий вплоть до 2009 г. была несколько ниже аналогичного показателя для городских территорий, что было характерно для всех регионов ВС;

- в период с 2010 г. по настоящее время наблюдается качественное изменение трендов по среднегодовым темпам роста населения. Так, происходит либо значимое снижение среднегодовой убыли (как в случае с Забайкальским краем, среднегодовой темп убыли в котором снизился с -1,12 % в период с 1991 г. по 1999 г. до -0,34 % с 2010 по 2014 г. и Иркутской области – снижение скорости убыли населения с -0,61 % в период с 1991 г. по 1999 г. до -0,25 % с 2010 по 2014 г.), либо она переходит в среднегодовой прирост населения (в Республике Бурятия он составил 0,15 % с 2010 г. по 2014 г., в Республике Тыва 0,42 %, в Республике Хакасия 0,08 % и в Красноярском крае 0,14 %). На наш взгляд, качественное изменение тренда среднегодовых темпах прироста (убыли) численности населения следует считать «кумулятивным» результатом принятых государством мер по поддержке семьи и материнства, улучшению социального положения и защиты граждан, общего повышения уровня и качества жизни населения, что проявилось и в регионах Восточной Сибири.

В ходе оценки основных тенденций и особенностей демографического потенциала регионов Восточной Сибири, важно также рассмотреть половозрастные особенности населения, с точки зрения их возможного влияния на прирост или убыль населения и, как следствие, его демографический потенциал. Для решения данной задачи представляется необходимым провести анализ двух ключевых показателей: степени диспропорциональности населения регионов ВС (как численность женщин, приходящихся на 1000 мужчин), доли женщин в фертильном возрасте в общем числе женщина и количестве мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин за последние годы.

В результате проведённых расчётов получены следующие данные по особенностям и тенденциям ключевых критериев демографического потенциала по половозрастному составу населения (табл. 3).

Из полученных данных по изменению выбранных критериев демографического потенциала населения регионов Восточной Сибири, важно сделать следующие выводы:

- в последние годы для регионов ВС характерна значительная диспропорциональность половой структуры населения, при этом в последние годы наблюдается тенденция к снижению неравномерности распределения населения по гендерным характеристикам;

- вместе с этим, снижение диспропорциональности половой структуры населения происходит параллельно со снижением доли женщин в фертильном возрасте, что является нега-

Таблица 3
Изменение ключевых параметров демографического потенциала по половозрастной структуре населения регионов ВС за 2009 – 2014 гг. [3]

Регион ВС	Показатель	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Бурятия	Количество женщин на 1000 мужчин	1 117	1 118	1 103	1 103	1 101
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	49,7%	48,7%	46,3%	45,6%	45,0%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 272	1 286	1 342	1 347	1 348
Республика Тыва	Количество женщин на 1000 мужчин	1 115	1 113	1 102	1 100	1 097
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	56,0%	54,8%	50,0%	48,8%	47,6%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 048	1 067	1 131	1 144	1 162
Республика Хакасия	Количество женщин на 1000 мужчин	1 150	1 149	1 157	1 155	1 155
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	47,8%	46,9%	44,8%	44,0%	43,4%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 309	1 324	1 331	1 336	1 335
Забайкальский край	Количество женщин на 1000 мужчин	1 093	1 093	1 091	1 090	1 089
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	49,5%	48,7%	47,0%	46,4%	46,0%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 319	1 331	1 356	1 357	1 356
Красноярский край	Количество женщин на 1000 мужчин	1 146	1 145	1 145	1 144	1 143
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	48,7%	47,9%	46,3%	45,7%	45,2%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 308	1 323	1 340	1 344	1 344
Иркутская область	Количество женщин на 1000 мужчин	1 160	1 163	1 162	1 162	1 162
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	48,5%	47,6%	45,5%	44,9%	44,4%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 268	1 279	1 308	1 308	1 307

тивной косвенной характеристикой развития демографического потенциала региона. Снижение доли женщин в фертильном возрасте обусловлено, как миграционными процессами, медико-демографическими характеристиками, так и изменениями в возрастной структуре женского населения – данные аспекты демографического потенциала будут рассмотрены более подробно в следующем параграфе настоящего исследования.

Стоит отметить, что помимо выявленных выше негативных предпосылок и тенденций развития демографического потенциала регионов Восточной Сибири имеются и позитивные. В числе таких предпосылок следует, прежде всего, выделить принятую Указом Президента РФ № 1351 от 09.10.2007 г. Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.[3]. Реализация данной Концепции строится на следующих принципах:

- комплексности решения демографических проблем и задач, в том числе для реализации мероприятий по снижению смертности, повышению рождаемости и стабилизации миграционных потоков с обеспечением взаимосвязи этих составляющих;

- обеспечения концентрации на приоритетах, предполагающее выбор ключевых проблем и принятие мер по их решению;

- принцип своевременности реагирования на демографические тенденции;

- принцип учёта региональной специфики;

- принцип обеспечения взаимодействия государства с гражданскими институтами при решении проблем;

- обеспечение координации законодательных и исполнительных органов государственной власти на различных уровнях управления.

В соответствии с утверждённым в рамках Концепции планом мероприятий по её реализации [2], Федеральной службой государственной статистики было проведено выборочное обследование репродуктивных планов населения в нескольких десятках регионов РФ, в том числе в регионах Восточной Сибири. Позитивной предпосылкой в этом плане следует считать, что в отдельных регионах ВС желаемое число детей больше 2,5 (к примеру, в Республиках Бурятия и Хакасия, Забайкальском крае) [1]. Поведенческие и установочные особенности населения могут оказывать значительно большее влияние на реализацию демографического потенциала, чем реальные экономические условия. Вместе с тем, в современных условиях, граждане России указывают, что в числе основных помех к рождению желаемого количества детей [1].

- материальные трудности (39,4% женщин и 35,3% мужчин),

- неуверенность в завтрашнем дне (33,9% женщин и 31,7% мужчин),

- жилищные трудности (33,5% женщин и 29,1% мужчин).

Таким образом, в последние годы в регионах ВС складывается ряд негативных тенденций и предпосылок, продолжение действия которых обусловит дальнейшее снижение потенциала воспроизводства населения (демографического потенциала). Для решения данной проблемы требуется, прежде всего, многоаспектный анализ отдельных компонентов ДП. Далее будут рассмотрены основные тенденции естественного и миграционного движения населения регионов Восточной Сибири и объекта настоящего исследования – Иркутской области.

Литература

1. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения // Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа - www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc проверено 05.07.2015

2. Распоряжение Правительства РФ от 10.03.2011 N 367-р (ред. от 01.10.2012) «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2011 - 2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // «Собрание законодательства РФ», 21.03.2011, N 12, ст. 1655.

3. Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // «Собрание законодательства РФ», 15.10.2007, N 42, ст. 5009.

Ссылки:

[1] Источник: составлено автором в результате расчётов по анализируемому массиву статистической информации

[2] Источник: составлено автором в результате расчётов по анализируемому массиву статистической информации

[3] Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту 2009 – 2014 // Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 проверено 15.07.2015

Российское религиоведческое сообщество: метарелигиоведческий контекст[1]

Костылев П.Н.

В статье представлено исследование трех возможных стратегий осмысления состояния и перспектив российского религиоведческого сообщества. Представленные стратегии описаны в историческом, методологическом, социологическом и психологическом контекстах.
Ключевые слова: социология науки, религиоведение, метарелигиоведение

The Russian community in Religious: metareligiovedchesky context
Kostylev P.N.
The article presents a study of three possible strategies for understanding the status and prospects of the Russian Religious Studies community. The Strategy describes in the historical, methodological, sociological and psychological contexts.
Key words: sociology of science, religious studies, metareligionswissenschaft

Предельную трудность, на мой взгляд, представляет осмысление трех феноменов истории науки:

1. Поиск оснований науки, направленный в историческую глубину и, к сожалению, обычно не имеющий встроенных методологических ограничителей[2] ;

2. Исследование ее границ, в историческом, методологическом, социологическом (социология науки, социология знания) и психологическом (психология науки) планах.

3. И, наконец, понимание ее настоящего статуса, осмысление себя как целого.

Далее мне хотелось бы представить ряд упорядоченных размышлений, посвященных трех возможным стратегиям осмысления[3] современного состояния российского религиоведения.

Итак, если религиоведение – это гуманитарная наука, объектом которой выступает интуитивно понимаемое поле «религиозного», а предметами – концепты «религии» (1), реальные религиозные традиции мира – не всегда соответствующие концептам «религии» (2) и религиозные феномены, нередко выходящие за пределы собственно религиозных традиций (3), то дисциплина, изучающая само религиоведение – это метарелигиоведение, а именно история, методология, социология и психология религиоведения[4] .

Еще сорок лет назад З. Понятовский считал, что «наука (о религии) не существует в социальном вакууме. Она связана не только с философией или теологией, но также и с множеством вненаучных факторов, к примеру, с потребителями нашей продукции. Поэтому метарелигиоведение должно также стать религиоведческой “политологией”» (Poniatowski, 1980)[5] . П.О. Шольц, определяя метарелигиоведение в понимании Понятовского, отождествляет его с «общей теорией религии, методологией и историей религиоведения» (Szolc, 1971), поясняя, что его задачей является «разграничение облас-

ти религиоведения [с другими областями] и определение его специфики, методологии и истории» (Ibid.)[6]. П. Маккензи фактически отождествляет метарелигиоведение с «введением в религиоведение» (McKenzie, 2009). В свою очередь, А.А. Зых упоминает, что в последние годы метарелигиоведение стремится добиться статуса отдельной дисциплины (Zych, 2012); насколько нам известно, как учебная дисциплина метарелигиоведение пока нигде не читается – в отличие от истории религиоведения.

Ниже я предлагаю кратко ознакомиться с выделенными стратегиями религиоведческого самоосмысления, описанными сообразно предложенной модели метарелигиоведческого метода – историческим, методологическим, социологическим и психологическим аспектам религиоведения.

Стратегия пролонгирования. В рамках первой описываемой стратегии российское религиоведение предстает как сложный, гармонично упорядоченный универсум значений, целостно интегрирующий разнородные религиоведческие дисциплины в единый организм живого и развивающегося научного знания.

В историческом плане российское религиоведение предстает неразрывной линией научной преемственности, от российских ученых XVIII века к настоящему постсоветской России. Определенные проблемы религиоведение испытывает при изменении ценностей конкретного периода российской истории (переход от дореволюционного религиоведения к советскому, от советского – к современному), но эти проблемы носят частный характер и не влияют на ценность религиоведческих исследований в любой период времени. Какое-либо указание на ангажированность религиоведческих изысканий в советский период может восприниматься как покушение на религиоведение в целом и религиоведческое сообщество в частности.

Методологически религиоведение, согласно этой стратегии, последовательно выстраивает себя как мультиметодологическое знание, приемлющее любой признанный научным в рамках любой другой науки подход. Религиоведение предстает совокупностью религиоведческих дисциплин (разделов), и таковые (философия религии, история религии, социология религии, психология религии, феноменология религии) выстраиваются мериологически (т.е., «через запятую»). При таком делении крайне сложно обосновать то, что религиоведческие дисциплины являются разделами религиоведения, а не конкретных наук – истории, социологии, психологии, философии и прочая[7]. Далее, оказывается невозможно остановить бесконтрольное размножение религиоведческих дисциплин (разделов) религиоведения; с течением времени появляются все новые – антропология (этнография / этнология) религии, география религии, экология религии, филология религии, семиология религии и так далее – ведь никакого ограничительного критерия производства новых дисциплин (разделов) в религиоведении не выработано.

Справедливости ради, следует отметить, что если религиоведение структурируется указанным образом, такое номиналистическое представление (религиоведение – только имя, объединяющее разделы разных наук) приводит нас к размыванию академической идентичности религиоведения и, в конечном счете, к его уничтожению, так как существование религиоведения оказывается классификативно необоснованным, поскольку религией занимаются частные дисциплины.

Социологически религиоведение, в рамках стратегии пролонгирования, представляется как совокупность выпускающих и невыпускающих профильных университетских подразделений плюс ряд институций Российской академии наук. Религиоведы – это прежде всего сотрудники и выпускники подобных подразделений, ученые и исследователи, социально привязанные к научным и образовательным организациям, финансируемым прежде всего бюджетным образом. «Быть религиоведом» определяется через социальные факты каждой конкретной личной истории исследователя.

Создание профессиональных ассоциаций возможно, однако носит условный характер; пример – «Ассоциация российских религиоведческих центров», проводящая конференции и конгрессы, имеющая представительный Управляющий совет, объявляющая себя преемником различного рода религиоведческих организаций, но пока что не зарегистрированная в качестве юридического лица, не имеющая своего сайта, не обладающая ни прописанной процедурой вступления, подтверждения членства и исключения, ни установленным оргвзносом.

Психологически цельность религиоведения, как в историческом и методологическом, так и в социальном планах оборачивается закрытостью, осознанием своей «особой судьбы», «особого пути», чему порукой становится как малочисленность религиоведов, так и отсутствие глубинных связей российского религиоведения с другими дисциплинами. В силу замкнутости и укорененности в исторической традиции религиоведческое сообщество не стремится к экспансии либо же популяризации, как и к выходу в мировое академическое пространство. Базовый страх в таком варианте самоосмысления – это страх утратить целостность, уступить смежным и близким сообществам (прежде всего, теологическому), лишиться государственной поддержки (и бюджетных мест).

Стратегия преодоления кризиса. Вторая стратегия понимания религиоведения конкурентна по отношению к стратегии пролонгирования; можно сказать, что в рамках этой стратегии особо акцентируется внимание на проблемных и кризисных местах в системе религиоведения.

История отечественного религиоведения предстает в рамках этого подхода областью чрезвычайно проблемной; так, до революции религиоведение в России не возникло, поскольку почти не было научного изучения религии в университетах. В советское время, согласно этой традиции, серьезно говорить о религиоведении можно только в условном формате, поскольку пафос преодоления религии никак не способствовал ее корректному научному изучению. Наконец, сегодня мы должны прилежно усваивать западный опыт (ввиду отсутствия собственного), а без такового усвоения говорить о российском религиоведении нет смысла. В таком смысле возникает ощущение, что религиоведение – это какой-то бесконечный start-up, все время откатывающий к точке зеро.

Методологически отсутствие специфически религиоведческих методов объявляется, в рамках стратегии преодоления кризиса, либо особенностью религиоведения как такового – либо упущением, которое следует немедля восполнить, тотчас изобретя религиоведческий метод опять-таки «с нуля». Мультиметодологичность предшествующего подхода предстает как печальный результат методологической неразборчивости ученых предшествующих эпох.

Социологически религиоведческое сообщество в рецепции сторонников описываемой стратегии предстает в ситуации перманентного и, пожалуй, в принципе неразрешимого кризиса. «Быть религиоведом» здесь значит быть непримиримым критиком сложившегося состояния религиоведения, однако простейший социальный анализ легко объясняет эту позицию тем, что сторонники стратегии пролонгирования обычно идентичны академическому истэблишменту, а сторонники стратегии преодоления кризиса почти всегда представляют его социальную оппозицию – молодежь (условно), не защитившую те (кандидатские) или иные (докторские) диссертации, другой вариант – оппозицию руководству религиоведческих подразделений, третий – представителей конкурентных предметных областей знания (прежде всего, теологии, в меньшей степени – социологии, истории, философии).

Психологически сторонники «спасения отечественного религиоведения» находятся обычно в существенно более патологическом восприятии ситуации вокруг религиоведческого сообщества, как и всякая, пусть даже и научная оппозиция. Научные конфликты легко преобразуются в личную плоскость, жизненный мир сообщества более жестко, чем в первом случае, делится на «своих» и «чужих», в организации деятельности религиоведческого сообщества возникает своего рода почти мессианский пафос. Базовый страх в данной ситуации носит, скорее, социальную природу – сторонники стратегии преодоления кризиса в каком-то смысле «делают имя» на спасении сообщества от кризиса, нередко изобретенного ими самими (как известно, для того, чтобы решить проблему, нередко нужно сначала создать проблему), и в ситуации отсутствия кризиса и необходимости нормальной научной работы сторонникам этой концепции попросту нечем заниматься, в том числе научно.

Стратегия возвращения в общество. На мой взгляд, ввиду оппозиционности двух представленных выше стратегий никакой медиальной для них стратегии выработать, по моему мнению, не представляется возможным. Однако возможна альтернативная стратегия самоосмысления религиоведения, а именно – стратегия возвращения к общество. Действительно, религиоведение, как указывал З. Понятовский (см. выше),

существует не в социальном вакууме, а в обществе, в котором гуманитарные науки выполняют ряд важных функций помимо собственно научных. Можно констатировать, что российские религиоведы, увлеченные теоретическими и историческими дискуссиями (наиболее характерные – бесконечная и, пожалуй, бессмысленная реконцептуализация понятия «религия», обсуждение этических вопросов истории религиоведения, выяснение вопроса об «истинном» и «ложном», «правильном» и «неправильном» религиоведении) или псевдо-проблемами (например: «религиозность», «постсекулярный мир»), во многом утеряли реальное понимание места своей дисциплины в реальном мире социального.

Исторически возвращение в общество может основываться на понимании места религиоведения в истории идей, анализе того, что религиоведение дает и/или может дать обществу и культуре, налаживанию прямого контакта между религиоведами и общественными нуждами – от подкаста или телеканала, посвященного корректному изложению знаний о религии в просветительском и аксиологически нейтральном ключе, до системы популяризирующих научное знание о религии сайтов (которых так же прискорбно мало, как и, скажем, пять лет назад).

Методологически религиоведение, и прежде всего – религиоведение отечественное, должно выйти из самостоятельно созданной изоляции, основанной на продвижении идеи абсолютной уникальности религиоведческого знания, что необходимо поддержать системой повышения квалификации и переподготовки по религиоведению, появлением открытых лекций специалистов по различным религиям, ориентированных на различные аудитории.

Социологически российские религиоведы могут ориентироваться на создание своего рода социальной сети, или единой базы данных о себе, вне которой любые спекуляции на тему статистического понимания религиоведческого сообщества остаются не более чем спекуляциями. «Охранительная» позиция по отношению к идентичности «быть религиоведом» уже, как мне кажется, потеряла актуальность – сообщество нуждается в притоке представителей смежных областей знания – философов, историков, социологов, психологов, может быть даже теологов.

Наконец, психологически причисление себя к религиоведческому сообществу может, в русле предлагаемой стратегии, быть избавлено от дилеммы «за традиционное положение дел»/ «против». «Быть религиоведом» должно обрести вненаучный смысл, может быть – экзистенциальный, общекультурный, общеисторический. Если религиовед не в состоянии поведать обществу исторически и психологически достоверную, и притом интересную историю (или множество таких историй) о предемете своего изучения, возникает вопрос – в чем реальный общественный смысл его религиоведческой деятельности?

На мой взгляд, сложившаяся в современном российском религиоведении ситуация паритета двух моделей его самоосмысления во многом тормозит развитие сообщества и развитие российского религиоведения в целом, потому что львиную долю сил религиоведы разных идеологических «прописок», возрастов и статусов тратят на борьбу с религиоведами противоположных воззрений, дистанцирование от смежных областей знания, защиту или, наоборот, атаку, – в общем, на процессы и процедуры, по моему разумению, находящиеся за гранью нормальной науки.

Наше сообщество отчаянно нуждается в общих правилах самоопределения, прежде всего – этическом и профессиональном кодексах, системе выстраивания рабочих мест, системе общей грантово-заявочной и исследовательской деятельности, общих программах работы, кадровой базе данных. Религиоведческое сообщество также должно стать экспертным, выстроить определенную политику экспертной работы – в соответствующем гуманитарной специфике религиоведческой проблематики диалоговом формате (Желнов, 2015). Остается надеяться, что предлагаемая стратегия сможет отчасти исправить положение дел, вернуть религиоведов к реальным задачам, которые ставит перед ними общество и вытащить религиоведческое сообщество из той раковины «уникальности», куда оно, по совокупности разных причин, попадает последние десятилетия.

Литература

McKenzie P. Phenomenology of Religion: A Systematic Approach // Falsafeh. – Vol. 37 (2009). – №3.

Poniatowski Z. Metareligionswissenschaft // History of Religions. Proceedings of the XIIth Congress of the International Association for the History of Religions, Lancaster, 1975 / Eds. Pye M and McKenzie P. – Lancaster, 1980.

Poniatowski Z. Naukometria religioznawcza // Euhemer – Przeglad Religioznawczy. – 1972. – №3 (85).

Poniatowski Z. Wstkp do religioznawstwa. – Warszawa: 1962.

Szolc P.O. Religionswissenschaft in Polen // Numen. – Vol. 18 (1971). – №1.

Zych A.A. Pomikdzy wiar№ a zw№tpieniem. – Krakyw: 2012.

Желнов В.М. Экспертиза социальных инноваций и философское сообщество в России сегодня // Российское философское сообщество: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы научной конференции 2-4 октября 2014 г. / Общ.ред. В.В. Миронов. – М.: 2015.

Ссылки:

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Трансформация российского философского сообщества во второй половине XX – начале XXI века»), проект №12-03-00562а.

[2] При некотором усилии подобный подход позволяет возвести, скажем, сравнительное религиоведение к известной истории «выбора веры» Владимиром Святославовичем, последствием чего стало крещение Руси в 988 году.

[3] Отмечу, что употребляя термин «стратегия осмысления», я настаиваю на том, что понимание современного состояния науки о религии в России невозможно «само по себе», без предваряющего его своего рода взгляда, концептуального видения, в котором бытие науки обретает свой смысл. Нестратегическое понимание прошлого, настоящего и будущего нашей науки обречено оставаться россыпью разнородных фактов, не имеющих в себе никакого объединяющего смысла и содержания.

[4] Следует отметить, что у понятий «метарелигиоведение» и «метатеория религиоведения» совершенно различное предметное наполнение.

[5] Имеется в виду, что метарелигиоведение должно объяснять смысл существования религиоведения обществу, а для этого необходимо знать религиоведение в его теории, истории и методологии. Более подробно о воззрениях З. Понятовского на метарелигиоведение (Poniatowski, 1962). Понятовский также считал, что одним из главных инструментов развития метарелигиоведения следует считать наукометрию (Poniatowski, 1972).

[6] Таким образом, сложные и дискуссионные вопросы о взаимоотношении религиоведения с другими дисциплинами также относятся к сфере ведения метарелигиоведения.

[7] Теоретически возможно выделить этапы в логике развития религиоведения, например: социологи о религии (1), социология религии как часть социологии (2), социология религии как раздел и дисциплина религиоведения (3), но эвристическая ценность подобных дефиниций оставляет желать лучшего.

Международный имидж России в условиях санкций: тенденции трансформации и проблемы укрепления

Невская Т.А.

В статье рассматриваются основные тенденции и проблемы укрепления международного имиджа России. Автор отмечает, что проблему имиджа России нельзя назвать случайной и утверждает, что это комплекс факторов, определяющих восприятие страны за ее пределами и уходящих корнями в далекую историю. Также подчеркивается, что главная проблема имиджа России за рубежом заключается в том, что он является предметом целенаправленной дискредитации, и связано это исключительно с геополитикой.
Ключевые слова: имидж, международный имидж государства, динамика развития, тенденции, проблемы, современная Россия.

The international image of Russia in the conditions of sanctions: trends and challenges of transformation strengthening

Nevskaia T.A

The paper examines the main trends and challenges of strengthening Russia's international image. The author notes that the problem of the image of Russia can not be considered accidental and claims that this set of factors that determine the perception of the country abroad, and rooted in distant history. It is also stressed that the main problem of Russia's image abroad is that it is a matter of deliberate discrediting, and this is due solely to geopolitics.
Key words: the image, the international image of the state, dynamics, trends, issues, contemporary Russia.

Международный имидж государства, являя собой динамично развивающийся, многоаспектный феномен духовной жизни общества, в настоящее время предстает крайне актуальным и значимым объектом социологического исследования. В современном мире, где правила взаимодействия диктует информация, международный имидж страны представляет собой чуть ли не главный инструмент достижения стратегических и тактических целей во внешней политике. От того, каким будет его содержание и окраска, зависит успешность всей внешней политики государства, эффективность развития торгово-экономических отношений с зарубежными странами, возможность участия в решении задач и проблем мирового уровня. Значимую роль играет международный имидж страны и в развитии культурного обмена между государствами, процветании туризма, степени притока инвестиций в отечественный бизнес, искусство, образование. Стоит отметить, что в условиях стремительного развития средств коммуникации, усиления роли мировых СМИ в формировании глобального общественного мнения, актуальность анализа тенденций динамики внешнего имиджа государства возрастает в геометрической прогрессии.

В рамках сложившихся реалий международного взаимодействия исследования динамики внешнего имиджа особо актуальны для современной России. Международный имидж нашего государства на протяжении многих лет был довольно противоречивым. Своего апогея эти противоречия достигли в период постсоветского времени, когда отголоски «холодной войны» и тяжелый кризис экономической системы России спровоцировали массовое распространение ложных стереотипов в ряде зарубежных стран. Особой злободневностью эта проблема обладает в контексте современного международного взаимодействия – в частности, в условиях введенных против России санкций со стороны США и стран Европы в ответ на вхождение Крыма в состав РФ. Введенная мера оказывает

огромное влияние на трансформацию внешнего имиджа России, ибо провоцирует ослабление или вовсе разрыв выгодных экономических связей с зарубежными странами. Вместе с тем, в сложившихся условиях под удар попадает не только имидж России на международной арене, но и мировая стабильность в целом. Как отмечено в Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013): опасность для международного мира и стабильности представляют попытки регулировать кризисы путем применения вне рамок Совета Безопасности ООН одностороннего санкционного давления и иных мер силового воздействия[1].

Таким образом, высокая общественная значимость исследования трансформации международного имиджа России в условиях санкций не вызывает сомнения и обосновывает необходимость её комплексного анализа.

Пристальный интерес к проблеме формирования международного имиджа государства был ознаменован появлением на свет в конце 50-х годов XX столетия понятия «имидж». Именно тогда американским экономистом К.Боулдингом был предложен данный концепт, в сути которого он выделил «определенный поведенческий стереотип, основанный не на действительных фактах, а на престиже, мнениях, иллюзиях, которые люди создают о самих себе, на мифологических представлениях о прошлом, на воображаемом представлении о будущем, и который способен влиять на поступки отдельных личностей и групп, так и на поведение целых наций»[2].

Справедливо отметить, что каким бы ни было многообразие теоретико-методологических подходов к определению понятия «международный имидж государства», каждый из них наделяет данный феномен духовной жизни общества рядом устойчивых неотъемлемых характеристик, среди которых необходимо выделить следующие:

· международный имидж государства есть образ, определенный «смысловой код»;

· данный феномен складывается из совокупности мифов, стереотипов, мнений, точек зрения, которые в свою очередь являются механизмами упрощения восприятия субъекта;

· отражает отдельные реальные характеристики и фактические сведения о носителе имиджа (зачастую, в искаженном представлении);

· призван формировать определенный набор установок и алгоритмов поведения масс относительно носителя имиджа;

· оказывает эмоциональное и психологическое воздействие на мировое общественное мнение;

· имеет возможность формирования целенаправленным путем при воздействии специалистов, политической элиты и каналов СМИ на мировую общественность.

Как социокультурный феномен жизни общества, международный имидж государства призван выполнять ряд существенный и важных функций. Прежде всего, внешний облик страны способствует социокультурной и политической идентификации. Иными словами, именно он облегчает процесс восприятия и анализа в кругах международной аудитории, ибо помогает ей провести параллель между образом государства с четко определенной политико-культурной традицией.

Одной из наиважнейших функций внешнего имиджа страны является идеализация образа. Как правило, это происходит путем обеспечения позитивного информационного поля вокруг государства и проекции на него определенных положительных характеристик.

Третья основная функция внешнего образа страны связана с процессами информирования и коммуникации. Именно сложившаяся картина устройства и сущности государства в умах зарубежья позволяет поддерживать результативный диалог с другими странами на международной арене.

Однако для комплексного анализа понятия «международный имидж государства» перечисления его отличительных характеристик и функций недостаточно. Как правило, в исследовании данного феномена специалисты большое внимание уделяют специфике факторов, под воздействием которых происходит формирование внешнего образа страны. Среди многообразия подходов особо выделяется концепция А.А. Деркача. Отечественный имиджеолог причисляет внешний имидж государства к категории так называемых системно-корпоративных имиджей, носителями которых являются коллективные субъекты политического имиджа (государства, союзы, нации). Всю совокупность факторов, под воздействием которых конструируется международный имидж государства, А.А. Деркач делит на объективные (демократизация

общественного развития и экономики, реализация социальной политики в стране, характер и направление развития внутренней экономической политики, внешнеэкономическая политика государства) и субъективные (характер системы политического лидерства)[3].

Другой точки зрения на характер факторов формирования внешнего имиджа государства придерживается отечественный политолог М.А. Коломенский. В его концепции получают обоснование следующие факторы:

· «социокультурные и исторические традиции, сформировавшиеся в прошлом и передающиеся от поколения к поколению;

· обладающие определенной устойчивостью природно-географические факторы и ресурсный потенциал государства, сложившееся геополитическое положение государства на международной арене;

· базовая форма государственного устройства и структура управления, характер и принципы деятельности общественно-политических организаций, внутренняя и внешняя политика государства, его национальные интересы;

· основные направления деятельности средств массовой коммуникации, социально-психологические настроения в обществе;

· имидж ведущих политических лидеров внутри страны и за рубежом»[4].

Как динамично развивающийся образ действительности международный имидж государства может иметь как положительную, так и негативную окраску, которая зависит от степени и характера влияния всех вышеперечисленных факторов на мировое общественное мнение.

Ещё в середине прошлого столетия великий русский мыслитель И.А. Ильин говорил: «Европе не нужна правда о России; ей нужна удобная для нее неправда. Ее пресса готова печатать о нас самый последний вздор, если этот вздор имеет характер хулы и поношения. Европейцам «нужна» дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать не ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии»[5].

Сложно вспомнить период в истории нашего государства, когда оно вызывало исключительно одобрительные чувства и восторженные отзывы у зарубежного общества. По мнению российского политолога К.С. Гаджиева, «чаще всего наша страна внушала окружающему миру страх, обеспокоенность и недоверие своими невероятными размерами, непредсказуемостью векторов развития»[6].

Особо актуальной проблема международного имиджа стала для России после распада Советского Союза, в период гипертрофированного обострения основных негативных стереотипов, господствующих в сознании международного сообщества в отношении нашей страны. Бытует мнение, что именно в постсоветский период на смену антисоветизму пришла так называемая «русофобия». Столь негативной окраски имидж нашего государства не обретал даже в самых критических ситуациях времен «холодной войны».

Утверждать, что столь негативный образ нашего государства за рубежом не нёс в себе отражения реальных фактов и был сугубо искажен в процессе целенаправленного воздействия на зарубежную аудиторию по каналам СМИ – значит обманывать самих себя. Имидж постсоветской России основывался на ряде реально отражающих её внутреннее состояние факторах, прочно осевших в сознании зарубежного сообщества. Полный развал народного хозяйства, займы у Международного фонда, экономический кризис 1998 года – безусловно, все эти обстоятельства сформировали за рубежом образ России как экономически слабой страны, «подсевшей на долговую иглу». Именно экономическая составляющая постсоветского кризиса, в котором погрязло наше государство в 90-е годы, являлось определяющим фактором формирования международного имиджа Российского государства.

Не обошлось и без сохранения пережитков Советского Союза – господствующие стереотипы об образе «тоталитарной машины» не покидали умы зарубежных граждан. Коммунизм, снег, КГБ, водка, медведи, мафия – основные ассоциативные понятия, с которыми нередко отождествляют нашу страну за рубежом.

Весомый вклад в формирование негативного международного имиджа России внесли такие объективные факторы, как чеченская кампания, выступившая свидетельством нарушения норм международного права, коррумпированность всех областей российской власти, массо-

вое обнищание населения, феномен олигархии, преступный характер российского бизнеса. Отрицать эти черты российского постсоветского общества не имеет смысла, но в то же время необходимо обратить внимание на гипертрофированный и крайне искаженный характер вышеперечисленных стереотипов в зарубежном сознании.

Однако стоит отметить, что с приходом к власти в России Президента В.В.Путина и появлением четкой стратегии формирования позитивного восприятия РФ за рубежом в ситуации с международным имиджем наметились положительные перспективы развития. Высокие цели на энергоносители обеспечили России экономический рост и дипломатическое влияние на международной арене. Фактически, Россия получила статус энергетической державы и поставщика энергоресурсов. Трактуя эту ситуацию с иного ракурса, можно утверждать, что особого веса на международной арене с этим приобретением наше государство не получило: из экономически слабой страны оно превратилось в энергетический придаток Запада, который выстраивает траекторию взаимодействий с Россией, учитывая фактор своей зависимости лишь от её нефтегазовых ресурсов.

В той же мере несостоятельной является и политическая составляющая международного имиджа России в постсоветскую эпоху. Авторитарный характер политической власти в России, деспотизм и подавление инакомыслия, отрицание ценностей плюрализма, нарушение демократических свобод российских граждан – вот далеко не весь список черт, на котором сходятся зарубежные СМИ при описании политической системы постсоветской России. Особый, но неоднозначный резонанс у международной аудитории вызывает лидер современной России - Владимир Путин. «Ему как-то удается совмещать ношение прекрасно скроенных костюмов с сапогами, которыми он давит у себя в стране оппозицию и демократию»[7] - исчерпывающий пример описания российского лидера за рубежом.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что международный имидж России в постсоветский период однозначно носит негативную окраску. Достижения нашей страны в области спорта, искусства, балета, литературы всегда по достоинству были оценены за рубежом и редко подвергались критике в международных СМИ. Наконец, настоящим прорывом, способствовавшим укреплению имиджа России на международной арене, стала Сочинская Олимпиада 2014 года. Наше государство не только смогло доказать, что может выступать прекрасным организатором международного события такого масштаба, но и являться его победителем.

Несмотря на явные положительные тенденции в развитии международного имиджа России, на протяжении всего постсоветского периода он не переставал быть неоднозначным, противоречивым и шатким. Особое значение и окраску он приобрел в настоящее время – в условиях введенных Западом экономических санкций против России. Оборачиваясь на список факторов, способных влиять на формирование международного имиджа страны, можно без усилий прийти к выводу, что санкции как один из экономических факторов оказывает довлеющее влияние на конструирование всего внешнего образа государства, оказавшегося под действием подобных мер. Однако комплексный анализ международного имиджа нашего государства в столь неоднозначный период требует некоторого освещения предпосылок и причин сложившейся ситуации.

Предыстория введения санкций берет свое начало с разрастания Крымского кризиса, которое сопровождалось крайне настороженной позицией западного сообщества относительно «вмешательства» России во внутреннюю политику Украинского государства. В то время как страны Запада призывали Россию прекратить свои «захватнические» действия в отношении суверенитета и внутренней целостности Украины, наша страна отказывалась признавать пришедшую к власти путем неконституционного вооруженного переворота украинскую элиту. Накаленные взаимодействия с Западом перманентно сопровождались ультиматумами и угрозами в ещё большей политической и экономической изоляции в случае продолжения «оккупационных» мер России по отношению к Украине.

Своего апогея противоречия между Россией и западным сообществом достигли 6 марта 2014 года, в день принятия Верховным Советом Крыма решения о вступлении в состав России в качестве субъекта и о проведении 16 марта общекрымского референдума по вопросу воссоединения Крыма с Россией. Реакция западного сообщества последовала незамедли-

тельно: в тот же день Президентом Соединенных Штатов был принят указ, позволяющий применять санкции к лицам, которые дестабилизируют ситуацию на Украине. К середине марта против России был направлен первый пакет санкций, послуживший первым шагом к сворачиванию как экономических, так и политических контактов и сотрудничества с нашим государством.

В настоящее время западная санкционная машина всё больше набирает обороты, постепенно парализуя не только экономическую составляющую Российского государства, но и подвергая сильнейшим трансформациям её образ на международной арене.

В антироссийской резолюции №758, принятой 4 декабря 2014 года Конгрессом США, тенденции информационной политики Соединенных Штатов в отношении России описаны крайне завуалировано, в духе истинной тактичной дипломатии, вечно умалчивающей суть вещей. То, что большинство как отечественных, так и зарубежных экспертов называют «информационной войной», Конгресс США описал как всего лишь «...увеличение усилий Соединенных Штатов по международному освещению на русском и украинском языках, необходимое для противодействия российской пропаганде и обеспечения людей Украины и окружающих регионов доступом к достоверной и сбалансированной информации»[8]. Увеличение усилий, которое в настоящее время приносит ожидаемые плоды.

Пристально рассматривая международный имидж России в условиях санкций, невозможно не отметить тенденции его негативной динамики. В первую очередь санкции, как экономическая мера изоляции государства, наносит огромный ущерб его международному статусу. Сейчас санкционные меры фактически дискредитируют Россию как надежного и успешного партнера в экономических отношениях. Более того, в силу своего содержания они производят запрет даже на рассмотрение России в качестве такого партнера. Однако здесь важно учесть, что не столько сами экономические санкции, сколько сопровождающая их информационная атака со стороны Запада разрушает объективный образ России на международной арене, погружая её в состояние ещё большей международной изоляции.

Данный тезис отнюдь не баснословный и имеет четкое эмпирическое обоснование. Согласно данным опроса, проведенного социологической организацией Princeton Survey Research Associated International в период с 17 марта по 5 июня 2014 года среди 48643 респондентов в 44 странах (включая РФ), неприязнь к России неумолимо набирает обороты. Примечательно то, что «почти все опросы были проведены после того, как Путин объявил 18 марта о присоединении Крыма. Большинство интервью во Франции, Германии, Греции, Италии, Польше, Испании и Великобритании были проведены в течение недели после этого объявления»[9].

Результаты исследования можно свести к трем кратким выводам, которые наиболее актуальны для характеристики современного международного имиджа России:

1. Сторонников России становится всё меньше;

2. Широкую популярность обретает недоверие к политическому лидеру России – Владимиру Путину;

3. Российское государство не уважает личные свободы своих граждан.

Оценка России с 2013 года стала существенно более негативной в 20 из 36 опрошенных за оба года стран. За последние 12 месяцев больше всех озлобились на Россию американцы и европейцы. Более шести из 10 респондентов в Польше, Германии, Италии, Испании, Франции, США и Британии относятся к России отрицательно. Во всех этих странах, кроме одной, негативные оценки с прошлого года выросли на двузначное число: на 29% в США, на 27% в Польше, на 24% в Британии и на 23% в Испании. Как и в предыдущие годы, Россия пользуется малой популярностью и среди населения Ближнего Востока. Россию все больше недолюбливают латиноамериканские страны, хотя там изменения не столь драматичны, как в США и Европе. Примерно семь из 10 человек в Японии придерживаются негативных взглядов на Россию (69%), в то время как в Китае таких людей всего 23%, а во Вьетнаме 14%. Китай – одна из немногих стран, где число негативных оценок по сравнению с прошлым годом значительно снизилось (-16%). Африканские страны по-прежнему наиболее положительно относятся к России.

Как и в случае с рейтингом России в целом, оценки Путина отличаются наиболее единообразным негативным характером в США и Европе. Восемь из 10 американцев говорят, что не

очень доверяют или вообще не доверяют российскому руководителю. С ними согласно большинство во всех опрошенных странах.

Американцы и европейцы особенно отрицательно относятся к деятельности Москвы в сфере защиты гражданских свобод. Примерно три четверти и более опрошенных в Германии, Франции, США, Польше, Испании, Британии и Италии считают, что Россия не уважает личные свободы своих граждан. Между тем вьетнамцы и китайцы ставят Москве самые высокие оценки по защите личных свобод. Во Вьетнаме 76% говорят, что Россия относится к ним с уважением, в Китае – 63%[10].

Вывод очевиден: тенденции трансформации международного имиджа России носят скорее негативную окраску, нежели позитивную или нейтральную. Однако нельзя настаивать на его исключительной однородности: основной очаг возгорания ненависти к России всё же сосредоточен в США и Европе, в то время как, например, Китай, Вьетнам и африканские страны достаточно благосклонны к проводимой Россией политике.

Со столь неутешительной картиной международного имиджа России в условиях санкций соглашается Исследовательский Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). В своем аналитическом докладе «Санкции +. Что еще в арсенале давления Запада на Россию?» специалисты центра утверждают, что введенные санкционные меры сопровождаются перманентной информационной атакой со стороны Запада, которая направлена на дискредитацию образа нашей страны. «Информационная атака на Россию началась давно, но санкционный уровень враждебной риторики сопоставим с периодом холодной войны. Агрессивная пропаганда ведется в СМИ и Интернете, откуда в европейское общество транслируется мысль о том, что Россия является государством агрессором с имперскими амбициями»[11].

Западное общество склонно практически не подвергать сомнению всё, что транслирует через рупор западных СМИ. С уверенностью большинство зарубежных граждан соглашаются с основными тезисами влиятельных западных изданий относительно России:

· Россия – агрессор и оккупант, насильно аннексировавший Крым, стремящийся установить контроль над территориями Грузии и Украины;

· Россия проводит политику, поддерживающую боевиков и террористов на Украине;

· Территория РФ – источник террористической угрозы;

· Россия – виновник крушения гражданского самолета Malaysia Airlines над территорией Украины;

· Кремль и политический лидер России – источник репрессий и препирания личных свобод российских граждан.

Еще один вектор информационной атаки, по мнению Центра Сулакшина, ориентирован на дискредитацию VIP-персон России (в первую очередь Президента В.Путина).

Разрастание информационной атаки со стороны Запада, основная тактика которой в многократном повторении установок, происходит молниеносно. За счет вирусного характера информации «ставка делается именно на массовость сообщений, а не на качество доказательной базы или согласованность действий»[12]. Интересна тенденция подобной атаки: если до осени 2014 года в зарубежных СМИ находило место только осуждение проводимой российскими властями политики, то с осени появляется тенденция к антироссийской пропаганде в свете различных событий, даже не связанных с кризисом на Украине, осуждающей и подвергающей сомнению полноценность русского народа и русской культуры. В связи с этим очень показательна цитата влиятельного издания «The Daily Beast» по вопросу проведения России чемпионата по футболу FIFA-2018: «Россия с ее огромными расстояниями, скверными городами и ненавидящим иностранцев населением не подходит на роль хозяйки турнира[13]».

Примечательно то, что в настоящем состоянии современного общества такая информационная политика достигает максимума эффективности. В этом ключе полезно вспомнить воззрения французского социолога и философа-постмодерниста Жана Бодрийяра, который называл всё современное общество безмолвной имплозивной массой. «Массы – это те, кто ослеплен игрой символов и порабощен стереотипами, это те, кто воспринимает всё, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным»[14]. Естественно, что средства массовой информации очень точно улавливают настроения масс, преподнося им соответствующую информационную пищу. Наглядно охарактеризовал деятельность СМИ британский политик Тони Блэр в своем

интервью влиятельному изданию The Guardian еще четверть века назад: «У нас есть либо новости, где преобладают слухи, скандалы и пустяки, либо по-настоящему важные вещи»[15]. Не удивительно, что ключевым силам Запада удается довольно успешно пользоваться всеми этими прорехами в системе современного общества, повсеместно насаждая искаженные стереотипы и клише о внутренней и внешней жизни современной России.

Сегодня главную роль в большинстве монографий и статей, посвященных исследованиям проблем международного имиджа государства, отводят грамотной информационной политике государства. Приводя подробный алгоритм манипуляции общественным сознанием при помощи СМИ, специалисты все как один ратуют за необходимость повышения активности государственной информационной политики в сфере формирования внешнеполитического имиджа государства.

В то же время некоторые политологи важную роль в процессе конструирования положительного образа государства за рубежом отводят так называемой публичной дипломатии, основными методами которой являются акции солидарности и поддержки, поиск консенсуса, сотрудничество, информационно-просветительская деятельность.

Большим влиянием и высокой результативностью, по мнению специалистов, также обладают информационные имиджевые компании, подразумевающие под собой комплексные, заранее запланированные и согласованные действия в сфере политических коммуникаций по определенной программе, направленные на формирование позитивного имиджа государства.

Нет сомнения в том, что все вышеперечисленные механизмы формирования позитивного внешнего имиджа государства обладают определенной степенью эффективности. Но вместе с тем важно отметить, что максимизация их эффекта может быть достигнута лишь в «мирное» время. В предыдущем параграфе был приведен тезис, согласно которому информационная политика Запада в отношении России в условиях экономических санкций суть политика «информационной войны»; вместе с тем были приведены некоторые его доказательства. Современная политическая реальность не устает приводить в его пользу иные аргументы.

Так, 11 марта 2015 года отраслевое издание PRWeek опубликовало новость, согласно которой Кремль отказался от услуг американского PR-агентства Ketchum по продвижению положительного имиджа России на Западе[16]. В дальнейшем пресс-секретарь В.Путина Дмитрий Песков прокомментировал это решение следующим образом: «Это связано с тем, что заказчики контракта испытывают определенную необходимость в мерах по экономии средств. Кроме того, общая атмосфера в настоящий момент мало подвержена коммуникационным усилиям в условиях реальной коммуникационной войны, которая имеет место.

Санкционный режим порождает новые вызовы и новые проблемы формирования позитивного международного имиджа страны, в борьбе с которыми Российское государство должно прийти к качественно новым способам укрепления своего положения на международной арене.

Отечественный имиджеолог А.Деркач утверждает, что «каждая нация за долгий срок своего существования накапливает большое количество специфических черт, образцов поведения, «думания» и реагирования, отличающих её от других, которые в результате приводят к легкой узнаваемости. В связи с этим справедливо утверждать, что содержание группового имиджа находится в тесной, но опосредованной связи с объективными свойствами отображаемой группы»[17]. Иными словами, международный имидж представляет собой хоть и кривое, но всё же зеркало, отражающее основные объективные характеристики государства-носителя. Следуя методу от противного, нельзя исключать, что внешний имидж России может быть укреплен посредством улучшения её объективных черт и показателей развития.

Особенно актуально и действенно это решение как раз в условиях санкционного изолирования нашей станы. Государству необходимо перенаправить энергию экономических ограничений в русло мобилизации экономического, политического, социального и культурного развития с целью снижения внешней зависимости. Как отмечает Центр научной мысли и идеологии, «созданный образ сильного и опасного врага можно использовать для управления собственным населением методом актуализации страхов, для оправдания силовых действий в будущем против России и российских элит»[18].

Анализируя современную политическую ситуацию, несложно прийти к выводу: в ближайшем будущем Россия вряд ли кардинально изменит вектор своей внешней и внутренней политики и беспрекословно приступит к реализации требований западных государств. Так же просто из этого вытекает предположение о том, что в ответ на отстаивание своих взглядов и политики России следует ожидать ужесточения санкционных мер и информационной атаки с западного «фронта». В таких условиях продвижение информационных имиджевых кампаний на Западе вряд ли достигнет каких-либо положительных результатов. В условиях санкций приоритетными направлениями деятельности для России должны стать, прежде всего, оптимизация внутреннего потенциала государства, содействие укреплению оставшихся международных связей и партнерств, активная мобилизация экономики.

Однако полностью исключать информационную составляющую из процесса укрепления международного имиджа России невозможно. Нельзя забывать, что СМИ в настоящее время являются главным рычагом формирования общественного мнения и бытующих в сознании зарубежных граждан стереотипов. В этом направлении Российскому государству следует укреплять настоящие источники информирования западного сообщества, самым влиятельным из которых является основной российский информационный рупор Russia Today. В настоящее время канал круглосуточно доступен уже 700 млн зрителям по всему миру и на равных конкурирует с CNN, BBCWorldNews, Euronews, Fox, DeutscheWelle. Вместе с тем, «по количеству просмотров различных видеозаписей в интернете RT занимает первое место в мире среди новостных каналов»[19] .

По данным Центра научной политической мысли и идеологии, экспансия на западный медиарынок будет усилена. С 2007 по 2015 бюджет RT вырос с 2,4 млрд рублей ежегодно до 15,38 млрд.

Ссылки:

1 Концепция внешней политики РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/acts/785 (дата обращения: 10.03.2015).

2 Boulding K. The Image. 1956. С. 32.

3 См.: Деркач А.А. Политическая имиджелогия. М., 2006.

4 Коломенский М.А. Формирование внешнеполитического имиджа современной России. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С.62.

5 Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи. М., 2011. С. 187.

6 Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. М., 2007. С. 55.

7 Уиник Дж. Владимир Великий? The Washington Post. 2 сентября 2007. [Электронный ресурс] URL: http://www.inosmi.ru/translation/236367.html (дата обращения: 15.03.2015).

8 Резолюция Конгресса США №758. [Электронный ресурс] URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-resolution/758/text (дата обращения:19.03.2015).

9 Негативный имидж России в мире на фоне украинского кризиса. [Электронный ресурс] URL: http://www.pewglobal.org/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine (дата обращения: 29.03.2015).

10 Негативный имидж России в мире на фоне украинского кризиса. [Электронный ресурс] URL: http://www.pewglobal.org/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine (дата обращения: 29.03.2015).

11 Аналитический доклад центра научной политической мысли и идеологии «Санкции +. Что ещё в арсенале давления Запада на Россию?». [Электронный ресурс] URL: http://rusrand.ru (дата обращения – 29.03.2015).

12 Там же.

13 Let's Take Away the 2018 World Cup from Putin's [Электронный ресурс] URL: http://www.thedailybeast.com/articles/2014/06/10/the-west-should-boycott-putin-s-2018-world-cup.html (дата обращения: 20.03.2015).

14 Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С.15.

15 Бауман З. Текучая современность. СПб, 2008. С.78.

16 Ketchum calls it quits on Russia work. [Электронный ресурс] URL: http://www.prweek.com/article/1337821/ketchum-calls-quits-russia-work (дата обращения: 29.02.2015).

17 Деркач А.А. Политическая имиджелогия. М., 2006. С. 203.

18 Аналитический доклад центра научной политической мысли и идеологии «Санкции +. Что ещё в арсенале давления Запада на Россию?». [Электронный ресурс] URL: http://rusrand.ru (дата обращения – 29.03.2015).

19 Там же.

Научная и техническая политика государства в развитии агропромышленного комплекса Российской империи во второй половине XIX – нач. XX вв.

Рогатко С.А.

В данной статье речь идет формировании и развитии научной и технической политики в Российской империи в пореформенное время. Статья отображает основные вехи деятельности главного государственного органа в этой области - Ученого Комитета Министерства Земледелия и Государственных имуществ.

Ключевые слова: научная и техническая политика, Ученый Комитет, методы и формы научно-практической деятельности, опытное дело и сельскохозяйственное образование.

Scientific and technical policy of the state in development of agro-industrial complex of the Russian Empire in the second half of XIX - the head of the XX centuries.

Rogatko S.A

The reference article deals with generation and development of the scientific and engineering policy in the Russian empire in the post-reform period. It displays the milestones in operation of the main state body in this field - Scientific Committee to Board of Agriculture and State Property.

Key words: scientific and engineering policy, Scientific Committee, methods and forms of research and practice activity, experimenting activity and agricultural education.

В конце XVIII - нач. XIX вв. вся научная и техническая политика России в области развития сельскохозяйственных и пищеперерабатывающих отраслей формировалась благодаря деятельности общественной организации - Императорского Вольного Экономического Общества (ИВЭО) [1]. Это формирование осуществлялась с помощью Ученого Совета ИВЭО, который имел непосредственное сношение с деятелями Государственного Совета и некоторых министерств, которые могли в свою очередь повлиять на принятие каких-либо решений. Кроме этого в исполнительной власти - Министерстве Внутренних дел, где рассматривались вопросы по земледелию, существовал Департамент государственного хозяйства МВД, который выдавал привилегии на изобретения в промышленности, транспорте, торговли, и в том числе в области сельского хозяйства, пищепереработки и производства новых продуктов питания. При этом заметим, что само МВД не коим образом не участвовало в выработке какой либо научной и технологической политики. Поэтому при создании 26 декабря 1837 г. особого министерства - Министерства Государственных Имущества, которое бы отвечало за все сельское хозяйство, власти пришли к пониманию, что управление всей научной, технологической и образовательной политикой государства надо также сконцентрировать в особом органе [2]. Таким образом в 1837 г. в структуре МГИ был образован сельскохозяйственный Ученый Комитет, который занимался обсуждением и разработкой научных и технических вопросов по сельскому хозяйству в составе 3-го департамента МГИ (с 1845 г. - Департамент сельского хозяйства) [3]. К этому времени этот департамент уже имел наработки по распространению общих сведений по сельскому хозяйству, а также курировал деятельность создающихся агроно-

мических обществ, сельскохозяйственное образование, корпус лесничих и земельный кадастр. То есть государство впервые формирование научной и технической политики в области сельского хозяйства перенесло из общественно-государственного партнерства в сферу деятельности государственного инструмента с правом совещательного голоса.

В 1867 г. при реорганизации МГИ Ученый Комитет из Департамента земледелия и сельскохозяйственной промышленности был передан в ведение Департамента общих дел МГИ с передачей соответствующих денежных средств на его деятельность [4]. Таким образом с одной стороны организация научной и образовательной деятельности как бы отделялась от практических вопросов земледелия и иных сельскохозяйственных отраслей и выделялась в самостоятельную структуру. С другой стороны Ученому Комитету давалась возможность стать самостоятельной управленческой единицей, которая по прежнему имея совещательный характер могла бы концентрировать в себе все виды передовой агрономической науки, опытное дело, а также образовательно-просветительскую деятельность. Именно в таком виде Ученый Комитет проработал до реорганизации самого МГИ. В указе о создании Министерства Земледелия и Государственных Имуществ 1894 г. говорилось: «Ученый Комитет учреждается для обсуждения и разработки научных и технических вопросов по сельскому хозяйству»[5]. Пожалуй впервые с момента создания МГИ и самого Ученого Комитета государство более четко сформулировало главную задачу, которую должна была осуществлять государственная власть в отношении научной и технической политики всего агропромышленного комплекса Российской империи. Одновременно тем же указом при Ученом Комитете были созданы специальные бюро по научным и практическим отраслям знаний: по земледелию, почвоведению, прикладной ботанике, энтомологии, зоотехнии, по метеорологии, по бактериологии, по промысловой зоологии и рыбоводству [5]. То есть правительство уже на практике и совершенно осознанным способом приблизила управление отдельно взятыми агрономическими науками к соответствующей управленческой функции всей отраслевой специализации сельскохозяйственного производства. С этого периода деятельность Ученого Комитета была расширена и вобрала в себя следующие более детально прописанные задачи: «1) обсуждение оснований производства научных изысканий и опытов в области сельского хозяйства, устройства сельскохозяйственных опытных станций, лабораторий, опытных полей и т.п. заведений; 2) составление программ работ и инструкций для этих заведений, а также исчисление потребных на их устройство расходов; 3) изыскание мер против фальсификации питательных и кормовых продуктов, семян и удобрительных веществ; 4) разработку положений уставов, учебных планов и программ для учебнохозяйственных заведений и для курсов по отдельным отраслям сельского хозяйства; 5) рассмотрение отчетов о деятельности опытных и метеорологических станций и т.п. установлений; 6) составление и обнародование задач для публичных конкурсов, рассмотрение ответов и присуждение установленных за решение этих задач наград; 7) рассмотрение сочинений по части сельского хозяйства и учебников по специальным предметам ведения Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, представляемых для получения одобрения или рекомендации у употреблению в сельскохозяйственных учебных заведениях; 8) рассмотрение вопросов о выдаче привилегий на изобретения в области сельского хозяйства (в 1896 г. рассмотрение этих вопросов перешло в Комитет по техническим делам при Департаменте Торговли и Мануфактур Министерства Финансов) [6]; 9) обсуждение и разрешение заявлений частных лиц по вопросам, до сельского хозяйства относящимся; 10) обсуждение заслуг по сельскому хозяйству и определение наград на них; 11) присуждение наград за усовершенствования и изобретения в области сельского хозяйства и 12) рассмотрение всех вообще вопросов, которые Министр признает нужным внести на обсуждение Комитета. Сверх того, Ученый Комитет, совместно с Лесным Специальным Комитетом, в Соединенных их Присутствиях, возложены рассмотрение ученых трудов по лесной части…» [7, с.3-4]. Как видим возложенные задачи на Ученый Комитет требовали соответствующих специалистов, которые могли бы с ними справляться. Поэтому в состав Комитет кроме действительных членов, почетных и корреспондентов вошли директор Департамента Земледелия, управляющие отделами земельных улуч-

шений и сельской экономии, а также сельскохозяйственной статистики, директор Императорского сельскохозяйственного музея, директор Императорского ботанического сада, и инспекторы по сельскохозяйственной и рыбной частям и представитель от Императорского института экспериментальной медицины. При этом каждым отраслевым научным бюро при Комитете руководил один из его членов. Заметим, что деятельность Комитета была весьма открытой. Отчеты заседаний периодически публиковались в «Известиях» МЗ и ГИ, а также в ежегодных «Обзорах» деятельности Министерства, в которых деятельности Комитета посвящались специальные главы [7, с.5].

Как же на практике осуществлялась государственная научная и техническая политика через Ученый Комитет МГИ, а затем и МЗ и ГИ начиная с 60-х гг. XIX в.? Какие методы и формы работы были характерны для этого органа?

Пользуясь официальными краткими отчетами о деятельности Ученого Комитета МЗ и ГИ за апрель 1894 г. по декабрь 1898 выявим основные вопросы и проблемы, которыми занимался Комитет в период преобразования Министерства Государственных Имуществ (МГИ) в Министерство Земледелия и Государственных имуществ (МЗ и ГИ) [8]:

- По учебно-хозяйственной части: обсуждение плана сельскохозяйственного образования; выработка программ и рассмотрения учебников для низших сельскохозяйственных школ; содействие организации народных чтений по сельскому хозяйству.

- Сельскохозяйственное опытное дело: выяснение значения сельскохозяйственного опытного дела; выработка общего положения для опытных учреждений; обсуждение вопросов об учреждении испытательных станций и лабораторий.

- Вопросы полевой и садовой культур: вопросы полевой культуры; рассмотрение «новой системы земледелия» предложенной землевладельцем Подольской губ. Овсинским, сущность которой заключалась в мелкой вспашке (всего до 2 дюймов глубины), что по его мнению принесло бы удешевление обработки почвы, ускорение созревание зерна, устранение вредного влияния засухи и т.п. Заключение ученого Комитета по этому предложению сводилось к тому, что «предлагаемая система земледелия имеет немало слабых сторон и во всей совокупности составляющих ее подробностей не может быть признана универсальной, т.е. для всех растений, почв и климатов» [8, С.14] ; указание хлебных сортов для северных частей Тобольской губернии; исследование самаркандских хлебов; обсуждение вопроса об увеличении распашек в Донской области; вопросы травосеяния; составление почвенной карты; составление почвенных коллекций; обсуждение вопроса об устройстве почвенного музея в Казани (до этого уже в 1880-е гг. действовали естественно-исторические, по преимуществу почвенные музеи в Полтаве и Нижнем Новогороде); производство анализа тобольских почв; обсуждение проекта исследование почв Задонской степи; вопросы садовой культуры связанные главным образом с обеспечением российских садоводов качественными семенами; разработка вопроса о заготовлении яблоневых и грушевых семян; вопросы о зимних сортах груш; разработка вопроса о плодовых сортиментах; вопрос об упорядочении опытов и наблюдений по садоводству.

- вопросы зоотехнические: обсуждение вопроса об улучшении скотоводства и коневодства; рассмотрение вопроса об улучшении русской простой овцы; обсуждение вопроса о контроле молока (в свете развития сыроварения и маслоделия); мероприятия к изучению отечественного животноводства.

- борьба с вредителями сельского хозяйства : разработка мер борьбы с полевыми мышами; обсуждения вопроса о введении сусликовой монополии одного частного лица на истребление сусликов в России для изготовления из него мехов, лайки, жира, консервов, удобрения и т.п. Ученый Комитет в итоге отказал этому предпринимателю ссылаясь на свободу истребления этого грызуна местными администрациями и земствами; исследование вредных полевых насекомых; исследование садовых насекомых; исследование лесных насекомых; указанием мер борьбы с насекомыми, повреждающими хлебные запасы и лесные материалы; обсуждения вопроса о покровительстве полезным птицам; производство микологических исследований для борьбы с грибковыми заболеваниями садовых и огородных культур; содействия изучению грибковой флоры России; исследования домового гриба;

- вопросы сельскохозяйственной метеорологии: собирание сельскохозяйственно- метео-

рологических материалов; разработка о «мгле» или «помохи» (наблюдавшиейся в 1896 г. во многих районах России и негативно повлиявших на урожаи в этих местностях; обсуждения вопроса об организации сельскохозяйственно-метеорологического дела в России.

- Некоторые другие вопросы; рассмотрение книг и рукописей; рассмотрение изобретений в области сельского хозяйства; выдача привилегий на изобретения; рассмотрение дел о награждении за сельскохозяйственные заслуги; сообщение на вопросы разных лиц и учреждений.

- деятельность соединенного Присутствия Ученого и Лесного Специального Комитета: разработка проекта положения о Санкт-Петербургском лесном институте; обсуждение вопроса об организации выкормов шелковичного червя; присуждение премий за лесоразведение и осушение болот.

Как видим в этом кратком отчете отраслевая специализация в области научных исследований возглавляемых Ученым Комитетом как таковая отсутствует, если не считать выделение вопросов полевой и садовой культур (подразумеваем - «вопросы земледелия») и вопросы зоотехнические, подразумевавшие научную деятельность в зоотехнии скотоводства и контроль молока в молочной отрасли. Научная деятельность в рыбопромышленной отрасли вообще не показана, хотя она конечно же проводилась в рамках Никольского рыбоводного завода и в рамках инспекции по рыбной части в Департаменте Земледелия МЗ и ГИ. Например, по смете Министерства Земледелия и Государственных на 1896 г. «испрашивалось сумма в 60.000 руб.» на исследование рыболовства и устройства новых рыбоводных заводов, а именно на исследование рыболовства в районах Карабугаза, Оби и Иртыша, На производство исследований лаборатории Биологической станции под руководством профессора П.П. Лесгафта в Петербурге, на содержание этой лаборатории, на устройство и содержание рыбоводных заводов в Юрьеве, Луге и на Куре, на содержание Никольского рыбоводного завода по утверждению сметы давалось 30.000 руб. с «необходимостью сузить предполагаемую программу». В результате первоначально МЗ и ГИ выделило на эти статьи расхода 24800 руб. [9]. Однако Государственный Совет вопреки решил «сузить намеченную ранее программу, продолжая в 1896 г. лишь начатые ранее исследования Карабугазского залива и рыболовства бассейна р.р. Оби и Иртыша и полагая другие исследования до более благоприятного времени» [9, Л.17]. В результате имеющегося «свободного кредита расход на развитие рыбоводства и рыболовства на 1896 г. был подсчитан кредит в сумме: 18.984. р.60 коп.» [9, Л.17]. Таким образом государство в лице МЗ и ГИ занималось научными разработками в области рыболовства и рыбоводства, что как видим за этот период ни каким образом не было отражено в деятельности Ученого Комитета.

Также в отчете не уделено должного внимания обширным научным исследованиям в области сахарной, солеваренной, маслобойной, винокуренной, холодильной и другим наукоемким отраслям. Включая пищеперерабатывающие отрасли, такие как кондитерская, картофельно-паточная, производство натуральных и искусственных вод, чайного производства и пр. Это касается и такого вопроса, как технические изобретения и перевооружение на их основе машинного парка в земледельческой, скотоводческой (бойни, линии переработки), маслобойной, солеваренной, сахарной и других отраслях. То есть Ученый Комитет выдавая привилегии на изобретения лишь констатировал сам факт изобретения того или иного устройства, но не ставил задачу по созданию новых образцов техники и технологий. Впрочем в отличии от 60-80-х гг., когда привилегии на изобретения машин, устройств и прочее выдавались на один год, теперь срок был увеличен до 3, 5 и даже 10 лет [11]. Что касается отраслевого разделения и участия в агрономических и сельскохозяйственных науках, то деятельность Ученого Комитета в первые годы преобразованного МЗ и ГИ была достаточно скромная. Если ни считать, что отраслевое участие в деятельности Ученного Комитета в основном имелось в учебных планах и программах для учебно-хозяйственных заведений и для курсов по отдельным отраслям сельского хозяйства, кроме пищеперерабатывающих отраслей.

Теперь попробуем проанализировать деятельность Ученого Комитета за 5 с лишним лет с 1898 по 1905 гг., т.е. в период наибольшего, так сказать, расцвета Министерства Земледелия и Государственных имуществ, на фоне вы-

хода из кризиса сельского хозяйства связанного с падением цен на сельскохозяйственную продукцию, в частности на зерновые культуры, а также с неблагоприятными для аграриев годами 1902-1903 гг. вызванными в большинстве районов засухой, неурожаем и как следствием нехваткой продовольствия в 1902 г.

Чем же занимался Комитет в эти годы? В первую очередь хочется отметить рассмотрение различных сочинений по агрономическим наукам. Только с марта 1898 по март 1899 г. в Комитет поступило печатных или рукописных сочинений от авторов, издателей, через Министерство Просвещения, Св.Синод 93, из которых 68 были одобрены [11]. В следующем отчетном году с марта 1899 по март 1900 г. в Ученый Комитет поступило 138 печатных изданий, из которых было одобрено 91 сочинение [12], с 1901 по 1902 г. поступило 156 сочинений из которых было одобрено 109 [13]; в следующем отчетном периоде за 1902-1903 гг. поступило 173 из которых было одобрено 139 [14]. В 1903-1904 г. поступило 187 из которых было одобрено в той или иной ферме 157 [15. С.26] . Имея даже не полные данные за каждый год, видно, видно что количество рассматриваемых научных сочинений Комитетом постоянно увеличивалось. Также увеличивалось количество одобренных и принятых к печати. В 1903-1904 гг. был рассмотрен специальный вопрос « о категориях сочинений, которые подлежат рассмотрению Комитета», т.е согласно положения об Ученом Комитете ст.61 п.7. только сочинения по сельскому хозяйству и учебники по специальным предметам ведомства МЗ и ГИ [15. С.25] .

Следующим вопросом, которым были озабочены члены Комитета это опытное сельскохозяйственное дело, которое рассматривалось в связи вопросами организации, «ассигнование денежных пособий на устройство и содержание опытных учреждений (главных образом опытных полей и хозяйств) и о снабжении их подсобными для производства опытов материалами, а также путем рассмотрения программ практикуемых к постановке опытов и отчетов о деятельности таковых учреждений» [17] в 1898-99 гг., 1899-1900 гг., 1900-1901 гг. В 1902-03 гг. участие Ученого Комитета в сельскохозяйственном опытном деле выразилось: 1) в рассмотрении ряда ходатайств учреждений и лиц об оказании со стороны МЗ и ГИ денежного пособия на устройство и содержание опытных учреждений; 2) в рассмотрении проектов постановки опытов, программ деятельности опытных учреждений, вообще, вопросов связанных с организацией сельскохозяйственного опытного дела в Империи, и 3) в трудах, образованного при Комитете, подготовительного бюро по организации второго съезда деятелей по сельскохозяйственному опытному делу, состоявшегося в декабре 1902 года под председательством Председателя Ученого Комитета, И,А. Стебута, при участии, в качестве представителя от Ученого Комитета, члена Комитета, заведующего бюро по энтомологии И.А, Порчинского [18]. Надо заметить, что к этому времени большинство вышеуказанных вопросов было обсуждено в особой комиссии по опытному делу при Комитете. В данной статье не представляется возможным более подробно останавливаться на проблемах развития опытных организаций в свете отраслевого развития сельскохозяйственного производства в России в пореформенное время, т. к. этого требует отдельное исследование.

Постоянной темой на повестке дня в эти годы был вопрос о наградах «за труды по сельскохозяйственной части», куда входили представленные из разных районов России сотни дел по разным отраслям, достойных награждения.

Кроме этих постоянных вопросов в эти годы в Комитете рассматривались следующие проблемы: в 1898-1899 гг. - вопросы полеводства и луговодства, деятельность сельскохозяйственной лаборатории МЗ и ГИ состоящая в введении агрономического бюро и учрежденная в 1896 г.; издание почвенной карты; вопросы, рассмотренные бюро по почвоведению; поощрение изобретений и награждения , устройство конкурсов, вопросы сельскохозяйственной метеорологии; деятельность энтомологического бюро; испытание дектярных препаратов врача И.А.Попова для истребления вредных насекомых;

- в 1899-1900 гг. - о присуждении премии по виноградарству и виноделию имени Императора Александра III выдаваемых из процентов на капитал в 100 000 руб. пожертвованных для этих целей князем Л.С.Голицыным в размере 3000 руб. в 1899 г. Балассу М.К. за труд «Вино-

делие в России» [19]; обсуждение вопросов по учебно-хозяйственной части; вопросы полеводства; поощрение изобретений и награды за труды по сельскому хозяйству; вопросы зоотехнии; разные вопросы, куда входили прошения о рассмотрении иностранцами изобретений, сочинений, и разные практические вопросы;

- в 1900-1901 гг. - премии и награды; вопросы прикладной ботаники; вопрос о ввозе свекловицы; деятельность метеорологического бюро; меры против фальсификации; разные вопросы;

- в 1901-1902 гг. - награды за труды по сельскохозяйственной части; деятельность бюро по земледелию и почвоведению; вопрос об устройстве фитопатологической станции; деятельность метеорологического бюро; о мерах против фальсификации пчелиного меда; о выделки арбузной патоки; в 1902-1903 гг. - об организации конкурсов и присуждении премий. Одна из них - премия книгоиздателя фирмы «А.Ф.Девриена». Премия это состояла из денежной суммы в 500 руб., вносимой (ежегодно в течении 10 лет) фирмой в депозиты Канцелярии Министра, и выдавалась по присуждению Ученого Комитета с утверждения Министра МЗ и ГИ ежегодно в течении 10 лет начиная с 1905 г. за практические дела «включая сюда растениеводство, животноводство, лесоводство, садоводство со всеми их отраслями, почвоведение, агрохимию, сельскохозяйственную механику, прикладные ботанику и зоологию, сельскохозяйственную статистику и экономию, а также технические производства (не фабричные), находящиеся в близкой связи с сельским хозяйством, кустарную промышленность и всякие вопросы, обработка которых может оказать существенную пользу в деле улучшения благосостояния сельских хозяев без различия сословий» [19]; награды за труды по сельскохозяйственной части; деятельность бюро по земледелию и почвоведению; рассмотрение изобретений в области сельского хозяйства;

- в 1903-1904 гг. - деятельность библиотеки Комитета; о составлении особых каталогов книг по сельскому хозяйству; организация конкурсов и присуждение премий; деятельность бюро по промысловой зоологии и рыбоводству; преобразование Никольского рыбоводного завода в рыбохозяйственную опытную станцию; о консервировании свежей икры;

- в 1904-1905 гг. - деятельность бюро по промысловой зоологии и рыбоводству и другие вопросы.

Если внимательно проанализировать деятельность Ученого Комитета за эти непростые для сельского хозяйства 5 лет, то очевидно, что в эти годы в Ученом Комитете появились ряд отраслевых бюро: агрономическое, земледелия и почвоведения, энтомологическое, метеорологическое, промысловой зоологии и рыбоводству. Также стали появляться отраслевые конкурсы и премии, наподобие премии книгоиздателя фирмы «А.Ф.Девриена или премии имени покровителя Императорского Русского Общества акклиматизации животных и растений Великого Князя Сергея Александровича, покровителя Великого Князя Николая Николаевича Старшего за самостоятельные научные исследования по биологии животных и растений по их акклиматизации. Все это еще ближе приближало научную деятельность исследователей и практиков непосредственно к производственному сельскохозяйственному отраслевому объекту. Между тем говорить о создании и развитии какой-то научно исследовательской отраслевой системы как инструмента государственной политики за годы существования Ученого Комитета в рамках МЗ и ГИ говорить не приходиться. В эти годы перед Ученым Комитетом стояли главным образом задачи обоснования необходимости развития и применения научных знаний в агропромышленной сфере как таковой. А также поиск форм и методов стимулирования научно-исследовательской деятельности в сельскохозяйственном производстве и лесном хозяйстве. И с этой задачей Ученый Комитет на протяжении своего существования, вплоть до 1922 г. справлялся вполне удовлетворительно.

Таким образом, мы видим, что начиная с конца 30-х гг. XIX в. в России существовал государственный орган в лице Ученого Комитета МЗ и ГИ, который по существу стал главным концентрирующим и направляющим органом в области формирования государственной научной и технической политики, что способствовало не только популяризации научных сельскохозяйственных знаний среди сельских хозяев, в обществе, но и развитию наукоемкой отраслевой производственной базы на общемировых стандартах.

Литература

1. Сенченкова Е.М. Рождение ВЭО как первого агронаучного общества в России // Годичная научная конференция ИИЕТ в 2007 г. – М., 2008. С. 335-338.

2. 2ПСЗ. Т. XII.Ч.2. № 10834. - Декабря 26. (1837) Высочайше Утвержденное учреждение Министерства Государственных Имуществ. Гл.I. С.7.

3. Шафранов П.А. Архив Министерства земледелия и государственных имуществ (Исторический очерк устройства и состава дел). СПб.,1904. С.122.

4. РГИА. Ф.382. Оп.1 Д.21. Л.1.

5. 3ПСЗ. Т.XIV. № 10457. - Марта 21. Высочайше Утвержденное учреждение Министерства Земледелия и Государственных имуществ.

6. 3ПСЗ. Т. XVI. ч.1. № 12965 - Мая 20. Высочайше утвержденное Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования.

7. Краткий очерк деятельности Ученого Комитета Министерства земледелия и государственных имуществ за время с апреля 1894 по декабрь 1898 года. СПб., 1899. С.3-4

8. Краткий очерк деятельности Ученого Комитета Министерства земледелия и государственных имуществ за время с апреля 1894 по декабрь 1898 года. СПб,1899.

9. РГИА. Ф.398. Оп.73. Д.29687. ЛЛ.1-14об.

10. РГИА. Ф.382. Оп.2. ДД.1185,1186,1192,1200,1210,1213,1215 и др.

11. Краткий отчет о деятельности Ученого Комитета Министерства Земледелия и Государственных Имуществ за время с 30 марта 1898 по 30 марта 1899 года. СПб., 1899. С.13.

12. Краткий отчет ...с 30 марта 1899 по 30 марта 1900 года. СПб., 1900, С.13.

13. Краткий отчет...с 30 марта 1901 по 30 марта 1902 г. СПб.,1902. С.18.

14. Краткий отчет... с 30 марта 1902 по 30 марта 1903 г. СПб., 1903. С.25-26.

15. Краткий отчет... с 30 марта 1903 по 30 марта 1904 г. СПб., 1904.С.26.

16. Краткие отчеты о деятельности Ученого Комитата Министерства Земледелия и Государственных Имуществ... за 1899-1901 гг.

17. Краткий отчет... с 30 марта 1902 по 30 марта 1903 г. СПб., 1903. С.28.

18. Краткий отчет ...с 30 марта 1899 по 30 марта 1900 года. СПб., 1900. С.6

19. Краткий отчет... с 30 марта 1902 по 30 марта 1903 г. СПб., 1903. С.26.

Особенности протестного поведения современной молодежи

Сушко В.А.

В условиях социально-политических трансформаций современного российского общества, которые привели к нескольким волнам стихийных и организованных акций протеста, актуализируется изучение специфики, форм и способов современного политического протестного поведения. Изучение протестного поведения позволит по-новому понять содержание политического и социального пространства, которое формируется в современной России.
Ключевые слова: политический протест, протестное поведение, потенциал политического протеста, политические представления современной молодежи.

Features of protest behavior of today's youth
Sushko V.A
In terms of socio-political transformations of contemporary Russian society, which led to several waves of spontaneous and organized protests, there is updated study of the specifics, forms and methods of modern political protest behavior. The study of protest behavior will allow to understand the content of the new political and social space, which is formed in Russia.
Key words: political protest, protest behavior, the potential of political protest, political views of today's youth.

В современном мире все более заметным становится рост социального недовольства и напряженности, массовые протесты и левые движения обретают статус неотъемлемой характеристики мировой системы. Некоторые из этих движений выступают за коренное преобразование существующих социальных структур.

Социальный протест является одной из форм социального конфликта. Это, как правило, открытая реакция людей, направленная на защиту ущемленных прав, существующих свобод, материальных гарантий и др. Это способ выражения неудовлетворенности людей состоянием дел или ходом развития событий.

Социальный протест существовал всегда, однако в настоящее время он становится всё более политизированным, так как в современной модернизирующейся стране именно государство считается ответственным за благосостояние своих граждан. В настоящее время протест является предметом анализа многих социально-гуманитарных наук: философии, истории, юриспруденции, политологии и социологии.

В любом государстве может возникнуть протестное поведение, и никакая последовательная и эффективная политика не сможет удержать от него всех недовольных людей, поскольку не способна разрешить все человеческие неудовлетворённости и воплотить в жизнь все устремления людей. Согласно обзору истории жизнедеятельности европейских государств и империй П. Сорокина, «в среднем на четыре мирных года приходится один год беспорядков, сопряженных с применением насилия»[1]. Данные показатели подтверждаются исследованиями Т. Гарра: «начиная с 1945 г. попытки свержения правительств организовывались чаще, чем национальные выборы»[2]. Поскольку с конца XIX в. протестное поведение приобретает массовый характер, то и насильственные формы его проявляются в большем количестве жертв. Общества же, которые находятся в пере-

ходном периоде и переживают трансформацию ценностной системы, наиболее подвержены интенсификации протестного поведения.

Необходимость исследования социального протеста продиктована как методологическими сложностями к определению самого понятия, так и методологическими основами изучения данного явления. Социальный и политический протест в современном обществе остается недостаточно изученным, интерпретации эмпирических результатов противоречивы, отражая как слабую методологическую проработку подходов к исследованию данного феномена, так и нередкое отсутствие у исследователей установки на проверку гипотез, вытекающих из теорий, выдвинутых в современной социологии. Необходимо не только более детально проработать проблему социологического анализа причин социальных протестов, но и рассмотреть их в более широком контексте проблемы модернизации.

Многие зарубежные и отечественные социальные мыслители прошлого оставили социологии обширные материалы, посвящённые протестному поведению, но его социологическое изучение началось только на рубеже XIX-XX веков. Научно оформленные же представления о протестном поведении появляются лишь в XX веке. Разрабатывается ряд конкурирующих концепций социально значимого протестного поведения как протестного общественного движения. «Сигналом к изучению общественных движений послужили бушевавшее в Евразии и Америке революционное и разгоравшиеся в «третьем» мире национально-освободительные движения»[3]. В 1960-е годы в рамках западной социологии формируется концепция массового общества и коллективного поведения. Протестное поведение рассматривается как протестное общественное движение, которое понимается как «иррациональная реакция маргинальных личностей на экономико-социальные проблемы»[4]. Акцент делается на политическое протестное поведение как вид протестного поведения.

Политическое протестное поведение как любой элемент политической системы претерпевает изменение форм и способов проявления. Поэтому важно оценить факторы, влияющие на изменение форм политического протеста, определить характер адаптации традиционных и появления инновационных форм политического протестного поведения в российском социуме.

Протестное поведение может быть как конструктивным для благосостояния людей, так и деструктивным. Однако если протестное поведение приобретает насильственные формы, то чем более интенсивно и широко распространено применение силы, тем серьёзнее последствия для жизней и благосостояния людей. Примеры этому мы непосредственно наблюдаем в настоящее время.

Очевидно, что протестное поведение может обладать различными мотивами. Однако наше внимание обращено именно на политическое протестное поведение как наиболее актуальное в настоящее время.

Так, на основе проведённых исследований, Т. Гарр пишет о том, что большая часть недовольства в настоящее время политизированная. Это является результатом неопределённости источников неудовлетворённости людей в усложняющихся обществах, а также по причине того, что в современной модернизующейся стране политическая система является институтом, на который с наибольшей вероятностью будет возлагаться ответственность не просто за невыполнение обязательств, но и относительно того, что государство принимает на себя ответственность также за общее благосостояние своих граждан. Политизация неудовлетворённости – это необходимое условие обращения к протесту в политике, а она, в свою очередь, подразумевает наличие определенных политических представлений у индивида, которые оправдывают протестное поведение по отношению к политическому режиму. В данном случае необходимо понимать, что наличие подобных представлений может мотивировать людей к тому, чтобы участвовать в политическом протесте только в том случае, если они уже являются в определенной степени неудовлетворенными. Однако недовольные люди могут обладать различными взглядами на политику и насилие. В то же время, как было сказано выше, недовольство имеет тенденцию к политизации и формированию соответствующих политических представлений. Когда люди становятся «интенсивно и непоправимо неудовлетворенными вследствие невозможности достичь своих целей, руководствуясь старыми нормами»[5], они становятся восприимчивыми к другим политическим пред-

ставлениям, оправдывающим различные способы действий. Такие представления мобилизуют людей на коллективные акции путем объяснения неопределенных ситуаций и создания «общей культуры, в рамках которой развиваются лидерство, мобилизация и конкретные действия»[6]. Так, например, Х. Кантрил подчеркивает «потребность людей в ментальной организации своих переживаний»[7]. Условие, при котором интенсивно недовольные люди наиболее восприимчивы к подобным политическим представлениям, как уже было сказано ранее, - это неуверенность по поводу источников своего недовольства.

Очевидно, что сами политические представления не могут создавать проблем, формирующих неудовлетворённость, однако они «могут привлекать внимание к проблемным ситуациям или перетолковывать потенциальные проблемы так, чтобы создавать восприимчивость»[8]. Новые убеждения и взгляды на политику и протест могут усиливать и интенсифицировать ожидания и оправдывать протестное поведение как средство их удовлетворения, но восприимчивость людей к новым для себя убеждениям является функцией их неудовлетворенности. Следовательно, учитывая всё вышесказанное, изучение политических представлений в связи с протестным поведением представляет интерес и требует углубления знаний в данной области.

В последнее время мы можем видеть, что различными исследовательскими центрами проводится достаточно много эмпирических исследований, в которых сделаны важные выводы относительно политического протеста и что именно молодежь преобладает среди участников этих акций. Например, проанализировав результаты опроса участников митинга 24 декабря 2011 года на проспекте Сахарова и шествия 4 февраля 2012 года, социологи приходят к следующим заключениям относительно основных характеристик протестующих: большинство образовала группа людей от 25 до 39 лет, вместе же с категорией людей от 18 до 24 лет она составила почти 60% от всех протестующих, то есть на этих двух митингах преобладала молодёжь. Также интерес представляет содержание пресс-конференции «Протестное движение в России: взгляд социологов», опубликованной на официальном сайте ВЦИОМ 7 июля 2012 года[9], где одним из выводов было сказано, что по сравнению с декабрём и февралём средний возраст снизился, стало больше молодёжи, люди в возрасте до 34 лет составляют две трети от общего числа участников митинга.

Важность изучения политического протестного поведения не вызывает сомнений, как вследствие его общераспространённости, так и вследствие серьёзных последствий, который влечёт за собой переход протестного поведения в насильственные формы. В связи с этим необходимо изучить влияние политических представлений на формирование протестного поведения, ведь именно политические представления направляют протест в политику. Знание особенностей этой связи внесёт свой вклад в понимание того, как построить более мирное и стабильное общество.

Молодые люди, по мере своей интеграции в социальную систему, сталкиваются со множеством проблем: между молодёжью и обществом возникают противоречия по поводу ожиданий и запросов, интересов и возможностей, прав и обязанностей. Молодёжь стремится построить собственную систему ценностей, ищет новые цели и принципы. «Согласие и сотрудничество с другими ощущается как угроза своей идентичности»[10]. Такие особенности молодёжи, как более высокая жизненная энергия, максимализм, критичное отношение к ценностям и нормам старшего поколения, большая мобильность и лучшая адаптивность к изменениям общественного устройства, вера в свои силы и способность что-то изменить, меньший жизненный опыт и большая восприимчивость нового, отличают данную возрастную группу от других. В поведении молодежь «руководствуется своей моральной идеологией, которая зиждется на чувствах и жизненных импульсах»[11]. Вышеперечисленные особенности обусловливают привлекательность для молодёжи политического протестного поведения, а также её большая склонность к его неконвенциальным формам.

Можно сказать, что возникновение молодежи как нового социокультурного феномена «связано с процессом индустриального развития общества»[12], так как ранее человек из детства и подростка сразу «прыгал» во взрослость. Бурное развитие техники, дальнейшее разделение труда и последующая индустриализация изменили структуру свободного времени, спо-

собствовали увеличению ученической фазы и длительности профессиональной подготовки, появлению молодежной культуры и субкультур, определили характер социокультурной дифференциации.

«Выход из семьи и удлиняющийся период до обретения профессиональной зрелости и экономической самостоятельности можно назвать основными конституирующими характеристиками молодежной культуры»[13]. Данная фаза в настоящий момент существенно пролонгировалась. С одной стороны, ускорилось физическое и интеллектуальное созревание подростков, с другой – они всё дольше остаются в социальном отношении «детьми», не обременёнными профессиональными и семейными заботами. Отсюда и дискурсивность возрастных границ: от 14 (16) лет до 25 (30).

В зависимости от того, с каким периодом жизни сопоставляется молодость, делается акцент или «на незавершённости процесса социализации и незрелости молодёжи (в противоположность взрослости), или на её силе и творческой активности (в противовес старости)»[14]. Одно из первых определений молодёжи принадлежит В. Т. Лисовскому: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет»[15].

В политической жизни среди молодёжи, согласно Ю. А. Зубок и В. А. Чупрову, уровень экстремальности составляет 9,3%[16], что проявляется в полном недоверии абсолютно всем политическим институтам. С 2002 г. по 2006 г. она выросла почти в два раза. На сегодняшний день эта цифра, по всей вероятности, ещё выше. Об экстремальных настроениях молодёжи также свидетельствуют «гипертрофированные представления о себе как мессии, призванной установить общественный порядок»[17]. Подобная экстремальность проявляется у 69% молодежи. Наиболее распространены экстремальные настроения в политической жизни среди юношей 22-25 лет, работающих и проживающих в мегаполисе или селе.

В определенных ситуациях, как указывают Ю. А. Зубок и В. А. Чупров, когда внешние условия жизнедеятельности данной социальной группы «провоцируют активизацию экстремальных проявлений молодежного сознания, в качестве альтернативных путей самоорганизации могут выступать различные формы экстремизма»[18]. При этом в основе данного выбора лежит или спонтанно возникающая, или «целенаправленно сформированная заинтересованными силами поведенческая реакция»[19] на несоответствие социальных ожиданий и реальных возможностей, которые воспринимаются как социальная несправедливость. Однако выбор «может быть сделан и в пользу толерантной модели поведения, если возобладает противодействующий аттрактор, направленный на упорядочение отношений в молодежном объединении в сторону проявления терпимости»[20]. Сама экстремальность сознания проявляется в специфических формах поведения, на одном из полюсов которого импульсивность, агрессивность, склонность к риску, отклонение от общепринятых норм, а на другом – подавленность, депрессия, пассивность[21].

Согласно средним значениям уровня проявления политического экстремизма, в молодежных движениях лидирующую группу составляют националистические (43,8%), национально-патриотические (32,9%) протестные (31,3%), и оппозиционные (21,8%) молодежные движения. Наиболее активно он проявляется среди юношей; по возрасту - в младших возрастных группах до 21 года (включительно); по формам занятости - среди работающей молодежи; по сферам производства - среди занятых в сфере обслуживания; по категориям учащихся - среди студентов ВУЗов. В связи с этим «особую общественную опасность представляют манипуляции экстремистскими настроениями этой части молодежи со стороны различных политических сил»[22]. Опасность также заключается в том, что даже отдельные проявления экстремизма быстро превращаются в установки. Так, согласно опросу участников «Марша миллионов» 12 июня 2012 г., «каждый десятый (10-12%) заявил, что допускает личное участие в силовых акциях»[23]. При этом «данную форму протеста выбирали, прежде всего, респонденты в возрасте 18-24 лет (42%)»[24].

Каковы же особенности данной возрастной группы в связи с политическим протестным поведением?

Одна из сущностных характеристик молодёжи – её инновационный потенциал. Именно с молодежью связываются обновление, усовершенствование и развитие культуры и общества. «Как более активная, динамичная, открытая инновациям и менее привязанная к традициям категория населения, она более чем другие ориентирована на будущее, на преобразование и поиск нового»[25]. Максимализм и вера в свои силы, стремление превзойти окружающих зачастую проявляются в нереальных требованиях, «как к окружающей их действительности, так и к себе»[26].

Другая важнейшая характеристика данной социальной группы – это «наличие мощной латентной депривационной реакции современной молодежи на свой статус и функции в обществе»[27].

В условиях экономической дестабилизации, нарастания общей социальной напряженности, деформации и беспомощности традиционных институтов социализации и воспитания молодежь вытесняется на периферию материального и духовного производства и всё чаще испытывает «недостаток в ресурсах экономического, социального, культурного»[28] и другого характера. При этом молодёжь нередко подвергается дискриминации по возрастному признаку, нарушению её прав в «образовании, труде, профессиональной деятельности, сфере культуры, семейных отношениях»[29], ограничению возможностей её физического и духовного развития[30], ущемлению прав личности. Молодёжь сталкивается с жёсткими требованиями со стороны общества. При столкновении с трудностями многие молодые люди в силу неокрепшей из-за особенностей возраста устойчивости к стрессам и недостаточной фрустрационной толерантности «не видят для себя возможности самореализации в сложившихся социально-экономических и политических условиях»[31]. Всё это приводит к росту внутренней напряжённости и «увеличивает вероятность обращения молодых людей к протестным формам защиты своих интересов»[32]. Отсутствие же реальных результатов воздействия на политику становится базой экстремизма.

Молодёжь ориентирована на «решительное изменение существующих общественных институтов»[33]. Её привлекает яркость и неординарность акций прямого действия, возможность проявить себя в отсутствие официальных рамок. В данной сфере молодёжью широко используются новые технологии. Вероятность направить этот потенциал молодёжи на неблаговидные цели крайне высока, как было уже сказано ранее. Молодое поколение – это стратегический ресурс нации и определяет модель возможного будущего страны. Что предложить молодёжи, чтобы она отказалась от «желания плыть по течению» или становиться радикалами, - серьёзный вопрос, требующий особого внимания.

В настоящее время ученые выделяют 4 типа политических представлений[34], которые могут формировать у молодежи протестное поведение.

Стихийно-рациональный тип представлений характерен для тех социальных групп, чей интерес к политической реальности выборочен и направлен на те сферы, которые наиболее близки к их непосредственным жизненным заботам. В таком случае информация черпается из различных, подчас противоречивых источников, а предпочтение отдается данным собственного опыта, являющихся основой представлений. Такие представления чаще всего противоречивы и алогичны.

Наиболее низкий уровень познавательной активности лежит в основе инертно-фаталистического типа представлений. Социально-политическая действительность воспринимается как сфера действия сил и процессов, не поддающихся ни пониманию, ни контролю. «При общем низком уровне интереса к общественно-политическим событиям и слабой информированности представители этого типа могут интересоваться теми из них, которые непосредственно затрагивают их личные судьбы»[35]. Представления же о конкретных процессах и событиях случайны и изменчивы, зависят от новейшей информации, чужих мнений, стереотипов, распространенных в их социальной среде.

Высокий уровень информированности о политической реальности и интереса к ней свойственен лишь двум типам политических представлений: рефлексивному и мифологическому. Первый присущ политической и идеологической элите и слою наиболее образованных граждан. Он характерен для людей, «испытывающих сильный интерес к общественно-политической жизни, отличающихся высокой интел-

лектуальной активностью, стремящихся сконструировать логически взаимосвязанную и обоснованную картину социально-политической действительности или каких-то ее сфер»[36]. Представления как бы подчинены одной идее, а в своих размышлениях люди активно используют теоретические парадигмы и идеологический материал. Высокий интерес и информированность в данном случае обусловлены, как правило, особенностями профессиональной деятельности носителей данных представлений.

В мифологическом типе представлений высокий интерес и информированность относительно политической реальности сочетаются с поиском «козлов отпущения», то есть с приписыванием причин негативных явлений исключительно действиям определенных политических лидеров, «плохих» социальных либо этнических групп. Интенсивный интерес к политике, по Г. Г. Дилигенскому, связан также с верой индивида в свои возможности влиять на политику (политическая компетенция по В. В. Сафронову). Мифологический тип представлений соотносится с идеологиями, ключевым моментом которых является понятие врага, подлежащего устранению. В их основе лежит как бы обобщенный идеологический миф, к которому приспосабливаются данные реального опыта. Причина же высокого интереса и информированности относительно политической реальности чаще всего здесь обусловлены интенсивной неудовлетворённостью их носителя, а, как известно, «от того, почему человек интересуется политикой, зависит, что именно его интересует и как осуществляется процесс познания»[37]. Как уже было подчеркнуто выше, интенсивно неудовлетворенные, согласно Т. Гарру, с высокой вероятностью воспримут новые политические представления, содержащие оправдание протестному поведению и негативные установки по отношению к политическому режиму.

В связи с исследованиями Т. Гарра (влияния негативных установок по отношению к политическому режиму (оценка индивидом легитимности политического режима) и положительных установок по отношению к протестному поведению (утилитарное и нормативное оправдание насилия)), М. М. Назарова (влияние высокого интереса к политике, знакомства с программами партий), а также В. В. Сафронова (интереса к политике, оценки политической компетенции, оправдания протестного поведения), ВЦИОМ и Левады-Центра (оценки деятельности режима, оправдания протестного поведения) можно сделать вывод, что мифологический тип представлений в наибольшей степени влияет на формирование политического протестного поведения.

Данная проблема также особенно актуальна для нашего общества из-за того, что в условиях социальных трансформаций российского общества актуальным становится проблема социального самоопределения личности. Глобальные перемены в жизни российского общества создали уникальные механизмы формирования новых идентификаций в обществе, возросла потребность в отнесении себя к чему-либо, возросла способность формирования новых механизмов социогрупповых идентификаций.

Специфика социологического подхода к изучаемой проблеме состоит в том, что она отличается своей социальностью, детерминированностью социальных процессов и взаимосвязей в жизнь современного российского общества.

Ссылки:

1 Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют / Пер. с англ. В. Ф. Анурина.–СПб.: Питер, 2005.–С. 40.

2 Там же. С. 40.

3 Ротмистров А. Общественные движения: опыт классификации социологических концепций // Социс. - 2010. - № 8. – с. 46.

4 Там же. С.46

5 Там же. С. 261.

6 Там же. С. 261.

7 Там же. С. 265.

8 Там же. С. 265.

9 Протестное движение в России: взгляд социологов [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [Официальный сайт]. 2.04.2013 URL: http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=112874

10 Гусейнов А. Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление – 2012. - № 2. – с. 91.

11 Там же. С. 88.

12 Гомбоева М. И. Молодежь как социокультурное явление: методологические подходы к определению системообразующего противоречия // Гуманитарный вектор. – 2008. - № 1. – с. 95.

13 Там же. С. 96.

14 Сергеев Р. В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. - № 1. – с. 11 – 12.

15 Лисовский В. Т. Когда наступает взрослость // Молодежь и современность / Под ред. В. А. Ядова. – Л.: Знание, 1975. – С. 32.

16 Там же. С. 39.

17 Там же. С. 41.

18 Зубок Ю. А., Чупров В. И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. – 2009. - № 1. – с. 80.

19 Там же. С. 80.

20 Там же. С. 80.

21 Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодёжный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. - № 4. – с. 38.

22 Зубок Ю. А., Чупров В. И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. – 2009. - № 1. – с. 86.

23 Социальный портрет протестного движения в Москве [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [Официальный сайт]. 1.02.2015. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112859

24 Там же.

25 Там же. С. 98.

26 Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодёжный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследвоания. – 2008. - № 4. – с. 38.

27 Гомбоева М. И. Молодежь как социокультурное явление: методологические подходы к определению системообразующего противоречия // Гуманитарный вектор. – 2008. - № 1. – с. 98.

28 Там же. С. 98.

29 Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодёжный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. - № 4. – с. 37.

30 Петрушина А. В. Протестное участие молодёжи в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. - № 1. – с. 337.

31 Чекмарев Э. В. Особенности политической культуры молодежи и факторы проявления радикализма // Власть. – 2012. - № 3. – с. 105.

32 Петрушина А. В. Протестное участие молодёжи в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. - № 1. – с. 337.

33 Чекмарев Э. В. Особенности политической культуры молодежи и факторы проявления радикализма // Власть. – 2012. - № 3. – с. 104.

34 Дилигенский Д. Д Социально-политическая психология / М.: Наука, 1996 – с. 48 – 55.

35 Там же. С. 54 – 55.

36 Там же. С. 53.

37 Дилигенский Д. Д Социально-политическая психология / М.: Наука, 1996 – с. 44.

Интерференция угроз экстремизма в современном обществе

Цогоева Ф.Б.

Данная статья написана по материалам массового опроса на тему: «Интерференция угроз экстремизма на состояние современного общества», проведенного Северо-Осетинским Центром социальных исследований ИСПИ РАН в апреле 2014 года. Объем выборки – 500 чел.
Ключевые слова: религия, конфессиональные структуры, терроризм, экстремизм, угроза, ксенофобия, безопасность, религиозная безопасность, национальная безопасность, социум, благополучие, социальное благополучие, гражданское общество, ценностные ориентации, ценности.

Interference threats of extremism in modern society
Tsogoeva F. B.
This article is written based on the mass survey on the topic: «The interference of the threat of extremism in the state of modern society», conducted by the North Ossetian Center for Social Research ISPR in April 2014. Sample size - 500 people.
Key words: religion, religious structures, terrorism, extremism, threatening, xenophobic, security, religious, security, national security, society, welfare, social welfare, civil society, values, values.

Конкретным, а сегодня наиболее узнаваемым, примером проявления взаимосвязи религии и политики могут служить конфликты на религиозно-национальной основе. Сама по себе религиозная принадлежность не может быть причиной серьезных социальных конфликтов: они обусловлены определенными политико-экономическими противоречиями (борьба за власть, за новые территории, источники сырья, рынки сбыта и т.д.), допускающими возможность переговоров и общего согласия. Но их сакрализация оборачивается опасными последствиями, когда они интерпретируются и осознаются их участниками как этапы провиденциального хода истории, как неизбежные столкновения божественных и сатанинских сил, исключающие всякий компромисс. Отсюда предельный фанатизм, непримиримость враждующих сторон, которые объявляют свою деятельность священным долгом, оправдывающим любую жестокость и вероломство. В результате именно конфликты, которые возникают на религиозно-этнической почве, оказываются хроническими и труднопреодолимыми. Эти особенности «религиозного фактора» часто игнорируются современными политиками, что неизбежно приводит к грубым просчетам в прогнозах, в попытках обеспечения социального прогресса.

Основной причиной возникновения и распространения экстремизма как в РСО-А, так и на Северном Кавказе явилось распространение религиозного течения ваххабизм[1] , что во многом связано с кризисом ислама. Это имело место и в России в эпоху Петра Великого, в период реформы (1708-1715 гг.), в результате которой произошла ликвидация патриаршества. Церковь потеряла политическую самостоятельность, что вызвало недовольство боярства и церковной иерархии. Тогда консервативные принципы староверов мешали новым реформам, и приходилось ломать религию, делать ее более светской.

Как правило, в эпоху кризиса цивилизация подрывает консервативные формы любой ре-

лигии, в том числе мусульманства, особенно идейно-политического движения ваххабизма, и они начинают в виде самозащиты приобретать более крайние формы. Можно прогнозировать, что ваххабизм будет быстро распространяться во всем мусульманском мире именно как признак кризиса, но не кризиса идеологии, а кризиса образа жизни, быта и т.д. Это, скорее, привлечение масс, потому что бедность сама по себе не ведет к расколу внутренних социальных связей. Кризис происходит в самом мусульманском мире (что хорошо просматривается среди автохтонных этносов), в этносе, которые сплачиваются на основе образа жизни. Тут проблема не в том, что мусульманство – религия. Если бы оно было ей, то религия была бы сама по себе, а образ жизни, государство, община – сами по себе. Дело в том, что религия переплелась с традициями, это образ жизни, это суть данного народа. А раз образ жизни начинает ломаться, то начинают ломаться и принципы самой религии, и она теряет идеологию.

В странах, где ваххабизм получил распространение, цель та же – связать воедино, создать некую целостность, хотя исходным материалом могут служить не феодальные земли, а этносы и субэтносы. Ислам предоставляет для этого широкие возможности. Одно из его основных положений досталось от средневековья – религия превыше этнической принадлежности. Ваххабизм, как никакой другой толк ислама, придерживается этого догмата. Почему же ваххабизм появился и постепенно распространяется на Северном Кавказе? Здесь имеются два главных очага ваххабизма – Дагестан и Карачаево-Черкесия. Эти республики более других многонациональны. В Карачаево-Черкесии, помимо русских (в том числе казачьего субэтноса), проживают четыре коренных народа: карачаевцы, черкесы, абазины и кубанские ногайцы. Что касается Дагестана, то положение здесь уникально: по-видимому, больше нигде в мире оно не встречается – Дагестан населен почти тридцатью этносами (частью, может быть, субэтносами). Причины такого положения в общих чертах ясны. Дагестан – «страна гор», к тому же изрезанных глубокими ущельями. Это всегда способствовало консервации древних языковых и культурных особенностей. Иными словами, в Дагестане всегда шел процесс, диаметрально противоположный тому, что наблюдается почти во всем остальном мире. К тому же этот процесс подпитывался многовековыми иноземными вторжениями на Кавказ, из-за которых представителям или целым группам других народов приходилось укрываться в горах. Правда, какое-то сближение мелких этносов с крупными все же происходило. Восемь дагестанских народов консолидировались вокруг аварцев, четыре – вокруг лезгин, три – вокруг кумыков. Причиной относительной консолидации была языковая близость. Главным связующим звеном между народами Дагестана был и остается русский язык. Сходное положение со связующей ролью русского языка наблюдается и в Карачаево-Черкесии.

Теперь, когда определенные силы, как за пределами Северного Кавказа, так и в самом этом регионе, делают ставку на выход региона (или хотя бы его части) из состава Российской Федерации, им нужно цементирующее начало. И как когда-то в Саудовской Аравии ваххабизм был призван идеологически объединить феодально-раздробленные земли, так сегодня средства связи, единения, цементирования полиэтничных республик (а в более далекой перспективе – республик между собой) видят все в том же ваххабизме.

Ваххабитские эмиссары-миссионеры прибывают на Северный Кавказ, прежде всего в Дагестан и Карачаево-Черкесию, из Пакистана, Иордании и даже из Саудовской Аравии. Вербовка проводится самыми разными способами. К тому же, по некоторым полевым этнографическим данным, каждый, кто принимает ваххабизм, получает 5 тысяч долларов, и сумма эта для многих настолько велика, что известны случаи, когда принимают ислам и становятся ваххабитами местные русские.

В том виде, в котором в настоящее время ваххабизм распространяется на Северном Кавказе, он не представляет собой чего-то цельного. Не вдаваясь в детали, среди ваххабитов можно выделить два крыла – реформистское и радикальное. Сверхзадача у них одна: исламизация всего региона и, в конечном счете, установление на всей территории Северного Кавказа независимого исламского государства. Но тактика различна. Имам всех ваххабитов России (то есть не только северокавказских, но и поволжских) Нажмутдин Нажмутдинов, имеющий свою резиденцию в Москве, – реформатор. Он считает, что программа распространения ваххабизма должна быть рассчитана лет на двадцать, а провозглашенный Кораном джихад (священная война против «неверных») в данное время должен быть обеспечен пропагандой: строительством мечетей, обучением основам ислама,

Таблица 1
По Вашему мнению, в каких республиках Северного Кавказа в наибольшей степени распространено религиозное течение ваххабизм? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	Все опрошенные	Национальность	
			осетины	русские и русскоязычные
1	Адыгея	4,7	4,2	5,7
2	Дагестан	32,2	29,0	40,2
3	Кабардино-Балкария	27,5	22,0	34,5
4	Карачаево-Черкесия	11,2	11,7	11,5
5	Ингушетия	53,5	50,9	58,6
6	Северная Осетия-Алания	8,2	8,9	8,0
7	Чеченская Республика	68,2	67,8	71,3
8	Религиозного течения ваххабизм в Российской Федерации нет	2,0	1,9	2,3
9	Затрудняюсь ответить, отказ от ответа	13,7	14,5	11,5

разъяснительной работой среди населения, распространением листовок и литературы. Но реформистский ваххабизм предполагает также критику государственного строя, обращение к насущным экономическим проблемам, борьбу со взяточничеством и коррупцией одних и нищетой других. Входит сюда и резкая критика официального мусульманского духовенства, которое обвиняется в незнании Корана и Сунны, отходе от шариата и т. п.

Другое дело – ваххабиты-радикалы. Они не хотят ждать, и джихад для них – это то, что предназначено для джихада – открытая война с немусульманами. Однако и те, и другие ваххабиты выступают против «новшеств» («бида»), хотя и пользуются, подобно аравийским ваххабитам, всеми достижениями современной технической цивилизации, а также выступают против употребления спиртного, табака и наркотиков. Как и положено настоящим мусульманам, они призывают к созданию прочных многодетных семей (ислам строжайшим образом запрещает противозачаточные средства). Небезынтересный штрих. В то время как на Северном Кавказе традиционно запрещены кросс-кузенные браки (браки с дочерью брата матери или сестры отца), моджахеды, следуя шариату, считают их вполне допустимыми.

Как показывают материалы массового опроса, подавляющее большинство респондентов считают, что наибольшее распространение ваххабизм получил в Чеченской Республике и Республике Ингушетия (68,2% и 53,5% соответственно). Далее по убывающей следуют такие республики, как: Дагестан (32,2%) и Кабардино-Балкария (27,5%). Республика Северная Осетия (8,2%) на шестом месте после Карачаево-Черкессии (табл. 1). Всего 2,0% респондентов уверены в том, что Религиозного течения ваххабизм в Российской Федерации нет. Причин этому явлению несколько, но главная из них состоит в том, что ислам рассматривается как важнейший критерий реконструкции постсоветского пространства. При этом необходимо выяснить, во-первых, является ли ислам фактором, который способствует дезинтеграции России и ее вытеснению из региона; во-вторых, каковы формы и механизмы негативной политизации ислама; в-третьих, каковы возможные факторы использования благоприятного развития исламского возрождения.

В настоящее время Северный Кавказ, как и Россия в целом, переживает глубокие социально-экономические, политические изменения. Одной из характеристик переходности является деконструкция социальной реальности, возрастание ценностно-нормативной неопределенности, и здесь большое поле для социологов.

По мнению экспертов, традиционно оплотом ваххабизма на Северном Кавказе считаются Чечня и Дагестан. Но мне неизвестно, в какой степени это соответствует реальности. Они считают, что сообщения о ваххабитах в СМИ не отвечают действительности. Наличие двух-трех десятков ваххабитов в каждой из республик не является свидетельством того, что, допустим, в Дагестане ваххабизм существует. Хотя сторонники ваххабитов в республике, конечно, есть. Некоторые эксперты предлагают использовать термин «фундамента-

листский ислам», потому что сложно утверждать что-либо наверняка. Социологических данных нет и не может быть в силу закрытости этих сообществ. Возможно, люди, исповедующие фундаменталистский ислам, есть в Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, в отдельных районах Ставропольского края, там, где компактно проживает ногайское население, отчасти в Кабардино-Балкарии, особенно среди балкарского населения. Особенно хочется выделить цитадель ваххабизма – Дагестан.

По мнению экспертов, религиозное течение «ваххабизм» в наибольшей степени распространено в таких республиках, как: Дагестан, Чечня, Ингушетия и Кабардино-Балкария. Ответы ими были прокомментированы следующим образом:

· К сожалению, ваххабизм есть везде, просто где-то больше, где-то меньше. Большее распространение он имеет в Кабардино-Балкарии, Дагестане, Чечне.

· Ваххабизм является традиционной культурой в Саудовской Аравии, у нас же в соседних республиках, таких как Чечня, Ингушетия, Дагестан не совсем правильно понимают, что такое ваххабизм.

· Ваххабизм - это официальная религия Саудовской Аравии, но существенно отличается от того ваххабизма, который пропагандируется в наших соседних республиках (Чечня, Дагестан, Ингушетия).

· Ваххабизм распространен в Кабардино-Балкарии, Дагестане, Чечне, Ингушетии. Ваххабизм распространяется потому, что наше государство дало попустительство.

· Никто не знает значение этого слова, поэтому тех, кого причисляют к «ваххабитам», спецслужбы ФСБ они сами тоже не знают что такое «ваххабизм». «Ваххабизм» это обычное государственная религия Саудовской Аравии, с которой дружит большинство государств, в том числе и Россия. В «ваххабизме» нет ничего плохого, это у нас просто как «пугало» воспринимают. Другой вопрос, почему религия стала радикальной, но это уже предмет другого разговора. Когда нет социальной справедливости, нет законов, нет демократии, то это влечет за собой порождение радикализма, но «ваххабизм» само собой это не экстремизм-это истинное исламское течение

· Там где есть ислам, есть и «ваххабизм». «Вахабизм» исповедуется в Дагестане, Чечне, Ингушетии, но «ваххабизм» там не воспринимается как нечто страшное, экстремальное, запрещенное, люди полагают, что оно имеет право на существовании, как религиозное течение внутри ислама.

· По сведениям СМИ первоначально течение ваххабизм появилось в 1990-е годы, когда сторонники ваххабизма заявили о себе - ЧР, Ингушетия, КБР. И у нас возник этот вопрос. В 2001-2002 гг. была совместная конференция, где поднимался этот вопрос. Вопросы рассматривались МВД и ФСБ. Был поставлен вопрос: «Можем ли мы сейчас конкретно сказать, что такое «ваххабизм», т. е. как нам до людей донести, в чем его опасность, какими методами можно повлиять на него» Если люди будут знать, что такое «ваххабизм», чем он опасен, то мы должны одновременно как бы дать «рецепты» того, чтобы молодой человек не был подвержен этим течением, т. е. как обезопасить молодого человека, как его заранее «вооружить», какие психологические навыки нужно в нем выработать, чтобы он не попал к тем людям, которые исповедуют это течение. Речь должна идти о целенаправленной деятельности в плане чего:

· Важно создать вокруг людей такую атмосферу, чтобы они не смогли попасть под это религиозное течение, чтобы любой человек, хорошо вооруженный знаниями, имеющий хороший опыт культуры, как бы не подвергался влиянию тех людей, которые исповедуют религиозное течение «ваххабизм» Обязательное подключение психологических групп.

· По мнению большинства населения, религиозно-политическое течение «ваххабизм», в наибольшей степени распространено в республике Дагестан, Кабардино-Балкарии, в меньшей степени в Чеченской республике, что связано с тем, что у них свои, иные течения. В республиках Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия данное течение встречается в меньшей степени.

· Ваххабизм это официальная религия Саудовской Аравии. Ваххабиты как пуритане в христианстве, они призывают к первоначальному исламу без каких-либо последующих наслоений, осуждают богатство, церковь, и даже ислам.

· Ваххабизм в большей степени пустил свои корни в республиках Дагестан, Чечня, Ингушетия, и постепенно переходит в Северную Осетию. Результат этого - убийство выдающегося поэта Ш. Джигкаева. Это не просто рядовой случай, а вопиющий факт убийства человека за то, что он написал стихотворение. Это дико и бесчеловечно. Все это зародыши радикализма в нашей республике. Это верхняя часть, то, что вни-

зу, пока не проявляется. В дальнейшем ситуация будет ухудшаться, так как власти ничего не предпринимают для ликвидации данной проблемы.

· В наибольшей степени религиозное течение «ваххабизм» распространено в Чечне, Дагестане, Ингушетии, КБР. У ваххабитов своя правда, своя точка зрения на историю, на жизнь, на законы, и они будут ее отстаивать. Недаром сейчас философы говорят, что может быть столкновение цивилизаций, христианской и мусульманской. Это объективный процесс, который мы обязаны не допустить. Это будет похуже землетрясения, когда гибнут города, населенные пункты, все живое. Сейчас необходимы усилия, как государственные, так и религиозные, не на то, чтобы в школах открывать новые религиозные предметы, а на то, чтобы не допустить «взрыва» на Кавказе, чтобы не было кровопролитий. Чтобы такие страны, как Афганистан, Ирак, Иран, Саудовская Аравия, где культурное развитие не на высоком уровне, а оружие есть у всех. Ни в коем случае не нужно допускать, чтобы у кого-либо из мусульманских стран появилось ядерное оружие. Они могут пойти на все, один удар, затем ответный, и на земном шаре не останется жизни. Сейчас в мире атмосфера очень напряжена. Все религии нужно направить на путь созидания, добрососедства, на мир. Если религиозный экстремизм, получит в свои руки атомное оружие, тогда все будут кричать и плакать, но будет уже поздно. С этим надо кончать. Сегодня мы живем в этой стране, расчленять ее нельзя, дай Бог здоровья мусульманам, православным, буддистам, веруйте, стройте новые храмы, но покушаться на что-то другое нельзя

· В сознании людей нет четкого разграничения, что такое ваххабизм и что такое отличающийся от него Ислам. Под ваххабизмом известно то, что еще в средние века на Востоке, был религиозный деятель Аль Ваххааб, которого если сравнивать со светским деятелем, то он напоминает Горбачева в политике. Было время, когда он провозгласил, что надо назад ко временам Ленина, ко временам социализма. Ваххааб так же пришел к выводу, что религиозное воззрение, религиозное поведение, религиозные нормы, которые утвердились при жизни пророка, они искажены, исполняются не четко. Он проповедовал, что нужно вернуться к тому чистому виду Ислама, в каком он был во времена пророка. Ничего предосудительного в этом нет. В государстве Саудовская Аравия ваххабизм сегодня является официальным религиозным течением, а у нас под него подкладывается иной смысл. Наиболее сильное распространение ваххабизм получил в тех республиках, где Ислам является основной религией. В большей степени это касается Дагестана, и КБР.

Как видно, традиционным оплотом ваххабизма на Северном Кавказе считаются Чечня и Дагестан, но насколько распространено это течение ислама в действительности – об этом может только рассказать специальное исследование по данной проблеме.

Прямых последователей учения Ваххаба на Северном Кавказе нет, но есть те, кого можно назвать салафитами (ищущие чистоты). В восьмидесятых – девяностых годах прошлого века возрождение переживали и православие, и ислам. Молодое поколение неофитов (новые приверженцы религиозного учения, новообращенные) захотело очиститься от муфтиев, которых считало связанными с КГБ. Отсутствие образованных наставников привело в ряде случаев к появлению настоящих салафитских сект, в которых исполнение норм шариата доводилось до абсурда и вступало в противоречие с Уголовным кодексом РФ. Те северокавказские мусульмане, кого сейчас принято называть ваххабитами (они же салафиты), действительно являются исламскими фундаменталистами. Но между фундаментализмом и терроризмом не следует ставить знак равенства. В России же эти понятия стали синонимами; возможно, правильнее использовать термин «фундаменталистский ислам». Но точных сведений, в силу закрытости данных сообществ, нет, поэтому, как было сказано выше, необходимы специальные исследования. Не исключено, что люди, исповедующие фундаментальный[2] ислам, есть в Чечне, Ингушетии и Дагестане.

Чтобы получить дополнительный материал с целью определения масштаба распространения религиозного течения ваххабизма, мы включили в инструмент исследования дополнительный вопрос (таблица 2).

На вопрос: «Как Вы думаете, а в Вашем городе (селе) есть люди, группы людей, которые исповедуют ваххабизм?» 34,9% русских и русскоязычных и 23,0% осетин думают, что в их городе (селе) есть ваххабиты, но 46,5% русских и русскоязычных и 40,7% осетин не стали отвечать по разным причинам на вопрос.

На прямой вопрос о наличии ваххабизма в районах проживания респондентов подавляю-

Таблица 2
Как Вы думаете, в Вашем городе (селе) есть люди, группы людей, которые исповедуют религиозное течение ваххабизм? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	Все опрошенные	национальность	
			осетины	русские и русскоязычные
1	да	26,2	23,0	34,9
2	нет	31,5	36,3	18,6
3	затрудняюсь ответить, отказ от ответа	42,3	40,7	46,5

щее большинство как коренного, так и русского и русскоязычного населения дали положительный ответ.

Вызывают интерес ответы экспертов на вопрос: «Какого мнения граждане РСО-Алания, в их городе (селе) есть люди, группы людей, которые исповедуют религиозное течение ваххабизм?»:

· Если брать не конкретно ваххабизм, а в обобщенном виде радикальный ислам, то многие с уверенностью могут сказать, что в их городе или селе есть люди, группы людей, которые исповедуют радикальный ислам. Люди, придерживающиеся радикального взгляда, не знают, что такое «ваххабизм», слышали о них, но реально не понимают кто они такие, и чем отличаются от них. И если сравнить их мировоззренческие взгляды с взглядами ваххабитов, они оказываются схожими, но таковыми они себя не признают. Людям известно, что есть определенные группы людей, особенно среди молодежи, которые придерживаются неких радикальных взглядов. Их не много, но все-таки они есть. В тех населенных пунктах, где проживают мусульмане.

· Конечно, есть. Потому, что в 1990-е годы, в период мракобесия, то, которое мы называли демократией, тысячи наших юношей поехали учиться в Медресе, в духовные университеты в Саудовскую Аравию и Египет. Чему их учили, никто не знает, за эти 5 лет в них мог зародиться радикализм. Если взять конфессиональный состав подпольных банд-формирований, то мы увидим, что в них наемников нет. Зачем они нужны, если у нас своих хватает.

· В городе население таковых не встречало, если есть, их должны отслеживать спецслужбы. Религия религией, а выше религии должны быть человеческие жизни. А ваххабиты готовят взрывы, теракты, если религия будет бесцеремонно относиться к человеческим жизням, то такая религия нам не нужна. Религия – это высшие ценностные ориентиры для людей, религия оплот стабильность, оплот добрососедства, мира, взаимодействия, сотрудничества, любви. Если этого нет, нужно принимать жесточайшие против нее. У христианских и истинных мусульманских проповедников не услышишь слова – война, только мир, добро, порядок. Незамутненная, незашаренная религия дает высшие ценностные ориентации для человека. Никто не завещал убивать, грабить и уничтожать. Кто им дает такое право? Нужно вести борьбу с людьми, недостойными религии.

· Народ думает, что у нас много ваххабитов, но никогда и никто еще их лично не видел. Как отдельное течение, ваххабизм себя не определяет. Есть группы людей, которые говорят, что в Исламе они видят нечто иное, чем другие. Почему они появились? Потому, что мы долгие годы не исповедовали религию, а когда для нее открыли двери, мы увидели, что подавляющее большинство населения хотят быть религиозным. А религиозные традиции, ведь, практически были утеряны, знатоков, предводителей духовенства, которые бы направляли людей, то фактически не образованные в религиозной сфере люди, приняли в меру своего толкования эти религиозные догматы. И естественно, учитывая то, что право толковать Ислам, право быть религиозным деятелем, это еще определенные властные полномочия, вот и появилась конкуренция в духовной сфере. В этом его подоплека, а не в том, что в любом исламском государстве, где эти традиции сохраняются испокон веков, имеются много знатоков в области Ислама, они дают правильное толкование Ислама. Ваххабизм временное явление, по мере того как гражданское общество будет обретать духовность, чем больше они будут узнавать основы религии, тем меньше будет раскола в Исламе.

· В основном наши люди знают, что в нашем городе и в некоторых селах есть люди, исповедующее религиозное течение ваххабизм, но люди

знают и то, что их относительно немного. Но так же люди замечают и то, что их становится больше чем в прошлом году, чем в позапрошлом году, учитывая то, что совсем недавно их совсем не было. Увеличение их численности с одной стороны связано с активной пропагандистской, миссионерской работой ваххабитов с других республик Северного Кавказа, и за границы. В Северную Осетию ваххабизм идет с КБР и Ингушетии. Сама по себе пропагандистская и миссионерская работа не имела бы никакого успеха, если не было бы определенной готовности. Поскольку есть множества разочаровавшихся людей, особенно среди молодежи, разочаровавшихся в государстве, в традиционной церкви, религии, полностью потерявших ориентиры, видящих кругом только несправедливость, только культ материальных ценностей, отсутствие духовности, и многие молодые люди готовы принять это предложение. Потому, что ваххабизм предлагается в форме истинного Ислама, с духовными принципами, с очень сильно выраженным элементом социальной справедливости, выраженной установкой на наказания тех, кто допускает несправедливость, поскольку многие люди сталкиваются с бюрократизмом, с коррупцией. Они жаждут какого-то возмездия, считают, что государство виновато во многом. Это некоторые факторы, способствующие росту активности ваххабитов. Их число будет возрастать, но не сильно, поскольку именно та, религия, которая зовет к действию, даже небольшое количество их последователей будет серьезно влиять на обстановку в республике. Противопоставить этому что-либо сложно, потому, что ситуация в общественной и духовной жизни в нашей республики особо не изменится в ближайшем будущем, способствующих этому факторов нет. Рассчитывать не деятельность правоохранительных органов не приходится, они делают свою деятельность тат, как могут, как обучены, как их финансируют. Как показывает опыт соседних республик, их деятельность, каким-то барьером является против ваххабитов, но этого не достаточно. Зачастую они так действуют, что наоборот подталкивают каких-то отдельных личностей в руки этих проповедников.

Материалы массового опроса показали, что религиозное течение ваххабизм не является массовым явлением. В обществе есть мнение: нужен жесткий контроль, должна проводиться профилактика со стороны государства. И если бы такая профилактика проводилась, мы смогли бы избежать очень многих негативных последствий и научиться снимать напряжение. Необходимо, особенно сельским населенным пунктам, провинциальным городам, предоставлять большую культурную и языковую автономию. Человек всю жизнь может прожить, проработать в глубинке и ни разу не выехать в большой город. Надо дать людям возможность самовыражаться в литературе на родном языке, иметь свое печатное издание, т. е. нужна коммуникация, а не изоляция, в результате которой противоречия загоняются вглубь, и люди становятся еще более замкнутыми. Они граждане нашей страны, и мы не можем от них просто откреститься. Запретом невозможно добиться результата, необходимо искать рациональный подход, чтобы не просто примирить одних с другими, с существующим бытом, а создать условия, в которых люди могли бы почувствовать себя комфортно, и тогда дискомфорт не приводил бы к агрессии.

Так как у граждан республики религиозное течение ваххабизм ассоциируется с чеченской войной, подавляющее большинство респондентов склоняются к идее его запрета.

Религия регулирует мораль, поэтому, по мнению респондентов и экспертов, является мощным духовно-нравственным фактором. На одном законе далеко не уедешь, но необходимо найти баланс между тем, в какой степени религиозные институты, церковь, мечеть должны вмешиваться в личную жизнь, т.е. давить на население, и в какой-то степени население должно иметь степень свободы вероисповедания. Респонденты считают, что религия – это дело совести каждого, и каждый должен иметь полную свободу. Если только это не выражение агрессии. Полная свобода не означает обязательную привязанность к какой-либо церкви, мечети. Это личное дело каждого гражданина. Не хочет кто-то соблюдать религиозные предписания – это его дело. Он может быть верующим. Тут важно не соблюдение догм и предписаний, а моральный облик человека. Подавляющее большинство опрошенных считают: если религия поддерживает моральный облик личности, укрепляет совесть, и эта личность действительно ведет себя как человек в общении с другими, – это польза. Если религиозная вера стимулирует противостояние одних людей в отношении других, пропагандирует превосходство того или иного направления, будь то иудаизм или христианство, тогда эта практика, считают респонденты, не годится для общества, потому что непрогрессивная.

Мнение экспертов относительно предпочтений граждан РСО-А жить в светском или шариатском государстве, как жителей православной республики, было однозначным:

· В мире мало шариатских государств. Даже там, где основная часть населения исповедует Ислам, нельзя сказать, что это шариатское государство. Конституция и законы в них учитывают нормы шариата, но не больше. Людей, которые хотели бы жить в шариатском государстве, очень мало, особенно у нас в республике.

· Гражданам нашей республики хочется жить в светском государстве. В пример надо брать Западные страны, такие как Франция, Италия, Швеция, Дания, страны, которые живут прекрасно. Экономика у них развита, социальная сфера на высоком уровне. Никаких взрывов, терактов у них не бывает. Только у них надо брать пример. Наши люди хотят жить достойно, благополучно. Территориально мы находимся на европейской части. Мы жители Северного Кавказа, но государство конечно светское.

· Конечно, в шариатском государстве мало кто хочет жить. Даже те, которые высказывают мнение, что хотят жить в шариатском государстве, они имеют не полное представление о том, что такое шариат. Об этом могут знать лишь те, которые ежедневно делают намаз, приходят в мечеть, но их очень мало. Общество на сегодняшний день получил такой опыт светской практики, светской жизни, что, даже зная то, что, вернувшись к шариату жизнь может стать лучше, все равно люди не смогут приспособиться к такому образу жизни. Люди светской жизнью развращены, имеют много свободы, много прав, таких условий жизни, которые в шариатском государстве не допустимы. Население не захочет отказаться от такой жизни.

Материалы исследования показали, что подавляющее большинство граждан республики соблюдают основные религиозные обряды. И религия оказывает свое влияние на различные сферы социальной жизни общества. Часть взрослого населения считает себя принадлежащим к той или иной религиозной организации, хотя регулярно читающих Библию (Коран) насчитывается от 5,1% до 12,4%.

Существует отчетливо определимая модель в отношении к религии, обусловленная возрастом, полом, образованием и местом проживания. Обычно пожилые люди религиознее тех, кто относится к более молодым возрастным группам. Женщины, как правило, чаще вовлекаются в лоно религиозных организаций, чем мужчины, сельские жители активнее соблюдают религиозные обряды, чем горожане.

В целом посещаемость религиозных храмов и открытое выражение религиозных чувств чаще встречаются среди более состоятельных людей, чем среди бедных групп населения, богатые не упускают возможность продемонстрировать свое отношение к религии публично: ремонтируют или строят новые религиозные храмы, передают им в дар ценные вещи.

Религиозный фундаментализм на Северном Кавказе – результат социально-экономической и политической нестабильности в регионе. Лидеры религиозного течения ваххабизм призывают своих последователей к строгой приверженности системе принципов, верований, призывают к буквальному пониманию основных терминов «реформаторство» или «обновление» и считают, что доктрины, возникающие в результате такого прочтения, должны применяться ко всем отраслям общественной жизни и выступать как оппозиция к тем модернизационным попыткам, которые происходят на Северном Кавказе.

Ссылки:

1 Ваххабизм – название религиозно-политического движения в суннитском исламе, возникшего в Аравии в середине XVIII века на основе учения Мухаммада ибн ‘Абд ал-Ваххаба и ставшего впоследствии идеологией первого государства Саудидов. Ваххабитское движение выросло из богословской полемики по поводу очищения ислама от еретических нововведений (бида‘) и критериев истинного единобожия (таухид) и превратилось впоследствии в мощный фактор идейно-политической жизни мусульманского мира // См. более подробнее: Социологическая энциклопедия. Том 1, М., 2003, с.132.

2 Фундаментализм – общественно-идеологическое, религиозное движение, провозглашающее приверженность исходным идеям, принципам, ценностям определенных учений, доктрин, выдвигающее требования преодоления появившихся в ходе его развития извращений, уклонов, ересей и восстановления первоначальной чистоты, «возвращения к истокам» // Новый энциклопедический словарь. М., 2006, с. 1300.

Воспитательный потенциал урока экономики в формировании социальной ответственности старшеклассников

Джавахидзе Л.Б.

В статье раскрыта роль современной школы в формировании экономического воспитания и социальной ответственности старшеклассников. Полученные результаты адекватны поставленным задачам, проверены экспериментальным путем, подтверждают актуальность и новизну проведенного исследования.
Ключевые слова: педагогическая технология, воспитательный потенциал, экономическое воспитание, социальная ответственность.

Educational potential of economics lesson in the formation of senior social responsibility
Dzhavahidze L.B.
Moscow State Regcon University
The article deals with the role of the modern school of education in shaping economic and social responsibility seniors. The results obtained are adequate to the tasks, verified experimentally. Confirm the relevance and novelty of the study.
Key words: educational technology, educational potential, economic education, social responsibility.

В современной общеобразовательной школе старшеклассник делает жизненно важный выбор, который, в основном, определяет его дальнейшее образование и будущую профессиональную карьеру.

Структуре образовательных и жизненных установок большинства учащихся, в большой степени, соответствует профильное обучение, в процессе которого создаются условия, необходимые для реализации обучающимися своих интересов, способностей и дальнейших жизненных планов. При этом большое значение имеет экономическое воспитание старшеклассников, основанное на первоначальном формировании социальной ответственности, что обусловлено следующим. Чтобы развивать в нашей стране социально ориентированную экономику, современное российское общество стремится не только к созданию собственного благополучия, но и проявляет свою заинтересованность в решении социальных задач наряду с задачами экономическими, обостренными сложными финансовыми и политическими процессами. Нам необходима устойчивая тенденция к росту социальной ответственности бизнеса. Таким образом, потребность современного общества заключается в активных, инициативных, самостоятельных, творчески мыслящих гражданах, характеризующихся высокой степенью социальной ответственности. Задача школы - сформировать первоначальный уровень социальной ответственности старшеклассников.

С психологической точки зрения о зрелости и наступающей взрослости можно судить по ответственности юношества за свои поступки. Еще одним показателем зрелости и наступающей взрослости является умение разводить свои реальные и идеальные цели, делать свободным личный выбор. Этот выбор, во многом, зависит от интереса к своей возможной в будущем профессиональной деятельности в рыночных условиях и объективной востребованности экономических знаний.

С педагогической точки зрения особенности воспитания старшеклассников, в основном, определяется спецификой юношеского возраста. Именно, в юношеском возрасте учащиеся оказываются на пороге вступления в самостоятельную жизнь. Для юношей и девушек становится характерной нацеленность в будущее. Растет их самосознание, развивается потребность в самоопределении, в выборе будущей профессии, повышается роль самооценки, интенсивно формируется мировоззрение.

Важную роль в жизни старшеклассников играет коллектив, поэтому этот возраст называют самым «коллективистским». Приобщение учащихся старших классов к коллективным делам и заботам дает возможность каждому из них проявить свои способности и таланты. Происходящий процесс самоопределения личности, рост самосознания старшеклассников рождает их потребность в самовоспитании, желании освободиться не только от некоторых недостатков в поведении, но и совершенствовать личность в целом[3]. В старшем школьном возрасте происходит становление ценностных ориентиров, определяющей направленностью которых является социальная ответственность. Она характеризуется отношением человека к созидательной деятельности как к своему гражданскому долгу, готовностью соотносить личные и общественные интересы, способностью отвечать за результаты своей деятельности и поведения.

В связи с этим под социальной ответственностью мы пониманием интегративное качество личности, служащее показателем ее социального развития, а именно, критерием ее социальной зрелости, которая выражается в потребности к самореализации в обществе с учетом общественных целей и ценностей.

Для решения этой задачи мы остановились на том, чтобы средой формирования социальной ответственности старшеклассников стали уроки экономики, реализующие стандартный курс экономики при профильном обучении, усиленный использования нравственного аспекта в экономическом образовании [2].

Формирование социальной ответственности при изучении экономики определено нами как главная цель учебно-воспитательного процесса, а социальная ответственность принята учащимися в качестве социально- личностной ценности [6]. Для того чтобы достичь ее, необходимо предварительно сформировать мотивацию к нравственно-экономическому образованию. По своей структуре мотивация к такому обучению включает внешнюю (стремление получить высокие отметки, одобрение учителя, симпатия к учителю, стремление превзойти других и т.д.) и внутреннюю (интерес к изучаемому предмету, интересен метод преподавания, стремление добиться особых успехов и т.д.) стороны. В школьном коллективе бессознательно заложено стремление быть значимым в глазах других, быть успешным. Успехи учащихся через позитивные оценки окружающих, повышают уровни психической, умственной, учебной, физической деятельности, что было решено использовать во время провидения эксперимента. Потребности и мотивы управляют поведением[5]. Когда их нет, выбор дальнейшего пути невозможен. Ф.М. Достоевский писал: « Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучшее, и я за вами пойду» (Собрание соч. том 10). Отношение школьников к учебе зависит от мотивации. Мотивы определяются убеждениями, идеалами, установками, потребностями, интересами.

Как психолого-педагогические образования, они связаны и влияют друг на друга. Одной из составляющих педагогического эксперимента стало проведение диагностирования мотивации учащихся к изучению экономики с учетом нравственного аспекта, чтобы в дальнейшем, в случае необходимости, способствовать ее повышению для пользы учащегося. Таким способом можно содействовать формированию нравственно-экономического жизненного стиля учащегося в процессе организации школьного экономического образования.

Длительное (лонгитюдное) наблюдение за старшеклассниками, проведенное автором, показывает, что изучение экономики способству-

Рис.1. Модель формирования социальной ответственности старшеклассников при изучении экономики

ет формированию у большинства учащихся высокого уровня самопроизвольной познавательной активности.

Акцент на самопроизвольную познавательную активность приводит к самостоятельности и в будущем способствующей формированию социальной ответственности.

О проявлении самопроизвольной познавательной активности мы судим по вопросам старшеклассников, задаваемым учителю; стремлению по собственному почину участвовать в коллективной деятельности, в обсуждении социально-экономических вопросов; в активном оперировании приобретенными знаниями и уме-

ниями; по интеллектуальной радости; по сосредоточенности внимания, слабой отвлекаемости, поведении ученика при затруднениях, стремлении к завершенности учебных действий. Это и есть показатели одного из главных критериев самопроизвольной познавательной активности.

Нами была разработана и в ходе педагогического эксперимента проверена Модель формирования социальной ответственности старшеклассников при изучении экономики[4] (рис.1).

Формируя в процессе обучения экономики социальную ответственность старшеклассников, мы отслеживали за уровень развития социально ответственного поведения личности, используя комплекс критериев:

1. поведение учащихся на уроке;
2. поведение и деятельность учащихся вне урока;
3. поведение учащихся в социуме (группа, класс).

К данным критериям нами были отобраны основные показатели.

Критерию «поведение учащихся на уроке» соответствовали следующие показатели: вопросы учителю проблемного характера; инициативность в работе; сосредоточенность внимания, слабая отвлекаемость; умение преодолевать трудности; решение проблемных задач. Для второго критерия «поведение и деятельность учащихся вне урока» были выбраны такие показатели, как распространение интересов на участие в социальных акциях; участие в коллективной работе в социуме; возникновение интеллектуальной радости от совместно выполненных заданий, появление креативности; наличие способности к самоорганизации.

К критерию «поведение учащихся в социуме (группа, класс)» были отнесены следующие показатели: посещение социально-экономических выставок, семинаров, форумов; сбор тематической литературы; работе в школе Парламентаризма; использование Интернет ресурса и других видов межкультурной коммуникации и т.д.; практическая направленность на применение базовых экономических знаний и др.

Проведенный на базе нескольких школ (536, 538, 525,627) Юго-Западного и Центрального округов г. Москвы педагогический эксперимент показал, что нравственно-экономическое воспитание старшеклассников, основанное на первоначальном формировании социальной ответственности личности, не только необходимо и возможно, но и дает хорошие результаты в условиях школы на уроках экономики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: офиц. текст. – М.: Норма- Инфра- М, 2012.- 128с.

2. Об образовании [Текст]: федер. закон.- М.: Инфра- М, 2012.- 54с.

3. Байбородова, Л.В., Рожков М.И. Организация воспитательного процесса в школе [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.В. Байбородова. – М.: Гуманит. ВЛАДОС, 2001. – 256с.

4. Джавахидзе Л.Б. Модель формирования социальной ответственности старшеклассников при изучении экономики [Текст] / Л.Б.Джавахидзе//Вестник МГОУ. Серия «Педагогика»-2012. – N2. - С. 11–16.

5. Мудрик, А. В. Наши дети не хотят жить так же, как мы: И чтобы преодолеть этот разрыв, нам надо знать, что окружает сегодняшних подростков и что они выбирают. [Текст] / А.В. Мудрик // Первое сент.-2011. - N 68. - С. 2 – 8.

6. Симонов, Г.С. Социальная ответственность как общественное явление [Текст] : дис. канд. фил. наук / Г.С. Симонов. - Уфа,1973. - 78с.

Система социологического знания

Добреньков В.И., Кравченко А.И.

Социология изучает поведение людей как представителей больших социальных групп, субъектов социального взаимодействия, которое возникает, формируется и развивается в социальных организациях и социальных институтах общества. Она представляет собой единство теоретического и эмпирического знания, которые социологи получают при помощи опроса, наблюдения и анализа документов. Полученные таким образом данные социология группирует, классифицирует и обрабатывает на основе приемов математической статистики. В результате получается социально-типическая картина поведения, ценностных ориентаций и мнений людей. Социология — логически стройная система достоверного знания — позволяет выводить закономерности и тенденции в протекания социальных процессов, прогнозировать будущие события.
Ключевые слова: социология, метод наблюдения, объект, предмет

System of sociological knowledge
Dobrenkov V. I., Kravchenko AI.
The sociology studies behavior of people as representatives of big social groups, subjects of social interaction which arises, is formed and develops in the social organizations and social institutes of society. It represents unity of theoretical and empirical knowledge which sociologists gain by means of poll, supervision and the analysis of documents. The sociology groups the data obtained thus, classifies and processes on the basis of methods of mathematical statistics. As a result the social and typical picture of behavior, valuable orientations and opinions of people turns out. The sociology — logically harmonous system of reliable knowledge — allows to remove regularities and tendencies in courses of social processes, to predict future events.
Keywords: sociology, supervision method, object, subject

Предмет и объект социологии

Правильный выбор предмета и объекта исследования для социологии имеет принципиальное значение, так как, с одной стороны, он очерчивает круг изучаемых проблем, а с другой – выступает структурообразующим моментом, который определяет характеристики средств и методов наблюдения, теоретический строй знания и одновременно методологический статус дисциплины в целом, ее место и роль в научной системе.

Первая трудность, с которой приходится сталкиваться в логико-теоретическом анализе терминов «объект» и «предмет» – это нестрогость их употребления в обыденном языке, перешедшая затем и в научное сознание. Фактически их смысл отождествляется (об этом, кстати, свидетельствуют и словари). Так, термин «предмет» считается словообразовательной калькой латинского objectum , который означает, в свою очередь, нечто, лежащее впереди, противопоставленное[1] . Как и аналогичное немецкое «Gegen-stand» (также калька с латинского), русское слово «предмет» было введено в употребление в XVIII в. В древнегреческой же философии, а затем и ранневизантийской литературе «вещь» и «предмет» (объект) уже различались: вещь имеет бытие и держит его при себе, предмет же имеет реальность и предъявляет ее созерцающему субъекту. Иными словами, предмет – это саморазвертывание вовне бытийственной самососредоточенности вещи[2] .

Предмет, таким образам, выступает как нечто уже захваченное (человеческим разумом или опытам), развернутое вовне, наконец, как представленное созерцающему субъекту, и в этом своем значении (значении приобретенном, а не изначальном) понятие «предмет» близко латинскому глаголу «prehendo» (схватывать, умом обнять, ясно понимать, постигать). Объект же, как и вещь, остается неразвернутым вовне бытием. Оно, это бытие вещи, существует незави-

симо от нашего познания, от действия ученого и навсегда таковым останется. Предприятие существует само по себе, оно – объект исследования. Но предприятие, разложенное познающим умом на аналитические компоненты, скажем, инженерную инфраструктуру, финансовую систему, профессионально-квалификационную структуру, кадровый состав, систему управлению, выступает предметом исследования.

Таким образом, предмет – это пропущенный через призму нашего разума объективно существующий объект. Сам объект функционирует по своим собственным, независимым от нас законам – техническим, экономическим, политическим и др. В отличие от него предмет существует и действует по законам, которыми наделил его познающий разум. Предмет – это познавательная модель реально существующего объекта, а в социологии – даже нескольких объектов.

Социология выделяет типичное во многих объектах. Выделяет такие признаки, которые ее интересуют и которые чаще всего встречаются. Выделив типичные свойства, социология объединяет их в некие теоретические комплексы. Если в этих мысленных комплексах между элементами установлены логические связи, то такой комплекс превращается в теорию. В результате теория описывает не единственный реальный объект, а множество объектов. Вот почему ученые, как естественники, так и обществоведы, утверждают: научную теорию нельзя подтвердить или опровергнуть, изучая один объект.

Семантические различия между «объектом» и «предметом» едва уловимы, и только наша рефлексия разводит их.

В литературе[3] предмет науки (или теории) рассматривается в терминах идеализированных, или абстрактных, объектов, которые представляют (репрезентируют) тот или иной фрагмент реальности. Это условные понятия типа математической точки или идеального газа. По своему логико-теоретическому статусу идеальные объекты являются квази-объектами, т.е. заместителями реальных объектов сначала в предмете исследования, а затем и в структуре теории. Они создаются человеком и служат инструментом познания, в том числе в социологии. Понятия «социальный институт», «стратификация», «статус» и многие другие стоят в этом ряду. Идеализированным объектом является в социологии любая переменная, ибо она – не реально существующий объект, а понятие, концепт.

В отличие от предмета объект исследования представлен живыми людьми, которых опрашивает социолог, реальными явлениями и процессами, организациями и учреждениями (предприятием, цехом, офисом, банком, библиотекой), где проходит исследование и материальную среду которых (расположение комнат, структуру управления, организацию и условия труда, денежные потоки) ученый анализирует.

Любой из этих объектов очень многообразен, в одном исследовании невозможно охватить все грани и стороны объекта исследования. Поэтому социолог каждый раз выбирает только один аспект или грань реального объекта, описывает его через совокупность абстрактных конструктов и называет предметом исследования.

Хотя предмет исследования и предполагает свой объект, но полностью не совпадает с ним. Объясняется это тем, что один и тот же социальный объект может изучаться для решения различных научных проблем. Так, рабочие промышленного предприятия (объект) опрашиваются для изучения проблем мотивации и стимулирования труда, его условий и организации, текучести кадров и стабилизации коллектива. По существу, предмет устанавливает границы, в рамках которых объект изучается в данном исследовании.

Таким образом, предмет социологического исследования отражает лишь одну из сторон объекта[4], но зато самую важную. Познавательная функция предмета исследования заключается в том, что он, подобно фильтру, отсеивает в объекте исследования все второстепенное, преходящее, выделяя наиболее устойчивое и важное. Как дальше поступить с обнаруженным, какие закономерности и тенденции в развитии этого главного выявить, как раскрыть его внутреннюю структуру – все это зависит от мастерства социолога и эффективности применяемых им инструментов.

Самым эффективным является программа социологического исследования, которая соединяет все основные элементы, этапы и фазы познавательного процесса. Научная теория – лишь конечный итог применения такой программы, гипотезы, анкеты – промежуточные инструменты, так же как анализ и интерпретация данных.

В отличие от предмета исследования, который формируется в зависимости от наших целей и задач, объект не зависит от познающего субъекта. Действительно, здания и люди существуют объективно, независимо от нашей воли

и сознания. Но предмет исследования мы выбираем произвольно в соответствии с нашими интересами, целями и задачами.

Однако следует оговорить степень самостоятельности объекта исследования. Люди передвигаются и строят свои отношения независимо от социолога, но именно от него зависит то, кого именно опросить. Прежде чем выбрать конкретных респондентов, ученый строит так называемую эмпирическую схему объекта исследования, например по особым математическим правилам составляет выборочную совокупность или в соответствии с заранее построенной таблицей выбирает из заводской документации одни показатели и игнорирует другие, не интересующие его, т. е. избирательно подходит к изучению объекта. Эмпирическая схема действует наподобие фильтра, в конце познания, когда исследование проведено и факты собраны, помогая их интерпретировать, правильно их осмыслить, объяснить.

Таким образом, реально и независимо от нас существующий объект, прежде чем попасть в фокус нашего внимания и стать источником информации, претерпевает определенную трансформацию, воплощаясь в позициях (кодах) документов сбора первичной социологической информации, затем в таблицах, формулах, графиках и т.п. Эмпирические свойства, таким образом, зависят от познающего субъекта, поскольку элементы теоретического языка не только присутствуют, но и являются неустранимым моментом всякой эмпирии.

В чем важность определения предмета науки?

Предмет и объект исследования в методологии рассматриваются как единый и почти неразделимый комплекс. Они дополняют друг друга. В результате неотделимости трех элементов познания: субъект, объект и условия наблюдения, которые неразрывно связаны с методом исследования. Однако специфика науки определяется не методом и даже не объектом, а ее предметом. Большинство научных методов нейтральны по отношению к данной науке, а лучше сказать – универсальны для всех наук. Наблюдением, экспериментом, опросом как методами сбора информации пользуются психологи, социологи, экономисты, физики, культурологи и специалисты в области других наук. Эти методы междисциплинарны и общенаучны. Мы уже знаем, что объект может быть один, а теорий много – и наоборот: одна теория может описывать не один, а множество объектов.

Человек, как объект изучения, пользуется одинаковым вниманием со стороны философов, психологов, социологов, антропологов, педагогов. Но каждый из них видит свое: философ описывает человека совсем иначе, чем психолог или социолог. Угол зрения философа, психолога и экономиста определяется предметом исследования соответствующей науки. Иначе говоря, предмет – это активная, а объект – пассивная сторона. Хотя именно изменения в социальной или экономической реальности, в жизни людей и в самом обществе стимулируют ученых к научному поиску. Лучше и всестороннее познать реальные объекты – конечная цель науки.

Итак, предмет – это определенный аспект, сторона объекта, взятая данной наукой в качестве главной. Психолога в человеке интересует его внутренний мир, его душа, врача – тело, социолога – совокупность социальных качеств и т. д.

Как разные науки воспринимают один и объект или явление? Они видят его под разными углами, выделяя в нем различные предметные перспективы. Представим замужнюю пару – Он и Она. Как представители разных наук могут и должны анализировать конкретный объект в терминах своей дисциплины?

Психолог наверняка заинтересуется внутренним миром каждого из них, опишет их характеры и реакции, мотивы, восприятие и глубину чувств. Протестиров Его и Ее, психолог выдал бы точный прогноз совместимости или несовместимости их характеров, а значит, и прочности брачных уз.

Социального психолога привлекли бы распределение ролей и структура межличностных отношений. Он не преминул бы подчеркнуть, что диада как форма малой группы менее устойчива, нежели триада. И уж конечно бы он выяснил, кто в семейной группе является лидером, т.е. принимает жизненно важные решения.

Демограф подошел бы к проблеме масштабнее. Наверняка он рассмотрел бы единичную семью как типичный случай, в котором видны общие тенденции и причины, влияющие на рождаемость, репродуктивные установки и ожидаемую продолжительность жизни.

Для экономиста Он и Она явились бы и конкретным, и обобщенным случаем. Возможно, его заинтересовал бы их индивидуальный и се-

мейный доход насколько они близки к черте бедности, куда они вкладывают свои акции и как распоряжаются имуществом, активами, приватизировано ли их жилье, где они предпочитают покупать товары и по какой цене и т.п.

Политолога заинтересовали бы их потенциальное и реальное участие в предстоящем голосовании, принадлежность или непринадлежность к политической партии, политическая платформа, которая в большей степени соответствует их экономическому статусу и социальному положению, политические институты, которые вызывают и не вызывают доверие.

А как бы поступил социолог? Скорее всего, подобно трудолюбивой пчелке, он «собрал бы нектар понемногу со всех цветов»: заглянув вместе с психологом во внутренний мир человека, он многое узнал бы о личности; социальный психолог обогатил бы его знаниями о законах малой группы и вопросах социализации; демограф помог бы ему разобраться в сложностях макропроцессов, возрастной структуре населения, проблемах миграции и социальной мобильности; экономист подсказал бы правильное направление в анализе социального неравенства, бедности и богатства, занятости и безработицы; политолог приоткрыл бы ему дверь в структуру и динамику институтов власти и в механизмы предвыборного поведения людей.

У представителей многих наук всю жизнь учились социологи. Быть учеником – свойство молодых, а социология – очень молодая наука. Правда, у нее были неплохие учителя, и они многому ее научили – в частности, антропологи научили их правильно понимать культуру, не сводить ее к элементу или сфере общества, а уравнять ее в правах с самой главной категорией – обществом; этнографы открыли социологам мир разных культур и народов, научили проводить так называемые кросс-культурные, или сравнительные культурные исследования, помогли разобраться в межнациональных конфликтах и этнокультурном поведении; юристы немало потрудились в изучении правового государства и гражданского общества, разнообразии форм законов, эволюции – именно отсюда начинается социология девиантного поведения, и, что не менее важно, первые социологи были все-таки юристами (вспомним хотя бы М. Вебера и Э. Дюркгейма).

Может быть, потому, что социологи поначалу проявили себя прилежными учениками, они весьма быстро преуспели в разработке собственного, отличного от других наук и методологически, и теоретически подхода. Их взгляд на вещи действительно самостоятелен.

Использование объекта (людей, транспорта, предметов быта или труда) не раскрывает специфики конкретной науки. Ни у одной науки нет монополии на тот объект, который она больше всего изучает. Человек, общество, экономика, труд – это объекты изучения многих наук. Эти объекты настолько многогранны, что места под научным солнцем хватит всем, даже тем наукам, которые еще только зародились или которые появятся в будущем.

Использование конкретного метода (анкетирование, интервью, наблюдение, анализ документов, эксперимент, анализ статистики или теоретический анализ) не раскрывает специфики конкретной науки. Научные методы универсальны, и ни у одной науки, как уже говорилось, нет монополии на эти методы. А вот то, что узнали ученые при помощи этих методов, их интерпретация показаний приборов, полученных данных, иными словами, то, каким ученые увидели объект, измеренный или описанный при помощи выбранного метода, характеризует: а) предмет исследования; б) специфику науки.

Предмет науки – это модель изучаемого объекта, созданная научным мышлением, детерминируемая, с одной стороны, объектом науки, с другой – условиями исследования: научными и практическими целями, научными знаниями и методами. Он отражает специфику соответствующей науки.

Социология изучает не какую-то одну сторону или сферу общества, а все общество. Следовательно, построив модель этого общества, использовав для описания всю мощь понятийного аппарата социологии, мы получим предмет этой науки. Сюда войдут социальные группы и социальные институты, ценностные ориентации и социальные практики, социальные отношения, статусы, роли и т.д. Выстроив из них логическое целое, которое наглядно и убедительно представит человеческое общество, мы получим предмет социологии.

Предмет социологии – это совокупность основных понятий и проблем, при помощи которых описывается социальная реальность, которые являются темой бесчисленных эмпирических исследований. С помощью понятий мы описываем социальную реальность, а пробле-

мы указывают на темы эмпирических исследований.

Предмет одного исследования – это группа близких по теме объектов, скажем, все множество разведенных супругов, попавших под банкротство предприятий, передовиков производства или экономических преступников.

В отличие от него предмет науки намного шире – он включает все исследования, все тематические области, которые раньше и сейчас изучаются социологами, психологами или экономистами. В каждой науке ежегодно проводятся тысячи исследований, и все их данные охватываются предметом конкретной науки. Вот почему предмет любой науки столь изменчив и мобилен.

Предмет науки описывает понятийный и категориальный аппарат, который применяется в этой науке, который используется ее специалистами для выбора объекта исследования, а затем для интерпретации полученных результатов. Но в одном социологическом исследовании ученый использует 10–15 понятий, а в социологической науке их существуют многие сотни.

Уровни и типы определения предмета социологии

Представляется целесообразным различать два типа определения предмета социологии – экстенсивный и интенсивный. Экстенсивное (от лат. extensivus – расширяющий, удлиняющий) надо понимать как расширительный, связанный с увеличением, сбором и распространением фактов, а интенсивный (фр. intensif, лат. intensio – напряжение, усиление) – напротив, как углубленный, появляющийся за счет внутренней организации теоретического знания.

Под экстенсивным определением предмета социологии понимается совокупность всех тем социологических исследований, которые в данный исторический момент предпринимаются научным сообществом, т. е. это тематическое (проблемное) поле социологии, совокупность всех исследований: эмпирических, теоретических и прикладных.

Экстенсивное определение важно по нескольким причинам. Установив весь круг проводимых в стране эмпирических исследований, методолог может определить, насколько актуальны и популярны те или иные темы, насколько полно охватывается социальная реальность эмпирическими исследованиями, не осталось ли в науке белых пятен и где именно.

Например, в годы застоя не было проведено ни одного исследования диссидентов, заключённых, наркоманов, проституток, воров и мошенников, взяточников и т. д., т. е. отсутствовала социология девиантного поведения. Ни одного эмпирического исследования не было проведено по проблемам бедности. Создавалось впечатление, что в СССР нет ни проституток, ни диссидентов, ни бедных. По идеологическим соображениям (т.е. вненаучным факторам) кругозор социологии в то время был искусственно ограничен. Социологические исследования охватывали лишь часть реальности. Та же тенденция сохранялась во времена горбачевской «перестройки», когда в стране происходили исторические события – социологи вновь ограничились узким сегментом, хотя причиной этого были не столько идеологические, сколько финансовые и внутринаучные факторы, главным образом научная инерция, сила сложившейся традиции скользить по поверхности. Социологи изучали то, к чему были готовы, с помощью того понятийного аппарата, который был наработан в советское время и который был приспособлен (насколько хорошо – это вопрос другой) именно к тому обществу и к тем условиям. Попытка описать новые явления с помощью старого концептуального аппарата не принесла ощутимых результатов.

Как уже говорилось выше, составляя перечень тем эмпирических исследований в стране, мы решаем множество важных методологических вопросов: насколько адекватно и полно социологическая наука отражает социальную реальность, какова глубина такого отражения, какие темы остались неисследованными. К примеру, составив список эмпирических исследований на середину 1990-х гг., а затем сгруппировав их в крупные блоки, мы обнаружили, что 20 исследований посвящено теме социальной адаптации, 40 – социальной стратификации, 60 – теме формирования новых классов**. Подобную процедуру можно назвать выявлением тематического поля социологии, которое дает нам экстенсивное определение предмета данной науки. Это определение предмета на эмпирическом – самом низком – уровне.

Можно «подняться этажом выше» и суммировать все множество частных теоретических понятий, используемых в данной науке, получив концептуальное (понятийное) определение предмета социологии. Предметом социологии

в таком случае является совокупность всех теоретических понятий, при помощи которых наука описывает реальные факты, объясняет и практически решает социальные проблемы.

Среди основных понятий социологии выделяют понятие общества и личности, социального пространства и времени, социальной структуры и стратификации, социальных институтов, статусов и ролей, социального контроля, социализации и др. Совокупность таких категорий и понятий, так же, как и тематика эмпирических исследований, сгруппированных в крупные блоки (разделы социологии), составляет концептуальное определение предмета социологии. В том и другом случае – при экстенсивном и концептуальном определениях предмета – элементы (темы исследований и категории) подчинены определенной логике и как-то связаны между собой. Природа такой связи методологией до конца еще не изучена, но очевидно, что логическая связь категорий и понятий та же, что в научной картине мира и, возможно, в общей социологической теории.

Кроме концептуального уровня к интенсивному типу определения предмета относится еще один уровень – категориальный. Этот самый общий уровень определяется одним или несколькими предложениями. Когда спрашивают, что такое социология, то коротко отвечают: это наука об обществе (поведении больших социальных групп, социальных институтах, социальных отношениях и т.д.). Самое краткое и самое общее определение может заканчиваться данной фразой, но может дополнительно содержать некоторую расшифровку, к примеру: социология – это наука об обществе, изучающая его строение и динамику, взаимодействие социальных групп и классов, закономерности развития общества, становление и функционирование социальных институтов.

Таким образом, мы выяснили, что определение предмета социологии как науки (не путать с предметом социологического исследования) предусматривает три уровня – эмпирический, концептуальный и категориальный. Первый связан с экстенсивным, а два других – с интенсивным типом определения предмета. При экстенсивном определении перечисляются все темы эмпирических, теоретических (например, по истории социологии) и прикладных исследований; при интенсивном определении, которое разворачивается на двух уровнях – концептуальном (понятийном) и категориальном, –

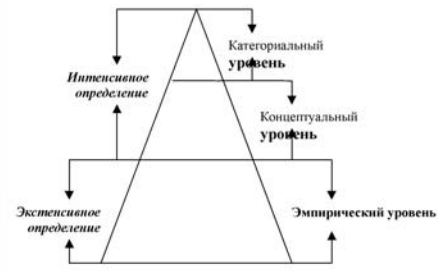


Рис. 1. Уровни и типы определения предмета социологии

даются спецификации аналитической мощи социологии. На концептуальном уровне составляется список всех понятий и категорий, при помощи которых социология способна описывать и анализировать объективную реальность. Рассматривая такой список, методолог может выявить, как и в случае эмпирической тематики, серьезные пробелы в функционировании теоретического знания социологии, нехватку понятий и абстрактных конструктов, их дублирование, противоречивость и т.д. Наконец, на самом верхнем и самом общем уровне никаких списков не составляется. Социология определяется одной-тремя фразами (рис. 1).

Подобное иерархическое определение предмета можно обнаружить в любой из существующих наук – методолог должен провести лишь соответствующую работу. Каждый уровень необходим и выполняет свою полезную функцию. Давая характеристику социологии, можно ограничиться общей фразой, перечислением основных понятий либо конкретно определить эмпирическую тематику. Двигаясь от общего к частному и конкретному уровням, мы подробно раскрываем особенности своей науки и даем ей исчерпывающую характеристику.

Итак, предмет социологии определяется на трех уровнях обобщения: всеобщем, частном и единичном.

· на всеобщем уровне социология – это наука об обществе;

· на частном уровне социология – это наука о поведении людей как представителей больших социальных групп и функционировании социальных институтов. Когда мы начинаем расшифровывать, что такое большие социальные группы и институты, то обязательно всплывают

все другие фундаментальные категории социологии: статусы и роли, социальные структуры, социальная стратификация и др. Таким образом, на частном уровне мы выявляем предмет социологии как взаимосвязанную систему основных понятий;

· на единичном уровне мы получаем очень широкое определение социологии как совокупности всех тем эмпирических исследований. При помощи этого тематического перечня проводимых исследований мы определяем, насколько полно описана социальная реальность, на что направлен исследовательский интерес ученых, какова плотность достигнутых результатов.

На самом общем уровне, когда мы определяем предмет социологии, возникает проблема разграничения предметных областей соседних наук. Чтобы уточнить предмет социологии, мы конкретизируем общее положение. Тогда у нас получается следующая формулировка: социология в целом (т.е. общая социология) – это наука, изучающая отношения между группами людей, занимающих различное положение в обществе, принимающих неодинаковое участие в экономической, социальной и политической жизни, различающихся не только уровнем, но и источником своих доходов, структурой потребления, образом, качеством и стилем жизни, а также структурой ценностных ориентаций, мотивами и типом поведения.

Социологи редко задумываются над тем, изучают ли они проблемы, строго относящиеся к социологии знания или социологии образования, или же выходят на смежные области, скажем, социальную или индустриальную психологию. Они исследуют объективную реальность, предоставляя возможность другим решать, куда относить полученные результаты.

Так поступают и отечественные, и зарубежные социологи. Чаще всего они считают свои исследования комплексными, смело комбинируя методы экономики, психологии и социологии. Тем не менее существуют определенные различия между научными традициями и странами. В СССР более отчетлива склонность расставлять все точки над «и», когда дело касается предмета социологии. Вспомним, сколь острыми были дискуссии по предмету марксистской социологии в 1920-е, 1960-е, 1970-е и, наконец, в 1980-е гг. Иногда они заходили в тупик, однако на новом историческом витке возобновлялись с такой силой, будто вопрос шел по крайней мере о том, быть ли вообще социологии или нет.

В действительности вопрос стоял именно так. В 1930-е и 1950-е гг. социологию считали буржуазной наукой, которой не находилось места в марксистском обществоведении. Поэтому вопрос о предмете социологии означал вопрос о существовании социологии в принципе. Идеологическое давление привело к тому, что чисто научная проблема приобрела политическую окраску.

В США ничего подобного не происходило. Научные вопросы решались в рамках самой науки. А наука понималась как непрерывно текущая работа, в которой постоянно возникает нечто новое; старое пересматривается, а окончательную истину получить невозможно. Вопрос о том, что понимать под социологией в целом или социологией труда в частности, редко дискутировался с той остротой, которая всегда была присуща отечественной социологии. Под социологией каждый волен был понимать то, что он считает нужным. Вот характерный пример.

Американские исследователи Т. Бредшоу и Ш. Макферрод изучили программы курсов социологии в 682 отделениях колледжей и университетов и выявили серьезные разночтения в определении предмета социологии, ее места среди других социальных наук5 . Так, в 62% случаев социологию определяли как самостоятельную дисциплину, но при этом оговаривалось, что она изучает те же вопросы, что и другие социальные науки. Итак, первое определение: социология – самостоятельная наука, которая не имеет своего собственного предмета. Видимо, самостоятельность как статусная характеристика не всегда совпадает со специфичностью предмета исследования.

В 46% случаев социологию понимали и как самостоятельную, и как специфическую науку. У нее свой круг проблем, лишь отчасти пересекающийся с предметом других дисциплин. На наш взгляд, второе определение наиболее адекватно отражает объективное положение дел. Это гибкая формулировка, учитывающая быстро меняющуюся историческую реальность.

Интересным представляется третье определение, которое набрало 31% голосов: социология по своему содержанию четко отличается от других социальных наук. Ее можно определить как узкопрофессиональную, свойственную скорее академическим, а не прикладным социологам. Наконец, 10% мнений сводилось к тому, что социоло-

гия не отличается от других наук и незачем проводить здесь жесткие границы. Эта четвертая позиция устраивает ученых, которые знакомы с несколькими дисциплинами и не видят между ними различий. Им все равно, что преподавать, лишь бы это относилось к социальной проблематике. Вряд ли они когда-либо задумывались о серьезности своих методологических устремлений.

Итак, в американских колледжах и университетах не существует единодушия в вопросе о предмете социологии. Разброс мнений очень широк – от признания социологии «королевой социальных наук» до полного игнорирования ее самостоятельности, а точнее, до сведйния ее предмета к самым общим проблемам социальной организации. Интересно, что расплывчатость в определении границ социологии порождает тенденцию роста числа междисциплинарных курсов на социологических факультетах: лишь 16% обследованных отделений устояли перед модным увлечением.

Попытка провести жесткие междисциплинарные границы на Западе не пользуется популярностью. Чисто академических социологических журналов в США всего два – «American Sociological Review» и «Journal of American Sociology», остальные (их около 50) – главным образом междисциплинарные, которые также причисляются к социологическим.

Отсутствие в американской социологии общей теории наподобие исторического материализма обычно оценивается как негативный факт. Конкурирующих теорий в США достаточно, однако это не приводит к хаосу и не снижает качества социальных исследований. У методологического плюрализма, точно так же, как у методологического монизма, исповедуемого нами, имеются свои достоинства и недостатки. И это еще одно социокультурное различие между двумя типами социологий, имеющее исторические причины и по-разному влияющее на определение предметной области науки.

Расплывчатость в определении предмета социологии тесно корреспондирует с размытостью границ между социологическими дисциплинами, изучающими трудовую деятельность. Так, в 31,5% американских колледжей и университетов преподается социология труда, в 20,3% – индустриальная социология, в 37,8% – социология профессий[6]. Чем они различаются? Не дублируют ли они друг друга? На подобные вопросы до сих пор нет ответа.

По мнению одних американских историков, предмет индустриальной социологии – вопросы бюрократической организации, поведение и мотивация рабочих, изучение социотехнических систем, принципы неформальной и формальной структур, исследование деятельности профсоюзов и коллективных договоров, а также трудовые отношения[7]. Другие относят поведение и мотивацию, формальные и неформальные структуры к индустриальной психологии либо к организационной социологии. В одном случае Макса Вебера считают представителем индустриальной психологии и индустриально-организационной социологии[8], а в другом – основателем экономической социологии[9]. Совершенно очевидно, что между этими дисциплинами существуют немалые различия, хотя они и не демонстрируются явным образом..

Для наведения порядка в море бесконечных определений социологии, их необходимо выстроить в иерархическом порядке и систематизировать, как это было сделано ранее. В результате мы выяснили, что предмет социологии нужно рассматривать на трех уровнях:

· всеобщем (наука об обществе стоит в ряду фундаментальных наук вообще: физика, биология, психология, экономика и т.д.);

· частном (социология воспринимается как наука о поведении людей, как представителей больших социальных групп и функционирующих социальных институтов);

· единичном (совокупность всех тем эмпирических исследований).

Подведем итоги. Предмет – совокупность понятий, при помощи которых данная наука описывает объективную реальность. Физики, изображая материальный мир, употребляют понятия гравитации, электрического взаимодействия, капиллярности, энергии и множество других терминов, которые вы усвоили из школьного курса. Они описывают предмет физики. Предметом социологии является совокупность основных теоретических понятий, при помощи которых ученый описывает реальные факты, объясняет и практически решает социальные проблемы.

Исторический интерес и предмет социологии

Понятие исторического интереса ввел в научный оборот в конце XIX в. Макс Вебер. Здесь хочется подчеркнуть деталь, на которую не все-

гда обращают внимание исследователи, преподаватели, и, тем более, студенты, только начинающие постигать азы большой науки.

Понятие исторического интереса понадобилось Веберу для решения очень сложной и запутанной задачи: как отделить субъективный интерес ученого, то и дело вторгающегося в его размышления, модели, интерпретацию эмпирических данных, от чего-то более важного и возвышенного, которое Вебер назвал общечеловеческими ценностями; они могут немного видоизменяться в зависимости от исторической эпохи или конкретного народа, но в основном остаются одними и теми же – это добро и зло, истина и ложь и т.п. Совершенно очевидно, что социолог не может считаться ученым, преследуя ложь, а не истину, желая принести своими построениями вред, а не пользу.

Правда, на таком абстрактном уровне теряются многие важные детали. К примеру, большевики, задумав крупномасштабный социальный эксперимент в 1917 г., переведя стрелку с капитализма в сторону социализма, вовсе не преследовали цель принести вред. Напротив, они желали установить на земле высшие ценности: равенство, справедливость, братство. Но вот их партийные последователи в 1960–80-е гг. уже фальсифицировали статистику, заставляли социологов скрывать негативные факты о социализме, стремясь доказать всему миру, что социализм на практике есть то самое общество братства и справедливости, которое в теории провозгласили Маркс и Энгельс. Еще дальше идут их последователи, современные коммунисты, которые, по мнению демократов, искажают электоральные опросы населения, утверждая, что их поддерживает не 30, а 70%. Здесь уже нет объективных ценностей, которыми можно было бы аргументировать свои суждения. Но есть оценочные утверждения, стремление смотреть на мир лишь с одной, узкопартийной точки зрения. Вот против такой узости и выступал в свое время Вебер: он требовал, не подменять исторический интерес эпохи партийной позицией.

В чем именно выражается злополучный интерес эпохи, не знает никто, хотя предложений от разных школ, партий, группировок немыслимо много. Как правило, все они сходятся в том, что исторический интерес эпохи отражает самое острое, насущное, необходимое, в чем нуждается в данный момент или на данном этапе своего развития конкретное общество. Когда-то Русь нуждалась в объединении своих сил и территорий, поэтому был брошен клич об объединении русских земель. Позже главный интерес эпохи выражался в защите отечества, веры и царя. Через какое-то время исторический интерес России резко изменился, и всю вторую половину XX в. она мыслит только одной категорией – быть сверхдержавой. В начале XXI в. она растеряла былую экономическую и военную мощь, с ней уже никто не считался, как прежде, ее не ставили в один ряд с державами, хотя по-прежнему уважали. Вскоре ситуация изменилась, и Россия стала равноправным партнером восьми ведущих индустриальных держав. Старые ценности были утрачены, а новые не появились. Видимо, поэтому так широко обсуждалась в СМИ проблема: в чем заключается русская национальная идея? Считалось, что ответ на этот вопрос определит ориентиры будущего движения нашего общества.

Нечто подобное произошло и с социологией. На каждом историческом этапе и даже в каждой крупной социологической державе – США, Франции, Англии, Германии, Италии и России – возникал вопрос: на что сейчас в первую очередь ориентировать усилия социологов? Чем они могут помочь своему обществу, в решении каких задач? Ответ на этот вопрос определяет исторический интерес социологии и ее общественную миссию.

Приведем пример. На заседании 34-го Всемирного Конгресса Международного Института Социологии (МИС) в 1999 г. два ученых – Ульрих Бек и Хартмут Эссер – заявили, что основной предмет социологии сегодня – социальный порядок; при этом из поля зрения выпадают социальные институты. Другие участники утверждали, что предметом социологии являются процессы глобализации, охватившие сегодня весь мир, а потому все силы социологии надо бросить на их изучение. Некоторые ученые заняли более экстравагантные позиции, хотя и не лишенные своей логики. Скажем, известный российский социолог, главный редактор журнала «Социс» Ж.Т. Тощенко считает, что пора расстаться с прежними иллюзиями, нацеливая социологию на какие-то структуры, институты, механизмы. Ее основным, если не единственным, предметом является общественное настроение и массовое сознание. И он по-своему прав, ибо больше всего пострадали от ель-

цинских реформ даже не наши кошельки, а наши духовные ценности. Мы стали равнодушными к чужому горю, проходим мимо бездомных детей, искалеченных войной солдат, отворачиваемся от испытаний и трудностей. Деформируются духовные ценности, испытывает глубочайший культурный шок вся структура общественного сознания, постоянно будоражится, скачет, точнее, галлопирует, социальное настроение широких масс, о чем свидетельствуют данные социологических мониторингов.

Возможно, именно в этом направлении надо сосредоточить усилия отечественных социологов. Может быть, именно здесь скрыт исторический интерес социологии, а значит и ее предмет на сегодняшний день. Во всяком случае ясно одно: социология не может не откликаться на беды и трагедии своего общества, она постоянно отслеживает его состояние, меняя центр и направление научного удара. Правильный ориентир ей подсказывает исторический интерес эпохи. Для России он сосредоточен... но вот в чем именно он сосредоточен, никто точно не знает, а потому вариантов очень много. Как много самых разных определений предмета социологии.

Подобное отступление нам понадобилось для того, чтобы продемонстрировать: предмет социологии не есть гранитная глыба. Понимать его можно совершенно по-разному, и в этом вы убедитесь, читая всевозможные учебники и монографии. Не падайте в обморок от изобилия разных позиций ученых, несходства, а порой и противоречивости их взглядов.

Предмет социологии можно понимать как модель объективной реальности (в нашем случае это все общество), выраженную при помощи доступных этой науке понятий, иными словами – как стройную систему социологических категорий, описывающих общество. Загляните в учебник по физике – и вы прочтете то же самое, но только уже об этой науке.

Вместе с тем предмет социологии – это линия главного удара, приоритетные темы, на которые сегодня в основном нацелено большинство социологов. Социальные институты никогда не уйдут из лексикона профессиональной социологии. Это ее константа, некая универсалия на все времена. Но сегодня или завтра изучение социальных институтов может стать менее актуальным, чем изучение глобализации или социального порядка. Смена исторических приоритетов меняет только направление внимания ученых, но не структуру их науки. То и другое включается в понятие предмета социологии.

Наша наука не может быть ни надысторической, ни наднациональной. Американцы уже почти полвека решают над проблему расовых отношений, множество учебников и монографий посвящены этой теме. Это направление главного удара для американской социологии. Для России подобные увлечения кажутся посторонним делом. Кто-нибудь из российских социологов когда-нибудь проводил эмпирические исследования о расовых отношениях в родном отечестве? Куда важнее для нас проблемы теневой экономики, коррупции, пьянства, преступности – об этом пишут и это изучают большинство отечественных социологов. А американцы, возможно, над нами посмеиваются: у них-то эти проблемы давно решены. Причем здесь социальный порядок? Да еще в повестке мирового конгресса? Да еще в качестве нового предмета социологии? И уж такого ли нового, если вспомнить, что О. Конт начинал свою социологию в начале XIX в. именно с проблемы социального порядка? Может быть, социология обречена вращаться, двигаясь по замкнутому кругу?

Но нет, вдумаемся, каким содержанием в связи с разгулом терроризма и взрывами небоскребов в США 11 сентября 2001 г. наполняется это старое понятие «социальный порядок». Социальный порядок в мировом масштабе, глобализация и информационный взрыв – не такие уж тривиальные вопросы для мировой науки и в первую очередь для социологии. Это нынешний исторический интерес эпохи, ее главная духовная ценность, направление генерального удара.

Итак, существует предмет социологии и существуют различные взгляды на него, как и различные уровни его понимания. Для вас важнее не стать сторонником какого-либо взгляда, а понять, отчего они возникают и в чем заключаются, т. е. постигнуть самую суть вопроса о предмете социологии.

А теперь поговорим об универсалиях социологии – фундаментальных категориях, составляющих центральное ядро знания в этой науке.

Основные категории социологии

Среди основных понятий социологии следует выделить два главных – это статус и роль. Необходимость выделения этих так называемых «первокирпичиков» науки диктуется не иссле-

довательскими, а скорее педагогическими задачами. Методологи признают, что контекст научного открытия знания и контекст его научного обоснования (он же – контекст изложения научного знания) могут существенно различаться. Когда от первого мы переходим ко второму, то стихийная лабораторная работа систематизируется, пробные варианты и всевозможные ошибки отбрасываются, теоретическое знание принимает строго логический и последовательный вид. В такой форме его легче передать студентам, не искушенным в тонкостях профессиональной социологии.

Когда К. Маркс в середине XIX в. закончил многотрудную работу по сбору эмпирического материала, проработке теоретических источников и статистического материала, записав его в черновые тетради (кстати, изданные самостоятельными томами в его и Ф. Энгельса собрании сочинений), он приступил к систематизации накопленных знаний, а готовый результат изложил во всемирно известном «Капитале». Именно здесь, возможно, больше в педагогических целях, он выделил исходную клеточку – товар, – из которой впоследствии логически развернул сложнейшую систему категорий политэкономии. Прием оказался весьма удачным, благодаря чему уже долгое время его учение покоряет не только читателей, но и профессиональных ученых.

Если попытаться использовать прием Маркса в социологии и здесь выделить исходную клеточку для развертывания категориального аппарата этой науки, то лучшего кандидата, чем понятие «статус», мы, пожалуй, не найдем. Иные претенденты, к примеру «личность» или «индивид», не подходят по ряду причин. Во-первых, «индивид» не является термином социальной науки – им пользуются и в естествознании. Точно так же и «личность» не является специфически социологическим понятием – его с успехом используют педагоги, философы, психологи и др. Во-вторых, «личность» – слишком сложное и многомерное понятие, чтобы служить началом, а не концом теоретического изложения.

Иное дело – понятие статуса. Статусом называется позиция (положение) человека в группе или обществе. Он дает статичное изображение предмета социологии, в то время как парное ему понятие роли раскрывает динамический аспект социальной реальности, поведение и взаимодействие тех, кто занимает то или иное положение в обществе. Быть лидером или аутсайдером в малой группе, например в компании друзей, означает иметь неформальный, или личный, статус. Быть инженером, мужчиной, мужем, русским, православным, республиканцем, бизнесменом – значит иметь формальный, или социальный, статус, т. е. занимать определенное место в системе общественного разделения труда. У одного человека может быть множество статусов. Одни статусы принадлежат ему от рождения, например национальность, другие приобретаются в ходе социализации (обучения социальным нормам и ролям), скажем, статус президента страны или члена республиканской партии.

Статус предписывает индивиду определенные роли, а те предполагают совокупность прав и обязанностей, которые по традиции общество закрепляет за данной позицией. Учитель обязан передавать знания ученикам, оценивать их успехи, следить за дисциплиной, т.е. выполнять различные роли. Права и обязанности определены социальными нормами. Или, скажем, статус «отца» включает в себя несколько ролей: воспитатель детей, человек, обеспечивающий материальное благополучие семьи, и др. У каждой роли – свой круг прав и обязанностей, которые определены либо законом, либо обычаем. Роль воспитателя из статуса «отец» предполагает, что мужчина несет обязанность перед обществом воспитать детей в духе законопослушания, уважения традиций и обычаев своего народа. Такова обязанность именно отца, а не матери.

Точно так же можно разложить на составляющие элементы другой статус – статус мужа. У него иной набор ролей: сексуальный партнер, социальный партнер, организатор семейного быта и досуга, специалист по ремонту домашней утвари и квартиры и т.п. У каждой роли опять же свой круг прав и обязанностей, которые определены соответствующими нормами поведения. Все сказанное касается каждого социального статуса. Нормы определяют каждую отдельную роль либо их совокупность в целом, т.е. статус.

Итак, статус – это ниша или место в социальной структуре общества (группы). Статус включает несколько ролей, причем каждой роли соответствует свой круг прав и обязанностей, которые определяются социальными нормами. Иначе говоря, статус указывает на место, а роль – на способ поведения индивида (группы).

Роль – это модель поведения в соответствии с правами и обязанностями, закреплен-

ными за данным статусом соответствующими социальными нормами. Иногда роль называют динамической характеристикой статуса.

Вообразим себе такую фантастическую ситуацию: все существующие в обществе статусы (а их десятки тысяч) опустели наподобие ячеек улья, из которых выкачали мед. Вот эта воображаемая совокупность пустых, т.е. незаполненных людьми, статусов образует социальную структуру общества.

Она напоминает пчелиные соты, состоящие из взаимосвязанных, но пустых ячеек-статусов. Однако в отличие от сот это разновеликие ячейки, причем отличающиеся друг от друга многими характеристиками. Если заполнить каждую ячейку людьми, наше воображение нарисует большие социальные группы людей. Их совокупность дает социальный состав населения, который изучает статистика.

В примитивном обществе мало статусов: вождь, шаман, мужчина, женщина, муж, жена, сын, дочь, охотник, собиратель, ребенок, взрослый, старик – их можно пересчитать по пальцам. А в современном обществе только одних профессиональных статусов около 40 тыс.; статусов семейно-брачно-родственных отношений более 200 (деверь, невестка, кузина и т.д.); многие сотни статусов в политических, религиозных, экономических объединениях. На нашей планете 3 тыс. языков, за каждым из них стоит этническая общность – нация, народ, народность, племя. И это тоже статусы. Они входят в демографическую систему, как и половозрастные статусы.

Социальную структуру мы уподобили пчелиным сотам в улье, где множество ячеек плотно подогнаны друг к другу. Социальные соты тоже скреплены, но совершенно особым образом – социальными функциями. Что такое социальная функция? Рассмотрим это на примере всем знакомых функций учителя: передавать свои знания, оценивать успехи, следить за дисциплиной. Но эти функции учителя относительны, поскольку статус учителя относителен статуса ученика, но не статуса работника гороно, родителя, офицера, русского и т.д. Относительность означает функциональную взаимосвязь статусов. Поэтому социальная структура – это не просто совокупность статусов, а их функциональная взаимосвязь. Слово «относительность» связано не только с функциями, но и с отношениями. Выполняя свои обязанности, учитель вступает в определенные отношения с учеником, а тот – с учителем, родителями, полицейским, ровесниками, продавцом, таксистом и т.д.

Мы можем смело утверждать, что социальные статусы связаны социальными отношениями, тогда как личные статусы – межличностными отношениями. Общество опутано сетями социальных и межличностных отношений.

Для социологии важны не личные отношения людей, а нечто более фундаментальное – социальные отношения. Начальник цеха может лично относиться к рабочему с большой симпатией, однако если рабочий плохо справляется со своей профессиональной ролью, т. е. не соответствует статусу, а начальник из личных соображений попустительствует ему, то он рискует своей служебной карьерой, рискует потерять свой статус начальника цеха. Дело в том, что начальник и подчиненный – социальные роли.

Итак, статусы связаны между собой социальными функциями, которые проявляются через социальные отношения. Функции и отношения, наподобие цемента и песка, создают прочный раствор, скрепляющий социальную структуру.

Индивиды, выполняющие социальные роли, вступают между собой в социальное взаимодействие. Это регулярный, повторяющийся процесс.

Только регулярно повторяющиеся социальные взаимодействия кристаллизуются в социальные отношения. И снова – динамика и статика. Если человек лишь однажды научил чему-либо подростков, то какой же он учитель? Учитель – это постоянная функция (т.е. социальная позиция в обществе), как обучение – регулярное взаимодействие. Только тогда оно становится социальным. Взаимодействие, действие, поведение, роль – все это очень близкие, даже родственные понятия. И мы об этом будем еще говорить.

Анализировать социальную роль, не рассматривая, что такое человеческая личность, занятие праздное. Всю жизнь мы учимся правильно исполнять социальные роли, следовать предписанным нормам и обязанностям. Этот трудный, продолжающийся всю жизнь процесс обучения называют социализацией. Ее результат – социально зрелая личность. А какая же личность без культуры? Культура – совокупность традиций, обычаев, социальных норм, правил, регулирующих поведение тех, кто жи-

вет сейчас, и передаваемых тем, кто будет жить завтра.

Преемственность культуры достигается через социализацию. А надзирает за тем, правильно или неправильно проходит социализация, особый механизм, или, как говорили в старину, учреждение. Оно называется социальным контролем. Он пронизывает все общество, принимает множество форм и обличий (общественное мнение, цензура, сыск и т.п.), но состоит всего из двух элементов – социальных норм (предписаний, что должно делать) и санкций (вознаграждений и наказаний, стимулирующих соблюдение предписаний).

Социальный контроль многолик: вас контролируют родители, соседи, учителя, милиция, государство, администрация и еще множество других агентов социального контроля. Разновидность социального контроля – политический контроль: сыск, цензура, слежка, наружное наблюдение, телефонное прослушивание, которые на законных (реже незаконных) основаниях проводятся уполномоченными государством органами, например ФСБ. Субъектом политического контроля выступают три ветви власти в государстве – законодательная, исполнительная и судебная. К тем, кто отклоняется вправо или влево, применяются всевозможные санкции. Они разделяются на позитивные (вознаграждение) и негативные (наказание). Исправность механизма контроля – залог здоровья и стабильности общества. Когда отсутствуют законы и нормы, регулирующие социальные отношения, наступает аномия – беззаконие, отсутствие норм. Когда отдельный человек отклоняется от норм либо их нарушает, его поведение называют девиантным.

У каждого человека есть потребности, которые он обязан удовлетворить: физиологические, социальные, духовные. Важнейшие, или фундаментальные, потребности у всех одинаковы, а второстепенные различны. Первые универсальны, т.е. присущи всему населению, а стало быть, характеризуют общество в целом.

Учреждения, призванные удовлетворять фундаментальные потребности общества, называются социальными институтами. Институт – это приспособительное устройство общества, созданное для удовлетворения его важнейших потребностей и регулируемое сводом социальных норм, а социальные институты – исторически сложившиеся, устойчивые формы организации совместной деятельности, регулируемой нормами, традициями, обычаями и направленной на удовлетворение фундаментальных потребностей общества.

Семья, производство, религия, образование, государство – фундаментальные институты человеческого общества, возникшие в глубокой древности и существующие по сию пору. Самым древним институтом считается производство – ему около 2 млн лет. Именно тогда предок человека впервые взял в руки орудие труда. В зачаточной форме институт семьи появился у наших обезьяноподобных предков и постоянно совершенствовался на протяжении 500 тыс. лет. Человек и созданное им общество возникли 40 тыс. лет, армия и государство – 10 тыс. лет назад. Государство – универсальный политический институт, осуществляющий на определенной территории поддержание политического порядка и управление общественными процессами на основе использования легитимных форм принуждения. Приблизительно в то же время зародилось систематическое образование в школах, а собственность, вначале коллективная, а позже частная, возникла раньше семьи. Политическими институтами считаются, в частности, партии, парламент, президентство, адвокатура, суды, референдум и др.

Социальный институт – очень сложное, и, самое главное, реально существующее учреждение. Ведь социальную структуру мы получаем, абстрагируясь от чего-то. Да и статус можно представить только мысленно. Конечно, соединить в единое целое всех людей, все учреждения и организации, которые на протяжении веков связаны с одной функцией – семьей, религией, образованием, государством и производством, – и представить их как один из институтов, тоже непросто. И все же социальный институт реален. Во-первых, в каждый данный момент времени один институт представлен совокупностью людей и социальных организаций – например, совокупность школ, техникумов, вызов, различных курсов и т.п. плюс Министерство образования и весь его аппарат, научно-исследовательские институты, редакции журналов и газет, типографии и многое другое, что связано с педагогикой, составляют социальный институт образования. Во-вторых, основные, или общие, институты, в свою очередь, состоят из множества неосновных, или частных, институтов. Их называют социальными практиками. К примеру, в институт государства

входят институт президентства, институт парламентаризма, армия, суд, адвокатура, полиция, прокуратура, институт присяжных и т.д. Так же обстоит дело с религией (институты монашества, крещения, исповеди и т.д.), производством, семьей, образованием.

Совокупность социальных институтов называется социальной системой общества. Она связана не только с институтами, но и с социальными организациями, социальным взаимодействием, социальными ролями. Одним словом, с тем, что движется, работает, действует.

Итак: статусы, роли, социальный контроль существуют не сами по себе. Они формируются в процессе удовлетворения фундаментальных потребностей общества. Механизмами такого удовлетворения являются социальные институты, разделяющиеся на основные (их всего пять: семья, производство, государство, образование и религия) и неосновные (их гораздо больше), называемые еще социальными практиками.

Вот мы и получили целостную картину общества, описанную при помощи социологических понятий. Эта целостность имеет две стороны – статическую, описываемую структурой, и динамическую, описываемую системой. А исходные кирпичики здания – статус и роль. Они тоже двойственны. Для завершения картины не хватает, пожалуй, еще двух важных понятий – понятий социальной стратификации и социальной мобильности.

Каждый институт выполняет строго предписанную функцию: обучать, производить, защищать и т. д. Функция и роль тесно связаны. Судья, оценивающий наши поступки с точки зрения соблюдения закона,– это не только конкретный человек, но и социальная роль, у которой есть своя конкретная функция. Меняются люди, выполняющие ту или иную роль, но сама роль остается. Социальных ролей у одного человека несколько: он мужчина, человек зрелого возраста, спортсмен, депутат, муж, родитель, член профсоюза. Миллиарды людей побывали в роли мужа, десятки миллионов – в роли избирателя, сотни тысяч – в роли офицера. Меняются люди, но роли остаются. Сохраняются и социальные статусы.

Со временем исчезают одни социальные позиции и выражающие их социальные роли и появляются другие. Общество меняется, меняется и его структура. Например, исчезли с исторической карты России такие социальные роли, как извозчик, опричник, князь, появились новые роли – космонавт, тракторист, президент.

Совокупность людей, занимающих одну и ту же социальную позицию (ячейку общества) или выполняющих одну и ту же роль, называется социальной группой. Социальные группы могут быть большими, состоящими из сотен, тысяч и даже миллионов человек, или малыми (2–7 человек. Дружеская компания или семья относятся к малым группам. Большие социальные группы разделяются на половозрастные (старики, взрослые, дети, мужчины и женщины), национальные (русские, англичане, эвенки), профессиональные (трактористы, инженеры, преподаватели), экономические (акционеры, брокеры, рантье), религиозные (протестанты, мормоны, православные), политические (либералы, консерваторы, демократы).

Политические группы – всего лишь разновидность социальных, поскольку слово «социальное» часто используется в широком значении «общественное». Если социальные группы выделяются по возрасту, полу, профессии, имущественному положению, то политические – по принадлежности к определенным партиям, движениям и организациям, по политическим ориентациям, электоральной (избирательной) активности и др. Те и другие признаки в одном исследовании обязательно пересекаются, поэтому политологи, выясняющие, скажем, политический рейтинг того или иного кандидата на выборах, т.е. его значимость, политический вес среди других кандидатов, обязательно учитывают то, как активно голосуют женщины и мужчины, молодежь и пожилые. Здесь социальные и политические показатели тесно переплетены. Совокупность всех социальных (демографических, политических и экономических, религиозных, профессиональных и др.) групп образует социальный состав населения.

Общество можно рассматривать в двух плоскостях – горизонтальной и вертикальной. Когда все социальные статусы и роли связаны между собой функциями, а стало быть, правами и обязанностями по отношению друг к другу (учитель имеет определенные права и обязанности перед учеником, офицер – перед солдатом, и наоборот), они образуют ячейки социальной структуры, расположенные горизонтально. Ячейки пусты: одна ячейка – преподаватель, одна ячейка – мужчина и т. д. Но вот мы заполнили их: тысячи преподавателей, миллиарды мужчин. Получились

не ячейки, а социальные группы, слои, некоторые из них можно расположить вертикально: правители займут высшую позицию, дворянство расположится ниже, под ними – рабочие и крестьяне. У первых больше власти, у вторых – меньше. Различаются они также по доходам, богатству, уровню образования, престижу должности или профессии. Такого рода пирамида, построенная на неравенстве доступа к социальным благам, существует в каждом обществе. Расположенные друг над другом группы (в данном случае их именуют стратами) составляют социальную стратификацию общества.

Итак, социальная стратификация – совокупность больших социальных групп, расположенных иерархически по критерию социального неравенства и называемых стратами. Это иная версия социальной структуры. Статусы расположены не горизонтально, а вертикально. Только на вертикальной оси они могут соединяться в новые группы – страты, слои, классы, сословия, которые отличаются друг от друга по признаку неравенства. Бедные, зажиточные, богатые – общая модель стратификации. Чтобы от общего перейти к частному, разделим вертикальное пространство на четыре шкалы: шкалу доходов (в рублях, долларах), шкалу образования (лет обучения), шкалу власти (число подчиненных), шкалу профессионального престижа (в баллах экспертов). На этих шкалах легко найти место любого статуса и тем самым определить общее место в системе стратификации.

Переход из одной страты в другую, неравную (скажем, из бедных в богатые), либо в равную (скажем, из водителей в трактористы), описывается понятием «социальная мобильность», которая бывает вертикальной и горизонтальной, восходящей и нисходящей.

При помощи законов социологическая теория раскрывает динамику общества. В свою очередь динамика описывается через социальные процессы, которые мы определили как устойчивую связь сменяющих друг друга явлений. Одним из самых длительных социальных процессов, с которым сталкивается человек, является социализация – продолжающееся всю жизнь (с младенчества до старости) усвоение культурных норм и освоение социальных ролей.

Социальные процессы могут характеризовать: 1) развитие личности (формирование ценностных ориентаций, установок или мотивации поведения); 2) взаимодействие нескольких индивидов (например, общение); 3) внутри- и межгрупповое взаимодействие (адаптация, трудовое состязание, конфликты). К примеру, выборы, голосование, референдумы – все это разновидности политических процессов и одновременно политического поведения людей. Люди приходят на избирательные участки и выражают свою политическую волю (предпочтение той или иной партии). Но вместе с тем это важный политический процесс, существующий независимо от сознания и воли людей. Благодаря избирательной системе в демократическом государстве происходит обновление кадров (ротация), сменяются одни элиты на другие, закрепляются права и свободы граждан.

Под социальным явлением надо понимать отдельное, случайное проявление взаимодействия людей, а под социальным процессом – серию таких явлений, связанных между собой структурными или причинными (или иначе – функциональными) зависимостями. Именно функциональные зависимости переводят социальную систему (относительно жестко связанную совокупность элементов) из одного состояния в другое. Если такой переход означает прогрессивный сдвиг или изменение, т.е. происходит накопление положительных качеств, то мы вправе говорить о социальном развитии.

Важной категорией, связанной с динамикой общества, является социальное действие – это поведенческий акт (единица поведения), совершаемый социальным субъектом (представителем социальной группы) в данном месте и в данное время. Такова общая формула социального действия. Здесь есть субъект (представитель определенной социальной группы), есть его действие (что именно он делает), есть ориентация на других, мотивация, цель, выбор средств достижения цели.

В социологии, в отличие от психологии, субъектами социального действия выступают не только и не столько индивиды (если индивид признается субъектом действия, то лишь как представитель большой социальной группы), сколько социальные группы и общности (нация, семья, рабочая бригада, группа подростков, личность), а, к примеру, субъектами политического действия – граждан, политические партии, лоббистские группы, группы давления, политическая элита, государство, различные ветви власти и др., а на глобальном уровне – в мировом сообществе – национальные государства, междуна-

родные организации, например ООН, НАТО, межнациональные корпорации и т.д. Субъектов социального действия именуют еще акторами.

К предмету социологии относятся также социальные общности – объединения людей, которые возникают и формируются на основе своей культурно-исторической самобытности (народы и нации), родственных связей и сходства стадий жизненного цикла (семейные, поколенческие, половозрастные), места в общественном производстве (классы) или различаются по территориально-региональным и поселенческим признакам (городские и сельские общности).

Кроме них социология изучает другой тип общности – ситуативно возникшие массовые образования, члены которых сплочены только кратковременными совместными действиями либо относительно непродолжительной деятельностью (массовые движения и митинги, празднества и спортивные зрелища, аудитории слушателей и телезрителей).

Кратковременные действия могут перерасти в продолжительные и устойчивые связи. Возникают совсем иные общности – организованные. Они сплочены единством целенаправленной деятельности. Причем, цели могут быть не только трудовыми, но и спортивно-досуговыми (болельщики футбольных клубов), музыкально-досуговые (неформальные молодежные объединения типа «рокеров», «металлистов», «брейкеров»), социальные (альтернативные движения), политические (партии, народные фронты).

В иерархии социальных общностей – центральное положение занимают большие социальные группы (в точном смысле слова), а среди них – классы. Они различаются по месту, занимаемому в системе общественного производства, отношению к средствам производства (главный критерий социально-классовой структуры), роли в общественном разделении труда (здесь появляются профессиональные группы), способу и размерам получения доходов. К профессиональным группам относят так называемые отраслевые отряды работников промышленности и сельского хозяйства: шахтеров, водителей, инженеров и т.п.; к профессионально-территориальным группам следует причислить: а) временных, или иногородних рабочих и постоянные кадры предприятий (имеющие прописку в данном городе); б) иностранных рабочих (например, вьетнамские рабочие, привлекавшиеся на московские предприятия в 80-х-начале 90-х гг.); в) работников, занятых в нетрадиционных формах организации труда на Крайнем Севере (вахтовым и экспедиционно-вахтовым методами работы).

Наряду с социальными общностями, выполняющими позитивные функции, выделяют девиантные (отклоняющееся) и делинквентные (преступные) группы, выполняющие негативные функции: проститутки, наркоманы, алкоголики, члены мафиозных и организованных банд, тунеядцы, расхитители собственности и др. Все это достаточно большие (иногда десятки и сотни тысяч человек) социальные группы, отличающиеся устойчивыми чертами поведения, сходными условиями проживания и образом жизни.

Основные категории социологии можно задать списочно, т.е. указать их состав, дать определение и описать, как они логически связаны между собой. Именно этим приемом мы воспользовались. Однако существует еще один способ раскрытия предмета социологии – графический: социальную реальность – предмет изучения социологии (подобно тому как физическая реальность представляет предмет изучения физики) – наглядно изображают в виде социального пространства, имеющего двух-, трехили n-мерное измерение. Осями координат выступают фундаментальные категории социологии, которые связывают между собой более частные понятия. О втором методе, графическом, представления предмета социологии мы поговорим в следующем параграфе.

Социальное пространство и время

Добытые в эмпирическом исследовании факты ученый теоретически обобщает и строит логически непротиворечивую систему понятий. Если при описании объекта исследования главными героями у социолога выступали респонденты – живые люди, то при описании предмета (теоретической системы понятий) науки главные герои – понятия и категории, т. е. абстракции, существующие в идеализированном пространстве.

Теоретическое описание реальности средствами социологической науки начинается с анализа социального пространства.

Социальное пространство – место, где происходят описываемые социологом события, явления и процессы; совокупность точек на воображаемом континууме, имеющем заданное число осей измерения (координат), которые опи-

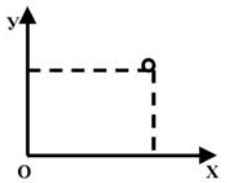


Рис.2. Физическое пространство можно изобразить на плоскости при помощи декартовой системы координат.

сывают структуру общества. Точки в социальном пространстве называются статусами. У каждой науки свое пространство.

В физическом пространстве, которое условно можно изобразить на плоскости при помощи декартовой системы координат, любое событие или вещь можно выразить абстрактной точкой, из которой на ось ОУ и ось ОХ можно опустить перпендикуляр (рис. 2).

Социальное пространство социологии можно также условно изобразить декартовой системой координат.

Над идеей о социальном пространстве размышляли Р. Декарт, Т. Гоббса, Лейбниц, Ф. Ратцель, Г. Зиммель Э. Дюркгейм, Р. Парк, Э. Богардус, Л. фон Визе, Е. Спекторский, П. Сорокин, Б. Верлен и др. Однако наиболее четкая формулировка принадлежит П. Сорокину, впервые высказавшему в книге «Социальная мобильность» (1927) идею о возможности и необходимости представлять все многообразие происходящих в обществе явлений помещенными в социальное пространство.

Сегодня идею социального пространства взяли на вооружение, кажется, все социологические школы, хотя каждая из них наполняет его своим содержанием. В конечном итоге современная социология договорилась до того, что весь социальный мир, наполненный людьми, живущими в различных обществах и эпохах, являет всего лишь определенный тип социальной топографии.

Сравним социальное пространство с физическим. Любая вещь в физическом пространстве, помещенном на плоскости, имеет ширину и длину. Они изображаются двумя осями – ОХ и ОУ.

Перемещение тела вдоль осей ОУ и ОХ ничего не меняет его физические качества: оно не уменьшается и не увеличивается, его состав и материальные качества остаются прежними. Подобный факт свидетельствует об однородности, или равноценности осей ОХ и ОУ.

А что происходит в социальном пространстве? Вначале определим, что должно быть изображено на двух осях социального пространства (пока речь идет о двухмерном пространстве). Если в качестве точки в нашем пространстве мы выбрали одну из фундаментальных категорий социологии – статус, то и вдоль его осей обязаны размещаться не менее важные понятия социологии – социальная стратификация, социальная структура, социальные институты, социальный состав населения. Все они получат отражение на нашем графике.

На исходной схеме двухмерного социального пространства (рис. 3) разместим пока две фундаментальные категории: социальную стратификацию (ОУ) и социальный состав населения (ОХ).

Социальная стратификация (OY) – это иерархическое, ранговое расположение социальных групп (сверху – вниз) по принципу неравного доступа к четырем основным благам:

· доход;
· власть;
· образование;
· престиж.

Социальный состав населения (ОХ) – это совокупность больших социальных групп (их иногда называют статистическими или социальными) распределенных по возрасту, полу, профессии, религии и т. д. Точка в социальном пространстве называется статусом – положением человека в группе или обществе. Совокупность всех статусов, существующих в данном обществе, создает социальное пространство.

Первое свойство социального пространства – в системе координат ось ОХ и ось ОУ неравны, т. е. люди, если их условно изобразить на горизонтальной оси, имеют между собой один тип социальных отношений, и те же люди, помещенные на вертикальной оси, строят между собой отношения совершенно другим способом.

Социальное пространство можно изображать как двухмерным, так и трехмерным (рис. 4). Третья ось OZ характеризует социальные институты, единицами деления на ней являются социальные организации.

Всех людей можно характеризовать как участников одного или нескольких социальных институтов, где они числятся служащими, пациентами, прихожанами, подсудимыми, покупателями и т.д. Иными словами, взрослые работают на производстве и заняты в какой-либо

организации, пенсионеры получают пенсию, дети учатся и т.п. Все население, но в разном качестве, участвует в деятельности одного из пяти фундаментальных институтов общества: в производстве, государстве, семье, образовании (плюс наука), религии. Но каждый институт (и об этом мы узнаем позже) состоит, в свою очередь, из организаций (предприятий, учреждений, банков и др.).

Таким образом, мы получили три разнокачественные и равномерные (каждая измеряется по-своему) оси координат: социальную стратификацию (OY), социальный состав населения (OX) и социальные институты (OZ).

Именно благодаря трехмерному пониманию социального пространства мы имеем возможность соединить воедино самые разные воззрения на социальную структуру и дать ее наиболее полное, исчерпывающее определение. Основные определения социальной структуры, существующие в зарубежной и отечественной литературе, можно свести к следующим:

· совокупность социальных групп, классов и слоев;

· совокупность социальных институтов и социальных организаций;

· совокупность функционально взаимосвязанных социальных статусов и ролей;

· совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, а также социальных институтов и отношений между ними.

Можно сделать вывод, что социальная структура – это «скелет» общества. Под структурой понимается совокупность функционально взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение объекта.

Социальная структура представляет собой одну из трех предметных областей – структура, организация, личность, – которые в совокупности образуют единое целое и формируют фундаментальное знание общей социологии. Социальная структура с ее многочисленными подструктурами (социо-профессиональной, социо-статусной, социо-региональной, социо-этнической) изображает статику общества, его «социальный скелет» (статику). Напротив, социальная организация показывает общественную жизнь в развитии, которое всегда происходит через возникновение и разрешение противоречий, столкновение интересов различных групп, борьбу исторически отживших, исчерпавших себя форм и новых, только нарождающихся. Речь идет о «социальной физиологии» общества, его исторической динамике.

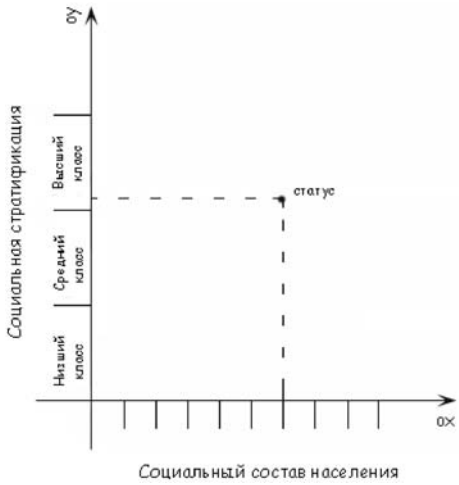


Рис. 3. Двухмерное социальное пространство

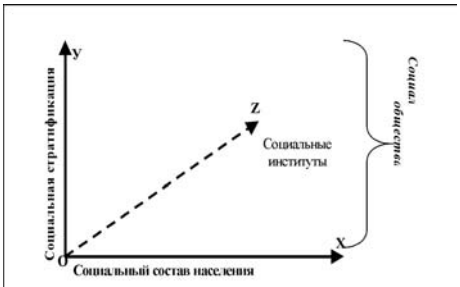


Рис. 4. Трехмерное изображение социального пространства. Социальная структура – результирующая трех осей координат.

На пересечении структуры и организации находится личность, которая рассматривается социологией не в индивидуально неповторимых терминах (это задача психологии), а в терминах социально-типических черт. Иными словами, в социологии личность – не столько частичка малой контактной группы, сколько типичный представитель большой социальной группы, носитель присущих этой группе норм, традиций, ценностей, интересов и отношений.

В социальную структуру общества входят не только классы, группы, но и институты. Разместить социальные институты на двух осях декартовой системы координат негде – обе они уже заполнены. Нельзя располагать институты на одной оси с социальным составом или социальной стратификацией. Социальные институ-

Рис. 5. Социальная структура — совокупность всех статусов, существующих в данный исторический момент в данном обществе.

ты – совершенно особенное явление. Они тесно связаны с понятием социальной нормы и социального статуса. Социальные статусы – организованные компоненты институтов[10].

Социальный институт представляет собой совокупность норм и учреждений, регулирующих определенную сферу общественных отношений. Его можно определить иначе: институтом называется совокупность ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенной социальной потребности.

Как видим, институт не то же самое, что социальный класс, например класс богатых, или социальная группа, скажем, все пенсионеры. Те и другие – совокупности людей. Социальный институт – механизм или совокупность учреждения. Но никак не механическая совокупность элементов. Стоит приглядеться к любому учреждению, или лучше – социальной организации, – как мы увидим четко налаженные контроль, планирование, учет, штат сотрудников, здания и оборудование, управленческую иерархию и многое другое, чего нет ни в классах, ни в демографических или профессиональных группах.

Совокупность больших социальных групп (заполненных статусов), как известно, образует социальный состав населения. Если большие социальные группы расположить по вертикали и выстроить их по степени неравенства, неодинакового дохода, власти, образования и престижа, то появится еще одно понятие – уже упоминавшаяся нами социальная стратификация. Таким образом, стратификация состоит из тех же статусов, но сгруппированных по иным критериям и расположенных по «полочкам» (стратам) сверху вниз. Образец стратификации – классовое расслоение общества.

Итак, сделаем вывод: «первокирпичики» предмета социологии и социальной структуры – статусы. Они дают статическую картину общества. Но это и не удивительно, ведь термин «структура» как раз и подразумевает ограниченное число элементов, жестко связанных между собой – наподобие кристаллической решетки (рис. 5).

В социальной структуре общества время от времени возникают всевозможные неполадки, которые на научном языке именуются противоречиями, рассогласованиями, дисфункциями. Как для отдельных людей, так и для общества в целом они могут иметь далеко идущие и необязательно позитивные последствия.

Ссылки:

1 См.: Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. – М., 1975. С.361; Латинско-русский словарь. – М., 1952. С. 459.

2 Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1977. С. 40.

3 Демичев В.А. Объект и предмет науки. // Философские науки. 1983. № 5. С. 129.. См. также: работы В.В. Бажана, В.С. Готта, Д.И. Дубровского, А.Ф. Зотова, П.С. Дышлевого, Ф.М. - Канака, В.Н. Костюка, В.С. Лукьянца, П.В. Попова, В.А. Смирнова.

4 Рабочая книга социолога. – М., 1976. М. С. 131.

** Со временем некоторые крупные тематические направления (социальная солидарность, социальная адаптация, бедность и неравенство, социальная стратификация) становятся самостоятельными отраслями социологии. По разным оценкам, в социологии насчитывается от 15 до 40 отраслей.

5 The American Sociologist. 1980. Vol. 15. No.1. P. 8–9.

6 The American Sociologist. 1980. Vol. 15. No. 3. P. 144.

7 Parker S.R., Brown R.K., Child, Smith M.A, The Sociology of Industry. L., 1969.

8 Organizatlone and Human Behavior: A Book Readings, New Jersey, 1967.

9 Braude L. Work and Workers. A Sociological Analysis. H.Y., 1975.

10 A workbook and reader in sociology /Ed. by Leon F. Bouvier. – Berkeley, California, 1968. P. 31.

Особенности проблем личностной беспомощности выпускников интернатных учреждений

Копейкина О.В.

Обсуждаются психологические проблемы личностной беспомощности выпускников интернатных учреждений в разных ситуациях выбора.
Ключевые слова: личностная беспомощность, социализация, выбор, акцентуации, самооценка.

The peculiarities of the problems of personal helplessness for graduates of boarding schools
Kopeykina O.V.
Moscow institute of psychoanalysis, department of the general psychology
Discusses psychological problems of personal helplessness care-leavers in different situations of choice.
Keywords: personal helplessness, socialization, selection, accentuation, self-esteem.

В настоящее время государственная политика предусматривает уменьшение количества детей-сирот и лиц из их числа путем передачи на различные формы семейного воспитания, которые являются наиболее приоритетными и способствующие активной интеграции этих детей в общество. При этом многие потенциальные родители очень слабо представляют себе психологию ребенка изъятого из неблагополучной семьи и длительное время воспитывающегося в учреждении интернатного типа. При этом существует определенная градация возрастного спроса на детей – до 10 лет.

Остальные живут в различных видах интернатных учреждений до достижения 18 лет.

Во всех учреждениях данного типа существуют различные программы социальной адаптации и ни одной программы по преодолению личностной беспомощности, так как данная проблема является основной у данной категории лиц [3; 11].

Дело в том, что находясь в стенах интерната воспитанник чувствует себя защищенным, он полностью уверен в завтрашнем дне до тех пор, пока не наступает время самостоятельного проживания и личного выбора и тогда человек попадает в сложную ситуацию и испытывает разные эмоциональные состояния [1; 21].

Программы адаптации охватывают различные стороны жизни: юридическая грамотность, моделирование решения различных бытовых проблем, решение проблем здоровья (физического, но не психологического) и др. В процессе самостоятельной жизни полученные знания находят минимальное применение в жизни или не применяются вовсе, и связано это с отсутствием готовности к самостоятельному выбору и отсутствием личностной компетенции.

Психологические проявления личностной беспомощности актуальны практически на всех этапах жизни [5, 31]. Некоторые выпускники испытывают трудности в устройстве быта даже после 23 лет.

Государственная поддержка заключается в том, что ребенок до совершеннолетия находится на полном гос.обеспечении, а после выхода из детского дома возвращается на закрепленное жилье, либо предоставляется отдельная кварти-

ра на условиях социального найма. В период обучения на очной форме предоставляется льгота на оплату коммунальных услуг, а в самом учреждении выплачивается дополнительная социальная стипендия. На базе детских домов формируются уполномоченные организации, которые на основании трехсторонних договоров курируют этих выпускников и оказывают преимущественно консультативную помощь в решении проблем. Чаще все выпускники, которые особо нуждаются в помощи, за ней не обращаются.

Все проблемы имеют единое начало – проявления личностной беспомощности, которые формируются в инернатном учреждении.

Основоположник выученной беспомощности М.Селигман подчеркивает, что есть категория людей, обладающих определенными свойствами личности, предрасполагающими к быстрому и частому возникновению состояния беспомощности, формирующееся в результате опыта, полученного в детстве или подростковом возрасте [4; 13].

Кроме того ряд исследований подтверждает, что существует определенная связь между личностной беспомощностью локусом контроля и самооценкой [2; 71].

Исследование среди детей-сирот и лиц из их числа показывают, что данная связь имеет следующую формулу: формирование самооценки-проявление личностной беспомощности-снижение контроля/самоконтроля-не способность/не желание успешной интеграции в общество.

Отсутствие личностной компетенции оправдывает в глазах выпускника не желание социализации, и как следствие формируется снижение требований к себе и снижение контроля к своим поступкам и действиям.

Самостоятельность, как антагонист беспомощности, у детей-сирот оценивается как ниже среднего. Многие выпускники не способны объяснить объективность своих действий, некоторые прикрывают личностную беспомощность состояние лени, поэтому такое понятие как субъективность у некоторых значительно снижено.

Согласно нашим исследованиям в состоянии личностной беспомощности находятся 90% выпускников интернатных учреждений, при этом только 3% выпускников являются высокомотивированными на положительную социализацию.

Имеют высокую социальную адаптацию 18% выпускников, среднюю – 54%, низкую – 28%.

При обследовании самооценки мы обнаружили явно завышенную самооценку у 76% обследуемых, при этом развиты такие черты личности как: комплекс превосходства, идеализированное представление о себе, игнорирование личных неудач и обвинения в неудачах других лиц, проявление явной агрессии и упрямства. Явно заниженная самооценка выявлена у 13% обследуемых с такими чертами личности как: тревожное состояние, педантичные акцентуации, чрезмерная осторожность и скрытность, потребность в постоянной поддержке. Адекватный уровень самооценки выявлен у 11% выпускников.

Иждивенческую позицию (явную или скрытую) занимают 38%, при этом из них 60% открыто обсуждают этот вопрос со сверстниками, а 30% выпускников готовы поступиться своими дружескими отношениями ради выгоды.

Проблемы с устройством быта испытывают 67%, а юридической грамотности 48%. При выборе полового партнера 58% выпускников обращают внимание на материальное положение и наличие семьи, при этом 26% из данной категории в предложенной ситуации выбора допускают мысль создания семьи с партнером из числа себе равных.

Половые отношения с первым партнером не продолжительные в 85% случаев, при этом большая часть таких отношения прекращаются в первые 3-4 месяца в 76% случаев.

Среди причин прекращения семейных отношений с первым партнером: асоциальный образ жизни партнера – 20%, разные представления о семье – 60%, не сошлись характером – 17%, другие причины – 3%.

Имеют семейный статус, в том числе длительное (более года) сожительство: от 18 до 20 лет - 55%, от 20 до 23 лет – 40%, после 23 лет – 5%.

Таким образом мы видим, что воспитание детей в интернатных учреждениях имеет ряд особенностей, является причиной формирования личностной беспомощности и нуждается в дальнейшем исследовании.

Литература

1. Василюк Ф.Е.(1994) Психология переживания М.

2. Веденеева Е.В. (2008) Взаимосвязь мотивационного компанента личностной беспомощности и ведущей деятельности на разных возрастных этапах //Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова №5

3. Семья Г.В. (2004) Основы психологической защищенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения М., МПГУ

4. Циринг Д.А. (2005) Психология выученной беспомощности: учебное пособие М., Академия

5. Hiroto D.S.,Seligman M.E.P. Generality of leamedhelplessness in map. Journal of Personality and Social Psychology, 1975

Из опыта повышения качества образования в контексте конкурентоспособности

Колбаев К.Б.

В статье приведены результаты педагогического эксперимента по повышению качества образования, а также обсуждение полученных результатов комплексного тестирования абитуриентов, школьников в процессе обучения.
Ключевые слова: качество образования; мотивация; знание; умение.

From the experience of improving the quality of education in the context of competitiveness
Kolbaev K.B.
Kyrgyz National University named J. Balasagyn
Results of pedagogical experiment on improving the quality of education are brought. The results of the complex testing of university entrants, schoolchildren in the process of educating come into question.
Keywords: quality of education; motivation; knowledge; ability.

Ухудшение качества высшего образования в Кыргызстане обусловлено чрезмерным ростом количества вузов, оттоком и «старением» преподавательского состава, недостаточностью бюджетного финансирования и резким увеличением количества студентов контрактного обучения. Но следует назвать и следующие причины:

- несовершенство и формальный характер национальной системы оценки и управления качеством образования;
- отсутствие механизмов независимой оценки качества и аккредитации;
- несовершенство и отсутствие внутри вузовских (институциональных) систем оценки качества знаний;
- несовершенство системы повышения квалификации преподавателей;
- отсутствие эффективной системы маркетингового исследования выпускников вузов;
- отсутствие связи между рынком труда и образованием;
- слабая мотивация студентов к получению качественного высшего образования в связи с уменьшением востребованности выпускников на рынке труда;
- недостаток в методологии непрерывного мониторинга готовности молодежи к профессиональному обучению и труду;
- недостаточная интеграция вузов Кыргызстана в мировое образовательное пространство;

Слабая интегрированность вузов в интеграционно-структурные элементы мирового образовательного процесса, в том числе и Болонского процесса, не позволяет выполнить в полном объеме цели и задачи, поставленные в программном документе ЮНЕСКО по Образованию для устойчивого развития (2005–2014гг.).

Большой проблемой становится внутри вузовский контроль качества образования. Отсут-

ствует общая система показателей, оценивающих результативность осуществляемых действий структурными подразделениями, нет должного методического сопровождения процесса оценки качества знаний, поскольку в вузах преподаватель, ведущий предмет, сам устанавливает критерии оценки того, насколько студент его усвоил, и сам осуществляет контроль знаний и умений студента. Нет методологии внутри вузовской системы мониторинга качества образований, индикаторы стартового, текущего и итогового состояния, которой являются основанием для различного рода упреждающих и корректирующих действий в рамках тех или иных структурных подразделений.

При анализе, очень важно для принятия практических решений разделение понятия качество образования на два уровня: государственное (Правительство и МОН КР) и институциональное.

На государственном уровне качество образования контролируется системой лицензирования и аттестации вузов, образовательными стандартами и т.д.

На наш взгляд, действующий механизм оценки качества системы высшего образования на государственном уровне не соответствует требованиям международной системы оценки, так как все три этапа оценки реализуются одним и тем же органом без привлечения независимых органов или экспертов со стороны. Было бы целесообразнее проводить внешний контроль качества образования лицензирование и государственную аттестацию вузов МОН КР, а аккредитацию – независимыми экспертами после аттестации для определения статуса и вид вуза с учетом его потенциала реализации учебных программ и соответствия учебного процесса требованиям государственного образовательного стандарта, и для выдачи дипломов государственного образца своим выпускникам.

Вот уже более полутора десятков лет КНУ им. Ж.Баласагына реализует методологию повышения качества подготовки специалистов путем внедрения интеграционных структурных элементов (компонентов) мирового образовательного процесса в университетскую образовательную систему качества контроля знаний, умений и навыков (компетенций) обучающихся. В отличие от других вузов республики, одним из первых КНУ созданы новые образовательные структуры на внебюджетной (грантовой) основах. Это Кыргызско-Американский факультет бизнеса и гуманитарных наук (открытый в апреле 1993 года в соответствии с Договором о содружестве университетом штата Небраска, США), Кыргызско-Европейский факультет (создан в 1995 г. на основе программы TEMPUS), Японский центр (создан в 1995 г. на основе протокола между КГНУ и МИД Японии), Факультет таможенной службы (создан в 1995 г. на основе договора с Российской таможенной академией), Факультет государственной службы (создан в 1996г. на основе программы ПРООН), «Кафедра ЮНЕСКО» по экологическому образованию (создан в 1996 г. на основе Гранта ЮНЕСКО), Институт интеграции международных образовательных программ (создан в 1996 г. на основе программ TEMPUS, TASIS), Кыргызско-Американский факультет компьютерных технологий и Интернет (создан в 1997 г. на основе Договора о содружестве с университетом штата Миннесота, США), Кыргызско-Китайский институт (создан в 2008 г. при финансовой поддержке КНР) и др.

С 1993 года до настоящего времени, непрерывно в учебный процесс внедряются системы кредитных часов, модульно-рейтинговая и информационно-компьютерные технологии обучения, учебные программы по методологии Тюнинга, применение ESTS кредитов для перевода студентов и аспирантов в европейские вузы и др.

Интеграция научно-педагогической (методической) базы преподавания с американскими, европейскими и российскими школами и технологиями позволила национальному университету разработать и внедрить в учебный процесс методологию внутриуниверситетской (институциональной) системы оценки качества знаний.

В данной работе мы освещаем некоторые итоги внедрения этой методологии, приводим результаты и видение преимущества с позиции непосредственных участников образовательного процесса.

Разработанная модель внутривузовской системы оценки качества образования построена с использованием методологии педагогических исследований, гуманистической парадигмы образования, теории деятельности, теории диагностики, инновационного метода профконсуль-

тирования и профдиагностики молодежи, позволяющая комплексно определить: уровень базовых школьных (вузовских) предметных знаний; уровень мотивации обучения в вузе; уровень менеджерских (познавательных, коммуникативных и др.) умений; уровень знаний «интеграционных» структурных элементов (компонентов) мирового образовательного процесса; (кредит часы, ECTS, модульно-рейтинговая система обучения и т.д.); предрасположенность к одному из 5 типов профессий по Е.А. Климову [1] («человек – техника», «человек – знаковая система», «человек – природа», «человек – художественный образ», «человек – человек»). Для ускоренной обработки данных внедрен метод компьютерной диагностики, для реализации которой используется СУБД Inter Base.

Разработанные нами впервые специальные «Анкеты – тесты» как инструменты профориентации направлены на диагностику не только базовых предметных знаний, но и мотивов учения в вузе, профессиональной предрасположенности, наклонностей, личностных качеств и др. Каждый вариант «Анкет – тестов» содержит 4 блока по 80 вопросов-суждений или видов деятельности и рассчитан во времени для ответа на 70 минут [2 – 4].

Первый блок, рассчитанный для ответа во времени на 30 минут, содержит 20 вопросов по 5 предметам школьной программы (перечень предметов выбирает тестируемый в соответствии со своими наклонностями из имеющихся 12). Эти тесты позволяет определить уровень предметных знаний, и представляют аналог тестов, используемых и при общереспубликанском национальном тестировании абитуриентов, претендующих на государственные образовательные гранты КР.

Во втором блоке приводится тест для выявления мотивации абитуриентов к профессиональному обучению в вузе, разработанный нами впервые и содержащий 20 вопросов–суждений и рассчитанный для ответа во времени на 10 минут. Подбирая вопросы для этого блока, мы учитывали сложную структуру мотивации учения и включали вопросы, позволяющие узнать, какие цели ставит перед собой абитуриент, что ему в профессиональном обучении нравится, к чему он стремится, чем увлекается, каковы желания и характер ответственности, каковы стимулы учения и т.д.

При этом первые 10 вопросов суждений позволяют выявить уровень внешних мотивов обучения в вузе, а вторые 10 – направлены на выявление уровня внутренних (положительных и отрицательных) мотивов, связанных с самим процессом обучения, с познавательным интересом (например, «я хочу поступить в вуз, так как хочу овладеть приемами самообразования, самосовершенствования, без этого в век лавиной нарастающего объема информации трудно будет продуктивно работать»).

В третьем блоке приводятся 20 тестов для определения уровня менеджерских умений, разработанные нами впервые, рассчитанные во времени для ответа на 10 минут. В состав менеджерских умений входят: познавательные (дидактические), коммуникативные, творческие, конструктивные, управленческо – организационные, социально–персептивные, умения управлять временем и своим поведением. На каждый из этих структурных элементов было подобрано по 2 – 4 вопроса с учетом их иерархии. Например, учитывая особую важность в самообразовании познавательных (дидактических) умений, мы подобрали для установления их уровня по 4 вопроса (№ 1 – 4). В основу данного теста положен принцип самооценки одновременно своих возможностей в реализации некоторых задаваемых тестом умений и своего реального, пережитого и сформированного в личном опыте отношения к указанному виду деятельности (к примеру, «любите ли Вы проектировать, изобретать?»).

В четвертом – 20 пар различных видов деятельности, позволяющих выявить уровень предрасположенности к той или иной профессии по методике Е.А. Климова, который проклассифицировал все профессии по особенностям основного предмета труда на 5 главных типов. Этот блок вопросов рассчитан во времени на 20 минут.

Как показали педагогические эксперименты со школьниками г. Бишкека, студентами и слушателями, обучающимися на подготовительных курсах и учениками лицеев Кыргызского национального университета и Бишкекского гуманитарного университета, Баткенского государственного университета и Кыргызской государственной юридической академии уровень знаний по школьным предметам оказался лучше по сравнению с уровнем мотивации и менеджерских, в том числе и познавательных умений

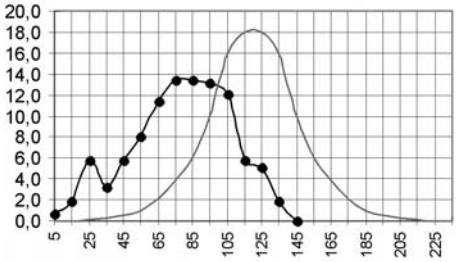


Рис. 1. Кривая распределения предметных знаний, менеджерских умений и мотивации по первым трем блокам «Анкеты – теста» «подготовительного этапа высшего образования КНУ и БГУ

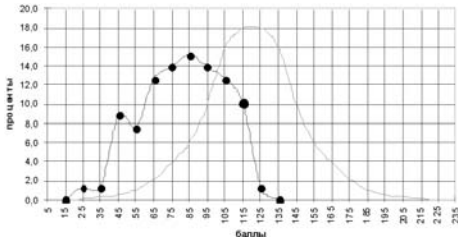


Рис. 2. Кривая распределения предметных знаний, менеджерских умений и мотивации по первым трем блокам «Анкеты – теста» школьников г. Бишкека

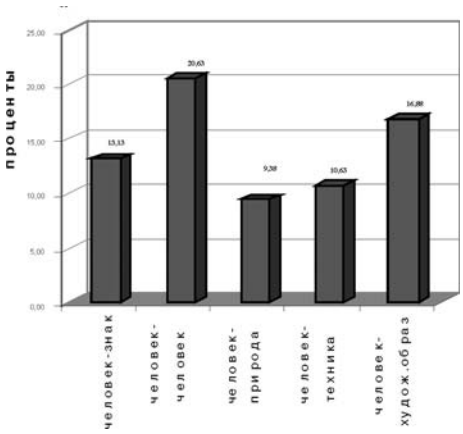


Рис. 3. Гистограмма распределения профессиональной предрасположенности абитуриентов по 5-ти типам профессий (по методике Е.А. Климова)

и навыков. При этом уровень менеджерских и познавательных умений у студентов оказался выше нежели у потенциальных абитуриентов. К этому выводу мы пришли при сравнении кривых распределения, построенных по результатам проведенных исследований, обработанных с помощью методов математической статистики, «закона больших чисел».

Углубленное исследование мотивации учения показывает, что даже в профильных классах лицеев и группах слушателей подготовительных курсов у обучающихся выявлено подавляющее преобладание начальной стадии формирования мотива профессионального самоопределения (при этом не ярко выраженного), некоторые, видно, что в процентном отношении по 5 типам профессий тестируемые, которые набрали больше 12 баллов из 24 возможных, распределились: «человек–человек» – 20,63%, «человек–художественный образ» – 16,88%, «человек–знак» – 13,13%, «человек–техника» – 10,63% и «человек–природа» – 9,38результаты ставят под сомнение наличие у большинства даже начальной стадии формирования мотива профессионального самоопределения и сформированности мотивации в данный момент времени. А ведь мотивация занимает ведущее место в структуре личности и является одним из основных понятий, которое используется для объяснения движущих сил ее поведения, деятельности. Уровень менеджерских умений, в состав которых вошли и познавательные (дидактические) умения, у большинства слушателей тоже оказался невысоким. Это, объясняется тем, что у тестируемых мотивационно-менеджерское формирование происходило в основном стихийно под воздействием внешней среды (окружение сверстников, различные источники информации и др.), семейного воспитания и личностных качеств обучающихся.

Сравнение экспериментальной кривой распределения (как у школьников, так и у обучающихся по подготовительному уровню высшего образования) предметных знаний, менеджерских умений и мотивации (по первым 3 блокам) с теоретической кривой (см. рис. 1 и 2), позволяет сделать вывод, что подгруппа школьников набравших 100 баллов и выше (что следует из значения абсциссы точки пересечения кривых (рис. 1 и 2) может быть рекомендована к обучению в вузе для получения профессий и специальностей высокой квалификации.

Из гистограммы (рис. 3) распределения профессиональной предрасположенности у обучающихся на подготовительном уровне высшего образования в БГУ и КНУ, полученной по методике Е.А. Климова%.

Отметим также, что среди тестируемых есть и такие, которые не имеют ярко выраженной

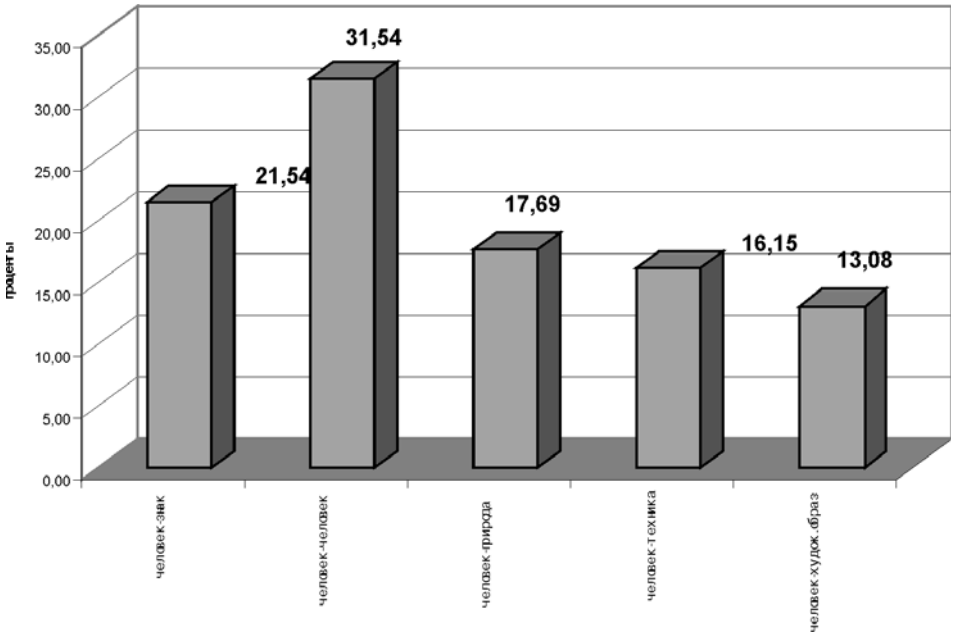


Рис. 4. Гистограмма распределения профессиональной предрасположенности школьников г. Бишкека по 5-ти типам профессий

предрасположенности не к одному из этих типов профессий, т.е. они набрали менее 12 баллов по каждому типу Профессия менеджера, согласно Е.А. Климова занимает промежуточное положение между двумя типами профессий: «человек – человек» и «человек – знак». Таких из числа опрошенных, как видно из гистограммы, оказалось 20,63% и 13,13%. Школьникам, входящим в число этих 20,63% и 13,13% и набравшим более 100 баллов из 240 возможных по первым трем блокам «Анкеты –теста», можно рекомендовать поступать в вузы КР по специальности «Менеджмент». (Цифра «100 баллов и выше» определяется по значению абсциссы точки пересечения экспериментальной и теоретической кривых распределения (рис. 1 и 2).

Из полученных данных следует, что 16,88 % этих «абитуриентов» имеют предрасположенность к типу профессий «человек – художественный образ» и могут быть рекомендованы для обучения в Академии художеств КР, 10,63 % – в технических вузах, а 9,38 % – в медицинских при условии, что они набрали по первым 3 блокам более 100 баллов.

Гистограмма распределения профессиональной предрасположенности школьников г. Бишкека (рис. 4), показывает, что процентное соотношение по сравнению с распрелением «по подготовительному уровню» высшего образования изменилось: количество предрасположенных к типу профессий «человек – природа» увеличилось 2 раза, а к типам профессий «человек –человек» и «человек – знак» в 1,5 раза тогда, как к типам профессий «человек – художественный образ» наоборот уменьшилось в 1,3 раза и т.д. Оказалось, что у городских школьников преобладает предрасположенность к профессиям «юрист»: 31,54 % и «экономист»: 21,54 %, «сельхозников»: 17,69 % и инженеров: 16,15 %.

О достоверности полученных результатов свидетельствует то, что кривая распределения предметных знаний имеет вид гауссовской кривой с одним стандартом данных, а мотивационно-менеджерские – три [2 – 5]. Кроме того, распределение профессиональной предрасположенности соответствует данным Е.А. Климова и 5-ти типам профессий, и 5 разным в процентном отношении подгруппам тестируемых, как у школьников, так и обучающихся по подготовительному уровню высшего образования.

Из полученных данных педагогического эксперимента [5] следует, что подготовленность

к обучению в вузе в среднем определяется данными: 50 % – уровнем предметных знаний, 25–30 % – познавательными, менеджерскими умениями и навыками, 8 % – мотивационными. Эти данные не противоречат тому, что в 2002 году тестировалось меньше половины из 24 тысяч выпускников, а в 2003 году из 85 тысяч выпускников изъявили желание принять участие в Национальном тестировании только 37 тысяч, то надо полагать, что только эта часть выпускников имеет мотив, склонность и готовность к получению высшего образования, но это еще не говорит о том, что все они сформировали профессиональное самоопределение и при существующей системе формирования контингента студентов сразу правильно выберут вуз и специальность с учетом профессиональной предрасположенности. Так, из нашего эксперимента следует, что уровень профессиональной предрасположенности к будущей профессии крайне разнороден и имеет большой разброс по типам профессий Е.А. Климова. К тому же среди тестируемых оказались 30 % таких, которые не имеют предрасположенности ни к одному типу профессии.

Эти данные и факт ежегодного перевода огромного количества студентов из одного вуза (до 30 % набора первокурсников) в другой, с одной специальности на другую, у которых только при обучении в вузе начинает происходить осмысление, оценка профессиональных возможностей и склонностей, еще раз доказывают то, что при формировании контингента студентов необходимо ставить в один ряд определение уровня и предметных знаний, и мотивации, и познавательных умений, так как согласно данным О. Васильевой [6], успех учения зависит от способностей к предметным знаниям на 30 %, на 30% – от мотивации учения.

С использованием указанного выше программного обеспечения и блоков тестов можно осуществить:

2-й этап диагностирования готовности обучения по специализации (в конце 2-го курса), при условии замены вопросов школьной программы специально разработанными вопросами из вузовской образовательной программы по специальности, что будет способствовать комплектованию групп на 3-м курсе по специализациям с учетом профессиональной направленности и личностных качеств студентов;

3-й этап диагностирования готовности к профессиональной деятельности (при окончании вуза), включив в 1-й блок тестов вопросы из программы итоговой государственной аттестации, во 2-й блок – вопросы по мотивации профессиональной деятельности, а 3-й блок – вопросы–суждения для определения уровня профессиональных умений и навыков (профессиональных компетенций).

Кроме того, на заключительном этапе диагностирования могут быть использованы комбинированные тесты – вуз (профессиональные кадры) -работодатель (профессиональный заказчик) на будущего учителя преподавателя – (физики, математики, химии, биологии, истории, географии, русский язык, кыргызский и иностранные языки); экономиста (бухгалтера, банкира, менеджера, маркетолога и др.); юриста, журналиста и др.

Предлагаемый независимый (бесконтактный с преподавателем) контроль за качеством обучения отличается от общепринятого следующими подходами. Во-первых, он рассматривает все ключевые фигуры образовательного процесса школьник-студент-выпускник во взаимосвязи, а не в отдельности. Во-вторых, сохраняя (не разрушая) общепризнанную систему подготовки специалистов, он включает два существенных элемента контроля за качеством: индивидуальность и непрерывность контроля за качеством их подготовки на всех ступенях образования через введение системы выдачи сертификатов (качества компетенций), в частности для выпускников школ –это сертификат на готовность к профессиональному обучению дающий ему четкое ориентированное право в выборе профессии (специальности) в вузе, а выпускнику вуза –сертификат (путевка молодого специалиста) на готовность к профессиональному труду на рынке труда.

Другой важной компонентой в обеспечении качества высшего образования является по нашему мнению, маркетинговая оценка выпускников университета, она обусловлена тем, что в условиях рыночной экономики выпускники продают свои умения и знания (компетентность) работодателям, а университет выпускает этот человеческий капитал на рынок труда, то возникает острая необходимость маркетинговых исследований выпускников, в контексте глобальной конкурентоспособности. Так как образова-

ние входит в измерение «человеческий капитал», которое, в свою очередь связано с рынком труда, конкурентоспособность отводит образованию и высшему образованию, в частности, новую роль –ключевого посредника в распространении знаний, умений и навыков.

В настоящее время еще не ясно, все ли вузы Кыргызстана делают маркетинговую оценку своих выпускников (себестоимость обучения, трудоустройство, конкурентоспособность, капитализация компетентности и т.д.) целью своей образовательной политики. Либо переход к концепции, ставящей во главу угла «человеческий капитал», «конкурентоспособность», требует не только большой эффективности в учебной и научной деятельности и большей интегрированности в мировые образовательные процессы. Дело в том, что без институциональной базы –законов, норм и процедур – процесс интеграции образования в модернизирующееся общество с переходными процессами будет очень трудным и не легким. Чтобы заставить знания работать на человека, нужно обеспечить не только высокий уровень преподавания, материально –техническую базу, но и наличие механизмов для перевода этих знаний, из теории в практическую плоскость в контексте общемировой глобализации.

Вузы сегодня мало уделяют внимания трудоустройству своих выпускников, вследствие чего 40 % из общего числа ищут высокооплачиваемую работу, а не работу по специальности (70 % выбирают другие специальности, особенно по гуманитарным наукам).

Около 76 % поступивших средств в вузах КР (оплаты за обучение) являются внебюджетными, отсюда следует, что средства, полученные от контрактных студентов, играют ключевую роль в финансировании вузов. Одним из последствий подобной политики стало то, что бюджетные студенты получают менее качественное образование, чем контрактные, и это не только создает несправедливость, но и содействует ухудшению качества образования.

Дальнейшее развитие исследований на национальном (государственном) и международном уровнях мы связываем с подачей заявок на получение грантов, инвестиций от зарубежных организаций, фондов и участием международных партнеров для экспертизы и адаптации моделей оценки выпускников и разработки критериев качества образовании.

В заключении отметим, что при применении данной методологии оценки качества высшего образования в вузах КР итоговыми документами могут оказаться:

1. Образовательная модель – «Институциональная (внутри вузовская) система оценки качества высшего образования».

2. Издание методического руководства по методике «комплексного диагностирования студентов».

3. Издание учебного пособия по маркетинговой оценке молодого специалиста в контексте международной конкурентоспособности и глобализации. Кроме того, в системе маркетинговых исследований выпускников будут определены критерии и показатели «рентабельности», «себестоимости», и «трудоустраиваемости» и т.д.

4. Найдены «инструменты обеспечения» качества высшего образования и способы капитализации компетентности выпускников (человеческого капитала) в бизнес- структурах при использовании методологии зарубежных вузов (Гарварда, Оксфорда, Сорбонны и др.).

Литература

1. Климов Е.А. Как выбрать профессию / Е.А. Климов // М., 1990. – 121с.

2. Колбаев К.Б. Система менеджерских умений. /К.Б. Колбаев, А.Н. Гудимова //Тр. ИЦПС КНУ им. Ж. Баласагына, 2002. В. IV. – С.36–42.

3. Колбаев К.Б. Учитывая уровень мотивации /К.Б. Колбаев // Тр. ИЦПС КНУ, 2003. В.6. – С.97-103.

4. Колбаев К.Б. О повышении качества подготовки высококвалифицированных специалистов в условиях демократизации и рыночных отношений в образовательной системе. /К.Б. Колбаев, С.Э. Курманбаев, А.Н. Гудимова, Э.М. Мамбетакунов, С.Ж. Токтомышев// Журнал «Известия вузов», 2003. №1-2. – С.147–154.

5. Колбаев К.Б. Интеграция вузов Кыргызстана в мировые образовательные процессы. / К.Б.Колбаев// Бишкек, КНУ, 2009. 211 с.

6. Васильева О. Игра как метод повышения мотивации учения. URL: http://rspu.edu.ru/ li/ journal / vasilieva. Htmweb

Взаимодействие школы и клубов по месту жительства в вопросе профилактики девиантного поведения детей и подростков

Сорокина И.Р.

В статье говорится о содержании работы социального педагога в школе и в клубе по месту жительства в вопросе профилактики девиантного поведения детей и подростков, подчеркивается целесообразность взаимодействия школы и клуба по месту жительства, раскрывается сущность педагогической профилактики.
Ключевые слова: профилактика, отклоняющееся поведение, клубы по месту жительства, социальный педагог, педагогическая профилактика, взаимодействие школы и клуба по месту жительства.

Interaction of school and clubs in a residence in a question of prevention of deviant behavior of children and teenagers
Sorokina I.R.
Vladimir state university of A.G. and N. G. Stoletov
In article it is told about the content of work of the social teacher at school and in club in a residence in a question of prevention of deviant behavior of children and teenagers, expediency of interaction of school and club in a residence is emphasized, the essence of pedagogical prevention reveals.
Keywords: prevention, deviant behavior, clubs in a residence, the social teacher, pedagogical prevention, interaction of school and club in a residence.

Социальный педагог - специалист, организующий воспитательную работу с детьми, молодежью и взрослыми людьми в различных социокультурных средах (семья, учебное заведение, дошкольное учреждение, детский дом, приют, трудовой коллектив, учреждение дополнительного образования и др.)[3, С.6].

В образовательных учреждениях занимается профилактикой девиантного поведения, работой с семьями учащихся, защитой прав и интересов детей, в том числе и в судебном порядке, работой с опекаемыми детьми и т.д. Работая с классными руководителями в отношении не успевающих и не посещающих занятия детей, пополняет базу данных на детей, стоящих на учете в ПДН, относящихся к категории «группы риска».

Наиболее приоритетным направление в образовательных учреждениях является профилактика отклоняющего поведения.

Девиантное поведение – поступок, деятельность человека не соответствующая официально установленным и фактически сложившимся в данном обществе нормам [2, С. 15].

В нашей стране накоплен немалый опыт по профилактике девиантного поведения. Этому посвящены работы М.И. Бобнева, А.Н. Ивина, В.Д. Плахова, В.М. Бехтерева, А.М. Яковлева, Ю.А. Клейберга, Н.П. Дубинина, И.И. Карпец и др.

Профилактика – это совокупность государственных, общественных, социально-медицинских и организационно-воспитательных мероприятий, направленных на предупреждение, устранение или нейтрализацию основных причин и условий, вызывающих различного рода социальные отклонения в поведении человека [3, С. 21].

Для многих подростков характерна ориентация на личное материальное благополучие, на действие по его обеспечению, на самоутверждение любой ценой и любыми средствами.

Для того чтобы выявить склонность учащихся к отклоняющемуся поведению нами были использованы методики: «Модифицированный вариант опросника «Решение трудных ситуаций»

(РТС)», «Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел)» и «Схема изучения социальной истории личности».

Исследование проводилось на базе СОШ №2 г. Владимира, в нем принимали участие 35 учащихся 7-8 классов.

Результаты исследования показали, что 11 человек (31%) прибегают к вербальной агрессии, т.е. причинение психологического вреда с использованием преимущественно вокальных (крик, изменение тона) и вербальных компонентов речи (инвектива, оскорбления и т. п.); 10 человек (28%) при решении трудных ситуаций склонны к наркотизации т.е. склонны к употреблению психоактивных веществ (сигареты, алкоголь, лекарства) с целью успокоить себя, уйти от решения проблем; 7 человек (20%) испытывают агрессию к людям т.е. склонны при столкновении с проблемой срывать свой гнев на окружающих, применять физическую силу. Анализируя социальную историю личности, выявили, что 8 человек относятся к «группе риска», 2 человека стоят на внутришкольном учете. Практический опыт показывает, что выявленная категория детей и подростков постоянно посещает клубы по месту жительства в тех районах, где они проживают и, где находится школа, в которой они обучаются. Данный факт свидетельствует о том, что целесообразно проводить профилактическую работу по девиантному поведению не только с учащимися в школе, но и с ними же, уже считающимися воспитанниками, в клубах по месту жительства.

Особое место в культурно-воспитательной деятельности среди детей и подростков занимает культурная среда – то окружение и обстановка, в которой они вращаются, т. е. общение в семье, с друзьями в школе, во дворе и т. д.

Распространенной формой дополнительного образования является клуб по месту жительства. Клуб по месту жительства представляет собой специально организованное пространство общения для регулярных встреч определенного открытого сообщества детей, подростков и взрослых, объединенных одной целью.

В настоящее время в г. Владимире существует 24 детских клуба по месту жительства (например, «Прометей», «Спартак», «Дружба», «Окно в природу» и др.) в которых работает 101 кружок по различным направлениям. Постоянными воспитанниками являются 3700 детей и подростков в возрасте от 5 до 18 лет. Хотя основной принцип работы клуба – добровольное участие.

Клубы социально ориентированы, направлены на создание условий для саморазвития участников, оказание им поддержки в реализации собственных возможностей. Клуб строит работу с учетом возраста, интересов участников и может быть эстетической, спортивной и другой направленности. В них дети накапливают опыт гражданского поведения, основы осознанного выбора профессии, духовного и физического роста.

Социальный педагог - это специалист в области социально-педагогической деятельности, оказывающий помощь и поддержку детям, подросткам, взрослым, попавшим в трудные жизненные ситуации, осуществляет комплекс мероприятий по воспитанию и социальной защите детей, выявляет их интересы и потребности, своевременно оказывает им социальную помощь и поддержку, занимается профилактикой девиантного поведения. Хорошо зная инфраструктуру города, социальный педагог выступает посредником между личностью воспитанника, его семьей, средой, разными взрослыми или специалистами социальных служб. Определяет задачи, формы и методы социально-педагогической работы, способы решения личностных проблем. Способствует установлению нравственно здоровых отношений в среде детей и подростков (недопустимы насмешки, унижения, физическая расправа над «слабыми»). Основные направления работы социального педагога в клубе определяются проблемами, возникающими в процессе воспитания детей и молодежи, и проводимой клубом политикой (активная социализация подростков, профилактика наркомании, профориентация подростков и т.д.), т. е. разрабатываются программы, содержание воспитательных мероприятий, индивидуальной работы и т.д.

В контексте Государственной молодежной политики, Федеральной целевой программы «Молодежь России» (2001-2005 гг.) деятельность клубов была ориентирована на формирование здорового жизненного стиля, направлена на развитие мотиваций личности к познанию и творчеству, реализацию дополнительных образовательных программ и услуг, оказание социальной помощи в интересах личности, общества, государства [5, С.87].

При этом решались конкретные задачи:

- социальная адаптация подростков и молодежи;
- предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних;
- профилактика наркомании и разных форм зависимостей.

Данные задачи по сей день не утратили своей актуальности.

На наш взгляд, основные принципы антинаркогенного воспитания клубной политики могут сводиться к установлению четких требований к подросткам и их поведению, созданию психологического комфорта и учету особенностей работы с подростками, т. е. неприменение насилия, создание ситуации свободы выбора занятий, доверие и опора на самих подростков, использование деятельностного подхода. Иначе говоря, только интересные, увлекательные занятия могут отвлечь подростков от наркотиков. В последнее время в клубах появляются новые формы работы с ребятами. В ряде клубов созданы мастерские, где ребята своими руками могут изготавливать полезные вещи, готовиться и участвовать в походах, учиться проводить дискотеки, снимать видеоролики, проводить интервью.

В науке существуют разные подходы к организации профилактики наркомании. А.Г. Макеева вводит понятие педагогическая профилактика и рассматривает ее как способ организации социальной среды ребенка, препятствующей наркогенному заражению. Педагогическая профилактика напрямую связана с формированием у детей и подростков социальной компетенции. Она проявляется в умении реализовывать свои потребности в общении, любви, получении удовольствия адекватными способами. Задача взрослых – научить несовершеннолетних законам общения, умению избегать и преодолевать конфликтные ситуации, управлять своими эмоциями, прогнозировать результаты своего поведения и многому тому, что можно обозначить как «искусство жизни» [4, С. 58-61]. Сегодня можно реально говорить о функционировании модели профилактики на микроуровне – на базе школы или досугового учреждения.

Антинаркогенное воспитание при этом является основной базой педагогической профилактики. Под антинаркогенным воспитанием подразумевается процесс формирования у детей и подростков особой личностной структуры - антинаркогенной направленности, предотвращающей обращение к наркогенным веществам как способу достижения субъективно положительного внутреннего состояния и обеспечивающего индивиду возможность реализовывать собственную потребность в получении удовольствия за счет социально ценных источников. Клубы по месту жительства – это то пространство, где дети и подростки могут себя выразить, занимаясь вокалом, лепкой, макетированием, написанием пьес и участием в репетировании и проигрыванием спектаклей, рисованием.

Как правило, основными и активными формами организации педагогической профилактики являются тренинги, конкурсы, диспуты, ролевые и деловые игры, соревнования, наиболее соответствующие возрастным психологическим особенностям детей, подростков и молодых людей.

Взаимодействие – это совместные действия по осуществлению общих целей деятельности, в процессе которой происходит взаимное влияние сторон друг на друга. В процессе взаимодействия проявляются интерес, согласие, сотрудничество между специалистами. [1, С. 92]. Взаимодействие школы и клубов по месту жительства в вопросе профилактики девиантного поведения детей и подростков можно рассматривать как эффективное сотрудничество. Совместная, целенаправленная, системная работа специалистов позволит комплексно подходить к решению вопроса по профилактике девиантного поведения в молодежной среде.

Литература

1. Введение в педагогическую деятельность: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [А.С. Роботова, Т.В. Леонтьева, И.Г. Шапошникова и др]; под ред. А.С. Роботовой. - 4-е изд., перераб. - М.: Издательский центр «Академия», 2007. - 224 с.

2. Змановская, Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющего поведения): Учеб.пособие для студ.высш. учеб.заведений / Е.В. Змановская. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.

3. Жиляев А.Г., Палачева Т.И. Система первичной профилактики наркотизации в условиях общеобразовательного учреждения / А.Г. Жиляев, Т.И. Палачева. - М.: Центр «Школьная книга», 2004. - 101с.

4. Макеева, А.Г. Не допустить беды: Пед. профилактика наркотизма школьников: Пособие для учителя: В помощь образоват. учреждению: «Профилактика злоупотребления психоактивными веществами» / А.Г. Макеева; Под ред. М.М. Безруких; М-во образования Рос. Федерации. - 2-е изд. - М.: Просвещение, 2004. - 191с.

5. Сорокина И.Р. Технология организации профессиональной пробы как разновидность альтернативной активности в детско-подростковой среде // Эффективные модели отклоняющегося поведения несовершеннолетних: сборник материалов межрегиональной конференции «Системный подход в профилактике правонарушений несовершеннолетних». – Владимир: Собор, 2012. – С. 86-101.

Условия реализации модели педагогического стимулирования технического творчества студентов профессиональных образовательных организаций

Улитина Т.И.

В статье представлены педагогические условия, обеспечивающие эффективную и продуктивную реализацию модели педагогического стимулирования технического творчества студентов профессиональных образовательных организаций.
Ключевые слова: стимулирование технического творчества, педагогическая модель, педагогические условия.

Conditions for implementation of pedagogical stimulation of students' technical creativity in professional educational organizations

Ulitina T.I.
Trekhgorny Technological Institute - branch of National Research Nuclear University «MEPhI»

The article presents pedagogical conditions providing effective and productive implementation of pedagogical model for stimulating students' technical creativity in professional educational organizations.
Keywords: stimulating technical creativity, pedagogical model, pedagogical conditions.

Педагогические условия в нашем исследовании трактуем как совокупность специальным образом организованных, педагогически целесообразных мер, оказывающих положительное влияние на состояние и эффективность функционирования педагогической системы.

Решая задачу, связанную с выбором педагогических условий, мы должны рассмотреть педагогическое стимулирование технического творчества студентов профессиональных образовательных организаций с точки зрения его оптимизации с привлечением системно-деятельностного и контекстно-средового подходов, которые позволили построить модель данного процесса. Влияние системно-деятельностного и контекстно-средового подходов на выбор и систематизацию педагогических условий реализации разработанной нами модели рассмотрим на рис. 1.

Учитывая необходимость разработки комплекса именно педагогических условий, нами определены две группы педагогических условий (табл. 1):

1) условия, обеспечивающие эффективную реализацию педагогического стимулирования;

2) условия, обеспечивающие продуктивную реализацию технического творчества студентов.

Раскроем более подробно каждое из указанных педагогических условий, комплексно обеспечивающих эффективную реализацию разработанной нами модели педагогического стимулирования технического творчества студентов профессиональных образовательных организаций.

Педагогические условия, обеспечивающие эффективную реализацию педагогического стимулирования

1. Осуществление стимулирования на основе эмпатийного взаимодействия. Данное усло-

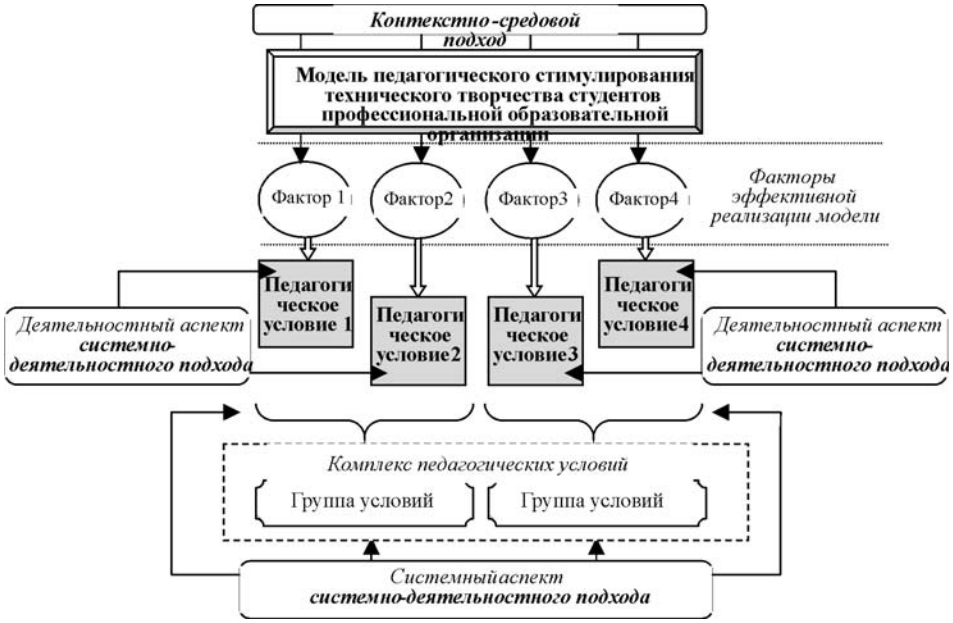


Рис. 1. Влияние теоретико-методологических оснований на выбор педагогических условий

Таблица 1
Состав комплекса педагогических условий

№	Группа условий	Наименования условий
1	Условия, обеспечивающие эффективную реализацию педагогического стимулирования	Осуществление стимулирования на основе эмпатийного взаимодействия
		Определение содержания стимулирования с учетом ценностей корпоративной культуры
2	Условия, обеспечивающие продуктивную реализацию технического творчества студентов	Осуществление технического творчества с ориентацией на личностный опыт
		Супервизия творческой деятельности студентов

вие обеспечивает успешную реализацию модели педагогического стимулирования технического творчества студентов профессиональных образовательных организаций за счет глубокого понимания преподавателем потребностей студента, его состояния, испытываемых эмоций и чувств, определяющих корректность выбора стимулирующих воздействий, значимых именно для него.

Ключевыми для характеристики данного условия являются понятия «эмпатия» и «эмпатийное взаимодействие», первое из которых мы относим к личностным качествам, а второе – к области их проявления.

Большой психологический словарь трактует эмпатию как эмоциональную отзывчивость человека на переживания другого, эмоциональный отклик, сопереживание и сочувствие [15, с. 563]. Она предусматривает субъективное восприятие другого человека, погружение в его внутренний мир, переживания и чувства [18, с. 488].

Отметим, что продуктивные отношения субъектов в рамках образовательного процесса всегда имеют эмпатийную составляющую. Однако существуют особые периоды и ситуации, когда взаимодействие обеспечивает достижение цели, если оно имеет ярко выраженный эмпатийный характер. Это может быть, например, возраст, статус субъектов, а также особые задачи, содержание или виды взаимодействия. Так, например, для несовершеннолетних студентов,

обучающихся по программам среднего профессионального образования, с их специфическими особенностями (не всегда благополучная семейная среда и невысокий социальный статус родителей, слабый уровень академической подготовки и общекультурного развития, повышенная тревожность, связанная с жизненной нестабильностью, ограниченный социальный опыт, эмпатический дефицит, остро выраженная потребность в самопознании, самореализации и утверждении самоидентичности и др.), оказывается значимым выстраивание отношений именно на основе эмпатийной обратной связи, неформального участия преподавателя в решении текущих проблем студента, оказания ему своевременной и корректно дозированной педагогической помощи. Кроме того, эмпатийная обратная связь дает бесценные сведения преподавателю для принятия решения о стимулирующих влияниях на реализуемый процесс или деятельность. Именно осознание эмоционального состояния личности студента способно обеспечить корректный выбор методов и средств педагогического стимулирования технического творчества и, как следствие, усилить эффективность функционирования разработанной нами модели.

Проанализировав результаты научных исследований современных ученых [1;2;5;7;8 и др.], мы пришли к заключению, что эмпатийное взаимодействие представляет собой вид взаимодействия субъектов по достижению общих целей, которое регулируется эмпатийными обратными связями, предусматривающими понимание эмоционального состояния друг друга, сопереживание и взаимопомощь.

В ходе исследования нами было установлено, что результатом эмпатийного взаимодействия преподавателя и студента профессиональной образовательной организации является: взаимопонимание, взаимное доверие, улучшение психологического климата и др. При этом реализуемое эмпатийное взаимодействие – это не односторонний процесс, в котором только преподаватель выстраивает эмпатийные отношения со студентом: здесь необходимо проявление эмпатии и между студентами, что, безусловно, требует развития этого качества у каждого субъекта образовательного процесса в организации СПО.

Реализация данного условия в процессе педагогического стимулирования технического творчества студентов профессиональной образовательной организации предполагает решение, как минимум, двух задач: во-первых, выстраивание взаимодействия преподавателя со студентами на основе эмпатии, и, во-вторых, развитие эмпатии, как значимого личностного качества у каждого студента.

Таким образом, осуществление стимулирования на основе эмпатийного взаимодействия способствует продуктивной реализации разработанной нами модели благодаря пониманию субъектами эмоционального состояния друг друга и корректной организации их взаимодействия.

2. Определение содержания стимулирования с учетом ценностей корпоративной культуры. Данное условие способствует более эффективной реализации разработанной нами модели педагогического стимулирования технического творчества студентов профессиональных образовательных организаций за счет согласования стимулирующих влияний с понятными для студентов принципами и традициями образовательной организации.

Как показал проведенный нами анализ научной литературы [6;12;17 и др.], признаками корпорации являются общая цель, совместный труд, наличие органов управления, прав и обязанностей сотрудников, ресурсное обеспечение, наличие общепризнанной миссии и идеологии деятельности. Последний признак непосредственно связан с ценностями, которые любая корпорация сама определяет и создает, и на которые ориентирует своих сотрудников. Именно ценности формируют облик корпорации и создают корпоративную культуру, регламентирующую поведение ее сотрудников. При этом наличие специфической корпоративной культуры и следование ее ценностям имеет большой воспитательный потенциал, позволяющий определенным образом стимулировать сотрудников всех уровней.

Таким образом, любая образовательная организация, в том числе и организация СПО, выполняя определенную общественную миссию, опирается на ценности и создает свою неповторимую корпоративную культуру, под которой мы понимаем систему принятых в организации норм, ценностей, установок, традиций, регламентирующих поведение сотрудников, определяющих способы их деятельности по

достижении общей цели организации и задающих ее уникальный облик.

Проанализировав научные источники [3;9;10 и др.], мы пришли к заключению, что корпоративная культура профессиональной образовательной организации может выражаться в следующем:

· символика, девизы и слоганы, внешний вид сотрудников, атрибутика рабочей обстановки;

· корпоративные церемонии, ритуалы, традиции;

· требования, нормы и правила;

· фольклор – история, легендарные личности, героические для организации события.

Ценности корпоративной культуры, проявляясь в каждом из указанных выше компонентов, подразделяются на материальные и идеальные.

Материальные ценности создаются для решения задач профессиональной образовательной организации в соответствии с видами ее основной деятельности. К ним мы относим созданную обстановку, оборудование образовательного процесса, экспозиции, музейные фонды, библиотеку и т.д.

Идеальные ценности, в отличие от материальных, требуют более длительного периода для формирования и обязательного принятия членами организации. Они носят комплексный характер: включают в себя не только специфические ценности, принятые данной образовательной организацией, но и ценности более высокого порядка, которые существуют объективно, независимо от желания сотрудников организации и требуют обязательного учета в процессе их деятельности.

Как показало проведенное нами исследование, усвоенные корпоративные ценности способны многократно усиливать значение стимулирующих воздействий преподавателя. Так, например, поощрение лучших студентов, проводимое с учетом корпоративных традиций (на общем мероприятии, с участием работодателей, прессы, с торжественными поздравлениями и др.), имеет гораздо больший стимулирующий эффект, чем обычное поощрение вне ценностей корпоративной культуры.

Поэтому определение видов и способов педагогического стимулирования с учетом усвоенных студентами ценностей корпоративной культуры делает более понятными перспективы их дальнейшей жизни и деятельности, и способствует более интенсивной интеграции студентов в среду профессиональной образовательной организации, повышает их активность по достижению общих и личностных целей. Иными словами истинную эффективность имеет стимулирование, которое реализовано так, чтобы обеспечить сопричастность студента к общему делу, к организации в целом.

Условия, обеспечивающие продуктивную реализацию технического творчества студентов

1.Осуществление технического творчества с ориентацией на личностный опыт. Данное условие обеспечивает повышение эффективности предложенной нами модели за счет корректного определения содержания деятельности студента в процессе технического творчества и имеющихся возможностей ее реализации. Учет личностного опыта создает у студента уверенность в собственных силах, формирует положительную Я-концепцию, улучшает психологический климат, повышает интерес к творческой деятельности, позволяет развить способности.

Проведенный нами анализ современной научной литературы [11;14;16 и др.] позволил выявить сущностные признаки личностного опыта, как явления, учет состояния которого является обязательным условиям осуществления образовательного процесса. Итак, в ходе исследования мы установили, что личностный опыт

· имманентно присущ любому субъекту образовательного процесса;

· является комплексным личностным образованием (определяется знаниями, умениями, способностями и др.);

· носит кумулятивный характер (накапливается и сохраняется в сознании личности);

· всегда субъективен и принадлежит личности, а не обществу;

· составляет основу для решения новых задач и выполнения новых видов деятельности;

· формируется благодаря комплексным воздействиям извне и усилиям самого субъекта;

· непрерывно обогащается на протяжении всей жизни.

В связи с вышеизложенным, личностный опыт мы трактуем как совокупность отраженных в сознании личности событий его жизни, которые были подвергнуты рефлексии и усвоены в виде знаний, умений, установок, необхо-

димых для взаимодействия с внешней средой и выполнения определенных функций.

Ориентация на личностный опыт студента профессиональной образовательной организации при осуществлении им технического творчества продуктивна на протяжении всего процесса работы над технической системой. Так, на стадии определения творческого задания должен учитываться интерес студента, его способности и готовность к выполнению. Это позволит преподавателю корректно дозировать сложность и трудность предлагаемого к выполнению задания, а также обеспечить его адресность, заинтересовав конкретного студента. В процессе мотивации опора на успешно выполненные в прошлом проекты, актуализация необходимых знаний и умений, будет способствовать обеспечению личностной причастности к решаемой проблеме. Наш опыт показал: если преподавателю удается предложить задание, соответствующее интересам студента, то оно практически всегда воспринимается им как личностно значимое, а его решение доводится до совершенства. По ходу выполнения задания целесообразны поддерживающие приемы использования усвоенного студентом опыта, применения его в новых условиях, демонстрации скрытых возможностей, что активизирует сознание и обогащает имеющиеся знания, умения, установки и др. На итоговых этапах технического творчества обобщение и систематизация нового опыта способствует его окончательному присвоению.

При этом у студента должно сохраняться ощущение, что он решает новую для него техническую задачу, но того личностного опыта, которым он владеет, ему хватит для успешного выполнения задания и он осознает способы его пополнения в случае обнаруженного недостатка. Таким образом, именно личностный опыт может и должен стать базовым источником, отправной точкой творческой деятельности студента и его профессиональной подготовки в целом.

Реализуется данное условие через постановку вопросов, актуализацию проблем, связанных с повседневной жизнью и деятельностью студентов, упражнения и др.

В процессе исследования нами был установлено, что осуществление технического творчества с ориентацией на личностный опыт способно заинтересовать студентов в выполнении творческих заданий и, как следствие, существенно снизить саму потребность в педагогическом стимулировании технического творчества и выйти в режим самостимулирования.

Таким образом, реализация данного условия способствует повышению эффективности нашей авторской модели за счет усиления заинтересованности студентов в выполнении творческих заданий, имеющих личностную значимость.

2. Супервизия творческой активности родителей студентов. Данное условие оказывает положительное влияние на реализацию разработанной нами модели за счет оказания своевременной помощи и поддержки важнейшим субъектам подготовки студентов профессиональной образовательной организации из внешней среды – родителям студентов, обладающим способностью неформального, решающего влияния на личность несовершеннолетнего обучающегося, а через нее на эффективность процесса подготовки в целом и на процесс технического творчества, в частности. Ни для кого не секрет, что семья обладает тем колоссальным потенциалом, который может и должен использоваться при подготовке студентов в организациях СПО.

Понятие «супервизия» (в переводе с английского super-vision –способность взгляда в вглубь [13, с. 212]) пришло в современную педагогику из области психиатрии (Д. Джейкобс, П. Дэвид, Р. Кочюнас, Д. Дж. Мейер, К. Рудестам, З. Фрейд, А.К. Хесс, Р. Шохет и др.), где оно трактуется как «насыщенное межличностное взаимодействие, основная цель которого заключается в том, чтобы один человек, супервизор, встретился с другим, супервизируемым, и попытался сделать последнего более эффективным в помощи людям» [4, с. 38].

В контексте нашей проблемы, супервизия обеспечивает, через активное взаимодействие преподавателя-супервизора с родителем студента, совместное понимание новых черт, особенностей, возможностей студента, выбор правильных средств для его личностного и профессионального развития, для грамотного осуществления технического творчества.

Особенно эффективно привлечение родителей к техническому творчеству студентов и супервизия их творческой активности, когда родители трудятся в той же сфере, к работе в

которой осуществляется подготовка их детей. Как показало наше исследование, такое совместное творчество способствует укреплению связей на основе общих интересов, более ранней профессиональной социализации студентов, более высокому качеству результатов технического творчества и его интенсификации. В данном случае потребность в педагогическом стимулировании снижается за счет использования уже семейных резервов. Однако действительно продуктивным взаимодействие студента и его родителя в техническом творчестве может быть тогда, когда родитель знает и понимает, как его правильно организовать и осуществить, чем помочь собственному ребенку. Для этого необходима супервизия творческой активности родителей, которая реализуется преподавателем профессиональной образовательной организации, и направлена на подготовку родителей, содействующую корректному сотрудничеству в процессе выполнения творческих заданий.

Таким образом, данное условие способствует более точному пониманию родителями задач технического творчества, способов его осуществления и возможностей по оказанию помощи студентам в творческой деятельности.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что представленные педагогические условия, оказывая положительное воздействие на процесс педагогического стимулирования технического творчества, являются необходимыми для эффективной реализации разработанной нами модели.

Литература

1.Алтухова, Е.В. Психолого-акмеологическая модель формирования эмпатии в отношениях «преподаватель – студенты»: монография / Е.В. Алтухова, Н.А. Коваль. – Воронеж: Изд-во «Научная книга», 2009. – 129 с.

2. Басин, Е.Я. Искусство и эмпатия: монография / Е.Я. Басин. – М.: Слово, 2010. – 293 с.

3. Вильчинская-Бутенко, М.Э. Теория и практика управления корпоративной культурой: монография / М.Э. Вильчинская-Бутенко. – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2011. – 167 с.

4. Воронина, Л.В. Супервизия как ведущий метод научного менеджмента в подготовке аспирантов / Л.В. Воронина, Л.В. Моисеева // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 12. – С. 36-40.

5. Горбатова, Е.А. Эмпатия: психологическая структура и механизмы реализации / Е.А. Горбатова // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2014. – № 1 . – С. 23-29.

6. Дементьева, А.Г. Модели корпоративного управления в условиях глобализации: монография / А.Г. Дементьева. – М.: Изд-во МГИМО, 2011. – 178 с.

7. Долгова, В.И. Эмпатия: монография / В.И. Долгова, Е.В. Мельник. – М.: Изд-во «Перо», 2014. – 160 с.

8. Золотарева, К.В. Взаимосвязь уровня эмпатии и конфликтности в семье на разных возрастных этапах: монография / К.В. Золотарева. – М.: Изд-во «Лаборатория книги», 2010. – 93 с.

9. Иванова, Т.Б. Корпоративная культура и эффективность предприятия: монография / Т.Б. Иванова, Е.А. Журавлева. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2011. – 152 с.

10. Ищенко, И.Г. Управление корпоративной культурой: учеб.-метод. Пособие / И.Г. Ищенко. – Пенза: Изд-во: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2012. – 111 с.

11. Кравцов, В.И. Социальный опыт личности как философско-педагогический феномен / В.И. Кравцов, О.Н. Григорьева // Вестник ОГУ. – 2013. – № 5 (154)/май. – С. 57-61.

12. Кузнецов, В.П. Современные корпорации: проблемы формирования и развития: монография / В.П. Кузнецов. – Н. Новгород: Изд-во ВГИПА, 2003. – 244 с.

13. Мартинсоне, К.Э. Проблемы подготовки супервизоров в Латвии / К.Э. Мартинсоне, И.Я. Михайлов, М. Закрижевска // Problems of education in the 21st century. – 2008. – № 6. – С. 211

14. Маховская, И.П. Коммуникативный опыт личности: монография / И.П. Маховская. – М.: Изд-во ИП РАН, 2010. – 253 с.

15. Мещеряков, Б.Г. Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 632 с.

16. Нартова-Бочавер, С.К. Психологическое пространство личности: монография / С.К. Нартова-Бочавер. – М.: Прометей, 2005. – 312 с.

17. Перегудов, С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений: монография / С.П. Перегудов. – М.: «Издательство Наука», 2003. – 352 с.

18.Психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 2009. – 494 с.

Формирование содержания понятия «внешкольное образование» в русской педагогической мысли в конце XIX–начале XX века

Ульяновская Л.В.

В статье рассматривается вопрос формирования содержания понятия «внешкольное образование». Анализируется содержание понятия в работах деятелей русского общественно-педагогического движения конца XIX-начала XX века А.С. Пругавина, В.П. Вахтерова, В.И. Чарнолуского, Н.В. Чехова.
Ключевые слова: внешкольное образование, общественно-педагогическое движение, формы внешкольного образования, цель и значение внешкольного образования.

The formation of the concept «non-formal education» in Russian pedagogical thought in the late XIX-early XX centuries
Ulyanovsk L.V.
Northern (Arctic) federal university of M. V. Lomonosov
The article discusses the formation of the concept of «non-formal education.
We analyze the content of this concept in the works of outstanding Russian leaders in the field of socio-pedagogical movement of the late XIX – early XX centuries, such as A.S. Prugavin, V.P. Vakhterov, V.I. Charnolusky, N.V. Chekhov.
Keywords: non-formal education, socio-pedagogical movement, forms of non-formal education, the purpose and significance of non-formal education.

В настоящее время государство ставит задачу развития дополнительного образования, вида образования, которое направлено на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования «Закон об образовании в Российской Федерации» (N 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года, ст.2). Дополнительное образование сегодня является неотъемлемой частью российской системы образования. История дополнительного образования неразрывно связана с внешкольным образованием. Дополнительное образование считается преемником внешкольного, поэтому многие проблемы организации деятельности учреждений дополнительного образования на современном этапе могут быть решены при более глубоком исследовании внешкольного образования. В силу этого актуальным становится изучение теории и практики внешкольного образования.

Проблемы внешкольного образования исследовались в работах педагогов и общественных деятелей дореволюционного и послереволюционного периода Вахтерова В.П., Чехова В.И., Чарнолуского В.И., Сероплко, Медынского Е.Н., Зеленко В.А., и др.; в работах современных ученых Тебиева Б.К.-Г., Родина О.П., Семченко А.В., Будановой Г.П., Буйловой Л.Н., Бутовского А. Ю., Дейча Б.А., Логиновой Л.Г., Юрочкиной И.Ю., Кононовой С. А. и др.

Несмотря на внимание ученых к проблемам внешкольного образования, остается открытым вопрос содержания понятия внешкольное образование. Под содержанием понятия принято понимать совокупность существенных элементов, свойств и признаков явления, процесса. Задача нашей статьи – выяснить, как формировалось понятие «внешкольное образование» на этапе становления, какие существенные элемен-

ты, свойства и признаки внешкольного образования как педагогического явления оно содержит, какой вклад в формирование понятия внесли российские педагоги, ученые, деятели общественно-педагогического движения дореволюционного периода.

Во второй половине XIX века в российском обществе активно развивалось общественно-педагогическое движение, главной идеей которого было изменение существовавшей в России системы народного образования, стремление сделать российское образование доступным широким массам населения, современным, гуманным. Значение перемен в подходах к организации образования выразил князь Васильчиков: «народное образование есть вопрос жизни и смерти для государства нашего века, ... величие современных держав зависит от числа грамотных более, чем от числа солдат» [Князь Васильчиков «О самоуправлении», СПб, 1872 – цитата по А.С. Пругавину [6, с. XIII]. Реформирование системы образования стало актуальнейшей задачей. По всей стране развернулось общественно-педагогическое движение, выдвинувшее таких гениальных представителей российской педагогики как К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, В.П. Вахтеров, П.Ф. Каптерев, П. Ф. Лесгафт. В этот период в России педагогика сформировалась как наука. Общественно-педагогическое движение создало условия для зарождения новых для российской действительности видов образования: технического, педагогического, женского высшего, а также внешкольного образования.

Термин «внешкольное образование» появился в российской педагогической теории в конце 19 века. Он был применен для обозначения широкого движения общественности по просвещению народных масс вне школьного официального образования. Первыми термин «внешкольное образование» употребили А.С. Пругавин, русский публицист и этнограф, и Г. А. Фальборк, писатель и общественный деятель. В работе «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания» (1890 и 1895 годы издания) А.С. Пругавин описал разнообразную деятельность по просвещению простого народа вне официальной, государственной школы как систему определенных мероприятий, а в предисловии к работе впервые использовал термин «внешкольное образование». В предисловии ко второму изданию (1895 г.) А.С. Пругавин определяет задачи интеллигенции в соответствии с запросами народа «в области умственной, интеллектуальной жизни». «Прежде всего, сюда относятся заботы о внешкольном образовании народа: издание книг и картин и распространение их в народной среде, устройство библиотек, читален и книжных складов, организация народных чтений и т.д.» [6, с. XII].

Таким образом, А.С. Пругавин обозначил формы внешкольного образования. Заниматься вопросами внешкольного образования должна интеллигенция, «т.е. образованная часть русского общества». По мнению автора, это «образование не связано с задачами и обязанностями, лежащими на государстве», оно стоит несколько в стороне от «народного образования во всей широте». «Цели и задачи народного просвещения и воспитания так велики, серьезны и сложны, что как бы много ни делало государство в этой области – для частной инициативы здесь всегда найдется обширное поле для деятельности, найдется целая масса работы» [6, с. XIII]. Таким образом, впервые употребив термин «внешкольное образование», А.С. Пругавин дал ключ к его пониманию, отметив три его существенных признака:

цель внешкольного образования – удовлетворение умственных и интеллектуальных запросов народа;

формы внешкольного образования – издание книг и картин и распространение их в народной среде, устройство библиотек, читален и книжных складов, организация народных чтений и т.д (перечень форм неисчерпывающий, открытый);

независимость внешкольного образования от государственного, наличие частной инициативы как главного организатора внешкольного образования, а интеллигенция обозначена А.С Пругавиным как «реализатор» этой инициативы.

Термин «внешкольное образование» подхватывается деятелями общественно-педагогического движения. Он подчеркивает специфику просветительской деятельности, не связанной, во-первых, с получением систематического образования, а, во-вторых, с государственной системой управления образованием.

В 1896 году В.П. Вахтеров (1853-1924) опубликовал работу «Внешкольное образование народа». Это было первое серьезное исследование внешкольного образования. Вопросам внешкольного образования посвящены и дру-

гие труды Василия Порфирьевича «Сельские воскресные школы» (1896), «Всеобщее обучение» (1897), «Народные чтения» (1897), «Всенародное школьное и внешкольное образование» (1917). Как и А.С. Пругавин, В.П. Вахтеров называет библиотеки и книжные склады, кроме того он расширяет список воскресными школами и повторительными классами, народными чтениями. Помимо этого В.П. Вахтеров замечает, что население предлагает новые формы внешкольного образования.

Как и А.С. Пругавин, В.П. Вахтеров отмечает, что организаторы внешкольного образования – общественные органы: земские управы, Комитет по распространению грамотности, частные лица, т.е. структуры, представляющие общественную и частную инициативу. Внешкольное образование организуется самостоятельно от официального, государством организованного образования.

В отличие от А. С. Пругавина, В.П. Вахтеров более конкретно трактует цель внешкольного образования – уменьшить невежество народа, просветить его по всем направлениям знания, а не только в вопросах грамоты. Все формы внешкольного образования способствуют распространению знаний и просвещению простого народа.

По наблюдениям В.П. Вахтерова, внешкольное образование касается всех слоев простолюдинов, различных возрастов (и взрослых, и детей).

Более глубоко В.П. Вахтеров раскрывает значение внешкольного образования: не просто распространение грамотности, ее поддержание, а нацеливание населения на духовную жизнь и на саморазвитие. По мнению, ученого, внешкольное образование позволяет преодолеть косность народа, ведет его к саморазвитию, расширяет его горизонты, заставляет менять образ жизни.

Таким образом, в работах по проблемам внешкольного образования В.П. Вахтеров существенно расширил содержание понятия «внешкольное образование». Он обозначил новые формы организации внешкольного образования, конкретизировал его цель, более глубоко проанализировал его значение.

Значимый вклад в понимание сути внешкольного образования, в изучение истории его становления и развития внесло исследование «Народное образование в России с 60-х годов X1X века» (1912) Н.В. Чехова (1862-1947), педагога, историка педагогики. Работа Николая Владимировича посвящена состоянию народного образования в России. В ней дано обстоятельное описание истории и функционирования различных форм народного образования в России с 60-х годов XIX века до современного ему состояния образования. Впервые Н.В. Чехов обратил внимание на значение педагогического движения 50-60-х годов. Он считал, что это была эпоха «начала важного перелома в русской общественной жизни... В области народного образования этот перелом выразился главным образом в том, что инициатива и руководство этим делом стали понемногу переходить из рук государства и правительства в руки самого общества» [11, с.5]. С этим переломом автор связывал и зарождение внешкольного образования, Н.В. Чехов впервые указывает на статью Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» как главный толчок к росту общественно-педагогического движения, а подъем общественно-педагогического движения как главную причину появления внешкольного образования, которому посвятил одну из глав исследования. В главе подробно раскрывается история внешкольного образования, деятельность и значение народных чтений, библиотек, воскресных школ. Большое внимание автор уделил воскресным школам: история их возникновения, становления, развития, анализ деятельности рассмотрены в отдельной главе и в главе «Внешкольное образование».

В первых же строках труда автор подчеркивает значение внешкольного образования: если в странах, где все население получает начальное образование, внешкольное тесно связано со школой, то в России, «где огромное большинство взрослого населения никакого образования не получило, внешкольное имеет самостоятельное и весьма важное значение» [11, с. 127]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что автор рассматривает внешкольное образование, прежде всего, как образование взрослых. Указывая на значение народных чтений, Н. В. Чехов отмечал, что «они подготовили большие аудитории для последующей работы курсов, классов для взрослых и народных университетов; они заинтересовали читателей, питавшихся до этого только лубочной да бульварной литературой, более серьезными книгами, пробудили интерес к знанию и развили вкус к

художественной литературе» [11, с.131]. Н.В. Чехов, как и все исследователи внешкольного образования, отмечает, что и библиотеки, и читальни, и курсы, и воскресные школы возникали благодаря частной инициативе, отчасти земствам и городским управлениям. Цель внешкольного образования, по Н.В. Чехову, не только дать грамоту, но развивать человека, способствовать передаче духовных ценностей, учить «быть человеком».

Таким образом, Н.В. Чехов вносит свой вклад в расширение содержания понятия «внешкольное образование». Исследование Н.В. Чехова интересно попыткой проанализировать причины возникновения «новой русской школы» [11, с.5], которую автор связывает с проявлением общественной инициативы в деле управления народным образованием. Называет новые формы внешкольного образования, не упоминавшиеся в работах других исследователей: народные университеты [11, с.140], «систематические чтения для народа по научным предметам» [11, с. 141] и «публичные чтения для детей школьного возраста в городах» [11, с. 131]. Чехов Н.В. видит глубокое значение внешкольного образования не только в ликвидации безграмотности простого народа, а в просвещении, в открытии перед ним новых горизонтов. Н.В. Чехов, как и В.П. Вахтеров, положительно оценивает роль земских органов управления в развитии внешкольного образования и неоднократно подчеркивает роль частных лиц в организации тех или иных форм внешкольного образования.

Важный вклад в развитие теории внешкольного образования и понимание его сути внес В.И. Чарнолуский (1865-1941). Активный деятель народного образования и общественно-педагогического движения, он выступал за демократизацию образования. В работах Чарнолуского В.И. прослеживается убеждение, что внешкольное образование демократичное по содержанию и по организации, оно играет важнейшую роль в дальнейшей демократизации общественной жизни. Внешкольное образование – признак демократизации и свободы общества. Работы В.И. Чарнолуского «Итоги общественной мысли в области образования» (1906), «Основные вопросы организации внешкольного образования в России» (1909), «Настольная книга по народному образованию» (т.1-4 1899-1911; совместно с Г.А. Фальборком), «Вопросы народного образования на первом общеземском съезде» (1912) посвящены полностью вопросам внешкольного образования или затрагивают различные стороны его организации. В.И. Чарнолуский был одним из инициаторов и организаторов издания в Санкт-Петербурге в 1905 году справочника «Внешкольное образование». Справочник способствовал систематизации взглядов на внешкольное образование.

В.И. Чарнолуский является автором статьи «Внешкольное образование» в «Энциклопедическом словаре», изданном братьями Гранат. В начале статьи автор указывает, что «термин получил довольно широкое распространение, но, тем не менее, отличается неопределенностью» [7, с.490]. Эту же мысль В.И. Чарнолуский высказывал неоднократно в своих работах и стремился внести упорядоченность и точность в понимание сути внешкольного образования на протяжении периода до октября 1917 года.

В 1906 году в работе «Итоги общественной мысли в области образования» В.И. Чарнолуский обозначает формы внешкольного образования довольно широко «библиотеки, читальни, курсы, лекции, разные просветительные и благотворительные общества и т.д.» [9, с.67]. Театр, народные университеты [9, с.70], свободное пользование всеми произведениями печати. Автор подчеркивает, что во внешкольном образовании различных видов заинтересованы все слои общества «учительские и просветительские общества, собрания крестьян и рабочих, представители различных национальностей, фабриканты и заводчики, общественные собрания, земства и города» [9, с.67]. Называет две основные точки зрения на организацию внешкольного образования, распространённые в общественно-педагогическом движении. Согласно первой, внешкольное образование «должно быть лишено всяческой административной опеки и регламентации» [9, с.67]. Вторая предусматривала «планомерную и организованную деятельность органов местного самоуправления в области внешкольного образования» [9, с. 68]. В любом случае, по мнению В.И. Чарнолуского, внешкольное образование – это образование вне сферы государственной школы; оно развивается путем частной инициативы, при содействии общественных организаций.

В 1909 году выходит в свет монографическая работа В.И. Чарнолуского «Основные вопро-

сы организации внешкольного образования в России». В ней Владимир Иванович описал область, формы и основные факторы внешкольного образования, предложил свое виденье взаимоотношений внешкольного образования и органов общественного управления (государства и местного самоуправления). Автор так определил внешкольное образование: «совокупность учреждений, служащих для удовлетворения умственных и художественных потребностей населения, прошедших ту или иную ступень школьного образования, а также населения, почему-либо оставшегося за порогом школы в свои школьные годы» [10, с.1]. В. И. Чарнолуский вновь подчеркивает, что термин «внешкольное образование» получил широкое распространение, но при этом далек от того, чтобы «с ним связывалось вполне определенное и одинаковое для всех представление». В отличие от А.С. Пругавина и В.П. Вахтерова, В.И. Чарнолуский рассматривает внешкольное образование как образование взрослых или молодежи, которая не может по какой-либо причине получать систематического образования. Важным нам кажется замечание о том, что «организация «внешкольного» образования отличается от организации «школьного» многими существенными особенностями, тем не менее, глубокая связь между ними не прерывается и никакой резкой границы провести между ними нельзя» [10, с.1]. Автор объясняет это тем, что деятельность школы влияет на задачи, «которые берут на себя учреждения внешкольного образования». Кроме того, иногда школы выполняют функции образовательного характера по отношению к взрослым, тем самым вторгаясь в область внешкольного образования. В свою очередь внешкольные учреждения оказывают влияние на школьное образование, и даже прямо берут задачи школы на себя. Мысль о такой связи высказывается впервые в педагогической литературе.

Впервые В.И. Чарнолуским сделана попытка систематизировать разнообразные формы внешкольного образования, разделив их на несколько типов: школы для взрослого населения; учреждения, предназначенные для удовлетворения потребностей населения в материале для чтения (библиотеки, общественное издательство, книжная торговля); учреждения для распространения среди взрослого населения научных и специальных знаний (так называемые народные университеты, курсы, лекции, чтения); общественные развлечения (театр, увеселения) и спорт; музеи и картинные галереи; так называемые народные дома» [10, с.2].

Кроме того, В.И. Чарнолуский связывает с внешкольным образованием «вопросы социализации искусства, науки, литературы, а также образование солдат и заключенных в тюрьмах» [10, с.2]. Отмечая, что внешкольное образование многообразно и многогранно, автор подчеркивает, что в центре внешкольного образования стоит личность. В.И. Чарнолуский первым из исследователей формулирует идею о том, что целью внешкольного образования является удовлетворение постоянно развивающихся интеллектуальных и эстетических потребностей личности.

Исследователь обосновывает идею бесплатности образования, в том числе и внешкольного. Знание – продукт общечеловеческого творчества. Распространение знаний – главное условие нормального развития общества и функционирования, поэтому распространение знаний – не частное, а общественное дело. Этим должно быть озадачено общество. Знания должны распространяться органами общественного управления на общественные деньги. В основе функционирования внешкольного образования должны быть положены принципы уважения свободы и равноправия личности. «Признание основным принципом Внешкольного образования стремление к обобществлению этой отрасли общественной жизни на почве полного уважения к свободе личности граждан уже определяет собой, в сущности, все главные основы этой организации» [10, с.7].

В.И. Чарнолуский выделяет два основных типа участия органов общественного управления в организации внешкольного образования. Один предполагает создание общественного управления, другой просто добровольные пожертвования на просветительские учреждения союзами и отдельными частными лицами. Свободные союзы граждан должны оказывать помощь организации внешкольного образования.

Таким образом, В.И. Чарнолуский внес значимый вклад в определение содержания понятия «внешкольное образование». Так же как его предшественники, он относил к внешкольному образованию всю деятельность, по просвещению народа, не связанную с официальной школой. Однако подчеркивал, что связь между школьным и внешкольным образованием очень тесна и взаимопроникаема. Он значительно рас-

ширил круг форм внешкольного образования и сделал первую попытку систематизировать их. Впервые внешкольное образование он распространял только на взрослых. Важнейший вклад Чарнолуского состоит в том, что в центр внешкольного образования он ставил личность, с постоянно развивающимися интеллектуальными и эстетическими потребностями. Цель внешкольного образования В.И. Чарнолуский видел в удовлетворении этих потребностей.

В отличие от предшественников, В.И. Чарнолуский уделял очень много внимания общественной инициативе в организации внешкольного образования, не отрицая при этом поддержки государства. Управление внешкольным образованием должно быть общественным. Те, кто пользуется общественными просветительскими учреждениями, должны участвовать в их заведовании. Местное самоуправление и государство должны помогать в организации внешкольного образования, но при этом не должны регламентировать его строго. Государство должно дать гарантии свободы и равенства гражданам в области внешкольного образования. Внешкольное образование должно быть бесплатным.

Таким образом, в период с конца 90 годов XIX века до начала XX века формировалось понятие внешкольное образование. В его формирование внесли значимый вклад А.С. Пругавин, В.П. Вахтеров, Н.В. Чехов, В.И. Чарнолуский. В этот период понятие внешкольное образование прошло трансформацию от понимания как деятельности по просвещению простого народа до осмысления его как образования, удовлетворяющего постоянно развивающиеся интеллектуальные и эстетические потребности личности.

В работах педагогов, исследователей, общественных деятелей конца XIX-XX века выделены следующие элементы внешкольного образования как педагогического явления:

- причины зарождения внешкольного образования – с одной стороны, низкий уровень грамотности в стране и несовершенная система образования, с другой – потребность в грамотных, широко образованных людях для дальнейшего развития страны; широкое общественно-педагогическое движение в связи с обращением к сущности образования как глубокого процесса, способствующего формированию личности;

- цель внешкольного образования – удовлетворение постоянно развивающихся интеллектуальных и эстетических потребностей личности;

- формы внешкольного образования – разнообразные (воскресные школы, повторительные классы, публичные чтения, библиотеки, народные университеты), их список неисчерпывающий, поскольку они зарождались в соответствии с потребностями населения и в зависимости от ограничений, которые вводило государство, чтобы обойти эти ограничения законным путем;

- значение внешкольного образования – уменьшение безграмотности народа, побуждение к духовному развитию, саморазвитию, обращение к личности с ее меняющимися потребностями в развитии.

Исследователями конца XIX-XX века определены существенные признаки внешкольного образования: независимость от государственной системы образования; широкая общественная и частная инициатива в организации внешкольного образования.

Литература

1. Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М. 1896. 379 с.

2. Вахтеров В.П. «Народные чтения» 1897

3. Вахтеров В.П. «Сельские воскресные школы» 1896,

4. Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М. 1896. 379 с.

5. Вахтеров В.П. Всенародное школьное и внешкольное образование/Избранные педагогические сочинения, - М., Педагогика, 1987. – 400 с.

6. Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области образования и умственного развития и просвещения / А.С. Пругавин. - М.: Русская мысль, 1890. - 282 с.

7. Чарнолуский В.И. Внешкольное образование// Энциклопедичекий словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и к».м-7-е соверш. Перераб. Изд-е.- Т.10 – СПб., 1911. – С. 490-493

8. Чарнолуский В.И. Вопросы народного образования на первом общеземском съезде. С.-Петербург, 1912. 185 с.

9. Чарнолуский В.И. Итоги общественной мысли в области образования. СПБ., 1906. 78 с.

10. Чарнолуский В.И. Основные вопросы организации внешкольного образования в России. С-Пб., 1909. 96 с.

11. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов Х1Х века. М., 1912. 224 с.

Интегративный и социально–инновационный характер системы «школа – негосударственный вуз»

Шимановская С.В.

В данной статье говорится о необходимости системы непрерывного образования, целью которого является постоянное творческое обновление, развитие и совершенствование каждой личности на протяжении всей ее жизни. Так же автор приводит сравнительную характеристику государственных и негосударственных вузов.
Ключевые слова: негосударственные вузы ? продукт социальных инноваций; многовариантное образование; готовность к переменам; продукт социальных инноваций

Integrative and social innovative character of a «school - private university» system
Shimanovskaya S.V.
Udmurt state university
This article addresses the need of continuing education, the purpose of which is the constant creative renewal, lifelong development of every person. The author also gives a comparative description of public and private universities.
Keywords: adoption of a planned training to the labor market of professionals; multivariate education, willingness to change, the product of social innovation.

Государственные вузы работают по централизованным государственным программам, реализуя общегосударственную концепцию образования. Негосударственные вузы, руководствуясь требованиями государственного стандарта образования, выполняют социальные функции экспериментального полигона, создают авторские программы и концепции, работают для общества под контролем государства, но самостоятельно, с опережением ситуации на рынке труда. Можно говорить о том, что негосударственные вузы - продукт социальных инноваций, они являются центром реализации новых идей и проектов в области высшего образования.

В современных условиях трансформации общества при смене культурных ценностей, культурных норм и отношений возникает необходимость выбора адекватной модели образования. Произошла девальвация ценностей классического образования, базировавшегося на триединстве знаний, умений, навыков, возникло противоречие между целостностью культуры и технологией ее фрагментарного воспроизводства через знаниевый тип обучения. В этой ситуации обостряются противоречия между непрерывно возрастающим объемом знаний, необходимых человеку, и ограниченными (в рамках традиционных образовательных систем) условиями для овладения ими. Решение этого противоречия возможно лишь на пути перехода к непрерывному образованию. Целью непрерывного образования является постоянное творческое обновление, развитие и совершенствование каждой личности на протяжении всей ее жизни. Общественное развитие требует выхода высших учебных заведений на три сектора - рынок труда, рынок образовательных услуг, рынок выпуска научно-технической продукции. Здесь нужна гибкая структура высшего образования, причем основанная не только на

государственном финансировании, так как вуз должен иметь дело с организациями различных форм собственности. В наилучшей форме решение указанной триединой задачи возможно именно в негосударственной системе в силу возможности оперативно и качественно реагировать на подготовку наиболее потребных рынку труда специалистов, на предоставление самых различных образовательных услуг от коллективов организаций до индивидуальностей, на проведение научно-исследовательских работ, оплачиваемых и принимаемых заказчиком. В условиях рыночной экономики, только часть образовательной системы государство может содержать за счет бюджета [3].

Возникновение негосударственного образования явилось закономерностью перехода от плановой государственной системы образования к открытию каждому человеку возможностей для получения того образования, которое его интересует, которое он может результативно использовать сегодня и еще больше завтра. В этом важнейший критерий негосударственного образования. Общество в целом нуждается в том, чтобы человек сам за свои деньги мог приобрести нужное ему образование, причем в любой точке мира. Отсюда закономерными становились изменения в общественной жизни, которые вылились, в частности, в негосударственное, да и вообще оплачиваемое образование. Возрождение системы негосударственного высшего образования в современной России, является, по сути, продолжением российских традиций. Исторический опыт дореволюционного российского высшего образования высвечивает такую тенденцию, граничащую с закономерностью, - наиболее активно развитие неправительственного, вольного образования происходило при необходимости получить от высшего образования наибольший эффект и в кратчайшие сроки. Не случайно, расцвет негосударственного высшего образования в России пришелся на конец XIX – начало XX вв., (было открыто 12 неправительственных вузов), что диктовалось острейшей необходимостью расширения сферы образования в интересах укрепления экономического и оборонного потенциала России. Отсюда негосударственные вузы объективно должны быть, более того, их миссия первопроходцев будущей системы высшего образования.

Общество должно иметь систему, группу вузов и отдельные вузы, которые бы основывали свою деятельность на инновациях, шли в ногу с мировыми достижениями во всех сферах и отраслях жизни, которые давали бы элитное образование, удовлетворяли запросы людей, готовых на свои средства получить самое современное и прогрессивное образование. Это опять же, потребность, необходимость для общества, которые являются постоянными, все более убыстряющимися и расширяющимися, то есть закономерностью развития. Отсюда появление в общей системе образования негосударственного образования является объективной закономерностью.

Негосударственные вузы позволили перейти от унифицированного к многовариантному образованию. Появилась возможность выбирать формы обучения, формы и методы работы педагогов, учебную литературу, совершенствовать учебные программы, распространять инновационные и авторские программы обучения; разнообразие форм обучения создает человеку условия найти образовательное учреждение, отвечающее его целям и потребностям. Являясь откликом на современные социально-экономические изменения, негосударственное образование призвано формировать и взращивать в человеке качество мобильности и готовности к переменам. В силу ряда обстоятельств (консерватизм, сохранение единства в установках, остаточные явления общей централизации и унификации и т.п.) государственное образование уступает в плане мобильности негосударственным образовательным структурам, которые быстрее (а благодаря многоканальному финансированию, позволяющему привлекать лучшие педагогические кадры, и качественнее) отвечают на новые запросы и социальные заказы.

Негосударственные вузы по своей сути являются элементом свободного гражданского общества. По природе своей негосударственное образование – свободное, либеральное. К негосударственным вузам применимы такие характеристики: самофинансируемая, самоорганизующаяся, самоуправляемая, саморазвивающаяся, предпринимательская организация. Фактически они представляют собой форму материализации инновационного образовательного движения, адекватную его сущности, которая предполагает форсированный динамизм, высо-

Таблица 1
Социально-психологические факторы управления вузом

Факторы	Государственный вуз	Негосударственный вуз
объективные факторы среды		
Политика организации	бюджетная	рыночная
Управление	- структура управления вузом статична, не учитывает изменившиеся условия; - преобладают задачи оперативного управления; - управленческие решения не работают на опережение и на изменения во внешней среде; - управленческий цикл выполняется не в полной мере: слабо организованы внешние связи (взаимодействие с потребителями образовательных услуг по изучению их потребностей); социальный заказ в соответствии с бюджетом, не учитывает появление новых профессий	- гибкая структура управления вузом, учитывающая меняющиеся условия; - преобладают задачи стратегического управления в соответствии с рыночными изменениями; - управленческие решения работают на опережение; - в управленческом цикле ряд функций активизирован (разработка механизмов долгосрочного планирования; сосредоточенность на взаимодействии с потребителями образовательных услуг по изучению их потребностей)
Особенности	Регламентирующие факторы бюджет, штатное расписание, нормативная база	- возможности свободного выбора содержания и формы образования; - более гибкая система удовлетворения образовательных запросов населения; - личностно-ориентированный процесс обучения; - свобода в использовании материально-технических и финансовых средств в рамках существующего законодательства
субъективные факторы		
Личностные качества	высокий профессионализм преподавателей	качества, способствующие внедрению инноваций, склонность к риску
Квалификация и образования	наличие специальной системы подготовки и переподготовки кадров	новые технологии обучения, непрерывный процесс обучения на новые виды деятельности

кую степень свободы, ресурсную экономию при реализации целей.

Негосударственные вузы по своей идее должны обеспечивать максимально высокое качество образования за счет новаторских, нетрадиционных методов работы, творческого поиска и внедрения инновационных форм и методов обучения. Есть все основания говорить о том, что возникновение и развитие негосударственного высшего образования в России явилось вполне логичной и объяснимой закономерностью как части закономерности преобразования общественно-политической системы, модернизации страны на рыночных основах. Понимание создания и развитие негосударственной системы обучения позволит отойти от создавшихся стереотипов, что существуют они лишь как вариант получения высшего образования, потому что абитуриент не поступил на бюджетные места государственной системы.

Социально-психологические факторы успешного управления ВУЗом которые либо тор-

мозят, либо стимулируют, либо как-то видоизменяют процесс представлены в табл. 1.

Традиционная система государственного вуза - характеризуется, определенным типом соорганизации: функционально-иерархической зависимостью участников совместной деятельности. Такая педагогическая система стабильна, упорядочена, исключает субъектное развитие участников учебно-воспитательного процесса. Как только меняется общественное развитие и у субъектов появляются возможности осуществить свои личностные смыслы, так появляются инновационные педагогические системы. Не только обучаемые, но и преподаватели в этом случае озабочены тем, чтобы обрести новые формы и смыслы собственного развития.

Система негосударственного вуза ориентирована на постоянно меняющиеся условия, на появление новых профессий, на гибкую систему управления, то есть, находится в состоянии инновационных процессов.

Таким образом, между инновационной и традиционной педагогическими практиками имеется кардинальное различие по трем диагностическим признакам:

по способам целеобразования;

по типам педагогической деятельности;

по способам связи участников совместной деятельности.

Поэтому инновационные практики - это всегда практики перехода, движения от исполнения госзаказа к образовательным потребностям, переход от авторитаризма к новым отношениям преподаватель-студент заказчики образовательных услуг,

Типы нововведений в системе «школа-негосударственный вуз»:

в педагогическом процессе – в целях, и содержании образования; в методиках, средствах, приемах, технологиях педагогического процесса; в формах и способах организации обучения и воспитания; в деятельности администрации, педагогов и учащихся;

по признаку масштабности - комплексные, связанные между собой;

по признаку инновационного потенциала – комбинации нововведений;

по качеству источников идей обновления школы и вуза - потребности региона, города; образовательные потребности обучающихся; опытно-экспериментальная работа; зарубежный опыт.

Основой инновационных изменений в учебном процессе являются собственные проекты, сформированные в виде программ, представляемых как образовательные услуги. Экономические понятия, которые становятся привычными для педагогической деятельности осуществляемой в условиях рынка, позволяют структурировать учебно-воспитательный процесс между государственными и негосударственными учреждениями [2]. Экономические понятия, которые стали основой для инноваций в нашем исследовании следующие: образовательная услуга, обучающиеся – заказчики образовательных услуг, пакет пользы клиентов.

Образовательная услуга. Маркетинговая деятельность привычная для экономики, в педагогике является инновационной деятельностью. Поэтому в сфере образования маркетинговые и рыночные инструменты управления используются в недостаточной степени. Однако проблема актуальности применения маркетинга в области образования вызывает огромный интерес. Основным видом деятельности учреждений образования является создание образовательных услуг [4] .

Обучающиеся – заказчики образовательных услуг формируют новый тип отношений «преподаватель и студент субъекты образовательной программы». Каждый потребитель настроен на определенный набор в структуре технологической цепочки непрерывного образования. Это требует учета уникальных потребностей каждого клиента с изменением формы или качества образовательных услуг. Настройка на требования потребителя подразумевает, что система операций должна быть достаточно гибкой, чтобы реагировать на его потребности и изменения в образовательных услугах.

Образовательные услуги – как пакет пользы клиентов. Образовательная услуга чаще всего предоставляется путем реализации образовательной программы определенного уровня

Пакеты пользы клиентов могут формироваться как основная программа + вспомогательные услуги (курсы повышения квалификации по профессии или профессиональная переподготовка на новый вид деятельности). В системе непрерывного образования есть возможность повысить квалификацию или освоить новый вид деятельности. Пакет образовательных услуг может быть сформирован из основной образо-

вательной программы с поддерживающими услугами (творческие мастерские: дизайн, рисунок, спортивные занятия). Выбирая, товар-услугу, студенты стремятся получить так называемый «пакет пользы клиентов», который состоит из основной образовательной программы и набора различных спецкурсов. Этот пакет рассматривается клиентом в целом, а не как отдельные продукты и услуги. Продукт сферы услуг включает в себя: основную услугу; вспомогательные услуги; поддерживающие услуги. Любой пакет пользы клиентов может включать несколько рыночных потребностей. Пакет пользы клиентов является инновационным проектом, направленным на изменение существующего порядка вещей существующих представлений относительно системы деятельности университета, как базы инновационных процессов [1].

Какие изменения могут иметь место:

изменения учебного процесса;

изменения системы управления вузом;

изменения хозяйственной части вуза;

изменения кадрового состава;

изменения представлений о деятельности;

комплексные изменения (изменения нескольких сфер одновременно всей системы деятельности вуза).

Сегодня для удержания позиций и сохранения своего места в системе российского образования негосударственным вузам требуются новые усилия, поиск иной политики, базирующейся на развитии тех принципиальных преимуществ, которыми обладает негосударственный вуз. Возможно, негосударственные вузы, наряду с типичными мероприятиями по подъему качества обучения, должны более активно переориентироваться в направлении индивидуального обучения, подготовки специалистов немассовых профессий, сделать упор на применение уникальных методов и методик обучения.

Литература

1. Куликова С.В. Интеграция традиций и инноваций как основа модернизации Российского образования // Интеграция образования, 2004. - №3. С. 34-43.

2. Лурье Е.А. Базовые модели высшей школы в инновационной экономике // Инновации, 2004. - № 2. С. 45-50.

3. В. Мануйлов, И. Федоров. Модели формирования готовности к инновационной деятельности // Высш. образование в России, 2004. - № 7. С. 56-64.

4. Щетинин В.П. «Рынок образовательных услуг в современной России» // Школа, №3, 2007 г.

Духовная сущность архитектурного пространства

Бирюкова Е.Е.

Целью настоящего исследования является эстетико-философская аналитика содержательных различий между архитектурой и строительством для выявления сущностных характеристик архитектуры как эстетического явления.
Ключевые слова: архитектура и строительство, архитектурное пространство, духовная сущность архитектурного пространства, эстетика архитектуры

The spiritual substance of the architectural space
Biryukova E.E.
Vladimir state university of name A.G. and N. G. Stoletovykh
The purpose of this study is the aesthetic and philosophical analytics of substantial differences between the architecture and construction to identify the essential characteristics of architecture as an aesthetic phenomenon.
Keywords: architecture and construction, architectural space, the spiritual substance of the architectural space, the aesthetics of architecture

Архитектурное пространство, архитектура в широком смысле и строительство являются соотносимыми видами человеческой деятельности. Поэтому необходимо говорить не только об архитектурном пространстве, но и о пространстве строительном, так как именно продукты строительной деятельности создают некоторое пространство для человека, реальное пространство его окружения. В тоже время, когда речь идёт об эстетической ценности какого-либо объекта материально-пространственного окружения, его эстетическом аспекте, то для выявления такового, его конкретизации, описания его сущностных характеристик используются не термины «строительство», «строительный объект» и т.д. , а термины «архитектура» «архитектурное (-ая, -ый)...», даже, если этот объект имеет не художественное, а чисто утилитарное значение как, например, градирня или производственный цех. Следовательно, для выявления эстетических аспектов материально-пространственного окружения человека необходимо обратиться к различению архитектурного пространства и строительного пространства, архитектуры и строительства. Целью настоящего исследования является эстетико-философская аналитикасодержательных различий между архитектурой и строительством для выявления сущностных характеристик архитектуры как эстетического явления. Решение данной задачи может быть рассмотрено как промежуточный этап для установления качественных характеристик формы архитектурного пространства как эстетического явления.

В Советский Энциклопедический Словарь в статье «строительство» оно определено как « ...отрасль материального производства, возведение и реконструкция зданий и сооружений, также стро-

ящееся здание (сооружение) с терр. для производства работ.» [7,С.1291]. Соответственно этому и отрасли производства, материалы, деятельность и её продукты называются «строительными...», то есть имеющими отношение к материальному производству и только к нему. Так, например, строительная форма – это некоторая материальная форма применяемая в строительном производстве. Строительный материал – физический, утилитарный элемент, используемый для возведения зданий и сооружений, некоторое вспомогательное физическое вещество. Строительное пространство – это некоторое материальное пространство, физическое пространство, наполненное продуктами материального производства – зданиями, сооружениями, строительными материалами. То есть «дом» в строительном пространстве – это некоторое материальное сооружение, с определёнными параметрами, допускающими возможность использования его в качестве некоторой материальной и утилитарной единицы в соответствии с его утилитарной функцией, материальные параметры его соответствуют этой функции, соответствуют нормативной базе (СНиПам, ГОСТам и т.д.).

Но будет ли такой дом домом в архитектурном пространстве? «Дом» как элемент архитектурного пространства – это не просто материальное сооружение, а нечто, что выглядит как «Дом», что соответствует пониманию такового в данном социально-культурном пространстве, у конкретного народа, локально-этнографической группы, у человека в его социальной и культурной определённости. О таком «Доме» можно говорить не просто как о человеческом «следе», а как о «следе» человека определённой культуры.

Ряд элементов архитектурного пространства в традиционных поселениях вообще рассматриваются с точки зрения их социальной истории. Об их составляющих природных объектах – деревьях, оврагах говорят так, как будто на самом деле в них заключена органическая жизнь. Их восприятие в качестве элементов архитектурного пространства с необходимостью включает в себя их «органическую» историю и историю социальную. Дом такой же член социума как небо, поле, свои люди, он несёт на себе груз истории, он связан с этой историей, именно поэтому в сёлах могут быть незастроенные участки на месте тех домов, которые «умерли нехорошей смертью» или складываться истории о том как «жили» и «умирали» церкви, а места старых кладбищ застраиваются только незнающими, приезжими, «не своими». Социальность и одухотворённость пространства распространялись и на участки земной поверхности, землю вообще. Площади у колодцев, скотопрогоны, дороги, рощи и лески близь деревни, ручьи и т.д. имеют своё значение, свою социальную историю, свою повесть жизни, и именно с этой историей включаются в социальную жизнь. Исходя из нее, они становятся своими, «добрыми» или «злыми», «хорошими» или «нехорошими», и, следовательно, «красивыми» или «некрасивыми». Они как бы входят в близкое окружение. И эстетическое отношение к ним возникает сообразно их роли в жизни социума, деревенского (сельского) сообщества, члены которого становятся своими только тогда, когда имеют свою историю в общем, выступают как некое продолжение общего, единого, своего.

Следовательно, объект окружения, чтобы стать архитектурным объектом должен иметь некоторую нематериальную составляющую. Роль этой составляющей, очевидно, не просто сопоставима с материальной (физической, строительной) составляющей, но может превосходить её. На это указывает тот факт, что лишенное конкретного строительного объекта, архитектурное пространство не перестаёт быть архитектурным. Так В.Я.-Чеснов, говоря об этноментальном пространстве[10,С.72-82], относит к ним и пространства которые выступают как виртуальные, возможные – «могилы предков», «Мать-земля, по которой ходили Богоматерь и Андрей Первозванный.» [10,С.77]. Такое пространство имеет архитектурную определённость – идеальные архитектурные образы, форму и т.д., имеет границы, но не может быть отнесено к строительному пространству. Оно мифологично, аффективно, почти граничит с магическими формами, выступает как некоторый этнический «символ-мотивация», как «ландшафтный знак этнической целостности» [10,С.77-78], что не мешает ему быть наполненным утилитарной повседневностью. У него есть некоторое материальное воплощение, пусть виртуальное или спроецированное на другое материальное пространство. (Так, каждая церковь есть и земное воплощение небесного града, и Иерусалима, как идеальной прасущности.) Оно наделено качествами, не вытекающими непосредственно из его качеств физических или утилитарных.

М.Бессет, характеризуя специфику творчества архитектора, использует понятие «дематериализация» по отношению к тому, что он называет «архитектурная оболочка пространства» [цит.по5,С.186], подчёркивая тем самым раз-

ницу между строительным объектом и объектом архитектурным, смыслы которого лежат в иной, нематериальной плоскости.

Из сказанного выше можно сделать следующий вывод: архитектурный и строительный объект соотносятся своеобразным образом. Цели, задачи, содержание архитектурного пространства шире строительных. Не архитектура украшение строительного объекта, а строительный объект – материальная предпосылка и возможность осуществления для архитектурного пространства. Этот тезис в изложении Ле Корбюзье звучит следующим образом: «Архитектура имеет другой смысл и другие цели, чем показывать конструкции.» [цит.по5,С.173]. В начале 70-х годов XX века В.Ю.Циркунов в работе «Об эстетической природе зодчества» сформулировал следующим образом сущность архитектурного пространства: «...строительный объект не может быть признан архитектурной формой, то есть произведением материальной и духовной культуры до тех пор, пока не содержит в себе и не выражает своими формами идеологии породившей его общественной среды и системы.» [9,С.138]. Если принять к рассмотрению этот тезис с поправкой на философскую позицию автора, то из него вытекает, что строительный объект, чтобы стать архитектурным, должен содержать в себе и выражать своими формами породившее его социальное пространство во всех аспектах, в том числе и духовную жизнь социума. Строительный объект – материальная форма, чье основное содержание заключено в ней самой. Архитектурный объект – не-материальная форма, или формы, чьё смысловое поле и, следовательно, содержание находится во всей совокупности жизни социума. По отношению к социально-культурному пространству архитектурное пространство – это материальное воплощение духовного, духовных феноменов, «человеческий след», антропопроекция на материальное основание. К архитектурному пространству вполне применимо высказывание М.Хайдеггера относительно «творения»: «Быть творением значит восставлять свой мир...» [8,С.77], поскольку оно создаёт свой мир для человека и именно с этой целью производится человеком.

Необходимо отметить, что не-материальная сущность архитектуры отмечалась и в других философских исследованиях. Так, Л.Витгенштейн в работе «Культура и ценность» характеризует архитектуру на основе противопоставления архитектуры и здания, рассматривая их по принципу наличествования духовности и осмысленности во внешнем вещественном проявлении. «Архитектура,– пишет Витгенштейн.– своего рода жест. Не всякое целесообразное движение человеческого тела жест. Так же как не всякое здание отвечающее цели – архитектура.» [2,С.451], «...хорошая архитектура создаёт впечатление воплощённой мысли. У тебя возникает желание ответить на это жестом.» [2,С.432]. Следовательно, прямым продолжением размышлений Витгенштейна будет вывод, что архитектуру, в отличии от строительства, характеризует некоторая о-душевлённость и нематериальность, которая выражается в возможности архитектурного объекта участвовать в человеческом диалоге, выступая в качестве некоторого духовного феномена.

Сходные размышления о сущности архитектуры и предметного творчества как сущности нематериальной в контексте их рассмотрения как носителей некоторых духовных смыслов есть у Х.Ортега-и-Гассета. Анализируя предметное творчество вообще Ортега-и-Гассет в работе «Эссе на эстетические темы в форме предисловия» пишет: «...не глыба мрамора ... образ действительности. Ведь поскольку мы можем вызвать в памяти все его детали, нам вовсе не важно его материальное существование. Сознание реальности этого мраморного тела никак не участвует в нашем эстетическом переживании или, вернее сказать, участвует только как средство почувствовать, что это чисто воображаемый объект, который мы можем полностью перенести в нашу фантазию.» [6,С.488]. Операции с материальными объектами, составляющими некоторый материальный мир, напротив, идут, по мнению испанского философа, как операции по «привнесению» в материальную субстанцию некоторых изменений позволяющих их, уже в качестве таковых, изменённых, отождествить с человеком как носителем некой идеальной сущности, «...противостоящий ему мир мало-помалу уподобляется ему самому. Человек очеловечивает мир, напитывает, насыщает его своей идеальной сущностью и, может статься, в какой-то день, один из многих, этот ужасный внешний мир окажется настолько преисполнен человечности, что наши потомки будут бродить по нему, как мы сейчас бродим по тропинкам нашей души, может статься, что мир, не переставая быть таковым, превратиться в некое подобие материализовавшейся души.» [6,С.238].

Относительно взаимосвязи строительного и архитектурного объекта интересным представ-

ляются рассуждения Р.Ингардена в «Исследованиях по эстетике»[4,С.203-260]. ««Храм» уже не является простой грудой неким образом сложенных камней,– пишет Ингарден.– хотя эта груда камней служит нам в качестве реальной основы и несмотря на то, что она является отправным пунктом акта «посвящения». ... Как таковое оно, respective, постройка, «превращённая» в храм, и приобретает ряд свойств и функций, которых не имеет и не могло бы иметь никакое упорядоченное скопление камней и строительных материалов.» [4,С.208-209], отмечая тем самым, что смыслы архитектурного образования, «храма», лежат в иной, отличной от материальной, плоскости. Однако, строительный объект, являющийся основой архитектурного объекта, и архитектурный объект, или «постройка» и «архитектурное произведение» в терминологии Ингардена, тем не менее взаимосвязаны. «Создаётся тип формы построек, которые должны быть храмами... В результате этого легко достигается перенесение термина «храм» ... на соответствующую реальную вещь, служащую интенциональному предмету в качестве объективной бытийной основы. Тогда сама эта реальная вещь (постройка) кажется «храмом», «знаменем», «театром» и т.д.» [4,С.211].

Архитектурное и строительное пространство можно рассматривать как материально-различающиеся феномены только при абстрагировании в рамках исследования. Тем не менее, различие их как антропных образований существенно, можно сказать, что различаются они кардинально, по отношению к строительному пространству архитектурное пространство является некоторым идеальным образованием с принципиально нематериальной, духовной сущностью. Следовательно, необходимо рассмотреть его в таком качестве, так как, именно в бытии его в качестве такового коренится эстетическая природа архитектурного пространства.

Специфика этого духовного образования может быть определена из сопоставления с определением «эстетического» по отношению к средневековой культуре, данным В.В.Бычковым в исследовании «Русская средневековая эстетика» [1].Поскольку автор этой работы рассматривает в качестве таковых не только художественные компоненты культуры, но и культуру в целом, то «...к сфере эстетического в средневековой культуре могут быть отнесены все компоненты неутилитарных взаимоотношений человека с окружающим миром (природным, предметным, социальным, духовным) в результате которого он испытывает духовное наслаждение. Суть этих взаимоотношений заключается или в выражении некоторого смысла в чувственно воспринимаемых формах, или в самодовлеющем созерцании некоего объекта (материального или духовного). Духовное наслаждение свидетельствует о свехразумном узрении субъектом в эстетическом объекте сущностных основ бытия, сокровенных истин духа, неуловимых законов в жизни во всей её полноте и глубинной гармонии, об осуществлении в конце концов духовного контакта с Универсом, о прорыве связи времён и хотя бы мгновенном входе в вечность, или, точнее,– об ощущении себя причастным вечности. Эстетическое выступает, таким образом, некой универсальной характеристикой всего комплекса неутилитарных взаимоотношений человека с миром основанных на ощущении им своей изначальной причастности к бытию и к вечности, гармонической вписанности в Универсум...» [1,С.8]. Поскольку архитектурное пространство неутилитарно и, в отличие от пространства строительного, представляет собой некий комплекс неутилитарных взаимоотношений человека с миром (социальным, природным, духовным), то оно может быть рассмотрено в эстетическом аспекте, в качестве некоторого целостного эстетическое образования. Основу эстетической составляющей необходимо искать в выражении этой некоторой нематериальной стороны существования вещественно-предметно-протяжённого окружения человека полученного посредством строительства, так как именно она представляет сущность эстетического бытия архитектурного пространства. Как некоторое эстетическое пространство, в результате общения с которым, обращения с которым, обращения к которому человек сталкивается с «выражением некоторого смысла в чувственно воспринимаемых формах» [1,С.8]. Смысл порождается эстетической целостностью человека и его архитектурного лица, явившегося вследствие антропопроекции. Это наиболее ясно предстаёт при различении материального и нематериального в архитектурном пространстве. В чувственно-воспринимаемых формах которого предстаёт человеческое духовное содержание. Материальное отступает на второй план, а нематериальное, то есть та духовная составляющая, которая и является сущностью архитектурного пространства, становится объектом оперирования. Л.Витгенштейн поэто-

му приравнивает архитектуру к духовным образованиям, рассматривая её как способ видения предметов с одной стороны, а с другой как определённую «работу над собой», то есть обращение к некоторой собственной духовной определённости. «Работа.... в архитектуре, - пишет Витгенштейн в исследовании «Культура и ценность»., - это в значительной мере работа над самим собой, над собственной точкой зрения. Над способом видения предметов. (И над тем, что человеку от них требуется.).» [2,С.427]. Это позволяет говорить о том, что для архитектурного пространства первично идеальное бытие, так как именно оно проходя стадию «работы над собой», и стадию «способа видения предметов», уже только потом конкретизируется в том, «что человеку от них требуется».

Но нематериальная природа архитектурного пространства не даёт права рассматривать его только как идеальный объект. К архитектурному пространству, ставшему в качестве эстетической целостности, применимо замечание Гегеля в отношении художественного произведения, что оно «... находится посередине между непосредственной чувственностью и принадлежащей области идеального мыслью. Оно ещё не является чистой мыслью, но, вопреки своему чувственному характеру, уже не представляет собой голого материального существования, подобно камням и живым организмам. Само чувственное в художественном произведении принадлежит сфере идеального, но, в отличие от научной мысли, это идеальное существует вместе с тем внешне в форме вещи.» [3,С.44-45].

Такой способ существования, то есть идеальное существование внешне в форме вещи, если рассмотреть его применительно к архитектурному пространству, предусматривает три аспекта. Первый. Это некоторое существование между «голым материальным существованием» и идеальным бытием мысли. То есть некоторый особый способ существования, посредством которого могло быть обнаружено бы идеальное в материальном бытии вещи. И именно этот особый способ существования архитектурного пространства даёт возможность посредством него вступать в некоторые неутилитарные взаимоотношения с окружающим миром, дающие духовное наслаждение и оцениваемые как эстетические. Второй. Это особое существование опредмечивается внешне. То есть необходимо говорить об особом прочтении некоторого «внешнего» в архитектурном пространстве в процессе его «эстетического прочтения», то есть об эстетико-идейной насыщенности архитектурного облика. Третий. Существует некоторая особая «форма вещи» которая бы, в отличии от её простой материальной формы, позволяла бы усматривать в архитектурном пространстве и некоторую особую его внешность, которая могла бы быть охарактеризована с эстетических позиций, и раскрывающийся посредством неё особый способ существования, позволяющий ему стать предметом рефлексии эстетического сознания, то есть быть рассмотренным в целом как эстетический объект. Эти три аспекта архитектурного пространства как нематериального образования, своеобразного произведения человеческого духа, становящегося объектом эстетической рефлексии являются принципиально важными для анализа формы архитектурного пространства как эстетического явления, поскольку они позволяют выявить именно те ее аспекты, которые имеют отношение только к возможности выступать в эстетически выразительном качестве, то есть становиться внешней манифестацией идеальных сущностей при помощи архитектурных форм.

Литература

1.Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI - XVII века.. - М.: Мысль, 1992. - 637 с.

2.Витгенштейн Л. Философские работы / пер.с нем.Ч.1- М.: Гнозис, 1994.- 520 с.

3.Гегель Г.В.Ф. Эстетика / пер. с нем. в 4-х т. Т.1 - М.: Искусство, 1968. - 312 с.

4.Ингарден Р. Исследования по эстетике - М.: Изд-во иностран. литературы, 1962. - 572 с.

5.Леви А. Пюризм против брутализма. Функционирование пластической речи у Ле Корбюзье // Семиотика пространства: Сб. науч. тр. международ. ассоц. семиотики пространства. - Екатеринбург: Архитектон, 1999. - С. 171-193.

6.Ортера - И - Гассет Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник / пер. с исп. - М.: Радуга, 1991. –С. 479-500.

7.Строительство // Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1981. - С. 1291.

8. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет / пер.с нем. - М.: Гнозис, 1993. - С. 47-116..

9.Ингарден Р. Исследования по эстетике. - М.: Изд-во иностран. литературы, 1962. - 572 с.

10.Чеснов Я.Н. Лекции по исторической этнологии: учебное пособие. - М.: Гардарика, 1998. - 400 с.

Этические проблемы оказания психологической помощи в период чрезвычайных ситуаций

Борисова К.Ю.

Статья посвящена основным аспектам медицины катастроф, которая представляет собой особую новую медицинскую специальность, а именно - это лаборатория развития идей гуманизма, милосердия и любви к людям, которые в дальнейшем конечном счёте закрепляются в этических и правовых документах.
Ключевые слова: психологическая помощь, чрезвычайная ситуация, природные катаклизмы, модель здравоохранения, медицина катастроф.

Ethical problems of psychological assistance during the emergencies
Borisova K.Yu.
Lomonosov Moscow State University
The article is devoted to the basic aspects of disaster medicine, which is a special new medical specialty - namely, a laboratory of ideas of humanism, mercy and love to people who subsequently ultimately fixed in the ethical and legal documents.
Keywords: psychological assistance, emergency, natural disasters, health-care model, medical catastrophes.

Актуальность этических проблемы оказания психологической помощи в период чрезвычайных ситуаций с одной стороны, обуславливается тем, что международное право не достаточно совершенно, чтобы полностью остановить военные конфликты, технический прогресс не может обеспечить безопасность человека от стихийных бедствий и природных катаклизмов, и в связи с этим появляются пострадавшие, во многих случаях им требуется психологическая помощь, которая может быть оказана в комплексе с медицинской или носить самостоятельных характер. С другой стороны, помощь как психологическая так и медицинская должна быть оказана на квалифицированном уровне, один из важных пунктов которой – действие должно исходить из идеи гуманности. Формальным выражением этого, хотя и не универсальным, может служить действие согласно этическим принципам принятым в данном сообществе.

Большой вклад в развитие этой темы внесли исследования таких американских ученых как Кэмбел А., Джиллетт Г., Джонс Г., Д. Чилдресс, Т.Бичмант. Если говорить о русскоязычных разработках этой темы, то можно отметить исследование «Этические проблемы оказания медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях» (М.: Издательство Московского гуманитарного университете, 2007.). Так же нужно отметить, что данная тема исследуется и профессиональным сообществом, из наиболее интересных работ для философского анализа можно выделить «Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных « (Под общей ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007). Исследований посвященных медицинской и профессиональной этики представляется достаточное количество, но наблюдается дефицит узкоспециализированных философско-этических исследований данной темы, особенно русскоязычных.На наш взгляд, эта тема заслуживает более глубоких специальных исследований.

Объект нашего исследования – оказание психологической помощи в период чрезвычайных ситуациях. Предметом исследования является этические проблемы возникающие в рамках данной деятельности. Структуру моей статьи можно обозначить следующим образом: в начале мы бы хотели дать философский анализ понятию чрезвычайная ситуация и психологическая помощь, проследить связь медицинской и психологической помощи на основании психосоматического подхода Ф.Александера. Далее провести сравнение этических принципов данных в пособии для психологов, работающих в чрезвычайных ситуациях и четырех основных принципов биоэтики, с целью выявление особенностей преломления данных принципов в период катастроф. Морально оправданное отступление или сужение поля действия принципа. Личность психолога медицины катастроф.

На основании полученных вывод, провести интерпретацию полученного анализа в дискурсе моделей медицины по теории (Витча-Тищенко).

По мнению П.Д. Тищенко[1] , в современной медицине можно выделить три модели здравоохранения: медицинская, социальная и экзистенциональная.

Если кратко охарактеризовать каждую из них, то медицинская модель представляет собой как бы войну между врачом и острой болезнью, полем битвы которой, является пациент. Социальная модель предполагает адаптацию пациентов, страдающих хроническими заболеваниями. Задачи исследования и помощи в ситуациях на грани жизни и смерти, представлены в экзистенциальной модели.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что в современном обществе актуально выделять ещё одну модель здравоохранения – модель медицины катастроф. В дальнейшем, я планирую более подробно рассмотреть этические проблемы оказания медицинской, помощи в узком смысле слова, рассмотреть моральные дилеммы данного профессионального сообщества, более глубоко проанализировать статистическую информацию по данному вопросу, провести интервьюирование психологов службы медицины катастроф, рассмотреть опыт этического регулирования службы медицины катастроф на примере других стран.

В начале нашего исследования нужно сказать, что оказание психологической помощи может происходить двумя способами: психологическая помощь как отдельная терапия и, во втором случае в комплексе с медицинской помощью. Важно отметить, что комплекс оказания помощи врачом медицина катастроф особенно невозможен без психологической помощи, так как чрезвычайные ситуации имеют неотъемлемый атрибут – высоки уровень нервного напряжения населения.

На первый взгляд, психологическая помощь второстепенна по отношению к физиологической, но с другой стороны современное научное сообщество все чаще проявляет интерес к психосоматике.

Франц Александер, ученик З.Фрейда в книге Психосоматическая медицна форимрует психосоматическй метод.

Взаимодействие эмоций, гармональной реуляции и заболевния можно описать следующем образом: «Вегетативные реакции на различные эмоциональные стимулы также зависят от типа эмоций. Каждому эмоциональному состоянию присущ свой физиологический синдром. Возросшее кровяное давление и учащенное сердцебиение - компоненты ярости и страха. Усиленная желудочная секреция может быть регрессивной реакцией на чрезвычайную ситуацию. Приступы астмы связаны с вытесненным бессознательным импульсом - криком звать мать на помощь».[2]

Врач медицины катастроф в большинстве случаев имеет дело с целым комплексом эмоций, но самой выраженной из них является страх. На биохимческом уровне страх вызывает резкий выброс адреналин в кровь, что вызывает ишемию, сужение сосудов т.д. Принимая во внимание этот факт врач медицины катастроф выбирает способ оказания помощи пострадавшему.

При оказании психологической помощи важно понимать этиологию эмоции, которая вызывает нервное напряжение. В большинстве случаев население в зоне чрезвычайной ситуации находится в состоянии стресса.

Что именно может вызвать страх? По мнению Ф.Шеллинга на онтологическом уровне страх представляет угрозу потери собственного единства. «Страх перед полным исчезновением единства, а вместе с тем и всякого подлинного человеческого сознания – вот, что даровало людям и первые религиозные обряды, и даже первые гражданские учреждения; целью их было сохранить и обезопасить от дальнейшего

разрушения все, что сумели они сохранить от былого единства»[3]

Страх перед лицом неизвестности, смерть, страдания людей. Обращаясь к конкретному человеку это потеря близких, мысли по поводу неизвестности дальнейшей жизни близких, будущего детей, потеря дееспособности. человек теряет уверенность в существовании для него потребностей первого порядка потребность в еде, кровле, защищенноти. Ощущения заброшенности. Обращясь к терминологии постмодернистов, а в частности к А.Бадью «Этика.Очерк о сознании зла»[4] , можно сказать, что катастрофа это событие, которое навсегда изменяет человека, он уже никогда не будет прежним.

Задача психолога в условиях данной ситуации скорректировать ощущение хаоса, а следовательно и страха в сознании пострадавшего. Но возникает вопрос системы ценностей пострадавшего до возникновения катастрофы, ценностных ориентиров, которые может обнаружить психолог в процессе работы. На мой взгляд, главным этическим правилом психолога как и врача можно назвать правило «не навреди!» затем чтобы,разговор с психологом не стал еще одним событием в терминах А.Бадью, после которого человек потеряет свою ценностную уникальность. Сохранение личности, поиск осколков ценностной системы и метода как клея для восстановления личности.

Психологический стресс можно определить как феномен осознавания, возникающий при сравнении требований, предъявляемых к личности, с ее способностью справиться с этими требованиями. Такое понимание психологического стресса первым ввел Р. Лазарус.

Когда мы говорим об этических проблемах оказания психологической помощи, в первую очередь нужно отметить, что главными ценностными ориентирами выступают четыре принципа биоэтики.

В методологическом плане в биоэтике выделяются четыре основных принципа: принцип автономии личности и уважения человеческого достоинства, принцип благодеяния, принцип непричинения вреда и принцип справедливости (эти принципы развернуты и обоснованы в фундаментальной работе американских биоэтиков Тома Бичампта и Джеймса Чиллдреса[5] «Принципы биомедицинской этики»). Каждый из вышеперечисленных биоэтический принципов яляется ценностным ориентиром в пространстве биоэтики, на странцицах книг и журнлов мы все больше может видеть философскую рефлексию по данному вопросу. Создаются учебные пособия по биоэтики, проводится подготовка персонала, но это еще не гарантирует конвертацию внешних норм во внутренние. Для психологов, работающих в условиях чрезвычайных ситуаций, необходимо принимать решение в реальном мире, а не в теоретических абстракциях.

«Никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом мире невозможна, в нем нельзя жить, ответственно поступать, в нем я не нужен, в нем меня принципиально нет»[6]

Но встает вопрос о качестве предложенных решений, специалисту работающему в данной сфере приходится принимать сложные моральные решения, так как уровень напряженности в зоне поражения на порядок выше, чем в обычной повседневной жизни.

Одним из пространств, где закрепляется этические нормы можно назвать комплекс документов, которые образуют сферу гуманитарного права.

Одно из положений преамбулы Протокола II Женевской Конвенции гласит, что «в случаях, не предусмотренных действующими правовыми нормами, человеческая личность остается под защитой принципов гуманности и требований общественного сознания»

Л.В. Коновалова говорит о биоэтике как о новой науке о милосердии[7] , Среди тех, кто призван воплощать на практике её идеи, важное место занимают врачи медицины катастроф «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним, то, что я единожды признал, подписал данное признание.»[8] Нормы официальных документов тогда становятся основой действия, когда сообщество принимает это как этическую норму.

Как считает Т.И. Пороховская[9] , первым, кто внёс философскую рефлексию в сферу профессиональной морали был Э. Дюркгейм (1859-1917). В предисловии его работы «О разделении общественного труда» (1902) содержится очерк о профессиональной этике – «Несколько замечаний о профессиональных группах», где и была предпринята попытка применения философской рефлексии к этому явлению общественной жизни. Э. Дюркгейм говорит о профессиональной этике прежде всего как о механизме профессионального регулирования.

В литературе, посвященной профессиональной этике, большинство авторов исходит из «парадигмы Гиппократа» - они разрабатывают профессиональную этику как собственно систему норм (т.е. как идеологию), регулирующих сами социальные практики в рамках профессиональной деятельности.

Когда речь идёт об этически нагруженных профессиях, таких как врач, юрист, журналист, педагог и т.д., невозможно обойтись без системы этических норм (этических кодексов), которая бы регулировала, и в какой-то мере предписывала действия профессионалов этой сферы.

В профессиональном сообществе психологов медицины катастроф[10] выделяется шесть основных этических принципов работы специалиста в данной области такие как:

Принцип защиты интересов клиента. В данном контексте применения этого принципа в период ЧС обуславливается тем, что границы проблемы с которой ведется работа не обговариваются как это бывает в повседневной практике.

Принцип «не навреди». В указанном источнике «Первое следствие: краткосрочность оказания помощи, то есть помощь должна быть направлена на коррекцию актуального состояния, вызванного данной ситуацией, одновременно обеспечивая экологичность проводимых мероприятий для будущей жизни клиента.» Работа с давними особенностями личности считается принципиально неправильной.

Принцип добровольности. Психологическая помощь оказывается не только по просьбе клиента, но и как бы навязывается потерпевшему, так как ситуация требует такого решения.

Принцип конфиденциальности. Сохраняется при оказании психологической помощи, но предусматривает отступления, если информация полученная специалистом является опасной для потерпевшего.

Принцип профессиональной мотивации. Направлен на самого психолога, своей целью носит защиту пострадавшего от негативных воздействий смешивания личных мотивов психолога (таких как самоутверждения и т.д.) профессиональной мотивации. Усиление строгости выполнения усиливается в период ситуаций отличных от повседневной практики.

Принцип профессиональной компетентности «предполагает, что специалист, оказывающий помощь, должен быть достаточно квалифицирован, иметь соответствующее образование и специальную подготовку для работы в чрезвычайных ситуациях».

Психолог в данном случае не может перенаправить пациента к другому более квалифицированному специалисту.

Выделение шести этических принципов деятельности психолога медицины катастроф вместо четырех классических требует подробного рассмотрения.

Первый принцип - «не навреди». Является старейшим в биоэтике и по латыни звучит как: primum non nocere, что в переводе на русский язык означает «прежде всего – не навреди».

В классификации описанной выше мы можем найти принцип со сходным названием, но биоэтческий принцип «прежде всего не навреди» имеет более сильную нормативную нагрузку, чем принцип указанный ранее. Тот вред, о котором идет речь в первом случае является лишь одной из разновидностью вреда.

Особенностью этого принципа при работе в чрезвычайной ситуации является актуальность помощи, как это было сказано выше. Ограниченность во времени, большое количество пострадавших делают невозможным работу с пострадавшим пролангированнной. На мой взгляд, такой вид вреда относится больше к проблеме психологической сортировки, чем к личности. Самым страшным видом вреда в данном случае будет выступать угроза разрушения личности, ее целостности под влиянием действия психолога.

Второй принцип – «делай благо». Этот принцип является продолжением и расширением предыдущего, но в отличии от принципа «не навреди» имеет форму, которая требует некоторых позитивных действий.

Фундаментальное правило биоэтики гласит: моральный долг врача относиться к пациенту как к личности, и моральный долг пациента перед самим собой – оставаться личностью даже в условиях заболевания. Трудно уважать личность того, кто сам в себе её не уважает.

Анализирую данный принцип и систему этических установок представленных выше, можно сказать, что данному принципу соответствует принцип профессиональной мотивации. В том смысле, что именно эта моральная установка диктует человеку совершать действия направленные на благо пострадавшего, и защищает психолога от подмены мотива профессиональ-

ной помощи на мотивы самореализации или других сторонних мотивов.

Принцип «уважения автономии личности». Понятие автономии является одним из ключевых в этике, поскольку только автономная личность может делать свободный выбор, и только там, где есть такой выбор, можно говорить об ответственности, применять этические категории. По мнению, Б.Г. Юдина[11] можно выделить следующие признаки автономного действия:

• Интенционально (преднамеренно; в соответствии с некоторым собственным замыслом, планом);

• Осознанность (понимание того, что именно он делает);

• Исключение внешних влияний, которые определяли бы ход и результат действий.

Принцип «уважения автономии личности» опирается на то, что человеческая личность самоценна независимо от каких бы то ни было внешних и внутренних факторов, к примеру, внутренних страстей. И. Кант утверждал: «Каждая личность самоцель и ни в коем случае не должна рассматриваться как средство для осуществления каких бы то ни было задач, хотя бы это были задачи всеобщего блага.»[12]

Это чрезвычайно сильное требование сегодня легло в основу практически всех международных и национальных этических кодексов, деклараций и иных документов, регулирующих моральную и юридическую сторону медицинских вмешательств в физическое и психическое состояние человека. Обращаясь к списку принципов указанному выше принципу «уважения автономии личности» будут соответствовать сразу три принципа:

Принцип защиты интересов клиента, Принцип добровольности, Принцип конфиденциальности.

Принцип справедливости

Принципу справедливости будетсоответствовать принцип Принцип профессиональной компетентности. В принципе профессиональной компетентности и в принципе профессиональной мотивации основную роль играет личность самого психолога.

Его гуманистический настрой с одной стороны и методы восстановление с другой, так как отэтого напрямую зависит эффективность оказанной помощи. Профессионализм еловека данной специальности заключается не только в правильном выборе спрособов и методов помощи, хотя это безусловно очень важно, но и в его способности поддерживать себя в состоянии как моральном, так и физическом оптимальном для данной этически нагруженной деятельности.

Оказание психологической помощи самой по себе возможно , если мы принимаем предпосылку о том, что существует способность вчуствования. Традицию сенсуалистов продолжает и Д.Юм «Самое замечательное из всех качеств человеческой природы как само по себе, так и по своим следствиям - это присущая нам склонность симпатизировать другим людям и воспринимать посредством сообщения их наклонности и чувства, как бы они ни отличались от наших, хотя бы они были даже противоположны последним».[13]

Сам процесс оказания психологической помощи в своей основе заключается в проникновении в мир Другого , в попытке построения модели его внутреннего мира, с целью реконструкции поврежденных объектов.

Д.Юм делает попытку описать устройство человеческой природы используя термин «ментальная география».

“Немалую часть науки составляет простое распознавание различных операций духа, отделение их друг от друга, подведение под соответствующие рубрики и устранение того кажущегося беспорядка и запутанности, в которых они находятся, когда предстают в качестве предметов размышления и исследования”[14] .

Разделение впечатлений и идей соответствует различению чувственности и мышления. “Впечатления, следовательно, представляют собой живые и сильные перцепции. Идеи – более тусклые и слабые. Впечатления, в свою очередь, делятся на “впечатления ощущения” и “впечатления рефлексии”, или “первичные” и “вторичные” впечатления. Механизм смены перцепций можно описать следующим способом: 1)вначале “от неизвестных причин” (from unknown causes) в душе возникает впечатление ощущения, 2)затем идея этого впечатления остается в памяти. 3)Если идея приятна, то ее воспроизведение порождает желание вновь иметь соответствующее ощущение.

Д. Юм полагает, что сколь бы мы ни всматривались в себя, мы всегда видим какое-то конкретное впечатление, внешнее или внутреннее, ощущение или желание. Но мы никогда не видим само Я в изоляции от всех других перцепций. Это наблюдение позволяет Юму в первой книге “Трактата” сделать вывод о том, что душа

есть "пучок или собрание различных перцепций" (bundle or collection of different perceptions).

Психолог работющий в услоиях чрезвычайной ситуации невольно принимает на себя и роль морального писхолога в том числе. Если следовать описанию устройства душевной жизни Д.Юма, особенно принимая во внимание тот факт, что человек обращаясь к себе не может видеть собтвенное душеное устройство, помощь морального психолога имеет обязательный характер, если речь идет о желании восстановить ценностную систему.

При процессе вчувствования не подруземевает попытки насильственного проникновения в мир Другого, это более напоминает естественный процесс приближения к Другому по средствам эмпатического чувства.

Важно обратить внимание на то, что способность вчувствования должна проявляться со стороны психолога, его собственная закрытость, напряженность, нежелание помочь может стать серьезной преградой на пути к оказанию квалифицированной помощи. В пособии для врачей медицины катастроф предлагаются способы поддержания своего собтвенного психологического состояния в таком виде, который требует данная деятельность. E.Jacobson в книге «You must relax»[15] следующим образом говорит о нервном напряжени: часто человек сам замечает напряжение, оно чувствуется во всем теле. В случае автора, напряжение появилось в грудной клетке, спине и/или руках. Частыми симптомами можно назвать боль в шее и головную боль вызванные сверхнапряжением. Иногда сверхнапряжением переходит в область грудной клетки. Возможно появление «необычных ощущений», возможно страхи, часто это может проявляться при встречи иностранцами или перед разговором с людьми.

Анализирую этические принципы данные в пособии для психологов работающих в чрезвычайных ситуациях и основные биоэтиеские принциы можно говорить о том, что этические нормы психологов включены в смысловое поле биоэтических. Но рассматривая ценностные установки психологов медицины катастроф мы можем выделить особенности преломления норм биоэтики в период чрезвычайных ситуациях.

Исходя из проведенного исследовния можно сказать, что медицина катастроф – имеет отличительные черты от других моделей здравоохранения, выделенных на основе теории Витча-Тищенко[16]. При философском анализе возможных этических проблем при оказании психологической помощи в чрезвычайных ситуациях, возможно обнаружение крайне специфических форм выражения страха как онтологической боязни единичности, потери связи с оберегающим раньше миром при помощи как социальной отношений так и физических мер защиты. Деконструкция привычного миропонимания происходит в короткий срок и ведет за собой усиление ощущения заброшенности человека в понимании М.Хайдыгера. Единственный способ в понимании Другого, и он же ключ к помощи, это вербальная коммуникация. Принимая во внимание всю философскую традицию направленную на доказательства несовершенств языка, в пространстве медицины катастроф это один из немногих способов понять по какому направлению можно оказать психологическую помощь. Рассматривая медицину катастроф как феномен современности, можно говорить о задаче возвращения целостности пострадавшим в период чрезвычайных катастроф. Речь здесь идет не только о физической составляющей человека, но, и даже в большей степени, о его целостности восприятия действительности,«новый способ быть» в терминологии А.Бадью[17], без квалифицированной помощи разрушить человеческую сущность (как эмоциональную так и физическую). Термин Забота, может наиболее точно охарактеризовать основной моральный ориентир психолога. Если катастрофу можно описать в терминах имеющих приставку де – деконструкция, деструкция, дестабилизация, то этическим принципом психолога, может являться направленность деятельности, несущая смысл приставки "re (реконструкция и т.д.) Важно заметить, что с какими бы случаями не сталкивался специалист данной области это не может быть создание, строительство чего-то принципиально нового, это только реконструкция, воссоздание.. одним из глубоко наполненных этический правил можно назвать высокий профессионализм самого психолога и желание служить принципам гуманности.

Литература

1. Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. / Пер. В. Е. Лапицкого. - СПб.: Machina, 2006. - 126 с

2. Бахтин М.М. К Философии поступка. Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985.М.:Наука. 1986

3. Биоэтика: принципы, правила, проблемы - М.: Эдиториал УРСС, 1998, - 472 с.

4. Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. - 1994. - №3.

5. Кант И., Соч., т. 4, ч. 1, М., 1965

6. Коновалова Л.В. Прикладная этика: по материалам западной литературы (Том 1) - Институт философии РАН, 1998. – С.256.

7. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общей ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007. - 319 с.

8. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. /Пер. с англ. С. Могилевского. - М.:Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. - 352 с, http://www.koob.ru/alexander_franz/psychosomatic_medicine_princeps_and_use.

9. Тищенко П.Д. Жизнь и власть: био-власть в современных структурах врачевания. Мир психологии № 2, 2006.

10. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И.Церетели; вступ. ст. и примеч. И.С.Нарского // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 12

11. Шеллинг Ф. Историко-критическое введение в философию мифологии; http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/shell/03.php

12. Этика: учебник для бакалавров / А.А. Гусейнов, А.Г. Гаджикурбанов [и др.]; под общ. ред. А.А. Гусейнова. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 569 с. – Серия: Бакалавр. Углубленный курс.

13. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И.Церетели; вступ. ст. и примеч. И.С.Нарского // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 367–67

14. E.Jacobson You must relax/ - UNWIN PAPERBACKS, 1976 – 270 с, с.4-5

15. Principles of Biomedical Ethics, James F. Childress: Authors: Tom L. Beauchamp, James F. Childress: Edition: 5, revised: Publisher: Oxford University Press, 2001.

Ссылки:

1 П.Д. Тищенко Жизнь и власть: био-власть в современных структурах врачевания. Мир психологии. № 2, 2006.

2 Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. /Пер. с англ. С. Могилевского. - М.:Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. - 352 с, http://www.koob.ru/alexander_franz/psychosomatic_medicine_princeps_and_use.

3 Шеллинг Ф. Историко-критическое введение в философию мифологии; http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/shell/03.php

4 Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. / Пер. В. Е. Лапицкого. - СПб.: Machina, 2006. - 126 с

5 Principles of Biomedical Ethics, James F. Childress: Authors: Tom L. Beauchamp, James F. Childress: Edition: 5, revised: Publisher: Oxford University Press, 2001.

6 Бахтин М.М. К Философии поступка. Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985.М.:Наука. 1986

7 Л.В. Коновалова. Прикладная этика: по материалам западной литературы (Том 1) - Институт философии РАН, 1998. – С.256.

8 Бахтин М.М. К Философии поступка. Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985.М.:Наука. 1986

9 Этика: учебник для бакалавров / А.А. Гусейнов, А.Г. Гаджикурбанов [и др.]; под общ. ред. А.А. Гусейнова. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 569 с. – Серия: Бакалавр. Углубленный курс.

10 Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных /

Под общей ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007. - 319 с.

11 «Биоэтика: принципы, правила, проблемы» - М.: Эдиториал УРСС, 1998, - 472 с.;

12 Кант И., Соч., т. 4, ч. 1, М., 1965

13 Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И.Церетели; вступ. ст.

и примеч. И.С.Нарского // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 367–67

14 Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И.Церетели; вступ. ст.

и примеч. И.С.Нарского // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 12

15 E.Jacobson You must relax/ - UNWIN PAPERBACKS, 1976 – 270 с, с.4-5

16 Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. - 1994. - №3.

17 Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. / Пер. В. Е. Лапицкого. - СПб.: Machina, 2006. - 126 с.

Документальный телефильм как инструмент формирования имиджа во внутреннем медиапространстве России

Григорян С.В.

Статья посвящена роли документальной телепублицистики в формирования медиаобраза России в ее внутреннем медиапространстве. Проанализировав становление особенностей экранной документалистики и их реализацию в документальном телефильме «Президент», автор приходит к выводу о том, что этот телевизионный жанр является идеологической компонентой медиаобраза страны как инструмента, транслирующего ее имидж российскому обществу.
Ключевые слова: документальный телефильм, телепублицистика, медиаобраз, страновой имидж, Россия
A TV documentary film as a tool of image formation in the domestic media space of Russia
Grigoryan S.V.
Russian University of Friendship of the People
The article is devoted to the role of documentary telepublishing in the formation of a media image of Russia in its internal media space. After analyzing the establishment of special features on-screen documentary and their implementation in the documentary film «the President», the author comes to the conclusion that this television genre is the ideological component of a media image of the country as a tool, with its image of Russian society.
Keywords: TV documentary film, telepublishing, media image, country image, Russia

Документальная телепублицистика на отечественном телевидении давно заняла прочную нишу в научных исследованиях, вполне адекватную ее значимости в различных аспектах: и как жанра телевизионной журналистики, и как субъекта массовой коммуникации, и как нового направления кинематографического искусства. В то же время особенности современного развития общества и крайне насущная потребность в коррекции внутристранового имиджа потребовали обратиться к еще малоизученному вопросу участия жанра документального телефильма в формировании медиаобраза России, который становится ведущим инструментом создания имиджа Отечества во внутреннем медиапространстве.

Развитие телевизионной документалистики рассматривается в трудах многих ведущих российских исследователей: Н.С.Гегеловой, И.М.Дзялошинского, В.В.Егорова, Я.Н.Засурского, А.Г.Качкаевой, С.В.Коновченко, А.Г.Киселева, С.Г.Корконосенко, В.А.Сидорова, А.А.Мухина, А.Г.Рихтера, С.С.Смирнова, В.Л.Цвика. Среди зарубежных трудов особенно выделяются исследования Монро Э. Прайса и Т. Рантанена [7, 8], а также монография Э. Мицкевич «Телевидение, власть и зрители в России» [13]. Эти ученые обращают внимание на большое общественно-политическое и социокультурное значение документального телефильма в тот или иной конкретный период жизни страны. Жанр, формат, пафос и ценностные ориентиры теледокументалистики всегда определяются совокупностью политических, экономических, социальных и культурных факторов и обстоятельств.

Теоретические вопросы понимания жанра в целом и жанровых характеристик документального телефильма, продолжающего и развивающего формат кинодокументалистики, рассматриваются в трудах М.М.Бахтина, Ю.Н.Тынянова, В.Б.Шкловского, А.Н.Веселовского, Ю.М.-

Лотмана, Г.Д.Гачева, Л.Я.Гинзбурга, В.П.Днепрова, В.В.Кожинова, Д.С.Лихачева, О.М.Фрейденберга, Л.В.Чернец и других.

Специфике экранной публицистики как средства массовой коммуникации посвящают свои исследования Т. Э. Адамьянц, Э. Г. Багирова, М. А. Бережной, В. М. Березина, Ю. А. Богомолова, Р. А. Борецкого, П. Бурдье, В. М. - Вильчека, Н. С. Гегеловой, А. М. Зайцевой, А. А. Кащук, Р. Д. Копыловой, Г. В. Кузнецова, М. В. Лукова, М. Маклюэна, В. О. Михалковича, Е. Н. Молчановой, С. А. Муратова, О. Ф. Нечай, З. Е. Паперного, В. С. Саппака, А. Л. Сокольской, В. С. Хелемендика, В. Л. Цвика, В. А. Шкуратова, А. Я. Юровского и других исследователей.

Экранная публицистика, как и публицистика в целом, является высшим родом журналистики, которую В.Л.Цвик определяет как «способ организации и распространения социальной информации, род произведений, посвященных социальным проблемам и явлениям текущей жизни» [11, с. 19]. Именно публицист напрямую обращается к публике, воздействует на ее сознание и общественное мнение. За два последних десятилетия на всех каналах массовой коммуникации произошло усиление роли невербальной, зрелищно-ассоциативной формы воздействия на массовую аудиторию

Визуальное искусство – театр, кинематограф – обладает преимуществом комплексного вербально-визуального воздействия на человеческое сознание, а их преемник – телевидение – продолжает оказывать влияние на аудиторию, используя гармоничное сочетание изображения и звука, живого слова и экранного зрелища. Новые технологии трансляции обновляют подачу содержания экранной информации и превращают ее в мощное средство манипуляции общественным сознанием и формирования общественного мнения. как утверждает известный американский журналист, социальный психолог и социолог Герберт Шиллер, «метод передачи сам по себе добавляет еще одно измерение к манипулятивному процессу. По сути мы сталкиваемся с тем, что как таковая, форма коммуникации, получившая развитие в условиях рыночной экономики, ... олицетворяет управление сознанием» [12, с. 42]. поэтому таким весомым становится любое слово, сказанное автором документального телефильма, формулирующего и ставящего перед обществом важные социальные проблемы, проверяющего те или иные общественно значимые ценности, предлагающего определенные взгляды и решения.

По мнению Е.П.Ивановой, «телевизионной публицистикой называется вид вещания, отражающий актуальные проблемы социальной и общественной жизни, интересы общества, коллектива, отдельной личности в их единстве, общности или в столкновении или в конфликте [4, с. 4].

Необходимо понимать, что еще одним фактором – гарантом влиятельности телевизионной публицистики на умы массовой аудитории - является правомерно занимаемое телевидением место в ряду видов искусства. Как пишет та же Е.П.Иванова, «Телепублицистика должна быть не столько копией жизненных ситуаций, но и произведением телевизионного искусства, основанном на обобщении и анализе; ее задача – привлекать внимание к серьезным проблемам с помощью выразительных средств, предложенных автором (сценаристом, драматургом) и режиссером. Телевизионная публицистика основывается на реальных, жизненных коллизиях, может быть частью как документального, так и художественного, игрового раздела вещания» [4, с. 6].

Действительно, трактовка телевидения как вида искусства многое объясняет в его особых характеристиках и возможностях формирования медиаобраза, с помощью которого формируется имидж страны.

Телевидение, при всей его фактуальности, стремлении к шаблону и стандарту, близости к реальности и темпоральности, способно отбирать жизненный материал на основе типизации и обобщения и интерпретировать его, что присуще уже художественному творчеству.

Телевидение, пока еще продолжая оставаться наиболее массовым видом искусства нашего времени, может сформировать для нас информационную картину мирового масштаба и заставить зрителя сопереживать судьбам отдельного человека и человечества в целом, зафиксировать впечатление, предложить аудитории художественный анализ состояния мира, представить его в жизнеподобных образах и транслировать его на громадные расстояния. Сообщая аудитории в качестве средства массовой информации о произошедших событиях, телевидение

одновременно предоставляет зрителю возможность чувственного познания, освоения мира через экспрессивно-чувственное состояние эмоциональной приподнятости, что свойственно искусству.

Все герои документального телефильма, и персонажи, и ведущие, оказываются ожившими художественными образами, имеющими как реалистические, так и обобщенно-типические, художественные черты. Так, герои документального телефильма должны быть живыми и непринужденными собеседниками, умеющим участвовать в задушевной беседе, эмоционально переживать. Профессор В.Л.Цвик считает, что «жанры телепублицистики, в которых основным выразительным средством выступает слово, живая человеческая речь, а формой существования – диалог (общение), имеют очень большое значение для телевидения, поскольку коммуникативный процесс является одной из основ телевидения, как социальной системы» [11, с. 136]. Да и телеведущий должен сочетать в себе качества как аналитические, так и творческие, как журналистские, так и актерские, тем более важные в связи с расширением в телевизионной сетке вещания зоны прямого эфира. Эстетическое содержание телевизионного зрелища обладает свойством массового творческого и коммуникативного начала., что приближает к искусству все жанры телевизионного творчества, и в первую очередь, телеэкранную публицистику. Наконец, телевидение создает иллюзию интимного персонального обращения, используя высшую степень творческого зрительного сопереживания.

При всем понимании важности роли индивидуального портрета в документальном фильме в середине XX века между киноведами развернулась целая дискуссия по поводу специфики подходов к отражению документального образа. «Портрет – это одна из самых высоких форм искусства, зреющая в недрах его, прежде чем сложиться, обособиться и завоевать в нем свои самостоятельные и уникальные права», – напишет в 1975 г. М.Андроникова [1, с. 294]. «Документальное кино «показывает не столько отдельного человека и его внутренние конфликты, сколько его жизненную среду», – написал в 1959 г. З. Кракауэр [5, с. 255]. «Вряд ли нужно доказывать, что документалист не может показать развитие человеческих отношений, становление характера, типа, то есть ничего или почти ничего, что входит в горьковское определение характера» - уточнил А. Никифоров в 1962 г. в книге «Очерк в кино» [9, с. 80]. «Новеллы о людях считаются делом игровых студий» [2, с. 256] – отметил в своем дневнике создатель «Киноправды» Дзига Ветов.

Тем не менее персонажи экранных документальных фильмов продолжали сохранять свойства, позволяющие трактовать их сегодня как собирательный медиаобраз: демонстрация поведения человека в условиях его профессиональной деятельности и в различных жизненных ситуациях, с использованием различных приемов экранного воплощения образа: крупные планы, звук живого голоса, передача интонации, - все, что позволяет сложить устойчивое представление о герое как о живом человеке. В 50–60-е гг. XX в. к этому добавляется отражение речемыслительной деятельности экранного героя, воплощенной в мимике, выражении глаз, жестах, пластике, рождавшихся в процессе высказывания. В это же время появляются первые экранные произведения телевизионной публицистики.

В силу своих особенностей телевидение смогло еще более обстоятельно, подробно обратиться к показу на экране личности, размышляющей о жизни и о себе в процессе реального времени. Именно телевизионные документальные фильмы предложили зрителю прямое доверительное общение с его современником, рассматривая его как реального героя нашего времени. Информация, заложенная в данном тележанре, обрела возвышенно-публицистический пафос и сильную эмоционально-экспрессивную силу воздействия.

Еще одной важной особенностью документального телефильма является ситуативный показ героев. По мнению Г.В.Кузнецова, «Публицистике вообще свойственна ситуативность, а без действующих лиц вообще не может быть ситуации, как и лиц определенной значимости – вне ситуации» [6, с. 65].

В теледокументалистике невозможно переоценить роль и значение автора фильма, журналиста, который чаще всего выступает ведущим и комментатором в фильме. Как считает М.Е.Голдовская, «...каждый человек требует сугубо индивидуального подхода – общие рецепты бесполезно искать. Но если журналист об-

ладает качествами доброжелательности, тактичности, искренности, я думаю, что контакт между ним и его героем не может не возникнуть. И чем длительнее будет процесс общения, тем больше шансов на то, что контакт этот станет глубоким и прочным» [3, с.106].

Документальный фильм В. Соловьева «Президент», вышедший в эфир в апреле 2015 г. занял в рейтинге компании TNS первое место в ТОП-100 самых популярных программ, вышедших в эфир с 20.04.2015 по 26.04.2015 [14]. Фильм рассказывает о деятельности В.В.Путина на посту Президента, начиная с 1999 г. и до настоящего времени. Личность Президента раскрывается двумя способами: через рассказы о нем со стороны известных и влиятельных личностей государства и через произошедшие в эти годы значительные события, в большинстве своем трагические.

В.Соловьев представил в фильме целый ряд авторитетных спикеров: А.Д. Жуков, Первый заместитель Председателя Государственной думы, Г.С. Полтавченко, губернатор Санкт-Петербурга, З.Прилепин, писатель, С.Б. Иванов, руководитель Администрации Президента РФ, С.К. Шойгу, министр обороны РФ, Н.П. Патрушев, секретарь Совета безопасности РФ, Р.А. Кадыров, глава Чеченской республики, Д.С. Песков, пресс-секретарь Президента РФ, Н.А. Назарбаев, Президент Казахстана, Д.Н. Козак, заместитель Председателя Правительства РФ, Г.О. Греф, председатель правления Сбербанка, В.О. Потанин, президент компании «Интеррос», А.Б. Миллер, председатель правления ОАО «Газпром», А.Л. Кудрин, российский государственный деятель, А.И. Колесников, российский журналист, В.С. Литвиненко, ректор Санкт-Петербургского горного университета, М.Ш. Шаймиев, первый Президент Татарстана, И.С. Иванов, бывший министр иностранных дел, Е.М. Примаков, политический и государственный деятель, А. Петров, российский предприниматель, З. Димаев, участник чеченской кампании, Кирилл, Патриарх Святейший и всея Руси, А. Гусев, рабочий молочного комбината, Я. Ямасита, японский дзюдоист, Д. Гурьев, главный врач областного перинатального центра в г. Ярославль, Н.В. Расторгуев, Народный артист России. Н.С. Михалков, народный артист РСФСР, Д.Н. Чернышенко, генеральный директор заявочного комитета Сочи-2014, В.А. Гергиев, художественный руководитель Большого театра, О.В. Дерипаска, владелец компании «Базовый элемент», К. Шаромов, рабочий Магнитогорского металлургического комбината, А.Д. Сотникова, олимпийская чемпионка по фигурному катанию, А.Н. Абдикаримова, участник зимних Параолимпийских игр Сочи-2014, Монах Зосима, насельник русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря, Иеродиакон Евстафий, насельник кафизмы Святого Модеста Монастыря Симона Петра, Л. Евтюхина, мама героя России гвардии полковника М. Евтюхина. Все эти люди в разное время и по разным обстоятельствам встречались с В.В.Путиным и рассказывают в фильме об особенностях характера и поведения президента.

Фильм начинается с показа кадров от 7 августа 1999 г., когда произошло вторжение в Дагестан. Первую характеристику в фильме Президенту дает С.В.Степашин («Хотел пожелать бы ему удачи, именно удачи, потому что остальное у него есть»). Писатель З. Прилепин вспоминает первую командировку В.В.Путина в качестве Президента, а Н.П.Патрушев вспоминает, как президент поздравлял военных в Гудермесе с новым годом.

Д.Н.Козак, Г.О.Греф и В.О. Потанин вспоминают о первых шагах В.В.Путина в новой должности, показывая его живым человеком («боюсь, что не справлюсь»).

Затем речь заходит о гибели подводной лодки «Курск» в 2000 г., возвращении Татарстана в правовое поле Российской Федерации, отключении теплоснабжения на Дальнем Востоке, когда решением Президента уже проданный за рубеж уголь вернули в страну («батареи перевозили на самолетах»). Теракты в Беслане и на Дубровке – самые трагические события, которые отмечает сам Президент.

В.В. Путин первым из главных лиц государств отреагировал на теракт 11 сентября 2001 года в США, отменив стратегические ядерные учения, запланированные задолго до события. Своеобразно высказал свое мнение и бывший президент США Дж.Буш мл.: «Я сумел ощутить его душу. Он привержен своей стране».

Упоминая об идее национальных проектов: образование, здравоохранение, сельское хозяйство, жилищная сфера – Патриарх Кирилл отмечает, что «материнский капитал – это не просто пропаганда материальных ценностей, но это государственная политика, это мировоззрение».

Н.С. Михалков рассказывает о возврате на Родину могил философа И.А. Ильина и генерала А.И. Деникина, когда Президент не допустил возможности неуважительного отношения к памяти нашей истории за рубежом.

Эти и другие события спикеры проецируют на личность самого президента. Им важно не столько это событие, сколько то, как он себя повел в той или иной ситуации.

Особенно необходимо отметить высказывания пресс-секретаря президента РФ Д.С. Пескова и журналиста А.И. Колесникова, которые находятся рядом с ним большую часть времени. Отметим некоторые их высказывания и суждения других спикеров. «Постановка задачи у Путина подразумевала наличие определенного результата через определенный срок» (Д.С. Песков). Г.С. Полтавченко, Н.П. Патрушев рассказывают о семье Путина (братская могила в Санкт-Петербурге, где похоронен его старший брат; война соединила его родителей). Н.А. Назарбаев говорит, что иногда, когда бывает время, они вспоминают своих мам. С.Б. Иванов и Г.О. Греф отмечают высокую работоспособность В.В. Путина: «Знаю, что поздно лег, а утром уже звонит. Когда ж он спит?» «Способность слушать» - главное его качество (Г.О. Греф). А.И. Колесников оправдывает непунктуальность Президента, который часто опаздывает, «это из-за того, что его постоянно отвлекают». Патриарх Кирилл: «Президент относится как к братьям к представителям других религий». Я. Ямасита: «В его сердце течет теплая кровь». Г.О. Греф: «Есть личностное начало у человека, и есть власть кресла: над Путиным второе никогда не преобладало». Н.А. Назарбаев: «У него есть исключительная способность «врубиться» в тему». Н.В. Расторгуев и Н.П. Патрушев рассказывают, что президент из обычной семьи и вырос в коммунальной квартире.

Английский язык, хоккей, горные лыжи и фортепиано – президент постоянно осваивает что-то новое. Никогда не забывает про просьбы людей: «Где бумажки эти, которые мне такая-то бабушка передала» (Д.С. Песков).

Калейдоскопом в фильме проходят и другие события: 300-летие Санкт-Петербурга, открытие многопрофильного Северно-Кавказского центра в Беслане, спуск на воду танкера ледового класса «Кирилл Лавров», возведение в Грозном самой крупной в Европе мечети, открытие Центра деткой гематологии им. Д. Рогачева, «Северный поток», ГЭС в Красноярском крае, мост на Острове Русский и другие.

Кульминацией фильма становится итоговый вопрос В.Соловьева: «Моменты абсолютного счастья?» В.В.Путин дает развернутый ответ: «Удовлетворение наступает, когда понимаешь, где мы были и что сделали: страну сохранили, ВВП удвоили, расходы федерального бюджета выросли в 22 раза, реальные доходы населения выросли в 3 раза, количество людей, живущих за чертой бедностью в 2,8 раз меньше по сравнению с 1999 годом. Все это в комплекте позволяет решить еще одну задачу: мы стабилизировали естественную убыль населения, а в последние два года у нас – естественный прирост. Это мультипликатор того, что было сделано. Это не может не приносить удовлетворение».

Итак, документальный телефильм «Президент» в полной мере апеллирует к личности, размышляющей о жизни и о себе в процессе реального времени. Автор фильма демонстрирует прямое доверительное общение с его современником, рассматривая его как реального героя нашего времени. К наиболее существенным приемам воздействия на аудиторию можно отнести следующее:

- обращение к фактам из личной жизни Президента, что сближает его тем самым с массовой аудиторией;

- использование важного информационного повода - 15 лет деятельности на посту Президента РФ, что хронологически совпадает с 70-летимем Победы в Великой Отечественной войне;

- персонификация информации, которая способствует тому, что содержащиеся в ней ценности и идеи ассоциируются с конкретными личностями, а сами участники коммуникационного процесса становятся запоминающимися медиаперсонами, образ которых апеллирует к определенным ценностям, принципам и т. д.

- сопровождение информирования эмоциональным посылом путем отбора наиболее экспрессивных видеофрагментов (В.В.Путин на открытии Олимпиады в Сочи или его реакция на начало грузино-осетинского конфликта);

- применение «эффекта взгляда со стороны» в сочетании с двухмерным коммуникационным потоком (динамичное чередование пере-

бивок с высказываниями известных медийных персон о главном герое фильма);

- использование «эффекта CNN» - демонстрация телезрителю внутренних особенностей процесса съемки фильма, включение в общую эмоциональную картину состояния и отношения тех, кто работает над фильмом;

- информационная перегрузка – очень большое количество известных спикеров, что держит зрителя в постоянной напряженности узнавания.

В сложившихся общественно-политических условиях фильм «Президент» стал мощным инструментом формирования общественного мнения прежде всего внутри страны, необходимым камертоном, который выстраивает приоритеты и согласует их с текущей ситуацией.

Таким образом, телевизионная кинодокументалистика становится идеологической компонентой медиаобраза России в представлении ее массовой аудитории, а медиаобраз в свою очередь – важным средством формирования внутристранового имиджа российского государства.

Литература

1. Андроникова М. Об искусстве портрета. – М.: Искусство, 1975

2. Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы./ Ред.-состав. С. Дробашенко. – М.: Искусство, 1966.

3. Голдовская М. Творчество и техника. - М.: «Искусство», - 1986

4. Иванова Е. Формирование и развитие публицистики на государственном телевидения Татарстана. Автореф. ... дис. канд. филол.н. – М. ИПК: 2005.

5. Кракауэр 3. Природа фильма. – М.: Искусство, - 1974

6. Кузнецов Г., Цвик В., Юровский А. Телевизионная журналистика. 4-е издание. - М.: «Высшая школа», 2002

7. Монро Э. Прайс. Масс-медиа и государственный суверенитет. Глобальная информационная революция и ее вызов власти государства. М., 2004

8. Монро Э. Прайс. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М., 2000;

9. Никифоров А. Очерк в кино. – М.: Искусство, - 1962

10. Рантанен Т. Глобальное и национальное. Масс-медиа и коммуникации в посткоммунистической России. М., 2004.

11. Цвик В. Телевизионная журналистика. История, теория, практика. Аспект-Пресс.М.: 2004.

12. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. - М.: «Мысль». - 1980

13. Mickiewicz Ellen. Television, Power and the Public in Russia.Cambridge:University Press, 2008.

14. http://www.tns-global.ru/

К вопросу о стратегии Филиппа II в военной кампании 340–339 гг. до н.э.

Клейменов А.А.

В статье рассматривается военная кампания, проведенная Филиппом II в Восточной Фракии в 340 – 339 г. до н.э.
Ключевые слова: стратегия, Филипп II, Перинф, Византий, Херсонес Фракийский.

Philip's strategy in military campaign 347 – 346 B.C. lateral thinking
Kleymenov AA
The Tula state pedagogical university of L.N. Tolstoy
The military campaign of Philipp II in East Thrace in 340-339 BC is under consideration in this article.
Key words: strategy, Philip II, Perinthus, Byzantium, Thracian Chersonese.

Когда заходит речь о македонском военном искусстве IV в. до н.э., то перед глазами неизбежно возникает образ Александра Великого, который в результате своего эпохального Восточного похода сумел создать одну из самых обширных держав в истории человечества. Не умаляя полководческих талантов известного завоевателя, отметим, что искусством стратега блестяще владел и его отец Филипп II. Несмотря на то, что государственной и военной деятельности этого монарха в исторических исследованиях последнего времени уделяется немало внимания, Филипп-полководец остается по-прежнему загадкой. Решить ее позволяет тщательный анализ наиболее знаковых этапов завоевательной деятельности македонского царя, к которым, без всякого сомнения, можно отнести кампанию в Восточной Фракии 340 – 339 гг. до н.э.

Прежде чем перейти к ее рассмотрению, необходимо отметить, что действия Филиппа в указанный отрезок времени являлись прямым продолжением его более ранней завоевательной политики. Из сочинения Диодора известно, что двумя годами ранее Филипп разгромил фракийцев Керсоблепта, притеснявших греков на Геллеспонте, обустроил крепости в ключевых городах и заключил союз с местными греческими городами (Diod., XVI, 72, 2). Македонская экспансия вызвала беспокойство Афин, стремившихся сохранить контроль над морскими коммуникациями для бесперебойных поставок хлеба из Черного моря, а также встревожила греческие города Перинф и Византий [6, с. 181]. Как отмечает Плутарх, Филипп, надеясь завладеть Херсонесом, Перинфом и Византием, появился на берегах Геллеспонта со всем своим войском (Phoc., 14). И задачи, которые предстояло решить, и задействованные для этого ресурсы были масштабны. Собранная Филиппом армия насчитывала, по данным Диодора, тридцать тысяч воинов (XVI, 74, 5).

Первоочередной целью Филиппа являлся захват Перинфа. Ход осады этого города нам хорошо известен благодаря Диодору, который, как указывает сам, почерпнул информацию из сочинения Эфора (XVI, 76, 5). В его рассказе подроб-

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5688.2014.6 (договор от «03» февраля 2014 г. № 14.Z56.14.5688-МК).

но описаны энергичные действия Филиппа, направленные на захват Перинфа, использование им разнообразных приспособлений: осадных башен, таранов, стрелометных машин (XVI, 74, 2 – 75, 3). Впрочем, несмотря на все старания македонского царя, взять штурмом город не удавалось. Виной этому были и храбрые действия защитников из числа местных жителей (см. Diod., XVI, 74, 3; 76, 1-2; Plut., Alex., 70), и помощь, оказанная им извне. Диодор отмечает, что городу помогал Византий, который прислал лучших своих командиров и воинов, а также удовлетворял любую потребность Перинфа своими поставками (XVI, 74, 4; 75, 2). Оказывали помощь и персы, направлявшие наемников, продовольствие и другие припасы (Diod., XVI, 75, 1-2; Theop., FGrH 115 F222; Dem., XI, 5; Arr. Anab., II, 14, 5; Paus., I, 29, 7). Существование связи между обороняющимися и их союзниками позволяет заключить, что македонский царь, несмотря на всю активность осадных мероприятий, не смог добиться блокады города со стороны моря.

В данной обстановке Филипп пошел на разделение своих сил на две части. Согласно Диодору, первая из них под руководством лучших командиров осталась осаждать Перинф, а во главе второй сам царь неожиданно напал на Византий. Так как у византийцев воины, метательное оружие и военное оборудование находились в Перинфе, жители оказались серьезно обеспокоенны (Diod., XVI, 76, 1-3). Следует согласиться с выводами о том, что Филипп с помощью этого маневра не столько стремился организовать еще одну осаду, сколько пытался захватить Византий врасплох [2, с. 24; 6, с. 184; 7, с. 264; 11, с. 483]. Как известно, это македонскому царю не удалось и в сентябре 340 г. до н.э. началась полномасштабная осада Византия [6, с. 184; 9, с. 144; 13, с. 197].

Согласно свидетельству Помпея Трога, в этот период времени Филипп, чтобы не держать все войско при осаде одного города, выступил с «храбрейшими» и завоевал много городов на Херсонесе (Just., IX, 1, 7). С этой информацией перекликаются данные Полиэна о том, что Филипп при осаде Византия, стремясь лишить осажденных помощи союзников, отправил к ним перебежчиков с извещением, что их города осаждены македонским царем, пославшим к ним другие отряды и что эти города близки к захвату. Филипп стал отсылать части своего войска в разные стороны, однако делал это лишь для видимости. Союзники, видя и слыша это, оставили византийцев и стали расходиться (IV, 2, 21). Каких же союзников византийцев имеет в виду автор? Насколько известно, в помощь Византию помимо афинян прислали свои эскадры Хиос, Родос, Кос, помогали также и тенедосцы [4, с. 118-119]. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов возможность оказания поддержки византийцам со стороны ближайших городов, по которым македонский царь с отборными войсками и нанес удар. В частности, к этим городам вполне могла относиться Селимбрия, с V в. до н.э. находившаяся под контролем со стороны Византия [5, с. 24]. Об обстоятельствах ее захвата македонским царем существуют разные мнения. Согласно выводам большинства исследователей, Селимбрия была взята Филиппом во время похода от Перинфа к Византию [6, с. 184; 9, с. 141-142; 13, с. 194; 14, с. 574; 20, с. 316]. Это предположение представляется неубедительным – сходу город захвачен не был. О том, что осада Селимбрии заняла определенное время, свидетельствует приводимый Демосфеном текст письма, направленного Филиппом афинянам (XVII, 77).

Остановимся на указанном документе подробнее. В нем, помимо прочего, отмечается, что Филипп, желая перебросить в Геллеспонт свои корабли, вынужден был провести их вдоль берегов Херсонеса под охраной сухопутного войска из-за враждебных действий афинских клерухов. Афинский военачальник призвал на помощь византийцев, однако македонский царь, как указывает сам, ничего не предпринял против флота или владений Афин (XII, 16). Среди исследователей нет единого мнения о том, на каком именно этапе кампании Филипп провел свои сухопутные войска по побережью Херсонеса. Согласно наиболее распространенной точке зрения, македонский царь сделал это, направляясь к Перинфу [7, с. 263; 11, с. 479; 13, с. 190; 20, с. 316]. По другим версиям сопровождение флота было осуществлено частью македонского войска либо до начала осады Перинфа [2, с. 24-25], либо уже во время нее [12, с. 776]. Представляется, что информацию из письма следует соотнести с данными Помпея Трога о походе Филиппа на Херсонес. Очевидно, македонский царь с экспедиционным корпусом двинулся от стен Византия на полуостров, в том числе, для обеспечения прохода своего флота вдоль побережья Херсонеса в Геллеспонт. Это объясняет, почему македонский флот никак не помешал прибытию вражеских подкреплений в Перинф, но проявил себя в момент осады Византия. Филипп, видимо, осознал, что, несмотря на всю мощь его сухопутной армии и наличие осадных машин, захватить крупный

портовый город без помощи военных судов невозможно. Косвенным подтверждением обоснованности выбранной нами последовательности событий является тот факт, что Демосфен, отвечая речью на письмо Филиппа, упоминает захват афинских укреплений и гаваней как последнюю претензию к Филиппу, после осады Перинфа и угрозы Византию (XI, 5-7).

Как уже было сказано выше, когда отдельные части армии Филиппа уже вели параллельные осады Перинфа и Византия, впервые проявил себя его флот. Эскадра, возглавляемая Деметрием, захватила суда с грузом хлеба для Афин. 180 кораблей, принадлежавших собственно афинянам, были задержаны, остальные 50 – отпущены. Экипажи афинских кораблей, сошедшие на берег в Гиероне, был захвачены Филиппом и его сухопутной армией. Афины были лишены зерна и кораблей, чья древесина пошла на осадные машины [6, с. 186]. Данное событие произошло в сентябре 340 г. до н.э. [12, с. 776; 18, с. 77] Действия Филиппа вынудили афинян начать против него открытую войну. Примечательно, что в момент захвата кораблей с хлебом македонский царь находился в районе Гиерона, то есть неподалеку от Херсонеса. Без сомнений, это было связано с осуществлением все того же рейда по землям полуострова. Заняв позиции в ключевых местах побережья Херсонеса, пытаясь при этом усыпить бдительность афинян с помощью письма, македонский царь решил, что настало время бросить открытый вызов Афинам, а заодно и добыть средства для ведения осады Византия (См. Just., IX, 1, 5-6). После вступления Афин в открытую войну Херсонес продолжил оставаться ареной ведения активных боевых действий, связанных со стремлением афинян выбить македонян с уже занятых ими позиций. Как свидетельствует Плутарх, афинскому стратегу Фокиону, действовавшему в период осады Византия с флотом против македонян на Геллеспонте, удалось захватить несколько городов, однако сам афинянин вынужден был отплыть домой после того как был ранен в бою с подоспевшими македонянами (Phoc., 14). Видимо, именно последствия активных действий македонского царя против греческих городов на Херсонесе Фракийском ярко описывает Элий Аристид, упоминающий, что Филипп взял тридцать два города и устроил фракийским эллинам «Скифскую пустыню» (Dind., I, 713).

Активная фаза осады Византия проходила зимой 340 – 339 гг. до н.э. [7, с. 264; 9, с. 143; 12, с. 777] Очевидно, пока Филипп с отборными подразделениями находился на Херсонесе, остальная часть его войска проводила подготовительные работы. Во всяком случае, сооружение македонянами насыпи через бухту «Рог», о которой сообщает Дионисий Византийский (fr., 21), должно было занять немало времени. Несмотря на все приготовления, захватить город Филиппу не удалось. Виной этому была и хорошая фортификация Византия, и талантливое руководство обороной со стороны местного уроженца Леона, и помощь со стороны союзников. Византийский флот, союзные эскадры из Хиоса, Родоса и Коса не позволили македонским кораблям блокировать город с моря. После вступления в войну Афин перевес на море в пользу противников Филиппа вырос. Византий, которому по морю подвозили припасы и подкрепления, отбил все атаки македонян со стороны суши, при том что последние применяли передовую по тем временам технику. Осада города, блокированного лишь со стороны материка, теряла всякий смысл [4, с. 117-120]. В начале весны 339 г. до н.э. Филипп снял осаду с Византия и Перинфа, двинувшись на север против скифского царя Атея [16, с. 126]. Свой небольшой флот, блокированный афинянами в Босфоре, македонский царь сумел вывести из пролива благодаря обманному маневру с подложным письмом (Front. Strat., I, 4, 13).

Примечательно, но в рамках кампании 340 – 339 гг. до н.э. Македония вела активные боевые действия не только в районе Перинфа и Византия. Судя по фрагменту 47 книги Феопомпа, в то время как Филипп воевал против Афин, а также вел осады указанных городов, Антипатр и Парменион воевали с фракийцами-тетрахоритами, причем Антипатр штурмом захватил фракийский город Ангессус (FGrH 115 F217). Эта информация перекликается с одной из стратегем Полиэна, в которой указывается, что Антипатр, совершая поход на тетрахоритов, приказал своим воинам зажечь и сено и по сигналу трубы собраться, чем испугал врага и заставил его без боя покинуть позиции (IV, 4, 1). Упоминаемый в источниках этноним «тетрахориты», по данным Страбона, являлся вторым наименованием жившего возле Родоп разбойничьего племени бессов (V, 318). Ряд исследователей расценивают поход Антипатра и Пармениона как направленный на подавление восстания ранее уже покоренных фракийцев [3, с. 19; 9, с. 143]. Согласно другому предположению, это было завоевание тетрахоритов, еще сохранявших независимость от Македонии [10, с. 29]. Возможно, первоначально Антипатр и

Парменион отправились в поход на Перинф вместе с Филиппом, но затем получили особое задание [17, с. 32; 19, с. 129]. Им было поручено покорить те фракийские племена, активность которых могла создать проблемы на коммуникациях основного войска. Ряд косвенных данных, и, прежде всего, сохранившиеся фрагменты все того же сочинения Феопомпа (FGrH 115 F221, F223), позволяют полагать, что поход Антипатра и Пармениона затронул не только обитавших на Гебре бессов, но и другие фракийские племена – данфелетов, живших у истоков Стримона, и мелинофагов, населявших земли к северу от Византия [6, с. 182; 8, с. 234-235; 11, с. 478]. Эта информация, упоминание отдельных успехов Антипатра, а также факт отправки в поход на фракийцев сразу двух лучших военачальников Филиппа в период важнейшей кампании против Перинфа и Византия, заставляют предположить, что на каком-то этапе похода каждый из них был самостоятельным командующим. Это в итоге позволило подчинить фракийские племена, жившие на значительном отдалении друг от друга.

Как сообщает Плутарх, когда Филипп отправился в поход на византийцев, Александр, которому было 16 лет, остался правителем Македонии. На этом посту сын Филиппа покорил восставших медов и захватил их город, изгнав из него варваров. Заселенный переселенцами из различных мест город был назван Александрополем (Alex., 9; Ср.: Just., IX, 1, 7-8). Упоминание племени медов позволяет локализовать район боевых действий в верхнем течении Стримона [6, с. 182; 9, с. 143; 12, с. 777; 13, с. 196; 15, с. 119]. Характер сообщения Плутарха, в котором упоминается доверенная Александру царская печать, а также приведенные выше данные Феопомпа заставляют видеть в юном царевиче полноправного наместника Македонии. Предположение о том, что Александр находился под опекой со стороны Антипатра [11, с. 478; 15, с. 119; 18, с. 48] следует оценить как малообоснованное.

Как мы видим, в период ведения Филиппом напряженных боев в районе Перинфа, Византия и городов Херсонеса, македонские войска активно действовали против племен медов, бесов, данфелетов и мелинофагов. К сожалению, отрывистый характер сведений античных авторов не позволяет подробно восстановить ход событий. Уверенно можно утверждать лишь то, что Антипатр лично участвовал в походе на тетрахоритов, а юный Александр разгромил медов. Предположение о том, что походы на медов и бессов-тетрахоритов могут быть интерпретированы как два локальный эпизода одной военной кампании, направленной на покорение Южной Фракии [1, с. 13; 11, с. 477; 14, с. 558] неубедительно, так как в этом случае план должен был подразумевать весьма странное распределение командных постов. Очевидно, Филипп изначально не предусматривал возможность ведения его сыном военных действий в период отсутствия самого царя и его опытных полководцев, однако Александр успешно справился с подавлением неожиданно вспыхнувшего восстания. Следует согласиться с предположением Ф. Рея, согласно которому действия Антипатра, Пармениона и Александра являлись, по сути, вспомогательными рейдами, а их экспедиционные корпуса имели небольшую численность [19, с. 129]. Впрочем, этих сил оказалось вполне достаточно для решения стоявших перед соратниками Филиппа задач. Македоняне взяли под контроль земли от верховий Стримона и Гебра до Черного моря. Как справедливо отметил Й. Уортингтон, подобным образом осуществилось намерение Филиппа туже затянуть кольцо вокруг Перинфа и Византия [6, с. 182-183].

Каковы же были результаты военной кампании, проведенной Филиппом в 340 – 339 гг. до н.э. в Восточной Фракии? Диодор описывает итоги как однозначно печальные для завоевателя: Филипп, испуганный совместными действиями противников, прервал осаду обоих городов, заключил мир с афинянами и другими греками (XVI, 77, 3). Конечно, осады Перинфа и Византия не завершились их захватом. Это была первая ощутимая неудача Филиппа с 352 г. до н.э. [20, с. 316-317] Тем не менее, учитывая данные о дальнейших событиях в Греции и расстановке сил в Восточной Фракии, оценку, которую дал итогам кампании 340 – 339 гг. до н.э. Диодор, следует признать мало соответствующей действительности. Прежде всего, необходимо заметить, что война с Афинами не была прекращена. Она продлилась до 338 г. до н.э. и закончилась установлением македонской гегемонии в Элладе. Окончание войны с городами, выдержавшими осаду в 340 – 339 г. до н.э., также нельзя воспринимать как признак поражения Филиппа. Согласно справедливому выводу Й. Уортингтона, мир, заключенный Филиппом в 339 г. до н.э. с Византием, Перинфом и их союзниками, укрепил его позиции в регионе, расширил македонскую зону влияния за счет афинской [6, с. 187]. Неизвестно, стал ли Византий союзником македонской монархии или

же город сохранял свою полную независимость [4, с. 134]. Во всяком случае, спустя четыре года, во время балканской кампании Александра, молодой македонский царь получил из Византия в качестве помощи несколько военных кораблей (Arr. Anab., I, 3, 3). Даже потерпев некоторые локальные неудачи, Филипп достиг основной цели кампании – отныне практически вся Фракия была под его контролем [12, с. 778]. Представляется, что существенную роль в этом сыграла выбранная Филиппом стратегия. Не согласимся с замечанием Дж. Бакклера, согласно которому македонский царь совершил стратегическую ошибку, раздробив свои силы на части сначала для осады Византия, а затем для рейда на Херсонес, что препятствовало достижению решительного превосходства над противником в каждом отдельно взятом пункте [11, с. 482, 486]. Напротив, именно посредством разделения войска завоеватель захватил ключевые позиции на Херсонесе Фракийском, расширив свое присутствие на стратегически важных морских коммуникациях и потеснив афинян. Стратегическое положение Перинфа и Византия резко ухудшилось. Как отметил все тот же Дж. Бакклер, Перинф и Византий, пусть и не захваченные македонским царем, отныне представляли собой лишь изолированные анклавы [11, с. 488]. Обеспечено это было, в том числе, раскритикованным исследователем широким наступлением войск Филиппа. Оказавшиеся в изоляции города были вынуждены искать мира с усилившимся македонским царем, что было разумнее, чем ждать его нового удара [12, с. 777-778]. Примечательно, что в период решения Филиппом первоочередной задачи его армия вела активные боевые действия еще на двух направлениях, обеспечивая безопасность тыла основного войска и поддерживая господство Македонии в уже захваченных землях.

Подводя итог, необходимо заметить, что кампанию в Восточной Фракии 340 – 339 гг. до н.э., конечно, сложно назвать однозначным триумфом полководческого искусства Филиппа, однако ее обстоятельства позволяют раскрыть многие грани стратегического таланта македонского царя. Прежде всего, это умение видеть театр военных действий целиком, готовность задействовать войска сразу на нескольких направлениях для обеспечения общего успеха кампании. Смелая и нетипичная для того времени стратегия помогла минимизировать последствия локальных неудач под стенами Перинфа и Византия и установить македонское господство в регионе.

Литература

1. Делев П. Тракийските беси // Годишник на Софийския университет «св. Климент Охридски». Исторически факултет. Том. 100. София, 2012. С. 6 – 65.
2. Делев П. Филип II и залезът на «Голямото» Одриско царство в Тракия // Шуменски университет «Епископ Константин Преславски». Трудове на катедрите по история и богословие. т.1. Шумен, 1997. С. 7 – 40.
3. Илиев Й. Родопите и кризата в Тракия по времето на Филип II (359 – 336 г. пр. Хр.) // Докторански изследвания по социални и хуманитарни науки. Том 2. София, 2010. С. 13 – 32.
4. Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953.
5. Петросян Ю.А. Древний город на берегах Босфора. Исторические очерки. М., 1986.
6. Уортингтон Й. Филипп Македонский / Пер. с англ. С.В. Иванова. СПб. – М., 2014.
7. Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. I. Казань, 1960.
8. Archibald Z.H. The Odrysian Kingdom of Thrace. Oxford, 1998.
9. Ashley J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC. Jefferson, 1998.
10. Bosworth A.B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988.
11. Buckler J. Aegean Greece in the fourth century BC. Leiden – Boston, 2003.
12. Ellis J.R. Macedonian hegemony created / / The Cambridge Ancient History. Vol. VI / Edited by D.M. Lewis, J. Boardman. Cambridge, 1994. P. 760 – 790.
13. Gabriel R.A. Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington, 2010.
14. Griffith G.T. The Reign of Philip the Second // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550 – 336 BC. Oxford, 1979. P. 201 – 646.
15. Hamilton J.R. Alexander's Early Life // GR, Second Series. Vol. 12. 1965. P. 117 – 124.
16. Harris E.M. Aeschines and Athenian Politics. Oxford, 1995.
17. Heckel W. The marshals of Alexander's empire. London – New York, 1992.
18. Nawotka K. Alexander the Great. Cambridge, 2010.
19. Ray F.E. Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century. Jefferson, 2012.
20. Rhodes P.J. A History of the Classical Greek World, 478-323 BC. Oxford, 2006.

Феномен политической оппозиции в условиях представительной демократии современных зарубежных стран

Манцуров С.О.

Проанализированы ключевые модели взаимодействия парламентского меньшинства с иными субъектами государственной власти. Обоснованы особенности конфронтационной и кооперационной модели оппозиционной деятельности. Предпринят анализ зарубежного опыта развития института политической оппозиции в странах авторитарного прошлого.
Ключевые слова: оппозиция, демократия, политическая система, институт, оппозиционная деятельность

Phenomenon of the political opposition in representative democracy in modern foreign countries
Mantsurov S.O.
Plekhanov Russian University of Economics
There were analyzed the key interaction models of the parliamentary minority with other subjects of the government. The features of confrontational and cooperative models of opposition activities were substantiated. There was made an analysis of foreign experience of development of the institute of political opposition in the countries of authoritarian past.
Key words: opposition, democracy, the political system, the institute, the opposition activities

Представляя собой естественный, необходимый и полноправный политический институт демократической системы, политическая оппозиция является одним из инструментов цивилизованного разрешения противоречий между интересами больших социальных групп, представленных политическими партиями и движениями. В данных обстоятельствах одной из основных функций оппозиции является предложение находящемуся у власти большинству политических альтернатив посредством вынесения на общественное рассмотрение иных вариантов политических решений. Важность поиска институциональных очертаний политической оппозиции и гарантий ее деятельности в парламенте предопределяется ее значимостью в общественно- политической системе.

В свою очередь, представительная демократия, представляя систему участия граждан в управлении делами государства через своих представителей, включает в себя общественные отношения между гражданами и выборными должностными лицами. Представительная демократия представляет собой многоуровневую систему участия граждан в управлении делами государства, одним из этих уровней данного участия и является деятельность парламентской оппозиции. Через призму представительной демократии парламентская оппозиция призвана обеспечивать учет позиций избирателей, оказавшихся в меньшинстве. Наличие парламентской оппозиции позволяет лучше структурировать предпочтения электората. Парламентское меньшинство, безусловно, способствует транспарентности функционирования системы власти. Институционализация парламентской оппозиции поддерживает и политическую конкуренцию. Это позволяет развивать как собственно представительную демократию, так и демократию вообще. Посредством политичес-

кой конкуренции возможно выявление разнообразных электоральных предпочтений и их учет в публично-властных решениях

Бесспорно, оппозиция является эффективным механизмом демократической смены власти, так как содействует аккумуляции существующего в обществе недовольства в русло цивилизованных, легальных процедур вместо иррациональных и разрушительных протестных действий. Ограничение возможностей политического оппонирования действующей власти может привести к общественному тупику, политической и социальной нестабильности. Исследователями подчеркивается, что политический климат в современном демократическом обществе, в значительной степени зависит от наличия конструктивного диалога власти и оппозиции, когда политическая оппозиция приобретает легитимную и институциональную форму.

В современных западных демократиях по характеру взаимоотношений парламентского меньшинства с иными субъектами государственной власти выделяют две основные модели оппозиционной деятельности – конфронтационная и кооперационная.

Первая модель - конфронтационная - представлена в системе властных отношений Великобритании, Ирландии, Австралии, Канады, Новой Зеландии и ряда других государств. При конфронтационной модели политическое меньшинство институционализируется в системе власти – получает доступ ко многим государственным должностям, дополнительное финансирование, постоянную возможность продвижения своих правотворческих альтернатив и другие конституционно-правовые гарантии. Это, однако, не означает, что политическая оппозиция находится буквально в конфронтации с иными общественно-политическими силам. Конфронтационная модель зиждется на исторической традиции – поддержание политической конкуренции и прав меньшинства в системе власти посредством баланса традиционно сложившихся общественно-политических сил.

В Великобритании конфронтационная модель оппозиционной деятельности заложена в самой партийной системе страны - мягкой двухпартийности» с существенной ролью в политике «третьей партии». При этом формально в подобной партийной системе наблюдаются и другие партийные образования, число которых может измеряться десятками, но они редко способны составить конкуренцию не только «грандам», но даже «третьей партии».

Британский вариант взаимодействия парламентского меньшинства с иными субъектами государственной власти, тесно связан с так называемой Вестминстерской моделью организации государственной власти. Последняя предполагает наличие сильного главы правительства, который имеет на порядок больше реальных полномочий чем церемониальный глава государства. При этом глава правительства, как правило, является руководителем политической партии, имеющей большинство в национальном парламенте (правящей партии). В системе постоянно действует сильная парламентская оппозиция, которая, в случае перетягивания на свою сторону части депутатов от правящей партии, способна отправить правительство в отставку. При этом оппозиционная партия держит наготове «теневой кабинет», имея конкретных людей, которые публично определяют свою позицию по ключевым вопросам политики как потенциальные министры. Вестминстерская система предполагает весьма низкую степень разделения властей и высокий уровень зависимости кабинета министров от парламента (из членов которого, как правило, и формируется правительство после выборов). Данная система в той или иной своей разновидности действует во многих бывших частях Британской империи, часто предполагая заодно и двухпартийную модель большей или меньшей степени «мягкости».

В Британии в последнее время наблюдается смещение двух базовых политических партий к центру и «обмен идеями». Так, консерваторы стараются использовать социал-демократические лозунги и ведут активную охоту за голосами различных меньшинств. Лейбористы же пытаются найти понимание у состоятельной части среднего класса. И в том, и в другом случае исследователями отмечается определенная идейная гибкость базовых партий. При этом большим партиям гораздо проще менять свою программу, нежели мелким нишевым партиям, построенным обычно вокруг какой-то одной конкретной идеи.

Так, лейбористы еще при Блэре задекларировали решительный и окончательный отказ от лозунгов всеобщей национализации и тотал-

ного вмешательства государства в социальные отношения, сделав ставку на продвижение равенства возможностей, а не равенства доходов. Идеологическая концепция лейбористов при Блэре и Брауне, называвшая «New Labour», рассматривалась как часть идеологии т.н. «Третьего пути» как компромисса между интересами наемных сотрудников и предпринимателей. Приверженцами «Третьего пути» считают и центристскую часть Демократической партии США («Новые демократы»).

Анализируя технологии нивелирования риска прорыва к власти радикальных партий в условиях конфронтационной модели оппозиционной деятельности стоит обратиться к опыту функционирования радикальных партий в Великобритании. В последние годы политологами отмечается рост популярности Партии независимости Соединенного Королевства (The UK Independence Party – UKIP), а также региональных партий Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. При этом в британские органы власти радикалы и маргиналы не попадают. Так, UKIP получила десять мест в Европарламенте - и ни одного в парламенте национальном. Кроме того, радикальные и сепаратистские политические силы эффективно показывают себя на местных выборах, что объясняется действующей избирательной системой - в Британии мажоритарная система не используется на всех региональных выборах, в Шотландии и Уэльсе применяется смешанная мажоритарно-пропорциональная система, выборы в Северной Ирландии проходят по системе единственного передаваемого голоса. Мажоритарно-преференциальная система действует на выборах мэра Лондона и других избираемых мэров в Англии и Уэльсе при условии выдвижения более двух кандидатов.

Отказ от мажоритарных выборов выступает основной причиной высоких показателей оппозиционных партий на местных выборах. Стоит отметить, что в настоящее время активно ведутся дискуссии об отказе от мажоритарной системы и на выборах в Палату общин. В 2011 году по данному вопросу проводился референдум, который стал прямым результатом парламентских выборов 2010 года после которых к власти пришло коалиционное правительство консерваторов и ведущей третьей партии - либерал-демократов, получивших очень хороший процент голосов - 23%. Однако мажоритарная система ограничила их представительство в нижней палате парламента 57 мандатами. Консервативная же партия получила 36% от принявших участие в выборах – но при этом 306 мест. Лейбористы получили 29% голосов – и 258 мест. Собственно, этот результат наглядно показывает, как мажоритарная система способствует двухпартийности, но по итогам выборов консерваторы не получили абсолютного большинства и вынуждены были взять либерал-демократов в коалицию. Условием было проведение референдума по отмене мажоритарной системы. В итоге на референдум 2011 года был вынесен вопрос о переходе на преференциальное (альтернативное) голосование. Эта система уже используется на выборах мэра Лондона и других избираемых мэров в Англии и Уэльсе.

При этом не стоит забывать, что в Великобритании существует парламентский режим, поэтому выбор фактического первого лица осуществляет парламент. Это приводит к определенному изменению в поведении избирателей – они считают возможным проголосовать за третьи партии, которые могут оказать влияние на формирование кабинета министров или на его политическую линию. Таким образом, возникает возможность коалиционных правительств или, по крайней мере, учета мнения мелких партий при важных голосованиях. Отсюда и британская конфронтационная модель оппозиционной деятельности, которая позволяет в большей степени представить в парламенте всю палитру политических настроений.

Также, типичным примерам функционирования конфронтационной модели оппозиционной деятельности является Канада. В стране на политической сцене традиционно доминировали Либеральная и Консервативная партии (последняя проходила несколько этапов организационных трансформаций). Но в 2011 году впервые в истории Канады второе место на выборах заняла Новая демократическая партия, которая стала официальной оппозицией победившим консерваторам (действующим премьер-министром стал Стивен Харпер). Консервативная партия выступает на правом фланге с тезисами о необходимости низких налогов и умеренного государственного регулирования, за традиционные культурные и религиозные ценности, за увеличение полномочий полиции. Партия поддерживает разработку нефтяных песков и про-

екты крупных нефтепроводов, постоянно отбиваясь от нападок экологистов и прочих левых. Также, сам премьер, С. Харпер неоднократно выступал с поддержкой Израиля. Либеральная партия в настоящее время является политическим центром, сочетая в экономике идеи необходимости сокращения бюджетного дефицита и расходов на правительственных консультантов с призывами к повышению корпоративного налога, инвестиций в возобновляемую энергетику и официальной ставкой на мультикультурализм. Новая демократическая партия, в свою очередь, представляет собой левую, социал-демократическую политическую силу. Основные идеи – увеличение корпоративных налогов, обеспечение прав коренных народов (индейцев) и ЛГБТ-сообщества, экологизм, расширение гарантий здравоохранения – включая стоматологию, интеркультурализм (культурный релятивизм). [3]

Упомянутые основные партии Канады сильны на национальном уровне и не слишком опираются на региональные структуры, которые автономны и проводят свою политику. Собственную политическую стратегию имеют и многие партии регионального уровня, часто вступая в союз с партиями федеральными, но организационно оставаясь разными структурами. Примером может выступать Квебекская партия в регионе Квебек и федеральная партия Квебекский.

Вторая модель оппозиционной деятельности – кооперационная - воспринята скандинавскими странами, рядом посткоммунистических государств, Грецией, Португалией, Испанией и др. Кооперационная модель оппозиционной деятельности не ориентирована на формально-юридическое признание политического меньшинства и его встроенность в систему власти. Здесь регулирование оппозиционной деятельности развивается по пути установления дополнительных гарантий свободы слова и организационных возможностей открытого оппонирования власти всеми, кто не согласен с государственной политикой. Вместе с тем в регламентах работы представительных учреждений могут устанавливаться конституционно-правовые гарантии деятельности парламентской оппозиции, как например, в современной Германии.

Исследователи отмечают явный феномен двухполюсности, как тенденцию к тяготению идеологий партий к двум полюсам, условно леволиберальному и консервативному, современных континентальных партийных систем, оказывающий непосредственное влияние на взаимодействие государственной власти и политической оппозиции. Феномен двухполюсности, характеризующий кооперационную модель, довольно ярко продемонстрировали парламентские выборы в Германии 2013 года. Консерваторы оказались перед вызовом множества партий, из которых почти все (кроме классических либералов из СвДП) предлагали социалистические запросы отличающиеся лишь степень радикализма, при том, что и СДПГ, и Левая партия, и «пираты», и «зеленые» настаивали на - росте налогов, увеличении приоритетной поддержки меньшинств, усилении ставки на возобновляемую энергетику, на облегчении жизни иммигрантов и т.п.

Еще одна значимая оппозиционная сила, появившаяся в феврале 2013 года «Альтернатива для Германии» - партия евроскепиков (выступает за возвращение немецкой марки и торможение евроинтеграционных процессов) и консерваторов (в том числе критикует излишне мягкую миграционную политику и практику расширенных субсидий для возобновляемой энергетики). Данная партия (по сути протестная, но критикующая власть не «слева», а «справа») создана серьезными немецкими интеллектуалами из числа предпринимателей, профессоров экономики и журналистов деловых изданий консервативных взглядов. Многие представители «альтернативщиков» являются выходцами из ХДС/ХСС и СвДП, хотя есть и бывшие социал-демократы. На выборах 2013 года «Альтернатива для Германии» набрала 4,7% и осталась без мест в Бундесаге, не преодолев 5-процентный барьер В итоге все относительно мелкие партии, несмотря на ожидания части экспертного и журналистского сообщества, набрали совокупно не более трети голосов избирателей. Тем самым проявила себя логика двухполюсности - когда избиратели левых и леволиберальных взглядов голосовали за самую сильную партию их «полюса» (СДПГ), а консервативные избиратели – за самую сильную партийную коалицию уже их «полюса» (ХДС/ХСС) [3]

В целом европейская континентальная партийная политика гораздо более фрагментированна, чем англосаксонская. Социетальные и

внутриэлитные расколы, ведущие к формированию большего количества партий, во многих континентальных странах выглядят более глубокими, чем в англосаксонском мире. Однако англосаксонские страны также становятся все более гетерогенными из-за эффектов масштабной иммиграции и философско-политической ставки на приоритет защиты групповых прав и групповых идентичностей за счет прав индивидуальных. В этом смысле базовые тенденции в эволюции западных политических систем выглядят сходными для всех стран европейской цивилизации. В рамках данных тенденций неизбежно встанет вопрос об утверждении новых границ ценностного релятивизма и предельно допустимого социального авангардизма. Можно прогнозировать, что отмечаемая дихотомическая логика конфликта авангардистов с консерваторами по ценностям, станет главным определяющим моментом в формировании будущей стратегии политической оппозиции.

Сравнивая две модели оппозиционной деятельности в современных зарубежных странах, стоит отметить, что в силу неодинаковых институциональных условий функционирования власти в государствах возможно существование и различного объема прав, обязанностей и гарантий деятельности политического меньшинства. Этот фактор актуален как для конфронтационной, так и для кооперационной модели оппозиционной деятельности. В рамках последней наблюдается существенное разнообразие конституционно-правовых статусов оппозиции. Например, если победившая партия не участвует в формировании правительства, то оппозиционная деятельность локализуется на уровень Парламента или выливается в противостояние Парламента и Правительства. Если победившая на выборах партия формирует Правительство, то оппозиционная деятельность будет осуществляться оказавшейся в меньшинстве парламентской силой (что характерно для государств с конфронтационной моделью оппозиционной деятельности). В парламентских республиках не всегда «малые» политические партии, получившие депутатские мандаты, наделяются статусом парламентской оппозиции. [2]

В свою очередь в государствах, относительно недавно декларировавших отказ от авторитарного прошлого, движение на пути демократии часто сталкивается с трудностями, приводящими к социальным и политическим осложнениям и кризисам. При отсутствии устойчивой политической традиции и соответствующей правовой культуры реальное обеспечение политического плюрализма требует дополнительной регламентации взаимоотношений между государством, партиями большинства и оппозиционным меньшинством. Наиболее существенными составляющими демократизации для постсоветских стран на современном этапе их развития являются: недопустимость концентрации национального богатства в одних руках; обеспечение стабильного хода социальных процессов, прежде всего через преодоление кризисного экономического развития; научное управление обществом; доступ граждан к социально значимой информации; демократический характер функционирования институтов управления.

Анализируя зарубежный опыт, развития института политической оппозиции, в странах авторитарного прошлого, исследователи выделяют в качестве классических образцов успешного демократического транзита польскую, венгерскую, чешскую трансформацию.

Применительно к таким странам Центральной и Восточной Европы, как Польша и Венгрия, исследователи отмечают наиболее полное эволюционное развитие института политической оппозиции, а также выделяют ряд частных эволюционных форм данного института: протоинститут конструктивной оппозиции (национальные «круглые столы» власти и оппозиции), институт конструктивной оппозиции (в предконсолидированной фазе демократии), демократический институт политической оппозиции (в консолидированной фазе демократии). [1] Следует учесть, что подобные протоинституты политической оппозиции были характерны исключительно для стран Центральной и Восточной Европы с договорным типом демократического перехода, в то время как конструктивная оппозиция сформировалась также и в ряде других стран этого региона. В Чехословакии, например, консенсус власти и оппозиции относительно правил политического взаимодействия достигался иначе, по сравнению со странами классического договорного типа демократического перехода, что предопределялось собственной спецификой политического развития страны. Можно проследить взаимосвязь между по-

терей коммунистической партией страны авторитета, легитимности в глазах общественности и жесткостью установившегося политического режима. Выражавшееся недоверие к Коммунистической партии Чехословакии, усложнило возможности для демократизации общества, по тому же польскому или венгерскому пути, что в дальнейшем привело к нивелированию ее роли в политической жизни. Поэтому, важной особенностью чехословацкого варианта демократического транзита стало образование однородного в отношении «правил игры» сообщества значимых политических акторов, которое не требовало налаживания соответствующего переговорного процесса согласования интересов сторон, проводимого по образцу «круглых столов» власти и оппозиции в Польше и Венгрии.

Таким образом, принципиально значимыми институциональными условиями, формирования и функционирования института политической оппозиции, во всех странах Центральной и Восточной Европы, выступили правила, призванные обеспечить политический режим, отвечающий критериям процедурной демократии. В институциализированной форме данные правила представляют собой совокупность новых политических институтов, формирование которых составляло основу конституционных реформ и политических трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы в переходный период: структура государственной власти и уровни полномочий ее субъектов; независимая судебная система и СМИ; институт выборов; партийно-избирательная система и т. д.

Исследование зарубежного опыта становления и функционирования института политической оппозиции в современных западных обществах приобретает особое значение в условиях демократических преобразований современной России. В процессе развития отечественных институтов политической оппозиции необходимо учитывать положительные и отрицательные практики взаимодействия политической власти и оппозиции различных стран, с целью определения собственной модели институционализации политической оппозиции в структуре властных отношений.

Литература

1. Абдуллаева, К.М. Институциональные условия формирования конструктивной оппозиции в странах Центральной и Восточной Европы/ К.М. Абдулаева // [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-usloviya-formirovaniya-konstruktivnoy-oppozitsii-v-stranah-tsentralnoy-i-vostochnoy-evropy

2. Васильева, С. В. Институционализация парламентской оппозиции как гарантия представительной демократии / С. В. Васильева // [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2011/10/05/1231501323/

3. Двухпартийная модель: Риски и преимущества. Иностранный опыт. // Экспертно-аналитическое исследование - [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://politanalitika.ru/upload/iblock/d92/d92693f9d70bcaa740845ed0d86ea445.pdf

Портреты Бенвенуто Челлини: опыт атрибуции на основе историко–антропологических сопоставлений

Насобин О.Б.

Статья знакомит с результатами исследований французского эксперта, профессора, доктора Рауля Перро из Лионского Университета имени Клода Бернара проведенных при содействии автора. Исследования касались антропологических сопоставлений лиц, отобранных среди персонажей второго плана с произведений Челлини с единственным «официальным» портретом Челлини работы Джорджио Вазари.
Ключевые слова: портреты, Челлини, антропологический анализ, биометрические сопоставления, сходство

Portraits of Benvenuto Cellini: expearence of attribution based on antropological research
Nasobin O.B.
RGGU
The article introduces the results from the studies leaded by the doctor, professor Raul Perrot (of the Universitй de Lyon, Bernard 1) that were made with the participation of the author. The study concerns the anthropological comparisons of biometric parameters of Cellini's faces in various works of art. The comparisons used the face on Vasari's fresco as a benchmark.
Keywords: Benvenuto Cellini, Vasari's tondo, self portrait, Cellini's portrait, portrait of Cellini, face of Cellini, anthropological studies, Raul Perrot, autoportrait of Cellini.

Обстоятельства жизни итальянского скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини, его творчество и наследие в целом хорошо изучены. Однако, одной из дискуссионных тем до сих пор является проблема атрибуции внешнего облика художника. Как отмечает доктор, профессор сэр Джон Поуп-Хеннесси,[1] автор фундаментального труда о знаменитом флорентинце, отмеченного премией Вазари[2] : «нам неизвестно, как выглядел Бенвенуто Челлини, когда был еще относительно молодым человеком»[3] .

Тем не менее, недавние антропологические исследования позволяют утверждать, что у историков искусства наконец появились основания для реконструкции облика художника в период расцвета его творческих сил.

Задача настоящей статьи состоит в том, что бы проследить роль антропологического анализа в деле атрибуции некоторых персонажей второго плана с произведений Челлини, а так же атрибуции спорного рисунка, хранящегося в библиотеке Реале в г. Турин, Италия.

Ключевые исследования по обозначенной теме были проведены доктором Раулем Перро, профессором, руководителем «Лаборатории Антропологической Анатомии и Палеопатологии Департамента Биологии Человека» в Университете имени Клода Бернара Лион 1.[4] Профессор Перро имеет так же квалификацию судебного эксперта при Апелляционном Суде города Лиона (Франция).[5]

Эксперт, по просьбе автора настоящей статьи, сравнил между собой несколько хорошо известных изображений лиц, предположительно имеющих отношение к наследию Бенвенуто Челлини. При этом результат антропологических исследований получился отнюдь не банальным, а крайне интересным и во многом неожиданным.

Дело в том, что при всем обилии и высоком качестве информации, которой мы располага-

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

ем сегодня в отношении наследия «кровавого ювелира», существует лишь один, единственный портрет выдающегося скульптора, который признается достоверным.[6]

«... существует только один официально признанный портрет Бенвенуто Челлини. Он находится среди изображений прочих придворных художников флорентийского герцога на круглой фреске работы Джорджио Вазари, «Козимо Первый в окружении художников, инженеров и скульпторов своего двора», и расположен в Палаццо Веккио. ... Прямо под под изображением уже пожилого Челлини находится надпись Benvenuto SCVL»[7] (рис. 1).

Фреска, или «тондо» как ее принято называть, о которой говорит нам Профессор Поуп-Хеннесси, была выполнена Вазари около 1563 года. Таким образом, ко времени ее написания, Бенвенуто уже во всяком случае, исполнилось 62. Современная атрибуция портретов изображенных на тондо людей проведена доктором Шандлером Кирвином в 1971 году.[8]

К сожалению, на портрете работы Джорджио Вазари Бенвенуто выглядит уже безвольным, немного трагичным старцем. Он совсем не похож на свой психологический образ, который складывается в голове читателя по мере знакомства с искрометной автобиографией Челлини «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции»[9]. Достаточно сказать, что современники Бенвенуто вполне заслуженно дали неистовому авантюристу прозвище «Дьяболо». Но глянув на фреску Вазари, вряд ли этот эпитет придет на ум в отношении смирного и грустного старика (рис. 2).

Через два с половиной столетия после создания фрески, в 1822 году знаменитый итальянский мастер Рафаель Морген выполнил гравюру с портрета работы Вазари, и именно эта гравюра в последствии стала наиболее распространенным изображением облика Бенвенуто Челлини[10] (рис. 3).

Известно так же народное флорентийское поверие,[11] которое утверждает, что загадочный портрет на затылке бронзовой статуи «Персея»[12], это на самом деле лицо самого автора, Бенвенуто Челлини (рис. 4).

«... на затылке [Персея] находится лицо пожилого человека, с пустыми глазницами и впалыми щеками, которое теряется в кудрях героя (Персея). Народная традиция претендует, что это автопортрет скульптора. Впрочем, это правда, что портрет Вазари с фрески в Палаццо Веккио нельзя назвать не имеющим сходства с этим лицом...»[13]

В Библиотеке Турина хранятся два рисунка, изображенных на сторонах одного и того же листа бумаги размером 28,3х18,5. Авторство этих рисунков с наибольшей вероятностью принадлежит самому Челлини[14].

На одной из сторон графитом изображено лицо мятежного бородача, [Рис. 5] а на другой - пером и чернилами набросаны два этюда и лицо в профиль. Рисунок сопровождает несколько надписей сделанных почерком Челлини. [Рис. 6]

По вопросу личности изображенного человека на лицевой стороне рисунка из Турина в настоящий момент известно несколько спорных точек зрения: профессор А. Бертини в свое время видел здесь «руку Бачо Бандинелли», и

Рисунок 4

Рисунок 5

Рисунок 6

соответственно, считал, что на рисунке изображено лицо конкурента Челлини «Кавалера Бандинелли», придворного скульптора, с которым Бенвенуто Челлини вел непрерывную войну. [15]

Однако, Профессор Сэр Поуп-Хеннесси опровергает мнение своего коллеги:

«Мы не можем обоснованно сомневаться, что этот лист имеет тот же самый стиль и почерк, что и рисунок [руки Бенвенуто Челлини] хранящийся в Лувре» [16]. До 2005 года мы не располагали другими известными, как имеющие отношение к реальному облику «кровавого ювелира», изображениями. Многочисленные статуи, гравюры, офорты, рисунки и живописные портреты, появившиеся через несколько столетий после смерти скульптора не имеют доказанной связи с его реальным лицом, а так же с прижизненными портретами знаменитого флорентийца.

Бенвенуто Челлини известен потомкам не только своими скульптурными шедеврами и предметами ювелирного искусства, но и как выдающийся литератор. Челлини удалось создать, пожалуй, наиболее искрометную автобиографию из всех произведений подобного жанра, появившихся в 16 веке. Рукопись биографии написана живым, свободным языком, она содержит огромное количество ценных деталей быта и уклада жизни, характерных для эпохи ренессанса. Поэтому неудивительно, что его автобиография послужила источником вдохновения для ведущих представителей творческой интеллигенции 18го, 19 и 20-го веков[17].[18] [19]

За несколько столетий книга «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции» выдержала сотни переизданий. Поэтому, в связи с большими тиражами и востребованностью у широкой публики, у книгопечатников и торговцев возникла насущная необходимость изображения внешнего облика автора на обложке его книг. Но, к сожалению, издателям пришлось обходиться или производными картинками с портрета работы Вазари, или сомнительными изображениями лица «Челлини» созданных вдохновением их авторов. На многих обложках книг портрет скульптора и вовсе отсутствовал. [20]

Особенность появления Челлини-литератора на сцене истории состоит в том, что в течение 2х веков после смерти Бенвенуто рукопись оставалась неизвестной широкой публике, и заслуженное признание пришло к ней лишь в 18 – м, 19-м веках. Первое печатное издание состоялось в 1728 году, в Неаполе, тогда как Челлини скончался во Флоренции в начале 1571. Поэтому ничего удивительного, что публика успела забыть своего кумира за долгие 180 лет.

Отвечая на запрос публики и за неимением лучшего варианта, художники 18, 19 и 20 веков принялись изображать внешность Челлини «по описаниям» современников Бенвенуто и, главным образом, взятым из его собственных книг. Отсюда проистекает обилие всевозможных «портретов» и скульптур Челлини, относящихся к периоду 18-20 веков. Все эти произведения мало похожи друг на друга, если не принимать во внимание некоторые общие для европейских лиц черты, а так же характерные для внешности Челлини атрибуты: густую бороду и тонкий нос.

Самым знаменитым среди подобных изображений следует, наверное, признать бюст «Бенвенуто Челлини» работы Рафаэлло Романелли, установленный в центре «старого моста» («Понто Веккио») во Флоренции в 1900 году[21].

Рисунок 7

Рисунок 8

Рисунок 9

В частной переписке с автором статьи, современный исследователь творчества Рафаелло Романелли доктор М. Паоло Ди Анна подтвердил, что скульптор придал бюсту «Бенвенуто Челлини» на Понто Веккио свои собственные черты лица, и не стремился изобразить своего Челлини похожим на реальный облик ювелира. Об этом сеньор Ди Анна собирается написать в своей книге, которая готовится к изданию в Италии (рис. 7).

В 2004 году на юге Франции был обнаружен живописный портрет , который сегодня находится в частной коллекции[22] (рис. 8).

Простое сравнение портрета из Туринской Библиотеки и вновь обнаруженного живописного портрета из частной коллекции показывает, что на обоих произведениях изображен, скорее всего, один и тот же человек. Именно вот это антропологическое сходство персонажа на рисунке из Турина и на живописном портрете из частной коллекции привлекло внимание автора статьи к обсуждаемой теме. При этом простое сравнение живописного изображения с персонажами второго плана на работах самого Челлини позволило выдвинуть гипотезу о том, что, возможно, в нескольких случаях мы имеем дело с изображением лица самого Челлини. На Рис. 9 на крайнем справа фото представлено лицо человека, обнаруженное на барельефе «Спасение Андромеды» работы Челлини. Флоренция.

Известно, что итальянская традиция художественных автопортретов была достаточно развита во второй половине 16 века. Мастера изобразительного искусства иногда изображали себя в качестве персонажей второго плана . Поэтому гипотеза о возможном присутствии портретов Челлини среди его персонажей вполне соответствует общему культурно-историческому контексту эпохи.

Для подтверждения гипотезы об обнаруженных портретах Челлини среди его моделей следовало в первую очередь научными методами сравнить «подозрительные» лица с «эталонным» портретом работы Вазари, а во вторую очередь – сопоставить похожие лица между собой.

Выполняя эту задачу, мы исследовали всех персонажей с известных произведений Челлини. В результате «подозрительные» объекты с ярко выраженными индивидуальными чертами были обнаружены на двух скульптурных работах:

- Барельефе «Спасение Андромеды», (пьедестал «Персея»). Деталь – «Человек с поднятой рукой». [Рис. 10]; Деталь: «Лицо человека с поднятой рукой» см. Рис. 9.

- Бюсте «Козимо Медичи 1» в виде гротескного «козло-льва» на плече доспеха; [Рис. 11]

Кроме того, уже на этом этапе исследований стало очевидно, что Челлини часто изображал в своем творчестве персонажа с похожими чертами лица, потому что общие, стилизованные черты этого человека прослеживаются и на изображении «Нептуна» с «Солонки Короля Франциска» и у статуи «Нептуна» с подножия Персея.

Впрочем, нельзя было исключить, что мы имеем дело всего лишь с хорошо известным феноменом: художники имеют свойство изображать на своих работах людей с некими характерными для своего творчества чертами лица и фигур. Они склонны выбирать себе похожих моделей и придавать своим персонажам характерные для своего индивидуального стиля черты.

Рисунок 10

Рисунок 11

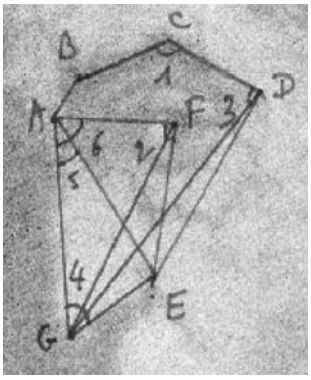


Рисунок 12

Поэтому сама по себе находка нескольких подобных между собой лиц среди изображений Челлини еще не могла служить доказательством обнаружения «автопортретов». Похожие модели на произведениях скульптора могли оказаться лишь следствием особенностей его художественной манеры, а вовсе не личными портретами автора. Но с другой стороны, если бы была установлена и научно подтверждена связь этих лиц с портретом Челлини работы Вазари, тогда доказательства сходства можно было бы считать солидным основанием для обоснования гипотезы.

Для установления научной истины в этом вопросе потребовалась помощь квалифицированных специалистов – антропологов. По совету французских ученых-криминалистов, которые имеют огромный опыт антропологического сравнения лиц, в том числе сравнения изображений полученных в сложных условиях, ассистенты автора статьи Лор Шируссель и Стефани Ласкур-Бордарье обратились к наиболее авторитетному во Франции эксперту и ученому, Доктору Раулю Перро.[23]

В качестве научной задачи перед антропологом был поставлен вопрос об идентичности лиц, изображенных на следующих произведениях искусства:

- Рисунке из Турина, предположительно авторства Бенвенуто Челлини, (см. Рис 5).
- Живописном Портрете из частной коллекции. (См. Рис 8).
- Барельефе «Спасение Андромеды», авторства Бенвенуто Челлини. (См. Рис 10, Рис 9).
- Бюсте «Козимо 1 Медичи», авторства Бенвенуто Челлини. (См. Рис. 11)
- Фрески в Палаццо Веккио, авторства Джорджио Вазари. (См. Рис. 1 и Рис. 2).

По результатам своих исследований в 2007 году доктор Перро опубликовал научную работу[24] . В статье «Лицевая биометрия и экспертиза произведений искусства» профессор рассказывает о методе исследования портретов Бенвенуто Челлини и о выводах своих экспертиз. Этот опыт сопоставления биометрических параметров лиц с рассматриваемых портретов оказался настолько интересным и востребованным специалистами в области истории изобразительных искусств, что лаборатория, возглавляемая профессором Перро отныне имеет особый штат специалистов, занимающихся исследованиями в области изобразительного искусства.

Для решения поставленной перед ним задачи эксперт Перро применял обычную методику, хорошо известную и разработанную для определения идентичности участников вооруженных ограблений, опознания трупов и других судебно-юридических случаев.

Методика антропологических биометрических сопоставлений основывается на расчетах параметров, углов и отрезков, образованных 7 фиксированными ключевыми точками на лице, положение которых относительно друг друга не меняется с возрастом человека.

Ключевые точки расположены следующим образом:

- Переносица «A»
- Начало брови «B”
- Верхняя точка перелома брови «C»
- Конец брови «D»
- Зрачок «F»
- Точка соединения ноздри и щеки. «E»

- Кончик носа «G» (рис. 12).

Ключевые точки соединяются отрезками, и потом по углам и пропорциям этих отрезков производятся алгебраические вычисления. Для данного метода исследования неважно, в каком ракурсе и масштабе изображены сравниваемые лица. Степень биометрического подобия сопоставляемых портретов выражаются в процентах. При этом показатели выше 60% считаются достаточными для однозначного удостоверения идентичности изображенных личностей. [25]

В нашем случае выводы экспертиз оказались положительными: все исследуемые изображения, представляют лицо одного и того же человека в разном возрасте[26] .

1. Сходство между лицом Бенвенуто Челлини с фрески работы Вазари из Палаццо Веккио, см. Рис. 2, и лицом с живописного портрета из частной коллекции, см. Рис.8, составляет 90% [27]

2. Сходство между лицом с барельефа «Спасение Андромеды» см. Рис. 9, Рис 10, и лицом с живописного портрета из частной коллекции см. Рис 8, составляет 70%

3. Сходство между лицом с рисунка из библиотеки Турина (Рис. 6) и лицом Бенвенуто Челлини с фрески Вазари из Палаццо Веккио, (Рис. 2), составляет 84%

4. Сходство между лицом с рисунка из библиотеки Турина, (Рис. 5), и лицом с барельефа «Спасение Андромеды» с пьедестала статуи «Персея», (бронза, Бенвенуто Челлини) (Рис. 9), составляет 91%.

5. Сходство между лицом с плеча «бюста Козимо Первого Медичи» работы Бенвенуто Челлини, (Рис. 11) и лицом Бенвенуто Челлини с фрески из Палаццо Веккио, работы Вазари, (Рис.2), составляет 90%

Таким образом очевидно, что все эти лица принадлежат одному и тому же человеку.

Поскольку изображение Челлини на фреске Вазари считается его истинным обликом, то можно сделать однозначный вывод: на всех исследуемых произведениях искусства изображен именно Бенвенуто Челлини.

Исследования Доктора Перро, проведенные по просьбе автора статьи, открывают глаза и на другие работы Бенвенуто Челлини.

Например, можно подтвердить, что народная молва оказалась права: на затылке Персея изображен именно автор, поскольку пропорции лица-маски (Рис. 4) безусловно совпадают с живописным портретом из частной коллекции (Рис.8). Что «Нептун» на знаменитой «солонке Короля Франциска» тоже демонстрирует нам несколько идеализированные, но узнаваемые черты самого Бенвенуто Челлини. Так же в лице статуи «Нептун» с подножия «Персея» мы легко узнаем черты его скульптора.

Кроме того, исследование французских антропологов ставит точку в споре искусствоведов насчет рисунка из Туринской библиотеки. На лицевой стороне листа древней бумаги (Рис. 5) изображен именно автопортрет Челлини, а отнюдь не портрет Бандинелли. Таким образом, еще раз доказано предположение профессора Поупа Хеннесси и подтверждена его точка зрения.

Литература

1. Де Вайи, Л., Барбье А. Либретто к опере Гектора Берлиоза «Бенвенуто Челлини» // Премьера в Париже, 1838. (URL: http://www.belcanto.ru/benvenuto.html Дата обращения 14.04.2014).

2. Дюма, Александр. Асканио, (1843) // М.: АСТ. 2011.

3. Подземская, Н.П. Жизнь Бенвенуто Челлини как литературный памятник позднего итальянского Возрождения // Культура Возрождения XVI века. М.: Наука, 1997.

4. Сен-Санс, Камиль. Асканио// Опера, 1890.

5. Соротокина, Нина Матвеевна Бенвенуто Челлини // М.: Вече, 2011.

6. Челлини, Бенвенуто. Жизнь Бенвенуто Челлини написанная им самим // М.: Кристалл, 1998.

7. Bertini, A. I designi italiani della Biblioteca Reale di Torino // Instituto Poligrafico Dello Stato, Rome, Italy, 1958.

8. Cellini, Benvenuto. The autobiography of Benvenuto Cellini // Everyman's Library, 2010.

9. Cellini, Benvenuto. The Autobiography of Benvenuto Cellini // Pengiun Classics, 1995.

10. Ciardi R.P. Case di artisti in Toscana. // Cinisello Balsamo, 1998.

11. Higgins, John. Pope-Hennessy, Sir John Wyndham (1913-1994) // Oxford Dictionary of National Biography/ Edited by Matthew H.C.G., and Harrison B., Oxford: OUP, 2004.

12. Kirwin, Chandler W. Vasari's Tondo of Cosmo I with his Architects, Engeneers and

Sculptors, in the Palazzo Vecchio : Typology and Re-Identification of Portraits // Metteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz, MKIF 15, 1971.

13. List des experts judiciaries annee 2013 // Cour d'appele de Lyon. (URL: http://www.courdecassation.fr/IMG///Liste_experts_CA_Lyon_2013.pdf Дата обращения 14.04.2014)

14. Mandel, C. Perseus and the Medici // Storia Dell Arte, no. 87, 1996.

15. Morghen, Rafaello. Portrait of Benvenuto Cellini. Gravure. (URL: http://giorgio-vasari.it-pr.ru/paint/68.html Дата обращения 14.04.2014)

16. Perrot Raoul //Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie, Departament de Biologie Humaine, Universite Claude Bernard Lyon 1. (URL : http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr/Index.htm Дата обращения 14.04.2014)

17. Perrot, Raoul. Biomйtrie faciale et expertise d'oeuvres d'art // PALEOBIOS , n 15, 2007. Lyon-France ISSN 0294-121 X (URL: http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr/PALEOBIOS%202007/biom%C3%A9trie%20et%20oeuvres%20d%27art.htm#Perrot%20R%20%282005%29 Дата обращения 14.04.2014)

18. Perrot, Raoul. Rapport d'expertise // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 26 aout 2005 Lyon [L2AP] (URL: http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr Дата обращения 14.04.2014)

19. Perrot, Raoul. Rapport d'expertise // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 20 septembre 2010 Lyon [L2AP] (URL: http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr Дата обращения 14.04.2014)

20. Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985.

21. Randall,Colin. Antique sale painting unveiled as Cellini self-portrait // Daily Telegraph, 14 Sept. 2005 (URL: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/italy/1498393/Antique-sale-painting-unveiled-as-60m-Cellini-self-portrait.html Дата обращения 14.04.2014)

Ссылки:

1 Higgins, John. Pope-Hennessy, Sir John Wyndham (1913-1994) // Oxford Dictionary of National Biography/ Edited by H. C. G. Matthew and Brian Harrison. Oxford: OUP, 2004.

2 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini //Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 16.

3 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini» // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 16.

4 Perrot Raoul //Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie, Departament de Biologie Humaine, Universite Claude Bernard Lyon 1. (URL : http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr/Index.htm Дата обращения 14.04.2014)

5 List des experts judiciaries annee 2013 // Cour d'appele de Lyon. P.180 (URL: http://www.courdecassation.fr/IMG///Liste_experts_CA_Lyon_2013.pdf Дата обращения 14.04.2014)

6 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 16.

7 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini //Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 16.

8 Kirwin, Chandler W. Vasari's Tondo of Cosmo I with his Architects, Engeneers and Sculptors, in the Palazzo Vecchio : Typology and Re-Identification of Portraits // Metteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz, MKIF 15, [1971] pp 105-22

9 Подземская, Н.П. Жизнь Бенвенуто Челлини как литературный памятник позднего итальянского Возрождения // Культура Возрождения XVI века. М.: Наука, 1997, с. 157-163

10 Morghen, Rafaello. Portrait of Benvenuto Cellini. Gravure. (URL: http://giorgio-vasari.it-pr.ru/paint/68.html Дата обращения 14.04.2014)

11 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 185.

12 Mandel, C. Perseus and the Medici // Storia Dell Arte no. 87, p.199.

13 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 185.

14 Bertini, A. I designi italiani della Biblioteca Reale di Torino // Rome. 1958, pp. 17-18

15 Bertini, A. I designi italiani della Biblioteca Reale di Torino // Rome. 1958, pp. 17-18

16 Pope-Hennessy, John Wyndham. Benvenuto Cellini // Abbeville Press. [Hazan pour l'edition francaise], 1985. 324 p. P. 185.

17 Де Вайи, Л., Барбье. Либретто к опере Гектора Берлиоза «Бенвенуто Челлини» // Премьера 1838. (URL: http://www.belcanto.ru/benvenuto.html Дата обращения 14.04.2014).

18 Дюма, Александр. Асканио, (1843). М: АСТ. 2011.

19 Сен-Санс, Камиль. Асканио// Опера. (1890).

20 Cellini, Benvenuto. The Autobiography of Benvenuto Cellini // Pengiun Classics. 1995;

Челлини, Бенвенуто. Жизнь Бенвенуто Челлини написанная им самим // Кристалл. 1998;

Cellini, Benvenuto. The autobiography of Benvenuto Cellini // Everyman's Library 2010;

Соротокина, Нина Матвеевна Бенвенуто Челлини // М.: Вече, 2011.

21 Ciardi R.P. Case di artisti in Toscana. // Cinisello Balsamo, 1998.

22 Randall,Colin. Antique sale painting unveiled as Cellini self-portrait // Daily Telegraph, 14 Sept. 2005

(URL: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/italy/1498393/Antique-sale-painting-unveiled-as-60m-Cellini-self-portrait.html Дата обращения 14.04.2014)

23 Perrot, Raoul. // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie, Departament de Biologie Humaine, Universite Claude Bernard Lyon 1. (URL : http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr/Index.htm Дата обращения 14.04.2014)

24 Perrot, Raoul . Rapport d'expertise // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 26 aout 2005 Lyon [L2AP]

(URL: http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr Дата обращения 14.04.2014)

25 Perrot, Raoul. Biomйtrie faciale et expertise d'oeuvres d'art // PALEOBIOS , n 15, 2007. Lyon-France ISSN 0294-121 X (URL: http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr/PALEOBIOS%202007/biom%C3%A9trie%20et%20oeuvres%20d%27art.htm#Perrot%20R%20%282005%29 Дата обращения 14.04.2014)

26 Perrot, Raoul. Rapport d'expertise. // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 26 aout 2005 Lyon [L2AP]

(URL: http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr Дата обращения 14.04.2014); Perrot, Raoul. Rapport d'expertise // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 20 septembre 2010 Lyon [L2AP]

(URL: http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr Дата обращения 14.04.2014)

27 Perrot, Raoul. Rapport d'expertise. // Laboratoire d'Anthropologie Anatomique et de Paleopathologie Departament de Biologie Humaine Universite Claude Bernard Lyon 1. 26 aout 2005 Lyon [L2AP]

(URL: http://anthropologie-et-paleopathologie.univ-lyon1.fr Дата обращения 14.04.2014);

Макарьевская ярмарка и ее роль в формировании единого национального всероссийского рынка

Мелешко Г.А.

В статье на примере Макарьевской ярмарки рассматривается процесс образования единого Всероссийского рынка через возрождение экономических связей после Смутного времени. Затрагивается вопрос преемственности: от Макарьевской к Нижегородской ярмарке, известной как «карман России».
Ключевые слова: Всероссийский рынок, Макарьевская ярмарка, Нижегородская ярмарка, возрождение экономических связей русских земель

Makarevskaya fair and its role in the formation of a unified nationwide market
Meleshko G.A
Nizhny Novgorod state agricultural academy
The article with the example of Makarevskaya fair considers the formation of a unified nationwide market through the revival of economic ties after the Time of Troubles. The author concludes the fact of succession from Makarevskay fair to the Nizhny Novgorod fair, known as the “pocket of Russia”.
Key words: Russian market, Makarevskaya fair, Nizhny Novgorod fair, the revival of economic relations of the Russian lands

По определению В.О. Ключевского XVII век являет собой новый период русской истории «это не просто исторический период, а целая цепь эпох, сквозь которую проходит ряд важных факторов... новая династия, новые пределы государственной территории, новый строй общества...и новый склад народного хозяйства»[2, с.5-7], который выразился в превращении ремесла в мелкотоварное производство, развитие специализации отдельных территорий и рост торгового оборота, в возникновении центров художественного производства (Хохлома, Палех), появление мануфактур и формирование единого национального Всероссийского рынка, в котором объединяющую роль российской экономики играли Ирбитская, Свенская и Макарьевская ярмарки – данная ярмарка и будет предметом статьи.

За Волгой, в глухих лесах теперешнего Макарьевского уезда Нижегородской губернии, близ тихостойной задумчивой Ветлуги, в верстах ста от Макария, находится озеро Светлояр, над которым стоит невидимый град Китеж, куда и до сих пор в великую Китежскую ночь с 22 на 23 июня стекаются тысяча богомольцев, почти исключительно крестьян, преимущественно старообрядцев. Народная фантазия связывает в поэтической легенде невидимый град, скрывшийся от Батыя, с местом разоренной татарами древней обители на желтых песках.

Прошли годы, долгие годы вечного страха, пало Казанское царство и смелей и более густыми толпами стали сходиться поклонники на разоренное место; а где народное сходбище, там и торг. В 1624 году обитель Макария была восстановлена жителем с. Мурашкина, отстоящего от Желтых вод не более верст тридцати, неким «украшенным нищетою духовною» иноком Авраамием. Не прошло и десяти лет, как возникший около стен обновленной обители торг превратился в крупнейшую волжскую ярмарку.

В 1641 году Макарьевская ярмарка была утверждена официально; а в 1691 году Петр Великий назвал ее «зело великим сходбищем, о котором думать всегда надлежит». От самого своего официального открытия вплоть до Петра Великого ярмарка представляла собственность монастыря: монастырь заботился об ее благоустройстве; монастырь гостеприимно открывал двери съезжавшимся ежегодно на торг, строил торговые помещения, помещения для складов товаров. Преподобный Макарий сделался покровителем волжской торговли.

Правительство долго не вмешивалось в распорядки хозяйственного управления торжищем административное управление, которым тоже ведал монастырь, организуя и охрану порядка и безопасности, наряжая особую стражу из монастырских служек, чиня суд и расправу архимандричьим судом. Только Петр Великий, отобрав у монастыря часть доходов, наложил и на административное управление ярмаркой свою властную руку, но не учреждая правительственной казенной охраны, а лишь обязав монастырь делать то, что делал он добровольно: держать караул из определенного установленного числа иноков, – и только впоследствии понемногу урезывая и ограничивая права монастыря на ежегодно собравшееся у его стен великое Всероссийское торжище, все более и более приобретавшее государственное значение.

Картину тогдашней ярмарки у Макария дает нам лейб-медик Реман [4], бывший на ней проездом в 1804 году. «Приближение к ярмарке издали давало о себе знать огромным столбом пыли, стоявшим над нею от непрерывного движения массы народа, лошадей, обозов. Ярмарка Франкфуртская и Лейпцигская едва заслуживают названия ничего не значащих сборищ в сравнении с тою, которая бывает в сем скудном месте»[5].

Описывая ярмарку девять лет спустя князь И.М. Долгорукий говорит: «Суета всякого рода, общее стремление к торговле, движение огромных капиталов, уточненный обмен в оборотах, заготовление всего на всю Россию, словом, центр всех купеческих расчетов. Вот что такое Макарьевская ярмарка... Нет купца, который бы сюда не ездил; нет товара, какого бы не возили сюда, все здесь от роскоши до необходимого, а эта лестница велика; вы все здесь найдете: наряды церквей, домов и людей. Множество модных лавок: где их нет! Без них, как без воздуха, не могли бы жить ни жены наши, ни дети. Кареты Английския и куклы Троицкия; Шварц-панель и ольховый стул; хрустальные люстры и кабатские стаканы; Парижский чепчик и Оренбургский армяк; Евангелие кованное и Холуйская икона; соболь стотысячный и овчина; Рафаелева картина и мыши кота хоронили; Ломаносов и Совестьдрал; жасминные духи и деготь. Словом, все, все, что угодно: все противоположности здесь соединяются и превращаются в империалы, в целковые, в бумажки, наконец, в огромные векселя» [6].

Ярмарки особенно тщательно оберегались от огня. Огонь иметь на ярмарке строго воспрещалось. В указе 1805 года от 24 февраля говорится так: «Для безопасности от пожара, с каждого ряда торгующих, по собственному избранию, назначить на все вреся ярмарки нужное количество старост, которые бы, сменяясь по очереди между собою, имели в ночное время надзор, чтобы купечество в лавках огня не держало и что бы по закрытии лавок не было бы в гостином двое людей, к обществу гостей не принадлежащих». По именному указу строжайше запрещалось держать для чего бы то ни было огонь; внутри гостиного двора, в лавках, даже не позволялось иметь самоваров. «Сие самое препятствовало в биржевой зале дать бал, которая хотя и очень для забав общественных пригодна, но Правительство местное не уполномочено позволять даже свечи зажигать во внутренней стороне канала».

Крупнейшая в России XVII в. Макарьевская ярмарка оказала влияние на многие стороны жизни городов и посадов Нижегородского Поволжья. Местные ремесленники могли здесь быстро реализовывать выработанные товары, а скупщики – оптом закупать их большими партиями для будущей розничной перепродажи. Стабильный привоз на ярмарку крупных партий железа, стали, кож, льна и холстов, поделочной древесины и хлеба стимулировал развитие нижегородской промышленности.

Спрос на сырье удовлетворялся, в первую очередь, сельским населением, местными землевладельцами Б.И. Морозовым, Я.К. Черкасским, а также Макарьев – Желтоводским монастырем и др., поставившим свои вотчинные хозяйства на товарную основу. Предлагаемые ими сырье и товары широким потоком хлынули на

Таблица 1

Название рядов, с показанием товаров, на них продаваемых	На какую сумму привезено	На сколько продано
Ивановский, Ново-астраханский, ситцев, платков, полотен, холста кинешемского на	30102000	101200
Старо-астраханский мелочного бумажного товару и пряденой бумаги на	291500	81100
Сибирский ряд и Сибирская линия платков шелковых, китайского чаю да частью сахара на	1030000	2959000
Шляпной московский шляп из заячьего пуху, разных шапок и картузов на	172000	42000
Шляпной Нижегородский шляп поярковой шерсти на	69800	30000
Мало-Сибирский мехов медвежьих, волчьих, лисьих, собольих, беличьих и др., также одних шкур и калмыцких тулупов на	2747000	1157000
Щетильный разной мелочной серебряной и галантерейной, ярославской игольной, Да малый ярославский мелочного серебряного и галантерейного товару разных пуговиц, снурков и др. мелочей на	630900	271000
Московский игольный бус, янтарей, игол и булавок, да шелка на	150000	42000
Ярославский разных железных изделий, павловских ружей, замков, ножей, проволоки, гвоздей на	348500	162400
Уральский шитого немецкого платья, да армяков на	168000	83000
Меховые мурашкинский и арзамасский заячьих мехов, простых овчин и овчинных тулупов на	240000	112600
И т.д.		
Итого:	38500300	14554200
Сверх того на пристававших у Макарьевского берега гребных судах коренной рыбы, икры на	1530000	890000
ВСЕГО:	40030300	15444200

Макарьевскую ярмарку. Все эти товары располагались в торговых рядах по линиям: модная линия, ряд ювелиров, ряд сапожников, ряд портных и т.д., в этих рядах торговали и лысковские ремесленники. О названии торговых рядов, коих было огромное количество, можно судить по «Ведомости Макарьевской строительной конторы о товарах на какую сумму привезено на ярмарку бывшую 1812 года» (см. табл. 1).

«Ведомость о товарах, на каждую их сумму привезено на ярмарку, бывшую 1812 года» [1].

В этих многих рядах можно было встретить все, что угодно. Реман в «Макарьевской ярмарке» писал, что там можно встретить вещи самые противоположные – от дорогих вещей до тряпия.

Регистрация товаров производилась в Большой таможне Макарьевской ярмарки. Чаще всего она велась по географическому признаку. Отдельно записывался товар, привозимый из Москвы, Астрахани, Ярославля, Сибири и т.д. Значительная часть товаров вносилась в книги «разных городов», где регистрировались данные о товарах из самых различных пунктов. Для внесения значения ярмарки в тогдашней торговле необходимо выяснить географию приво-

Таблица 2
Экономические районы, принимавшие участие в Макарьевской ярмарке

Наименование районов	Товары
Москва	Текстиль и галантерея, металл и металлические изделия
Ярославль	Кожа и кожевенные изделия, вологодское сукно
Иваново	Текстиль
Астрахань	Рыба, соль, нефть
Сибирь (Верхотурье, Тобольск, Кунгур)	Уральское железо, соль, пушнина, китайские бумажные и шелковые ткани
Урал	Железо
Архангельск	Мыло, войлок
Казань	Рыба, соль, шелка, ткани
Среднее и Нижнее Поволжье	Местная пушнина, овчина, кожи, зерновые продукты, воск, мед
Турция	Бумажные ткани, хлопчатая бумага, пряности и фрукты
Армяне, персы, греки	Пряности, вина, особое оружие, зеркала
Прибалтика	Янтарь
Кавказ	Продукты питания и художественный металл
Украина	
Индусы	Шелк, бархат, кружева, ткани шитые золотом, камни

Таблица 3 [3]

Наименование районов		Количество фирм
1.	Белоруссия	19
2.	Центральный	157
3.	Верхневолжский	95
4.	Средневолжский	39
5.	Нижневолжский	11
6.	Татарская республика	16
7.	Камск – Вятск - Приуралье	41
8.	Киргизия	16
9.	Башкирия	-
10.	Центральное Черноземье	13
11.	Юго-Восток	13
12.	Крым	3
13.	Украина	26
14.	Кавказ	13
15.	Туркестан	30
16.	Сибирь	20
17.	Дальний Восток	-

за товаров, которыми изобиловала ярмарка. Большое место в привозе товаров имела Москва – крупный промышленный и торговый центр того времени. В Московском привозе преобладал текстиль (бумажные и шелковые заграничные ткани, готовое платье, сукно) и галантерея. На следующем месте стоит продажа металлов и металлических изделий, на третьем месте – продажа драгоценных металлов и металлических изделий из них. Среди Московского привоза были зеркала, стекло, писчая бумага, книги, химические и москательные товары – квасцы, краски, пищевые товары (привозные колониальные) – сахар, пряности, виноградное вино. Надо отметить что московский привоз отличался специализацией, т.е. каждый торговец был занят продажей одной группы товаров – сукна или шелка, ювелирных изделий... Во 2-й пол. XVIII

– н. XIX в. Макарьевская ярмарка по масштабам торговли превосходила любую др. крупную ярмарку на 20–25% (в 1790 г. товарооборот – 30 млн. руб.). Макарьевская ярмарка являлась самым масштабным событием в русской экономической жизни. Она имела не только Всероссийское, но и международное значение. Это был по времени существования (XVII в.) один, из крупных центров оптовой и розничной торговли на территории Российской империи, остальные ярмарки – Ирбитская, Свенская – сильно отставали от Макарьевской по товарообороту.

Преемница Макарьевской ярмарки – Нижегородская, не случайно названа карманом России, она продолжала и развивала традиции Макария, расширяя географию поставщиков, увеличивая товарооборот и действовала уже как контрактная ярмарка (см. табл. 2, 3).

Литература

1. ГАГО, ф.2, оп.4, д.112. Ведомость Макарьевской строительной конторы о товарах на какую о них сумму привезено на ярмарку 1812.

2. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Т3,. – М.: Историческая библиотека, 2002 г. – 290 с.

3. Мелешко, Г.А. Нижегородская ярмарка как одна из форм акционерной деятельности периода NEPа. // Человек и общество. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – Н.Новгород: Гладкова О.В., 2014, – С. 194–200.

4. Реман, Г. Макарьевская ярмонка. Выписка из неизданного путешествия по восточной России, Сибири и Китайской Мунгалии // Северный архив. 1822. Апрель, № 8; Май, № 9. – С. 146.

5. «Северный Архив. Журнал истории, статистики, путешествий». 1822 г., ч. II, № 8 и № 9. «Макарьевская ярмарка». Перевод с французского О. Сомова. Заимствовано из путешествий по восточной России, Сибири и китайской Мангалии г. Ремана.

6. «Чтение в обществе истории и древностей российских» 1870 г., кн.1. Журнал путешествия в Нижний 1813 г. Кн. И.М. Долгорукий.

Спасение культурного наследия Сирии по данным телеканалов CNN, BBC, AL–JAZEERA

Нафаа Дорар, Мартыненко Е.В.

Автор обращает внимание на проблему сохранения объектов наследия, находящихся под угрозой уничтожения в Сирии. На основе сопоставления сообщений международных телеканалов CNN, BBC, Al-Jazeera автор показывает особенности освящения проблемы уничтожения сирийских древностей в медиапространстве и доказывает необходимость объединения усилий учёных, политиков, журналистов, общественных деятелей для сохранения национальных ценностей, находящихся под угрозой исчезновения, во имя будущего.
Ключевые слова: Сирия, контрабанда древностей, CNN, BBC, Al-Jazeera, культурное наследие, список объектов наследия, находящегося под угрозой.

The salvation of Syria's cultural heritage according to the CNN, BBC, Al-Jazeera
Nafaa Dorar, Martynenko E.V.
Russian university of friendship of the people
The author draws attention to the problem of conservation of heritage sites under threat of destruction in Syria. On the basis of a comparison of international TV channels CNN, BBC, Al-Jazeera, the author shows the peculiarities of the consecration of the problem of the destruction of Syrian antiquities in the media and proves the necessity of uniting the efforts of scientists, politicians, journalists, public figures for preservation of national values that are under threat of extinction in the future.
Keywords: Syria, smuggling of antiquities, CNN, BBC, Al-Jazeera, cultural heritage list of heritage sites under threat.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения необходимость сохранения культурного наследия. Культурное наследие – часть национального богатства, творение рук человека, показатель уровня развития его культуры и интеллекта. Каждое государство заботится о сохранении национального богатства. Дорог каждый предмет, а его исчезновение является невозвратимой утратой и невосполнимой потерей. Однако, несмотря на это, тысячи памятников находятся под угрозой исчезновения.

Особое внимание уделяется сохранению объектов мирового наследия, находящихся на территориях, где происходят военные конфликты, вооруженные столкновения и беспорядки. В 2012-2013 годах комиссией ЮНЕСКО была обоснована необходимость включения культурного наследия Сирии, Ирака, Ливии, Иордании, Мали, которое было разграблено и почти уничтожено в результате вооруженных конфликтов, в список объектов, находящихся под угрозой уничтожения - «красный список» [1], который призван помочь выявлять незаконно перемещаемые древности.

Война в Сирии ведет к разрушению, разграблению, уничтожению объектов культуры, являющихся достоянием всей человеческой цивилизации. Приведём лишь некоторые факты, которые дают общее представление о масштабах разрушений и утрат. За годы гражданской войны в Сирии было разрушено и разграблено огромное количество исторических сооружений, относящихся к римской, христианской, мусульманской эпохам. Серьезные повреждения получили Старый город в Дамаске, археологические памятники Пальмиры, Старый город в Босре, старый город в Халебе (Алеппо), замки Крак-де-Шевалье и Калъат- Салах-ад-Дин, древние поселения северной Сирии. ЮНЕСКО на своей сессии в Камбодже 20 июня 2013 года включила все эти памятники в Список объектов Все-

мирного наследия, находящихся под угрозой уничтожения [2].

Но эти усилия мало помогают. По данным экспертов, импорт исторических ценностей из стран Ближнего Востока и Северной Африки в США серьезно возрос в период 2011-2013 гг. и продолжает расти. В современных условиях весьма показателен пример Ирака, когда в 2003 - 2004 годах из страны было вывезено 130 тыс. культурно-исторических ценностей. 10 тыс. иракских исторических артефактов периода Шумера и Вавилона были обнаружены весной 2013 года в Корнельском университете США [3].

СМИ неоднократно писали, что на американских рынках были проданы артефакты на сумму 1,5 млн долларов. Организация ИГИЛ занимается контрабандой ценностей из самых известных в мире исторических памятников, таких как Пальмира, Ниневия и Хатра. Старший офицер разведслужбы Ирака еще в 2014 году утверждал, что только в районе Аль-Набука, в гористой местности к западу от Дамаска, джихадисты захватили ценностей на 36 млн. долларов. А президент совета Бельгийской федеральной полиции Вилли Брюгеман сообщал в декабре 2014 года, что мародеры ИГИЛ наладили прямые контакты с рядом западных коллекционеров. «Они используют собственные сети для выхода на конечных покупателей, – отметил Брюгеман. – Они стремятся наладить с ними общение один на один». Она демонстрирует их на электронном сайте iPay, который является посредником между покупателями и террористами, грабящими предметы старины [4].

«Почти сто сирийских артефактов, награбленных «Исламским государством», было провезено контрабандой в Британию и продано с целью собрать деньги для деятельности экстремистской организации, предупреждают эксперты по преступлениям в сфере искусства и археологи», - передают британские СМИ. В число предметов искусства, предположительно, выставленных на продажу в Лондоне, входят золотые и серебряные византийские монеты, а также римская керамика и изделия из стекла, которые стоят сотни тысяч долларов, сообщил BBC. Как считается, контрабанда идет через Турцию, Иорданию и Ливан - по известным путям контрабанды людей, оружия и наркотиков [5].

Незаконная торговля антиквариатом, наряду с продажей нефти, и выкупом заложников, является одним из основных источников дохода «Исламского государства». Именно по этой причине в феврале 2015 года ООН запретила торговлю сирийским антиквариатом и обвинила группировку «Исламское государство» в том, что за счет культурного наследия Сирии она увеличивает свои доходы для поддержки терроризма.

Служба BBC попыталась проследить и выяснить пути контрабанды сирийских древностей через Турцию или Ливан в Европу. Службе BBC удалось встретиться с одним из контрабандистов, занимающимся продажей антиквариата. С целью безопасности его имя не разглашается. Дилером оказался 21-летний парень родом из Дамаска, однако центр его торговли находится в долине Бекаа, на границе между Ливаном и Сирией. С ним удалось встретиться в Бейруте, где он рассказал о том, каким образом осуществляется продажа антиквариата из Сирии: «Я нахожусь в контакте с тремя моими друзьями в Алеппо. Они доставляют товар на границу в Бекаа, затем платят таксисту, чтобы тот довез его до Бейрута». Дилер отметил, что он с друзьями занимается контрабандой мелкого антиквариата, однако, по его словам, даже это очень опасно. Он добавил: «Мы стараемся торговать ювелирными изделиями, украшениями или мелкими статуэтками, либо головами каменных скульптур».

Они с «компаньонами» заработали большой капитал на контрабанде, однако настоящую прибыль получают те, кто продает драгоценные изделия ценой от 500 тысяч до миллиона долларов за предмет.

«Исламское государство» – главная группировка, которая занимается этой торговлей и контролирует весь бизнес. Они разграбили все музеи, в частности музей Алеппо. Я твердо знаю, что у них есть связи за рубежом, и они вывозят антиквариат из страны», – сказал дилер в интервью телеканалу. Он и сейчас занимается торговлей на границе Сирии и Ливана, но теперь не торгует антиквариатом, т.к. в случае ареста его ждет суровое наказание, поскольку все, кто занимается продажей древностей, считаются членами либо партнерами ИГ.

Для продажи антиквариата необходим посредник. Службе BBC удалось связаться с одним из них, уроженцем Сирии, живущим сейчас на юге Турции. Он свободно владеет турецким

языком, поэтому сирийские контрабандисты часто обращаются к нему. В ходе беседы по скайпу посредник показал большое количество ценных вещей, вывезенных из Сирии в Турцию за последние несколько месяцев. Он сообщил, что основная их часть привезена из восточной части Сирии и Ракки под контролем боевиков ИГ. Он также заявил, что особая группировка, связанная с ИГ контролирует продажу антиквариата и имеет большое влияние.

Посредник также сообщил, что каждый, кто собирается заниматься раскопками на территории Сирии, должен получить разрешение от ИГ, а в случае находки показать объект их специалистам. Если среди них есть символы культового поклонения, то они сразу уничтожаются, а от других взимается налог в 20% от стоимости находки. После ввоза в Турцию, турецкие торговцы отсылают фотографии объектов дилерам из Западной Европы. В случае готовности купить их, дилер приезжает на сделку в Турцию.

Удалось встретиться и с торговцем антиквариата и туристических товаров в Бейруте. У него есть своя интересная тактика ведения дела. Вначале он говорит, что все изделия являются подделками, затем добавляет, что если клиент действительно хочет ценный товар, то у него есть даже древности, принадлежащие эллинистической цивилизации.

Как заявляют эксперты, в условиях войны в Сирии, больше всего страдают древние здания. Как сообщает служба ВВС, торговец заверил, что у него есть даже древние плиты на любой вкус с различным дизайном – с животными, с лицами, с геометрическим принтом.

На вопрос законно ли вывозить подобный товар, торговец ответил, что законно лишь в случае получения специального свидетельства от музея. Затем он добавил, что при желании можно переправить купленный товар в Великобританию и незаконно, но это будет стоить несколько тысяч фунтов. Этот опыт показал, что в Бейруте можно за десять минут найти способы контрабандных сделок.

Как сообщает служба ВВС, в Национальном музее Ливана полиция обнаружила большой склад для хранения антиквариата из Сирии, которые здесь охраняются. Среди них можно встретить предметы древности, принадлежащие эллинистической, римской и византийской эпохам. Часть из них имеют более чем трехтысячелетнюю историю. Решено, что после установления порядка в Сирии, предметы будут возвращены.

В качестве примера, можно отметить несколько статуй из руин Пальмиры, относящихся к эпохе до н.э. недалеко от Хомса и входящих в список наследия ЮНЕСКО. Пальмира имеет большое историческое значение для всего народа Сирии. Стоимость меньшинства из них превышает миллион долларов, поэтому они находятся под охраной в Национальном музее Ливана.

После нескольких дней усилий журналистом ВВС удалось связаться с доктором Мамун Абдул Керимом, ответственным за археологический отдел в Управлении культурного наследия Сирии. Он с горечью отметил, что все исторические центры и музеи находятся под контролем ИГ.

Доктор признает, что при нынешней ситуации в Сирии сложно прекратить раскапывания и грабеж археологических объектов, но можно препятствовать их продаже за границу. «Мы уверены, что большая часть древностей находится в богатых странах Персидского Залива и Западной Европы», – добавил Абдул Керим.

Все опрошенные журналистами лица утверждают, что основной рынок сбыта – Западная Европа. Это подтверждает опытный эксперт британской полиции по борьбе с контрабандой древностей и ответственный за безопасность музея «Виктории и Альберта» в Лондоне Вернон Рипли. Он также предложил помимо контроля над границами, сделать так, чтоб покупка этих ценностей стала считаться постыдным и позорным действием, чтобы никто в Европе не стал их покупать [6].

Сотрудники ВВС прошлись с профессором археологии University Campus Suffolk Дэвидом Джиллом по неназванным лондонским галереям, чтобы выяснить, сможет ли он обнаружить награбленные артефакты. По словам журналистов, они вошли в галерею и начали обсуждать один объект, и тут хранитель довольно открыто заявил: «Мы только что получили это из Сирии». «Между прочим, - добавил он, - вот этот объект еще интереснее. Он только что поступил из Ирака».

По сообщениям телеканала, депутат британского парламента и бывший директор аукционного дома Christies Роберт Дженрик назвал

подобную торговлю «величайшей угрозой культуре со времен Второй мировой войны и, что еще опаснее, значительным источником доходов для ИГИЛ и режима Асада» [7].

В интервью BBC британский парламентарий Роберт Дженрик отметил, что «черные копатели» с разрешения исламистов ведут археологические раскопки с применением бульдозеров, полностью уничтожая памятники археологии. За разрешение на свою деятельность они платят боевикам «Исламского государства» (ИГ) 20% от стоимости найденных древних артефактов. При этом ИГ назначает уполномоченных, которые контролируют «черные раскопки» и ведут тщательный учет извлекаемых находок.

Выясняется, что рынки сбыта «кровавого антиквариата» процветают и в Европе. Международный совет музеев назвал Германию «Эльдорадо незаконной торговли культурными артефактами из Сирии и Ирака», а Мюнхен – транзитным хабом похищенных артефактов для коллекционеров и стран-членов Евросоюза. За последние два года импорт сирийских древностей в США вырос на 133%. Объекты, обозначенные как «ремесленные изделия», проходят через американскую таможню почти без всякого контроля. Некоторые похищенные в Сирии артефакты, по данным Дженрика, появились и на международном интернет-аукционе eBay. «Существует вероятность того, что большая часть награбленных древних артефактов еще не выставлена на продажу, а складируется впрок, для того, чтобы появиться на рынке чуть позже, когда Сирия перестанет привлекать пристальное внимание международной общественности», – убежден парламентарий [8].

Согласно другому сообщению BBC, некоторые жители Сирии сами доверили исторические ценности Британскому музею, который не раскрывает информацию о том, что именно он сберегает. Директор Британского музея Нил Макгрегор считает, что Британии давно пора ратифицировать Гаагскую конвенцию о культурных ценностях. «Это очень серьезный вопрос: должны ли мы помогать сохранению и спасению достояния другой страны, - говорит Макгрегор. - На этот счет имеется важный международный договор – Гаагская Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. И Британия – единственная страна-член Совета Безопасности ООН, которая эту конвенцию не ратифицировала». С призывом о ратификации конвенции, подписанной еще в 1954 году, к британскому правительству уже обращались многие известные люди, а министр культуры теневого кабинета лейбористов Крис Брайант даже заявил, что его партия ратует за немедленную ратификацию этого международного акта.

В свою очередь представитель министерства по делам культуры, СМИ и спорта Великобритании заверил, что «правительство рассмотрит вопрос ратификации конвенции, как только у парламентариев будет на это время». Как рассказал Макгрегор в интервью BBC, сотрудники музея сохраняют немало предметов старины, вывезенных из зон конфликтов, чтобы вернуть их на родину, когда там будет восстановлен порядок. «Мы играем важную роль в деле сохранения нелегально вывезенных предметов, - подчеркнул директор музея. – Мы сделали это в Афганистане, и теперь возвращаем туда артефакты. И вот теперь мы храним один важный экспонат, нелегально вывезенный из Сирии, и однажды мы вернем его домой» [9].

По сообщению BBC News, восстановлением памятников культуры, разрушенных во время террористических атак «Исламского государства», уже начали заниматься так называемые киберархеологи. Специалисты применяют технологию фотограмметрии, которая позволяет преобразовать обычные фотографии в объемные модели и рассмотреть уничтоженные памятники в трехмерном изображении. На данный момент виртуально воссоздано пятнадцать разрушенных объектов. Специально для этого был запущен проект «Мосул», в рамках которого все желающие могли прислать свои снимки ранее существующих архитектурных памятников. Кроме того, для создания 3D-моделей киберархеологи использовали видеозаписи исламских террористов.

Трагедия заключается в том, что восстановление, виртуальное или, тем более, реальное, требует куда больше времени и усилий, чем разрушение. 20 мая отряды ИГИЛ захватили город-объект Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО. «Даже если пять террористов окажутся в городе, они в состоянии уничтожить все!» – заявил ответственный за сохранность памятников в Сирии Мамун Абдулкарим. Эксперт призывает к помощи международное сообщество. По его словам, «у стен античной Пальмиры идет битва

между цивилизацией и варварством». Перед вторжением террористов на территорию Пальмиры сирийской армии удалось эвакуировать местных жителей и часть древних артефактов. Однако, как отметил Абдулкарим, в случае храмовых комплексов или древних захоронений «никакая эвакуация невозможна». В первые дни захвата города, по сообщению Сирийского национального телеканала, боевики ИГИЛа казнили 400 мирных граждан [10].

Арабский канал «Аль-Джазира» акцентирует свое внимание на том, что падение древнего города «открывает путь для продвижения вооруженных группировок к ключевым районам, удерживаемым властями Сирии». Город Пальмира расположен в центральной провинции Сирии Хомс, в 210 километрах к востоку от столицы страны Дамаска, в пустыне, простирающейся от иракской границы. Итог наступления ИГ на Пальмиру заключается еще и в том, что боевики получили доступ к нефтяным и газовым месторождениям. По данным «Аль-Джазиры», исламистам уже удалось захватить газовые месторождения Арк и Хэйль, сирийская армия продолжает пока отбивать атаки в районе нефтяной станции «Т-3» и нефтепромысла Джезаль [11].

Разрастающийся рынок бесценных сокровищ этой древней земли может привести к продлению и интенсификации конфликта, передает CNN. Кроме того, разграбление археологических мест лишает Сирию шанса рассчитывать на экономический бум, основой которого по окончании конфликта стал бы туризм. Всем шести достопримечательностям Сирии, внесенным в список ЮНЕСКО, нанесен урон ракетами, танками и стрелковым оружием, сообщает телеканал. «Ответственность за разрушение культурного наследия лежит на обеих сторонах конфликта: на армии, которая обстреливает древние крепости, и на повстанцах, которые прячутся в них», - лейтмотив репортажей. При этом и режим Асада, и повстанцы активно используют разрушение сирийского наследия в пропагандистских целях. Режим обвиняет Свободную сирийскую армию в грабежах, а оппозиция подчеркивает использование армией тяжелой артиллерии против исторических памятников [12].

Таким образом, все чаще поступает противоречивая информация о судьбе археологических ценностей Сирии. Сирийское общество охраны древностей, основанное Францией, подчеркнуло, что было разграблено более 12 из 36 сирийских музеев. Очевидно, что разграбление памятников истории и древних артефактов в Сирии исламистами приняло промышленные масштабы. Боевики «Исламского государства» разграбили и разрушили с начала кризиса около 750 объектов культурного наследия по всей территории Сирии. Пальмира, древние развалины которого – один из шести объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Сирии, перешел под контроль боевиков в середине мая 2015 г.

Ранее ЮНЕСКО сформировала специальные «силы реагирования», которые примут участие в международной кампании по восстановлению памятников древности, пострадавших от военных действий в арабских странах. Совет Безопасности ООН 12 февраля по инициативе РФ принял резолюцию 2199, призванную укрепить запрет на торговлю древностями и культурными ценностями, используемую для финансирования терроризма.

Партнеры по коалиции выражают свою поддержку плану действий ЮНЕСКО по сохранению культурного наследия в Сирии и Ираке, резолюции ЮНЕСКО о культуре в зонах конфликта и применению резолюции 2199 СБ ООН в части компетенций ЮНЕСКО», – говорится в заявлении, подписанном главой МИД Франции Лораном Фабиусом, премьер-министром Ирака Хайдером Аль-Абади и госсекретарем США Джоном Керри [13].

В этих условиях крайне важно, чтобы средства массовой информации повышали уровень осведомленности общественности о кризисе культурного наследия Сирии. Торговцы и покупатели предметов искусства должны быть поставлены в известность относительно риска, связанного с незаконным оборотом культурных ценностей. Речь идет не только о материальном культурном наследии. Это особая форма войны, нацеленная на полное уничтожение самобытности и идентичности. Древние памятники Сирии уникальны тем, что сочетают в себе влияние сразу нескольких культур. Это символ космополитизма, мультикультурализма и многоязычия.

Литература

1. Damage to Timbuktu's cultural heritage worse than first estimated reports UNESCO mission [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

http://unesco.ru/ru/?module=news&action=view&id=401.

2. ЮНЕСКО создаст Обсерваторию в целях охраны культурного наследия Сирии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://unesco.ru/ru/?module=news&action=print&id=581

3. ИГИЛ занимается контрабандой исторических ценностей из Сирии и Ирака [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ft.com/home/europe

4. Боевики ИГИЛ продают награбленные древности через интернет [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/uk/2014/06/140616_uk_outlaws_isis

5. ИГИЛ грабит Сирию и продает предметы искусства в Лондоне, чтобы финансировать свою борьбу [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2013/02/130210_rn_jordan_ramta_antiquities

6. Контрабанда древностей – очередной источник дохода ИГ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/persian/arts/2015/03/150304_l41_cultural_heritage_isis_smuggling

7. ИГИЛ грабит Сирию и продает предметы искусства в Лондоне, чтобы финансировать свою борьбу [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2013/02/130210_rn_jordan_ramta_antiquities

8. «Исламское государство» получает «долю» от разграбления памятников истории в Сирии. http://www.regnum.ru/news/polit/1891370.html

9. Британский музей бережет сокровище, похищенное в Сирии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/uk/2015/06/150605_british_museum_safekeeps_syrian_artefacts

10. Памятники Пальмиры целы, несмотря на захват города «ИГ», обнадежили сирийские власти [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.newsru.com/world/26may2015/palmira.html

11. Исламское государство контролирует весь город Пальмира [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.aljazeera.com/news/2015/06/isil-ancient-shrines-syria-palmyra-150623234538378.html

12. Разграбленная сирийская история: как древние артефакты обмениваются на оружие [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://world.time.com/2012/09/12/syrias-looted-past-how-ancient-artifacts-are-being-traded-for-guns/#ixzz26KWilzFq

13. Коалиция по борьбе с ИГ за усилия ЮНЕСКО защитить наследия культуры [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.un.org/ru/sc/documents/volumes/

Модальность как критерий оценки качества переводного художественного текста

Новикова Ю.В.

Многие исследования по проблемам, связанным с качеством переводного художественного текста, так или иначе, затрагивают категорию модальности. На современном этапе развития переводоведения эквивалентность и адекватность, дополненные модальностью, способны дать более объективную оценку переводному тексту, не зависящую от субъективных представлений того, кто оценивает.
Ключевые слова: модальность, адекватность, эквивалентность, перевод, текст перевода, исходный текст, языковые средства.
The modality as a criterion for evaluating the quality of a translated literary text
Novikova Yu.V.
Don state agricultural university
Many studies on the issues, related to the quality of a translated literary text, affect the category of the modality. At the present stage of the development of the theory of translation, equivalence and adequacy together with modality are able to give us a more objective evaluation of translated texts which is not dependent on the subjective perceptions of valuers.
Key words: modality, evaluation, adequacy, equivalence, translation, a target text, a source text, language means.

Категория модальности как критерий оценки качества перевода художественного текста всё еще остается малоизученной областью. Многие ученые в своих исследованиях обращались к данному феномену, однако комплексные исследования этой проблемы стали появляться только в последние годы.

Проблема оценки качества перевода художественного произведения обусловлена языковыми и жанрово-стилистическими особенностями перевода. Если оригинал – это отражение в языке представлений и знаний автора об окружающей действительности, то перевод произведения – это воссоздание окружающей действительности, выраженной в подлиннике, медиатором, принадлежащим к иной лингвокультурологической среде. Восприятие переводного произведения читателем обусловливает третий этап в процессе коммуникации. Следовательно, перевод – это творческий процесс, вследствие чего любое речепроизводство допускает множественность интерпретаций и ему приписывается субъективный фактор, в котором отражалось бы отношение субъекта к предмету своего высказывания.

Проблема качества художественного текста существует столько, сколько существует сам перевод, но её научное обоснование началось с середины 20 века. В отечественной лингвистике до 1970-х годов качество переводов оценивалось главным образом путем их сравнения с оригиналом. В.Н. Комиссаров описывает нормы перевода с лингвистической точки зрения. Ученый классифицировал нормы перевода и выявил нормы эквивалентности, нормы жанра и стиля, языковые нормы, прагматические нормы и конвенциональные нормы [2, с. 227]. Нормы эквивалентности перевода требуют сохранения здравого смысла оригинала в переводе на максимально возможном уровне. Если здравый смысл нарушен, то и нормы эквивалентности нарушены, следовательно, и перевод считается неудовлетворительным. Если перевод выполнен на низшем уровне эквивалентности, то нормы нарушены относительно, и перевод считается приемлемым.

Жанр и стиль предполагают правильный выбор доминирующей функции текста и сохранение стилистических особенностей в переводе. Языковые нормы означают правильное использование языка в речи (безошибочная сочетаемость, согласование слов, выбор слов и т.д.). Прагматические нормы перевода требуют от переводчика понимания в первую очередь прагматической цели текста. Иногда выполнение прагматической цели может нарушить другие нормы перевода, в частности, языковую норму. Конвенциональные нормы перевода – это требования перевода в определенном историческом контексте. Классические нормы перевода требуют идеального воспроизведения фигур речи и тропов. Современные нормы перевода предписывают переводчику полноценную замену оригинального текста, что требует максимальной схожести оригинала и перевода.

Высший уровень эквивалентности – это, по сути, и есть модальность [3]. В.В. Овсянников в своей монографии «Модальность и перевод», рассматривая отношения эквивалентности между исходным и переводящим текстами, отмечает, что модальность охватывает отношения, выходящие за пределы текстов, что означает, что прагматика данной категории значительно расширяется и на передний план выдвигается прагматика намерений, т.е. способность освещать лакунарные единицы. Модальность призвана стать механизмом, способным обеспечить прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности. В процессе декодирования модальность как проявление экстралингвистического контекста должна помочь переводчику правильно интерпретировать «тёмные зоны» исходного текста.

Российский лингвист Я.И. Рецкер в своей книге «Перевод и переводческая практика» также рассматривал проблемы категории модальности, в частности субъективной, т.е. выбор её средств передачи [5, 166]. Ученый изучал проблемы перевода модальных глаголов, модальных слов, междометий и эллипса. Для Я.И. Рецкера сохранение прагматического содержания в переводе означает сохранение прагматического содержания, т.е. субъективной модальности.

В зарубежной лингвистике проблему критериев качества перевода рассматривали Ю. Найда, Ч. Тэйбер, П. Ньюмарк, К. Райс, Х. Вермеер и другие. Так, в поисках объективных критериев оценки качества перевода Ю. Найда провозгласил принцип динамической эквивалентности [10]. Согласно его концепции, реакция рецепторов переводного текста должна быть аналогична реакции рецепторов оригинала. Но вопрос заключается в том, возможно ли этот критерий проверить эмпирически, чтобы объективно судить о качестве переводного текста. В противном случае принцип Ю. Найды остается теорией и требует дальнейшего изучения. Важность работы Ю. Найды заключается в его попытке систематизировать методы перевода и оценку. Его концепция эквивалентного воздействия, однако, является расплывчатой: эквивалентное воздействие на потенциальных читателей исходного или переводного текстов не поддается научной оценке. Кроме того, существуют языковые и культурные различия относительно того, что рассматривать как эквивалентное воздействие исходного текста в языке перевода. Позже Ю. Найда и Ч. Тэйбер дополнили свои исследования [7], обратившись к клоуз-тестам (реципиентов просили восстановить пропуски в переводном тексте). Целью ученых была оценка степени понимания и прогнозируемости действий реципиентов без обращения к тексту оригинала. При отсутствии источника и объективных критериев перевода, на качество, по всей вероятности, влияют представления и образование оценивающего. Данное утверждение особенно справедливо по отношению к читателям, которые не обладают знанием выражений метаязыка, и, следовательно, не способны воспользоваться им, чтобы описать свои впечатления.

П. Ньюмарк [9], основываясь на работе Ю. Найды, всё же ставит под сомнение возможность воспроизведения аналогичного воздействия исходного текста на читателей переводного текста, но он не отказывается полностью от концепции об эквивалентном воздействии Ю. Найды. Используя в качестве основы динамическую и формальную эквивалентность Ю. Найды, он определяет два типа переводов как «правильные»: коммуникативный и семантический. Согласно П. Ньюмарку, выбор между семантическим и коммуникативным способами перевода зависит от жанра текста, т.к. он относит серьезную литературу, автобиографию, любое важное политическое или другое заявление к семантическому переводу, где критерием оценки является точное воспроизведение смысла оригинала.

По мнению К. Райс, оценку качества переводов следует начинать с понимания, к какому типу

текстов принадлежит оригинал. Именно тип текста определяет последующий выбор переводчика. Различные типы текстов различаются по трем функциям языка К. Бюхлера: содержательно-ориентированные тексты, например, новости; научные, технические тексты; тексты, ориентированные на форму, например, стихи и литературный журнал; коннотативные тексты, например, реклама, и тексты с убедительной аргументацией [11]. Ученый считает, что у различных типов текстов есть различные функции и поэтому к ним нужен разный подход. Она выделяет четыре типа текстов: информативный, экспрессивный, оперативный и равный или асимметричный (отмечен присутствием авторитетного источника).

Понятие эквивалентности – это концептуальная основа перевода. Центральная проблема переводческой практики – это проблема поиска эквивалентов переводящего языка. Таким образом, центральная задача перевода – это задача определения природы и условий переводческой эквивалентности. Эквивалентность всегда и обязательно важна и ничего не имеет общего с идентичностью. Эквивалентность, основанная лишь на формальных, лексических и синтаксических соответствиях, давно критикуется и давно считается, что такие узкие взгляды на эквивалентность не способны признать, что две языковые единицы в двух различных языках могут быть неоднозначны с разных сторон. Формальные определения эквивалентности позже были признаны недостаточными, т.к. не могут объяснить использование в коммуникации. Поэтому функциональная, коммуникативная и прагматическая эквивалентность стали традиционными концепциями на долгое время, т.к. они сосредотачиваются скорее на коммуникации, а не на структуре языка.

К. Райс и Х. Вермеер, авторы теории скопоса, утверждают, что именно скопос, т.е. цель перевода, чрезвычайно важна [8]. Признавая первичность за целью перевода, именно нормы культуры языка перевода принимаются во внимание, что является главным критерием при оценке его качества. Авторы не могут обстоятельно объяснить, как определить, является ли данный перевод адекватным или эквивалентным, не говоря уже о том, как лингвистически реализовать глобальную цель переводного текста. Эту теорию можно было бы считать частью исследования культуры. Сторонники теории скопоса считают, что оригинал – незначительная величина и особый акцент делают на тотальной зависимости перевода от его цели и реципиентов. Этот подход не рассматривает отношения между оригиналом и переводом и не устанавливает критерии для разграничения перевода и других преобразований в тексте. Этот подход рассматривает только отношения между текстом и заинтересованными в нем посредниками.

Художественное произведение, являясь социально несущим текстом, содержит в себе описания обстановки и действующих лиц, их переживания и поступки, переданные средствами языка и воздействующие на восприятие читателя. Эстетически переживаемая действительность художественного текста и авторская модель мира оцениваются читателем на основе его культурно-языкового, социально-психологического и национального опыта. В целях эффективного освоения образно-эстетического пространства текста важно принимать во внимание установки получателя художественного текста, отличающиеся от установок читателя публицистического текста.

Интерпретация художественного текста представляет собой истолкование смыслов художественной действительности различными коммуникативными средствами, осуществляемая читателем путем механизмов аксиологического анализа. Интерпретация, обращающаяся к плану содержания и к истолкованию общего смысла, опирается на стилистику, которая в свою очередь, занимается планом выражения текста.

В процессе диалога между авторским текстом и читателем количество интерпретаций может быть столько, сколько интерпретаторов. Множественность интерпретаций обусловливается разным социальным опытом и разными индивидуальными особенностями языковых личностей. В процессе опосредованного акта межкультурной коммуникации, т.е. перевода, проблема интерпретации становится наиболее острой, т.к. осложняется национально-культурными различиями между исходной и принимающей культурами. Н.С. Валгина, Ю.Л. Оболенская, Я.И. Рецкер рассматривают проблему модальности перевода, отмечая, что авторы перевода жертвуют семантической точностью в пользу сохранения и воспроизведения коммуникативного намерения автора в тексте перевода и прагматического содержания исходного текста. Модальность как «точка зрения» текста (Шарль Балли) находит свое практическое выражение в единицах текста оригинала наиболее трудных для переводческих

преобразований: культуронимы, «ложные друзья», неологизмы, образные единицы и другие ключевые слова культуры. Адекватное воспроизведение сложных единиц в тексте перевода часто требует анализа отношений, выходящих за рамки исходного и переводящего текстов, затрагивая область модальных отношений высказывания к действительности. Образы художественных персонажей презентируются наборами модальных единиц со сложной лексико-семантической структурой, через которые они вербализуются в тексте. Семантика модальных единиц, реализующих коммуникативно-прагматическое отношение автора, представляет сложный информативный комплекс и включает различные компоненты их семантической структуры. Наиболее важными, с точки зрения выбора единственно верного соответствия в ряду «квазисинонимов» [6, с.204] для модальных единиц, являются следующие: 1) денотативный и 2) коннотативный компонент, понимаемый в работе, вслед за И.А. Стерниным, И.В. Арнольд, Н.А. Лукьяновой, как дополнительный, вторичный по отношению к предметно-логическому компоненту значения, и включающий информацию об отношении говорящего (пишущего) к объекту означивания. В состав коннотативного компонента входят три основных элемента: а) эмоциональный – способность выражать субъективно оценочное отношение говорящего (пишущего) к предмету сообщения, б) экспрессивный – указание на степень проявления субъективно оценочного признака, в) оценочный как способность выражать положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету сообщения [1]. Эффективной представляется оценка качества переводного текста на основе формулы: количество языковых единиц с коннотативным компонентом ТП/количество языковых единиц с коннотативным компонентом ТО х 100%. В результате соотношение модальных единиц текстов оригинала и перевода следует представить следующим образом:

$$\sqrt{\frac{ед.-с-эмоц.-конт.-ТП+ед.-с-экспрес.-конт.-ТП+ед.-с-оценоч.-конт.-ТП}{ед.-с-эмоц.-конт.-ТО+ед.-с-экспрес.-конт._-ТО+ед.-с-оценоч.-конт.-ТО}}\cdot 100\%$$

где модальный потенциал ТО принимается за 100%.

На наш взгляд, данная формула позволит выявить как различия и сходства в способах реализации модальности, так и степень воздействия на читателя. Поскольку переводчика часто считают соавтором текста, то данная формула также выявит его переводческую стратегию в отношении модальноокрашенных элементов оригинала в тексте перевода.

На наш взгляд, данный подход к оценке качества перевода, учитывая жанр и тип текста, прежде всего, направлен на равноценную оценку воспроизведения авторской модальности художественного текста и способствует максимально возможной смысловой близости оригинала и перевода. Такие базовые понятия перевода, как адекватность и эквивалентность, дополненные понятием модальности как способом ценностного выражения автора к сообщаемому с одной стороны, так и формой взаимодействия с читателем с другой, способны стать основными критериями в оценке текста художественного перевода.

Литература

1. Вставский, А.Н. Коннотативный компонент: проблемы интерпретации. [Электронный ресурс]: – URL: http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-29.pdf: (дата обращения 27.09.2015)
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. языков. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Овсянников, В.В. Модальность и перевод. [Электронный ресурс]: – URL: http://voats.ucoz.ru: (дата обращения 27.09.2015)
4. Райс, К. Классификация текстов и методы перевода. [Электронный ресурс]: – URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/rais-classif.shtml: (дата обращения 27.09.2015)
5. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р-Валент 2007. – 244 с.
6. Сальмон, Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 256 с.
7. Newmark, P. Approches to Transaltion. – Oxford: Pergamon Press, 1981.
8. Nida, E. The Theory and Practice of Translation / E. Nida, Charles R. Taber. – Leiden: Brill, 1969.
9. Nida, E. Towards a Science of Translating. Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. – Leiden, 1964.
10. Reiss, K. Towards a General Theory of Translational Action / K. Reiss, Hans J. Vermeer. [Электронный источник]: – URL: https://books.google.ru: (дата обращения 27.09.2015)
11. Reiss, K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation. –London: Routeledge, 2000.

Агрегация как первый этап моделирования корпусного исследования языковых контактов

Уздеева З.И.

Статья посвящена исследованию этапов корпусного анализа языковых процессов.
Ключевые слова: агрегация, речевой континуум, корпусный подход, лексические новации.

Aggregation as first stage of modeling of case research of language contacts
Uzdeyeva Z.I.
Chechen State Pedagogical Institute Grozny
The article investigates the stages of analyzing the body language processes.
Keywords: aggregation, speech continuum, corps approach, lexical innovations.

Построение модели корпусного исследования языковых контактов предполагает выделение нескольких этапов в данном направлении лингвистического анализа.

На первом этапе необходима организация исследовательских усилий по собору первичного языкового (по сути – речевого) материала. Этот этап может быть условно назван этапом агрегации. Агрегация языковых данных в контексте настоящего исследования может происходить в трех различных формах. Термин «агрегация» в общем означает процесс объединения элементов в одну систему. В данном случае систему составляет эмпирический материал исследования проблемы, обозначенной в диссертации. Прежде чем проводить объединение элементов, необходимо произвести выделение этих элементов из речевого континуума. Элементы могут выделять путем наблюдения, осуществляемого автором исследования, выделяя элементы английского языка в русских текстах (возможно, в обратном порядке, что намного менее вероятно, если и проявляется, то не более чем в гомеопатических концентрациях русских элементов в англоязычных текстах). Этот путь наименее эффективен, трудозатратен и вместе с тем не застрахован от побочного продукта, ошибок и недостатков.

Агрегация материала в нашей технологии проводилась с использованием стандартных программных средств, в частности Microsoft Office Access.

Второй блок, он же второй источник языкового материала – это опросы социолингвистического характера относительно наблюдений респондентов об английских языковых элементах, входящих в русский язык. Данный подход представляет намного больше эмпирических элементов, чем первый, т.е. его эмпирическая масса в несколько (скорее всего, в десятки) раз больше. В то же время и эффективность такого

способа (его коэффициент полезного действия) также невелик, поскольку вероятен большой отсев по нескольким параметрам.

И третий блок – это собрание элементов на основе корпуса. В данном случае используется «Грамматический словарь новых слов русского языка» (http://dict.ruslang.ru).

Примерная запись в базе данных материалов «Наблюдения» блока «Агрегация» может выглядеть следующим образом:

Код: 1

В данном поле программа присваивает номера каждой записи. Например, в данном случае номер 1.

Элемент: фрешер / fresher

Данное поле названо «элемент», поскольку, с одной стороны, это не заимствование, так как заимствование должно обладать рядом характеристик (см. подробнее 1.2 настоящей работы); с другой стороны, это может быть не только лексема, но и сочетание слов, а также, в редких случаях, лексема, уже существующая в русском языке, которой говорящий приписывает иное, английское значение (так называемое семантическое калькирование).

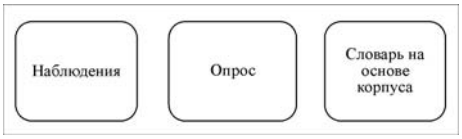
Значение в русском языке:

бутерброд, типа гамбургера

Значение извлекается из контекста, словарей (если это возможно, поскольку словари отстают от актуального употребления), строится на основе употребления. Нередки случаи, когда дефиниция приводится в самом примере, поскольку автору речи требуется разъяснить значение нового элемента, непонятного, по его мнению, адресату во избежание коммуникативной неудачи. Значение в русском языке может также выводиться из значения в языке-источнике.

Словарь:

Данное поле предполагает индикацию наличия или отсутствия фиксации описываемого элемента в словарях русского языка. Исследование новейшей лексики, как правило, имплицитно предполагает наличие проблем в отношении лексикографической фиксации слова. В этом смысле следующее суждение относительно обсуждаемой проблемы не вызывает возражений, поскольку отражает устоявшееся мнению в языковедческой среде: «Толковые словари общелитературного языка, включая в свой состав неологизмы, все же не могут мобильно реагировать на любые языковые изменения,



Агрегация

Рис. 1. Схема блока агрегации языковых данных

фиксировать все (или большинство) новые лексические единицы. Во-первых, подготовка к изданию толкового словаря литературного языка длится достаточно долго, за это время появляются слова, которые объективно уже нельзя внести в словник. Во-вторых, толковые словари литературного языка призваны выполнять кодифицирующую функцию; включение в их состав той или иной единицы автоматически включает ее и в литературный язык как высшую форму национального языка. Очевидно, что далеко не все лексические новации закрепятся в литературном языке, хотя никогда нельзя с определенностью сказать, что именно останется в языке, а что исчезнет» [2: 389].

В русском языке (очевидно, и в ряде других) проблема контактов с английским языком оказывается тесно связанной с проблемой неологии по вполне понятным причинам: новые слова приходят с новыми реалиями, которые производит англоязычный мир.

Обзор неологической лексикографии русского языка проводится в работе Т.Н. Буцевой [5: 189]. Она дает подробную характеристику известной серии «Новые слова и значения» под редакцией Н.З. Котеловой, охватывающей декады: 60-ые, 70-ые и 80-ые годы. Последний сборник включает в свой состав материалы 1990-х гг. [10: 615], поэтому процессы нулевых и первой половины десятых годов остаются неохваченными.

Для целей настоящего исследования не подойдут и толковые словари русского языка по причине их выхода до исследуемого периода – или подойдут только в определенном ракурсе их использования. Далеко не все заимствованные элементы новейшего времени имеют шанс быть зафиксированными в словнике «Большого академического словаря русского языка», поскольку, как отмечает Л.Е. Кругликова, электронная база данных появилась в 2008 г., и «использование электронных ресурсов было неравномерным при создании БАС. БАС начал созда-

ваться фактически без их применения. Первый том БАС вышел из печати в 2004 году. Сайт Национального корпуса русского языка был открыт также в 2004 году. <...> Собственный обширнейший корпус текстов в электронном виде стал доступен составителям словаря только последние три года» [9: 179]. Кроме того, имеет место различная степень обращения авторов словаря к электронным ресурсам в силу их разного возраста.

«Современный толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова впервые вышел в 1998 г. [12: 117]. Вместе в тем в электронной версии портала «Грамота.ру» он обозначен как «Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года» [Грамота.ру URL: http://www.gramota.ru/slovari/info] и, очевидно, может быть использован в качестве лексикографического источника для настоящего исследования, однако с известной долей осторожности, поскольку неизвестно, в какой мере авторская редакция 2014 г. затронула обновление словника.

Очевидно, в качестве словарей – фиксаторов новейшей заимствованной лексики можно рассматривать «Русский орфографический словарь», четвертое издание [11: 215], а также словарь Е.Н. Шагаловой [13: 301], который, несмотря на нарушение грамматики в названии (сделанное, возможно, в рекламных целях) представляет самую новую заимствованную в русском языке лексику, которая дефинирована и иллюстрирована примерами.

Определенную помощь в поиске новейших вхождений может оказать Викисловарь – «свободно пополняемый многофункциональный многоязычный словарь и тезаурус» [4]. Русский вариант Викисловаря существует более десяти лет (с 2004 г.). Несмотря на что IT продукты, основанные на технологии Web. 2.0 проекта Викимедиа подвергаются критике (прежде всего это касается Википедии), нельзя не признать их большой популярности и постоянно улучшающегося качества. В этом смысле Викисловарь также не лишен недостатков, в частности, значительное число статей в русском Викисловаре представляют собой шаблоны, сгенерированными специальными программами. С одной стороны, это создает ложное представление об объеме словника, тогда как, с другой стороны, предварительная разметка создает ряд преимуществ, помогая быстрее создавать статьи за счёт предварительного включения некоторой информации и стандартизируя структуру словарной статьи [там же].

Викисловарь представляет собой реализацию лексикографической концепции, основными принципы которой единообразие и системность, интегральность и соответствие общим лингвистическим принципам, опора на лексикографические и литературные источники, т.е. как это имеет место и в словарях известных лексикографических линий. Кроме того, как показали исследования А.А. Крижановского, для трети цитат в Викисловаре указан корпус или электронная библиотека, причем доля цитат из Национального корпуса русского языка составляет 95% [8: 220]. Таким образом, это словарь в значительной мере основанный на корпусе (по крайней мере, в отношении иллюстративной базы) и выполненный в соответствии с лексикографической концепцией.

Относительно элемента фрешер следует отметить, что упомянутые выше словари его не фиксируют. Поэтому остается незаполненным и следующее поле:

Словарная статья:

Далее следует информация о наличии фиксации в корпусе. По умолчанию имеется в виду или Национальный корпус русского языка, или, в случае отсутствия Google Ngram Viewer.

Корпус:

По запросу фрешер В НКРЯ ничего не найдено, тогда по варианту фрэшер корпус выдает пример:

и фляжка морсу. Квазиобещанный нонурауган, конечно, не состоялся. 3-е июня. Снова солнечно, но с большими фрэшерами. Ночь дежурства прошла благополучно. Сейчас 7 ч. и замечательная вещь: несмотря на 2-3 часа сна, отсутствие подпитки (если не считать чудовищный по степени пиратства своего ночной кусочек хлеба), большое курение – прекрасное, бодрое самочувствие и почти полное отсутствие голодной тревоги. Сейчас в 11 ч. [Александр Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник) (1941-1948)].

Судя по тексту, автор образованный человек, знакомый с европейскими языками (квазиобещанный, нонурауган). Контекст не позволяет установить семантику данной лексемы, но

очевидно, что это относится к погодным явлениям. Видимо, сема «свежий» и модель производящая основа + ер (er) имеет высокий номинативный потенциал, что позволяет использовать семантически шире, чем это имеет место в языке-доноре:

Fresher noun [C] UK informal – a student who has recently started studying at a college or university [Cambridge Advanced Learner's Dictionary, 2010]

Fresher (BrE, informal) – a student who has just started his or her first term at a university

Freshers' fair (= an event when new students can join university societies)

[Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2010]

Таким образом, это слово из британского английского, имеет стилистический регистр «неформальное» и обозначает первокурсника, университетского новичка.

Этимологически это слово относится к исконно английским, время появления в языке – XIX век (1800 – 1900) со значением 'freshman' [Longman Dictionary of Contemporary English, 2009].

Элемент фрешер в гастрономическом значении представляет собой классический сэндвич: В состав сэндвича Фрешер KFC входят следующие ингредиенты: куриное филе, свежий салат, помидоры, хрустящие огурчики, сыр, майонез [1]. Следовательно, в этом употреблении активизируется не личная, а вещественная сема, очевидно, доминантной в названии выступает свежий салат, от чего и получил названий новый продукт KFC.

Аналогичная ситуация имеет место в Nail Fresher – обезжиривателя для ногтей. Значит, и в гастрономическом, и в косметическом контекстах фрешер / fresher выступает в качестве обозначения марки товара, и именно этим обусловлено его вхождение в русский язык.

Частота:

В данном поле указываются показатели частоты употребления описываемого элемента. Поскольку в НКРЯ по запросу фрешер ничего не найдено, а по запросу фрэшер выдается один пример, обозначающий явление из иной области, то из русских корпусов по отношению к этому элементу данных нет. Однако возможно определение частоты элемента в языке-доноре. По данным Google Ngram Viewer (GNV), частота лексемы fresher в 2008 г. составила 0,0000533759%. В целом ее частота за XX столетие снизилась с 0,0001079083% в 1900 г. до 0,0000401867% в 2000 г. В анализе частоты учитывают такое свойство корпусов, как неснятая омонимия. Так, British National Corpus выдает такой пример:

The fresher the soot, the longer it needed to percolate through the hessian, but within three or four days the water would be nicely laced.

в котором fresher является сравнительной степенью прилагательного fresh, т.е. корпус выдает примеры употребления как имени существительного, так и сравнительной степени прилагательного. BNC в примерах употребления fresher приводит лишь единицы употреблений как существительного, 5-6%, тогда как остальные (в целом абсолютная частота fresher в BNC 106) употребления – сравнительная степень. Если условно для личного существительного признать главной семой 'новый', а для вещественного 'свежий', то соотношение 'новый' / 'свежий' в британском варианте английского языка (при учёте репрезентативности корпуса) будет 1 к 20. Хотя, конечно же, реальное бытование английской формы fresher. возможно, будет включать целый ряд сем, которые выделяет Cambridge Advanced Learner's Dictionary в виде так называемых guidewords – обозначения группировок значений лексемы: NEW, RECENT, NATURAL, AIR, CLEAN, NOT TIRED, SKIN, NOT SALTY, TOO CONFIDENT. Следует признать, что все же они могут быть объединены в две концептуальные составляющие, названные выше (за исключением, пожалуй, последнего, имеющего помету informal).

Cambridge Advanced Learner's Dictionary показывает информацию о частоте не только в отношении лексемы, но и для отдельных значений и коллокаций. Данные из Cambridge International Corpus группируют все высокочастотные слова в три категории:

E (Essential) – слова, которые должны знать все для осуществления эффективной коммуникации. Их частота – более 400 употреблений на 10 000 слов корпуса.

I (Improver) – слова, также широко употребляемые носителями английского языка. Их частота – более 200 – 400 употреблений на 10 000 слов корпуса.

A (Advanced) – слова с частотой более 100 – 200 употреблений на 10 000 слов корпуса, имеющие все еще большое значение в коммуникации.

В анализируемом слове частотная картина значений следующая:

E – NEW

A – RECENT, NATURAL

AIR, CLEAN, NOT TIRED, SKIN, NOT SALTY, TOO CONFIDENT не маркированы, поскольку не входят в высокочастотную зону.

Пример:

Указывается пример употребления из того источника, откуда проводятся наблюдения. При наличии примера в корпусе приводятся корпусные примеры. В новейших заимствованиях далеко не обязательно, что новый заимствованный элемент будет внесен в базу корпуса, как это имеет место в отношении фрешер.

Тема:

Указывается тематическая отнесенность лексемы. В данном случае это еда, если уточнить – то название нового бутерброда в предприятиях быстрого питания. Если учесть, что это бутерброд типа гамбургера или бургера, то в английском языке это тематическая группа FOODS, подгруппа SAUSAGES, BURGERS AND STUFFINGS [12: 210].

Часть речи:

Имя существительное. Лексема фрешер по форме представляет собой ассимилированное существительное склонения на твердый согласный.

В принципе, могут быть добавлены и другие поля, если возникает в этом необходимость.

По этой же схеме осуществляется заполнение базы данных и для других компонентов блока «Агрегация».

Литература

1. Бургер Лаб [Электронный ресурс]. URL: http://burgerlab.ru/rostiks-kfc/fresher (дата обращения 26.07.2015).

2. Буцева Т.Н. О названии словарей новых слов русского языка в аспекте эволюции их содержания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология, 2011. № 6 (2). С. 388-392.

3. Буцева Т.Н. «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: из опыта составления и редактирования // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2012. Т. VIII. Ч. 3 / Отв. ред. И.А. Малышева, Т.Н. Буцева, О. М. Карева. 2012. С. 242-261.Будагов Р.А. К теории грамматики и языковых контактов // Вопросы языкознания. 1979. №2. С. 11-28.

4. Викисловарь // Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Викисловарь. (дата обращения 31.07.2015).

5. Жданова Е.А. Лексикографическая фиксация неологизмов в словарях разных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология, 2012. № 3 (1). С. 388-392.

6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2005. 376 с.

7. Красса С.И. Лингвистические метакорпусы // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. Г.Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 252-258.

8. Крижановский А. Оценка использования корпусов и электронных библиотек в Русском Викисловаре // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2011». СПб.: С.-Петербургский гос. университет, Филологический факультет, 2011. С. 217-222.

9. Кругликова Л.Е. «Большой академический словарь русского языка» как продолжатель традиций русской академической лексикографии // Cuadernos de Rushstica Espacola. 2012. №8. С 177-198.

10. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. в 2-х тт. / Под ред. Т.Н. Буцевой (отв. редактор), Е.А. Лева-шова, Ю.Ф. Денисенко. СПб.: «Дм. Буланин». Т. 1. 2009. 811 с.

11. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с.

12. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 960 с.

13. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.

14. Cambridge Grammar of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 973 p.

15. Longman Dictionary of Contemporary English. Fifth edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2009. 2081 p.

16. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p.

Социально–экономическая эффективность регулирования финансовых рынков: от классиков теории до современных критериев оценки

Федорова О.Ю.

Цели/задачи.
Основной целью исследования является – выявление возможностей критериальной оценки регулирования финансовых рынков.
Методология. Автор предложил использовать разные критерии анализа эффективности регулирования финансовых рынков, который может быть реализован при помощи широкого ряда методов научного исследования, систематизированных в разработанной матричной модели оценки.
Выводы/значимость.
В статье сделан вывод о важности комплексного применения органами регулирования финансовых рынков существующих моделей оценки эффективности по выделенным критериям сообразно целям и задачам регулятора.
Ключевые слова: эффективность, регулирование, финансовые рынки, оценка, критерии

Social and economic efficiency of regulation of the financial markets: from classics of the theory to modern criteria of an assessment

Fedorova OY.
Moscow State Institute of Foreign Relations (University)

Importance Modern economic tendencies actualize the problem of increasing the efficiency of regulation of financial markets, more and more influential I terms of the development of the global economy and social relations in the XXI century. The formation of effective and efficient supervisory models acquires the development of instrumental approaches to evaluate effectiveness of regulators considering specified criteria.
Methodology The author proposes different criteria for the analysis of the effectiveness of the financial markets regulation subject to the prior usage of the wide range of scientific methods and techniques of enquiry systematized in the elaborated matrix valuation model.
Conclusions / relevance It has been emphasized that the authorities regulating financial markets shall apply all existing models of effectiveness evaluation according to the dedicated criteria and regulatory objectives.
Keywords: performance, regulation, regulation, financial markets, evaluation, criteria.

Исследование перспектив эффективного регулирования финансового сектора невозможно в отрыве от теоретических основ экономики. В конце XIX века общий термин «экономической эффективности» был введен экономистом классической школы Вильфредо Парето, утверждавшим, что максимальное благосостояние общества и справедливое распределение ресурсов достижимы в случае полного отсутствия негативного влияния экономических субъектов друг на друга, и полагавшим оптимальной такую пропорцию, при которой 80% ресурсов вложены в 20% условных проектов. Оптимум по Парето элементарно проецируем на деятельность участников финансового рынка; однако, в упрощенном виде, ориентир этот едва ли достижим в современных реалиях, далеких от экономического эквилибриума и совершенной конкуренции.

Множественности факторов развития социально-экономических и финансовых отношений в условиях непрерывной трансформации рыночной конъюнктуры присуще многообразие научных воззрений, в том числе по поводу создания универсальной модели регулирования экономики. Так, актуальность стимулирующих, стабилизирующих или антикризисных мер воздействия зависит от фазы экономического цикла: применение методов на стадиях экономического подъема или спада будет разниться. Несмотря на то, что концептуального единства относительно формирования эффективного регулятора финансовых институтов не сложилось, два вектора экономической мысли на предмет управления рисками отслеживаются отчетливо практически со времен зарождения экономической науки. Анализ соответствующих воззрений представителей широкого ряда экономических школ свидетельствует о том, что ученые либо склоняются к повышению роли государственного регулирования в экономике либо указыва-

Таблица 1
Генезис развития экономической мысли в области регулирования рыночных отношений.
Ист. Составлено автором.

Период распространения	Направление экономической мысли и школы	Ключевая роль в регулировании
1 этап. Классический период(XVII – XIX в.в.)		
XVII–XIX вв.	классическая политическая экономия	рынок
XIX в.	Историческая школа	не определено
XVIII-XIX вв.	Утопический социализм	государство
XIX в.	Экономический романтизм	рынок
XIX в.	Марксизм	государство
2 этап. Неклассический период (конец XIX- до 1980-х гг. XX века)		
конец XIX -начало XX вв.	***Неоклассика***	
конец XIX – начало XX вв.	***Маржиналисты:*** -Австрийская школа - Кембриджская школа -Лозаннская школа - Американская школа	рынок государство (позиции различны)
1930-1940-е гг.	Неоавстрийская школа	рынок
1940-1960-е гг.	Неолиберализм	рынок
1970-е гг. XX в.- настоящее время	Монетаризм	рынок и государство(косвенно)
1970 –е гг. - настоящее время	Теория предложения	рынок
1970-е гг. - настоящее время	Теория рациональных ожиданий	рынок
1970-е г.г. - настоящее время	«Новая классическая макроэкономика»	рынок и государство
1960-е гг. –наст. время	Теория жизненного цикла	государство
1930-е гг. –настоящее время 1960-е гг. –настоящее время	***Кейнсианство*** Неокейнсианство	государство
с начала XX вв.	***Институционализм***	
конец XIX в..-1930 гг.XXв. середина XX в. середина XX в. середина XX в.	традиционный американский институционализм Теория индустриального общества (Дж.К.Гэлбрейт) Теория коллективного капитализма (Г.Минз) Теория революции менеджмента (А.А.Бэрли)	институты рынка
середина XX в.	«Азиатская драма» К.Г.Мюрдаля	
1960-е гг.-настоящее время	Экономический империализм	
3 этап. Постнеоклассический этап (80 -е гг. XX- начало XXI в.в.)		
1980-е гг. - настоящее время	***Неоинституционализм*** **Теория транзакционных издержек** -Теория прав собственности -Теория общественного выбора -Новая экономическая история -Теория контрактов	институты рынка
1930-х гг. –настоящее время	***Эволюционная теория***	
1930 –е гг. XX в. 1980-е гг. -настоящее время 1980-е гг. -настоящее время	Шумпетерианство Институционально-эволюционнаятеория Теории самоорганизации,синергия	институты рынка СРО

ют на необходимость расширения независимости рынка от воздействия «сверху» (Табл.1).

Последователи неоклассической теории – «монетаристы» – отстаивают эффективность рыночного саморегулирования при предельно возможном невмешательстве государства, считая единственно возможным рычагом регулирования со стороны властей денежно-кредит-

Таблица 2
Принципы эффективного регулирования финансовых рынков.
Ист. Составлено автором на основе рекомендаций, принципов, правили стандартов регулирования финансовых рынков, международных финансовых организаций МВФ, БМР, IOSCO, ISDA и др.

	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа	6 группа
Принцип	**Организации регулирования**	**Координации**	**Эмитентов**	**Защиты инвесторов и вкладчиков**	**Стабильности финансовых посредников**	**Инфраструктуры**
таргет	четкое разграничение и достаточность полномочий и ресурсов у гос. регулятора и СРО, независимость	создание механизма координация с наднациональными/ национальными регуляторами	обеспечение эмиссии и обращения ценных бумаг	лицензирование финансовых посредников; распределение обязанностей инвесторов	эффективная монетарная и пруденциальная политика	отслеживание «прозрачности» депозитариев, бирж, торговых и платежных систем и т.п.
стандарт	профессиональные стандарты для сотрудников регулятора	международные требования распространению данных	национальные стандарты бухучета и МСФО	требования по «сегрегированию» активов, оценки обязательств и анализа доходности	экономические нормативы и другие пруденциальные стандарты	правила функционирования инфраструктурных институтов
правовая роль	законодательный контроль качества /транспарентности и исполнения мер, выполнения требований о неразглашении	формальное участие в документах международных организаций	гарантирование качественного раскрытия информации (инвесторам	обеспечение прав пользователей финансовых услуг и инвесторов и публично) в т.ч. принудительные меры	разработка юридической базы всех норм и стандартов, а также кодексов бизнес-поведения	правовое регулирование системы клиринга и расчетов и т.п.
актуальность	действенность и своевременность воздействия	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-

ную политику на пути к экономическому росту; сторонники «кейнсианства» полагают, что всестороннее участие властей в выравнивании экономических диспропорций - необходимое условие для борьбы с кризисными явлениями, и рекомендуют использование инструментов валютного регулирования и налогово-бюджетной политики наряду с монетарным [1]. «Центроидом» ключевых подходов к проблеме эффективного перераспределения финансовых ресурсов, тем не менее, стало одновременное признание первостепенной роли таких макроэкономических и социальных категорий, как размер учетной ставки и денежной массы, уровень инфляции и безработицы.

Помимо войн и Великой Депрессии мировая экономика в XX в. пережила многочисленные финансово-экономических кризисы - распад валютных зон, прекращение Генуэзского и Бреттон-Вудского соглашений, энергетический кризис, дефолты отдельных стран, региональные обвалы финансовых рынков, крах фондовых котировок «интернет-доткомов». Глобальный кризис конца 2000-х гг. окончательно сблизил позиции традиционно оппонирующих направлений научной мысли в то время, как миро-

вая финансовая система оказалась не способна к автономному выполнению базовых функций эффективного распределения капиталов и отслеживания рисков. Проведение курса на либерализацию регулирования в развитых странах с 1970-х гг. по 1990-х гг., сменившее прокейнсианский подход, не снизило частотность кризисных явлений, активизируя тем самым исследования в области эффективности функционирования финансовых институтов и их регуляторов. По утверждению Р. Скидельского, британского парламентария и уважаемого ученого российского происхождения, «реакция мира на стремительный кризис 2008 г. была решительно кейнсианской», первые антикризисные меры были связаны с укреплением государственного контроля деятельности финансовых учреждений [2]. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц отмечает острую необходимость совершенствования методов воздействия на финансовый сектор, считая необходимым «полный пересмотр механизма регулирования для достижения им эффективных результатов»[3].

В экономической науке эффективность регулирования финансового сектора, как правило, интерпретируется как соотношение результатов использования инструментов финансового контроля и надзора и поставленных задач [4]. Эффективный механизм регулирования финансовых институтов, по определению, элемент устойчивой системы финансовых институтов. Атрибуты последней, прежде всего, - рекомендованные экспертами международных организаций принципы, в число которых помимо эффективного ресурсного распределения, риск-менеджмента и конкурентоспособности взаимосвязанных с реальным сектором финансовых рынков, входит соответствие нормам рыночной дисциплины, высокое качество правового и информационного поля при прозрачной структуре налогообложения и использовании инноваций (Табл.2).

Методология анализа эффективности регулирования финансовых рынков может быть предложена исходя из функционального баланса устремления собственно финансового рынка и целей его регулирования, ключевыми из которых является обеспечение устойчивости и развития финансово-кредитных институтов. Экстрагирование основных задач регулятора согласно принципам эффективной финансовой системы, в первую очередь, подразумевает гарантирование защиты интересов потребителей финансовых услуг, создание действенного механизма управления финансовыми (кредитный, рыночный и т.д.) и нефинансовыми (операционный, правовой и т.д.) рисками, предотвращения их межсекторального распространения. В рамках осуществления пруденциальной политики основная проблема регулирования - разработка ясных требований ко всем участников рынка при высоком профессионализме сотрудников регулятора. За основу разработки национальных стандартов и правил рекомендовано применять рекомендации наднациональных структур – международных финансовых организаций, специализирующихся на регулировании разных секторов финансового рынка (банковского, страхового, фондового, инфраструктуры рынка). В целях поддержки перспективных и инновационных сегментов финансовых рынков регулирующие органы должны способствовать формированию благоприятных условий для инвестиционной активности, например, путем устранения административных барьеров и повышения прозрачности ценообразования. Другое приоритетное направление деятельности органов регулирования - нивелирование эффекта «конфликта интересов» в случае совмещения нескольких противоречащих другу функций одним регулятором. Принимая в расчет задачи и принципы эффективного регулирования, модель анализа эффективности надзорно-регуляторного механизма может быть выстроена по «траектории» коррелирующих критериев целевой (функциональной), экономической, технологической, управленческой (операционной) и социальной эффективности регулирования финансовых рынков. При обращении к критериальной модели оценки эффективности системы регулирования финансовых рынков (Табл.4), смоделированной автором в виде трехуровневой (макро-уровень-анализ макроэкономических индикаторов, системный уровень-анализ данных о функционировании и регулировании финансовых рынках и их системно значимых единицах, микро-уровень-анализ информации о финансовых институтах и персональных данных) матрицы пяти выделенных критериев и методов экспертного анализа, необходимо учесть, что использование каждой «ячейки» матрицы в ходе оценки рынков должно включать следующие стадии исследования: предварительный сбор данных (детализированных в матрице), непосредственно оценка эффективности системы регулирования данного государства, последующий сравнительный анализ эф-

Таблица 3
Критериальная модель оценки эффективности системы регулирования финансовых рынков
Ист. Смоделировано автором

Критерий	1	2	3	4	5
Метод	**целевая /функциональная эффективность**	**управленческая /операционная эффективность**	**экономическая эффективность**	**социальная эффективность**	**технологическая эффективность**
1 уровень	- сравнительный анализ результатов ***ДКП и таргетов*** (курса валюты, инфляции, денежной массы)	- сводный анализ ***коэффициентов производительности сотрудников*** всех органов экономической политики	- статистический анализ динамики***ЗВР, дефицита бюджета, ВВП, торгового баланса, кредитов частному сектору***	- факторный анализ динамики ***инфляции, безработицы, счета капитала*** платежного баланса	факторный и сравнительный анализ показателей *легализации преступных доходов, (де)офшоризации экономики -качества законодательной базы*
2 уровень	- сравнительный анализ соответствия системообразующих финансовых институтов пруденциальным нормам и нормативам (взвешивание риска по системе) - стресс-тестирование - методология ВБ оценки эффективности финансовых систем -модель оценки рисков CAMELS (МВФ)	- сводный анализ динамики KPI сотрудников системы регулирования финансовых рынков (при наличии модели расчета) Или: - математический расчет общих коэффициентов производительности (число сотрудников./ число банков или /активы системы	общий анализ : 1)динамики и целевого расходования ЗВР и др. ресурсов 2) эффективности учетной политики, 3)динамики расходов на содержание системы регулирования финансовых рынков	сводный анализ : -динамики всех ставок (в.т.ч. на мировом рынке межбанковского кредитования - всех признаков оттока/ притока капитала; - индексов деловой, потребительской, инвестиционной активности по финансовой системе	- математический расчет доли в финансовой системе организаций, присоединившихся к МСФО - сводный анализ агрегированных индикаторов общей эффективности государственных регуляторов GRICS (выборка - минимум10 лет)
3 уровень	- финансовый анализ «суммированной» устойчивости и эффективности институтов разных секторов рынка (например, динамика ROEбанков) - экспертная оценка качества инфраструктуры	экспертная оценка: - профессионализма сотрудников надзора (число сотрудников к процедуре надзора, скорость проверок, наличие международ-ных сертификатов и др.) -качества решений руководства - координации на национальном и наднациональном уровнях	- финансово-экономический анализ балансовых показателей регулятора -анализ других – данных отчетности -оценка операций РЕПО и других сделок на открытом рынке	экспертная оценка удовлетворенности - - инфраструктурой финансового рынка, ценообразованием) -эффективностью /прозрачностью/ предсказуемостью регулятора -индексов «настроений»	экспертная оценка: - учета временного лага регулятором(в.т.ч. частоты/ полноты распространения данных) - участия регулятора в соглашениях МФО– - (право) нарушений со стороны сотрудников институтов и регулятора методы аудита

фективности систем регулирования ряда стран, формирование механизма повышения эффективности соответствующей регулятивной модели с учетом оценки выявленных дефектов.

Анализ целевой эффективности предполагает учет результатов регулирования в части достижения его основных монетарных и пруденциальных целей сообразно требованиям устойчивости и надежности финансово-кредитных институтов с одной стороны, и потребностей рынка (в том числе относительно качества инфраструктурных институтов) с другой. Уро-

Таблица 4
Основные экономические нормативы Базель III(2013-2019 гг.)
Ист.: Составлено на основе данных справочника Банка Международных Расчетов.

Норматив	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Коэффициент минимального базового(акционерного) капитала 1 уровня Min.Common Equity Capital Ratio	3,5%	4%	4,5%				4,5%
Буфер консервации капитала ConservationBuffer				0,625%	1,25%	1,875%	2,5%
Минимум капитала основного капитала 1 уровня MinimumTier 1 Capital	4,5%	5,5%	6%				6%
Коэффициент достаточности капитала MinimumTotalCapital	8%						8%
капитал ниже 1 уровня	*подлежит ликвидации в течение 10 лет с 2013 г.*						
Минимальный коэффициент ликвидности (30д.) Liquiditycoveragerationminimum			60%	70%	80%	90%	100%
Коэффициент чистого стабильного фондирования (360 д.)./Netstablefundingratio						будет введен	100%

Таблица 5
Финансовая эффективность банкоского рынка России.
Ист.: Составлено автором по данным ЦБ РФ (обзоры состояния банковского сектора РФ)

Кредитные организации	Объем прибыли (+)/убытков (-) текущего года, млн. руб.			Число кредитных организаций (ед.)		
дата	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	1.01.2013	1.01.2014	1.01.2015
Всего	1 011 888,7	993 584,5	685 241,0	956	922	857
Прибыльные	1 021 250,1	1 012 252,5	749 871,2	901	834	666
Убыточные	-9 361,4	-18 667,9	-64 630,1	55	88	191

вень функциональной сбалансированности регулирующих инструментов - многофакторная величина. В условиях банк-ориентированной модели финансовых рынков (как в России) представляется целесообразным оценивать эффективность регулирования по результатам применения инструментов денежно-кредитной политики в сравнении с таргетируемыми показателями и уровню соответствия банковских организаций экономическим нормативам, установленным на основе нормативной шкалы, регламентируемой соглашениями Базель II и Ш Банком Международных Расчетов (Табл.4) [5].

При анализе эффективности регулирования других секторов финансового рынка также необходимо учитывать разработанные на наднациональном уровне стандарты функционирования финансовых и инфраструктурных институтов. Помимо непрерывного контроля коэффициентов достаточности капитала поднадзорных компаний, качества кредитного портфеля и показателей ликвидности, взвешенных по степени риска активов, в зону внимания регулятора входит оценка финансовых результатов деятельности поднадзорных организаций (мультипликатора капитала, коэффициентов рентабельности активов, рентабельности капитала и др.) Кроме того, анализ эффективности регулирования финансовых рынков подразумевает использование инновационных исследовательских методов (например, в рамках функционального критерия, ими могут быть автоматизированные модели стресс-тестирования). Примечательно, что обзор показателей суммарной отчетности российских финансово-кредитных институтов в 2014-2015 гг. представляет собой угрожающе-прогрессирующий тренд к снижению эффективности банковского сектора (Табл.5), что, очевидно, снижает социально-экономическую эффективность финансового сектора [6].

Помимо непрерывного контроля коэффициентов достаточности капитала поднадзорных компаний, качества кредитного портфеля и показателей ликвидности, взвешенных по степени риска активов, в зону внимания регулятора входит оценка финансовых результатов деятельности поднадзорных организаций (мультипликатора капитала, коэффициентов рентабельно-

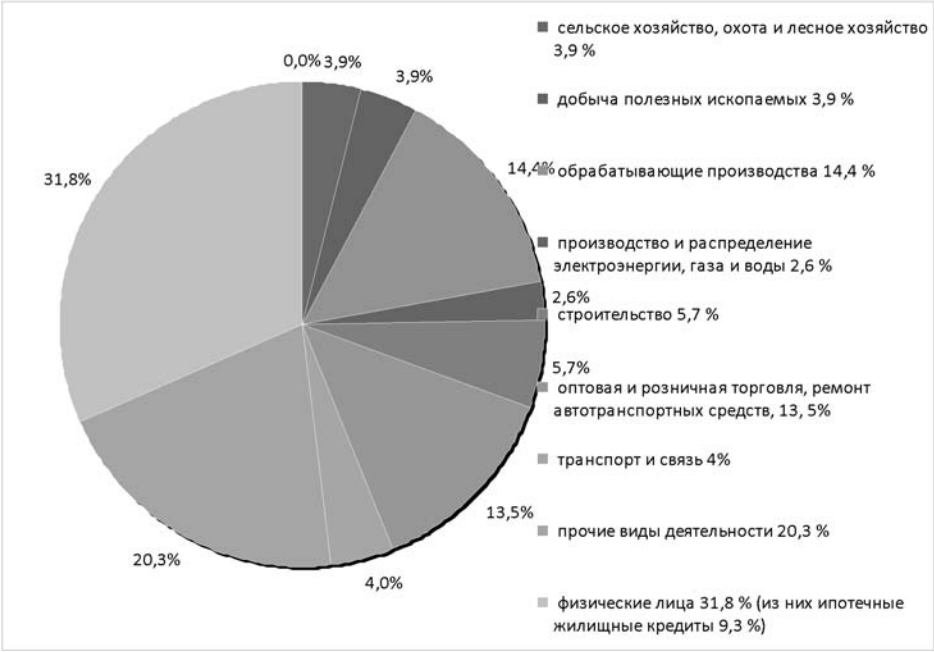


Рис.1.Отраслевая структура кредитования РФ на 1.10.2014 г.[1]
Ист.: Построено автором на основе аналитических показателей ЦБ РФ. Обзор состояния банковского сектора Российской Федерации. Ноябрь 2014 г.

сти активов ROA, рентабельности капитала ROE и др.) Кроме того, анализ эффективности регулирования финансовых рынков подразумевает использование инновационных исследовательских методов (например, в рамках функционального критерия, ими могут быть автоматизированные модели стресс-тестирования).

В развитых экономиках регуляторы активно используют дополнительные инструменты оценки рисков в финансовом секторе. Например, Федеральное агентство по контролю денежного обращения США совместно с рядом банков ФРС используют системы CAMELS (модель взвешенной оценки уровня капитала, ликвидности, активов, доходности, чувствительности к рыночному риску, качеству риск-менеджмента), SCOR (модель раннего предупреждения рисков, вероятность которых может прогнозироваться за полгода до наступления по данным отчетности поднадзорных институтов), SEER (программа предупреждения рисков, основанная на рейтингах). Банк Англии, свою очередь, в целях всесторонней оценки агрегированных рисков финансово-кредитных институтов, пользуется бальной системой RATE, а в целях снижения кредитного риска–многофакторными моделями оценки качества кредитных портфелей банков (PARSER, PARTS).

В виду того, что мы в широком смысле рассматриваем регулирование финансовых рынков в качестве рычага повышения благосостояния государства, то динамика макроэкономических показателей опосредованным образом отражает оптимальность регулятивных практик с позиции целевого и социально-экономического критериев оценки. В качестве базового метода определения эффективности распределения капитала, мы предлагаем использовать традиционную модель совокупного спроса и совокупного предложения (кейнсианский крест AD-AS), согласно уравнению которой, макроэкономическое равновесие достижимо в случае равенства спроса и предложения в краткосрочном периоде. Подобная зависимость отражена также в модели IS-LM (инвестиций и предпочтения ликвидности), описывающей обратную зависимость инвестиции от уровня ссудного процента. «Экстраполяция» уравнения кейнсианского креста на деятельность финансовых институтов, позволяет заключить, суммарный показатель предложения финансовых ресурсов, цены и спроса на капитал, будет влиять на макроэко-

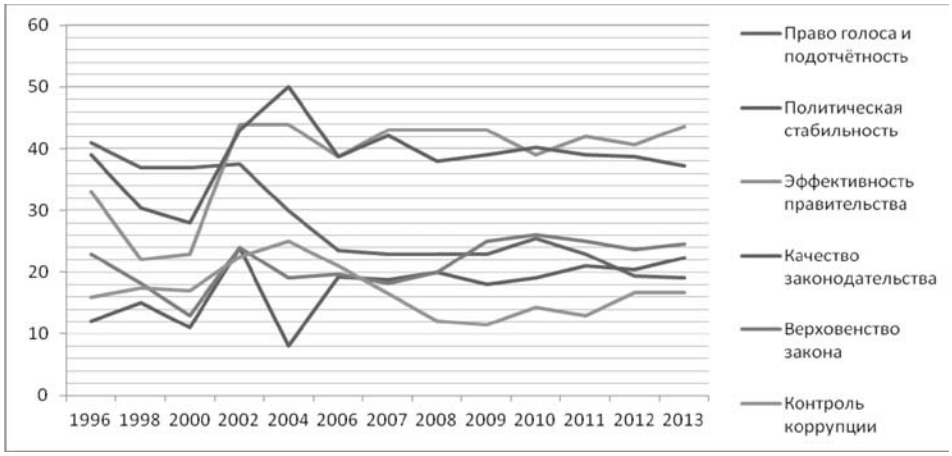


Рис. 2. Динамика индексов GRICS России с 1996 по 2013 гг. (в %).
Ист.: Построено на основе данных агрегированных индикаторов государственного регулирования Всемирного Банка.

номическую и социальную эффективность (инфляцию, безработицу, ВВП, ВНД и т.д.) не в меньшей степени, чем предложения и спроса на товары и услуги в реальном секторе.

В соответствии с экономическим критерием эффективности регулирования финансовых рынков, регулятор нацелен на достижение максимальных эффектов для экономики при минимальных издержках административного аппарата и финансово-кредитных организаций. К количественным характеристикам эффективности финансовых рынков принято относить, например, долю кредитов частному сектору в суммарном объеме ВВП, уровень рискованных активов, отраслевую структуру кредитования (Рис. 1). К категории экономической эффективности регулирования финансовых рынков относятся и такие базовые макроэкономические показатели как динамика золото-валютных резервов (ЗВР), ВВП, дефицит бюджета, торгового баланса, фондовые индексы. Финансово-экономическую эффективность регулирования финансовых рынков может отражать динамика эффективности расходования ЗВР, операций на открытом рынке, расходов на поддержание аппарата регулирования финансовых рынков (например, посредством, анализа отчетности регуляторов).

С точки зрения технологической эффективности, в нашей интерпретации, результативность методов регулирования финансовых рынков измеряема на основе уровня выполняемости таких инфраструктурных задач, как, например, обеспечение качественного законодательства и информационной прозрачности финансовых институтов и регулирующих органов. Кроме того, эффективность технологий регулирования финансовых рынков подразумевает способность государственного регулятора учитывать проблему временного лага. Технологическая эффективность обусловлена также рядом неэкономических факторов, так как качество финансового регулирования – величина производная от уровня правового обеспечения и общей эффективности органов управления (в части противодействия легализации преступных доходов, деофшоризации экономики, адаптивности к меняющимся экономическим условиям, участия в международных соглашениях в области регулирования финансовых рынков и т.д.). Исходя из данного контекста в механизм оценки целесообразно интегрировать разработанную Всемирным Банком систему расчета индикаторов эффективности государственных регуляторов всех уровней - GRICS (Governance Research Indicator Country Snapshot). В пределах модели GRICS исследуются следующие показатели:

· уровень гражданских свобод и подотчетности властей;

· качество законодательства;

· степень политической стабильности и правовых нарушений (верховенства права);

· индикатор «контроля коррупции»;

· общая эффективность правительства.

Применительно к России исследование индексов GRICS за период наблюдений (1996-2013 гг.) отображает равномерное снижение качества

Таблица.6
Анализ операционной эффективности органов денежно-кредитной политики.
Ист.: Составлено автором на основе отчетов центральных банков стран.

Государства (ранжированные по размеру активов банковской системы)	Персонал органов банковского регулирования (чел.)	Количество кредитных институтов (ед.)	Суммарные активы банковского сектора (млрд. долл.)	*Коэффициент операционной эффективности 1* (число сотрудников/активы)	*Коэффициент операционной эффективности 2* (число сотрудников/число банков)
США	2218	7715	9040	0,245%	0,29%
Великобритания	-	333	7201	-	-
Китай (вкл. Гонконг и Тайвань)	18277	639	5390	3,39%	28,6%
Франция	4352	294	4352	1%	14,8%
Нидерланды	92	143	3336	0,027%	0,64%
Германия	1353	251	3123	0,43%	5,39%
Люксембург	30	155	955	0,03%	0,19%
Австрия	-	885	874	-	-
Сингапур	120	110	771	0,15%	1,09%
Бразилия	1311	161	665	1,97м	8,14%
Дания	45	161	487	0,09%	0,27%
Россия	4324	1056	342	12,7%	4,09%

нормативно-правового регулирования и уровня подотчетности государственных органов (Рис.2), наряду с чем очевидно низки индикаторы контроля коррупции, политической стабильности и верховенства закона [7]. Закономерно, что в международных рейтингах качества инвестиционного климата и инфраструктуры рынков Россия, как правило, соседствует с наименее развитыми государствами.

При оценке управленческой(операционной) эффективности предлагается учитывать уровень производительности труда сотрудников всех регулирующих финансовые рынки ведомств и их профессионализма, включая своевременность принятых ими решений. Коэффициенты действенности принимаемых мер определяются как отношение количества проводимых инспекций/проверок к процедуре надзора, число мер воздействия и выявленных нарушений на поднадзорную компанию, сотрудников регулятора на число банков и сумму их активов. Пример расчета общих параметров операционной эффективности центральных банков выборки стран приведен в Табл.6, из данных которой можно заключить, что из 12 государств, ранжированных по размеру активов банковского сектора, регуляторы кредитных организаций Люксембурга, Дании и Нидерландов наиболее эффективны с точки зрения операционного критерия [8]. Помимо результатов инспекционных проверок, при анализе управленческой эффективности принимаются во внимание методы стресс-тестирования, учитывается степень выполнения планов организацией, уровень внутренней и международной координации руководителей органов регулирования, а также может быть применена классическая модель оценки результативности сотрудников по ключевым индикаторам эффективности KPI.

Помимо результатов инспекционных проверок, при анализе управленческой эффективности мы подчеркиваем важность использования моделей учета выполнения планов организацией, а также создания механизма оценки качества внутренней и международной координации национальных регуляторов друг с другом и с международными органами регулирования финансовых рынков. Кроме того, мы считаем, что на микроэкономическом уровне эффективность регулирующих органов –величина, в определенной степени измеряемая при помощи инструмента оценки выполняемости поставленных задач – метода KPI. разработанного в теории менеджмента(с точки зрения которой результативность любой компании зависит от общего КПД персонала фирмы). Еще в начале XX в. М. Вербер вывел формулу оценки работы сотрудников, а его последователи, например, П. Друкер, развили концепции планирования и анализа деятельности компании, ввели понятие «ключевых показателей эффективности» (key performance indicators - KPI[2]) – параметров достижения целей работниками организации. Внедрение системы KPI состоит из этапов пла-

Рис. 3. Уровень доверия к финансовым институтам в России
Ист.: Национальное агентство финансовых исследований при Всероссийском Центре Исследований Общественного Мнения (ВЦИОМ) июль 2014 г.

нирования результатов проекта (стратегические и операционные/тактические цели, разработка параметров обучения, отчетности перед руководством и координации сотрудников), создания оптимизированной методологической модели расчетов индикаторов и информационной системы (программы), в рамках которой модель будет эксплуатироваться и непосредственно введение системы в действие [9].

Производительность любого учреждения, таким образом, может быть отслежена на основе автоматизированного подсчета стандартов ключевых показателей эффективности, которые вырабатываются, исходя из потребностей предприятия, некоммерческой (например, саморегулируемой) организации или государственного ведомства. Таким образом, в теории анализа KPI, эффективность определяется степенью корреляции задач и результатов. На основе методологии KPI и других теоретических разработок национальные регуляторы финансовых рынков развитых государств внедряют специализированные модели анализа качества «человеческого капитала»-персонально запрограммированные информационные системы оценки служащих.

В свою очередь, критерий социальной эффективности регулирования финансовой системы целесообразно определять на основе справедливости ценообразования на рынках банковских и финансовых услуг, оптимальности распределения финансовых ресурсов в системе(на основе данных, например, о процентных ставках, динамке счета капитала платежного баланса, инфляции), уровня инвестиционного климата и инфраструктуры, степени защищенности инвесторов/вкладчиков и потребителей финансовых услуг, признаками которой являются, например, информационная прозрачность, наличие и качество институтов по страхованию вкладов, фондов финансовой стабильности, институтов омбудсмена, доверия к финансовым институтам. В рамках оценки социальной эффективности, важно учитывать степень удовлетворенности рынка политкой регуляторов, а так же ряд индикаторов (деловой и потребительской активности, инвестиционных ожиданий и т.д.). Социальная эффективность регулирования финансово-экономических отношений по существу является самым широким критерием, так как оценка его подразумевает глубокий анализ всех остальных критериев.

В российских экономических реалиях в силу взаимосвязанных причин - многолетнего тренда «бегства капитала», непрозрачного ценообразования, недостаточной развитости правового поля и других элементов инфраструктуры, уровень доверия к финансовым институтам вне банковского сектора чрезвычайно низок (Рис. 3). Стремительно падает показатель доверия к ключевым институтам финансовой системы – к банкам, что, связано с падением эффективности кредитных учреждений в 2014 г.

В ситуации стагнации или кризиса большинства отраслей в реальном секторе (по итогам 2015 г. спад ВВП составит не менее 3-4%) и снижения рентабельности кредитных институтов более, чем на треть, ужесточение контроля банковской системы приводит к обострению других проблем, например, традиционного дефицита финансовых ресурсов у реального сектора популяризации быстрорастущего сегмента – микрофинансовых организаций, деятельность которых, бу-

дучи в значительной мере частью теневой экономики, сложно поддается регулированию[10].

Таким образом, дилеммы регулятора финансовых рынков в «ячейке» каждого критерия эффективности регулирования финансовых рынков отличаются в зависимости от особенностей целеполагания национальной экономической политики и сходятся в части обеспечения устойчивости финансовой системы: по критерию функциональной эффективности главная проблема - сбор достоверной качественной и достаточной информации о финансово-кредитных институтах для объективного анализа и принятия адекватных мер воздействия; экономической – финансовая оптимизация регулирующих структур и стимулирование экономики, социальной - создание механизмов защиты инвесторов (фондов финансовой стабильности, страхования вкладов), операционной – повышение производительности и профессионализма сотрудников регулятора; технологической–совершенствование правовой системы и устранение «временного лага», связанного с опережением развития инновационных финансовых инструментов по сравнению с регулирующими и скоростью утраты актуальности данных. Повышение эффективности надзорных процедур в идеале должно сопровождаться положительной динамикой макроэкономических показателей, улучшение которых связано с учетом регулятором потребностей рынка и необходимости совершенствования рыночной инфраструктуры.

Резюмируя результаты теоретико-методологических исследований, хотелось бы отметить, что предложенная модель оценки системы регулирования финансовых рынков, выстроенная по принципу многоуровневой матрицы коррелирующих критериев целевой (функциональной), экономической технологической, управленческой (операционной) и социальной эффективности может быть использована в качестве гибкой парадигмы нестандартных переменных, расширение или сужение которой должно базироваться на объективных экспертных оценках (например, с использованием эконометрического метода трехмерного панельного анализа). В настоящем контексте нам близко понимание сущности любой модели как варианта системы-«средства получения данных о другой системе», которое встречается у теоретиков научного моделирования Я.Г.Неуймина, В.А. Штоффа,Х..Дж. Кейслера [11]. Таким образом, использование разработанной критериальной модели оценки возможно в качестве средства анализа информации о функционирующих в мире моделях (системах) регулирования финансовых рынков.

Литература

1. Mark Blaug Economic, Theory in Retrospect , 1994 – P. 540-561.
2. Joseph Stiglitz, Regulation and Failure, New Perspectives on Regulation. The Tobin Project, 2009. – P. 21-22.
3. Robert Jacob Alexander, Baron Skidelsky. Keynes: The Return of the Master. – L.: Allen Lane (UK) and Cambridge, MA: PublicAffairs (US), 2009. – P.240.
4. P. Hilbers, K. Raaijmakers, D. Rijsbergen and F. de Vries, Measuring the effects of financial sector supervision. DNB Working Paper, 2013, – P.3.
5. Электронный источник http://www.bis.org/bcbs/basel3/basel3_phase_in_arrangements.pdf
6. ЦБ РФ. Обзор состояния банковского сектора Российской Федерации. Аналитические показатели. Электронная версия. 2015 г. http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf
7. World Bank, Aggregate Governance Indicators, 2014 Update, http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home
8. Трушина К.В. Антикризисное регулирование банковского сектора: тенденции и перспективы развития. Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук. Финансовый Университет при Правительсве РФ, 2012. С.-34.
9. David Parmenter. Key Performance Indicators: Developing, Implementing and Using Winning KPI's. – New Jersey, USA: John Wiley & Sons, inc., 2007. – P. 233.
10. Электронный источник НАФИ ВЦИОМ http://nacfin.ru/krug-finansovogo-nedoveriya/
11. Х.Дж.Кейслер Основы теории моделей. М.: Наука. Глав. ред. физ-мат. лит., 1982. С. -57.

Ссылки:

1 Прим. доля кредитов в ВВП РФ – 2.5%.

2 Прим. Под термином "performance" в МСФО подразумевают комбинацию результативности и эффективности: к первой относят коэффициент соответствия запланированным результатам, ко второй – упомянутое базовое определение из экономической теории, где эффективность – абстрагированный паритет между достигнутым эффектом и затратами времени и производственных факторов.

Вариативность элементов вымысла в политическом дискурсе

Харченко Н.Л.

Вымысел, перерастающий в политический миф, установка на мифологичность – это характерные элементы политического дискурса, политической коммуникации в целом. Очень часто происходит так, что в политическом дискурсе факты замещаются образами, символами, вымыслами, легендами и, конечно же, мифами.
Ключевые слова: вымысел, политический миф, вариативность, политический дискурс

The variability of fiction elements in political discourse
Kharchenko N.L.
Russian state social university
The Fiction developing into a political myth, the set on the mythological are the characteristic elements of the political discourse and political communication in general. Very often it happens that in the political discourse the facts are replaced by images, symbols, fictions, legends and, of course, by the myths.
Keywords: fiction, political myth, variation, political discourse

Миф в политическом дискурсе – это некие вариативные сюжеты и концепции, которые мы принимаем на веру, не проверяя их разумом. Это стереотипы массового сознания, воспринимаемые эмоционально, без какой бы то ни было аналитической оценки. Перед нами один из важнейших элементов вымысла в политическом дискурсе, наряду с теми или иными психологическими установками, легендами, образами и символами.

Изучая «язык власти» Г. Лассуэлл подошел вплотную к такой категории, как «политический миф». В частности, ученый писал: «Исследования языка учеными-политологами привели к возникновению ряда пограничных категорий, в частности политического мифа. (...) Политический миф содержит в себе «фундаментальные допущения», касающиеся политических вопросов. Он состоит из символов, к которым прибегают не только с целью разъяснения, но и - оправдания специфических практик власти»[1].

Е.И. Шейгал указывала, что установка на вымысел и мифологичность, характерная для политического дискурса, обусловлена его магической функцией. Исследовательница указывала, что политическая мифологизация – это способ «категоризации и объяснения политической реальности»[2].

Исследовательница выделяла такие элементы политического мифа, как гиперболичность, аксиоматичность, неверифицируемость, внерациональность. Гиперболичность – это стремление к неоправданным преувеличениям, неаргументированнное возвеличивание или, напротив, демонизация политика (политиков), партии, общественной организации или государства (ряда государств).

К гиперболичности можно отнести характерное для императорской России наречение государя «отцом народа», а государыни – «ма-

тушкой». Императрица Екатерина II, названная «Матерью Отечества», приняла такое именование с некоторой неловкостью, но все же приняла. Собственно говоря, сначала Уложенная комиссия 1767-1768 гг. преподнесла императрице титул «Премудрой и Великой Матери Отечества», но Екатерина II согласилась именоваться только «Матерью Отечества». Эпитет «Премудрая» был взят депутатами Уложенной комиссии, по всей вероятности, из русских народных сказок и древнегреческих мифов, где фигурируют прекрасные и премудрые героини (Василиса Премудрая, Елена Прекрасная).

В русских народных сказках эпитет «премудрая» связан со сверхъестественным умением Василисы разрешать любые трудности и совершать чудеса. Такой же, почти чудотворной, властительницей видели или хотели видеть депутаты Уложенной комиссии Екатерину II. Она же, напротив (по крайней мере, - в ранний период своего правления), стремилась к либерализации страны и намеревалась привить своим подданым вкус к свободе и просвещению. Именно поэтому императрица смягчила слишком явную гиперболизацию своего образа, исходившую от депутатов Уложенной комиссии, и не захотела именоваться «премудрой». Земная женщина, какой бы умной и проницательной она не была, рассудила «Фелица», все же не может равняться с Софией Премудростью Божией – носительницей небесной Премудрости.

Александра I после победы над Наполеоном Бонапартом стали называть «Ангелом» или «Нашим Ангелом». Это несомненная гипербола, ибо земной человек в христианском мироощущении все равно греховен, тогда как ангел – непогрешим. В честь победы над армией Наполеона I высшая аристократия империи преподнесла Александру титул «Благословенного, великодушного держав Восстановителя». Впрочем, сам поверженный французский император называл Александра «коварным византийцем» («изобретательным византийцем»). Однако Александра I, мечтавшего дать России Конституцию, раздражала такая явная «ангелизация» его личности. Он принял поднесенный титул, но без особого восторга.

Аксиоматичность политического мифа связана с установкой мифотворцев на аксиомы, не требующие доказательств. Такой аксиомой в Российской империи был богоданный характер императорской власти. Богоданная власть не нуждалась в критике или законе (законности), подобно тому как император не нуждался в оправдании своих действий. Однако либеральные монархи, такие как, например, Екатерина II, Александр I или Александр II, все же принимали критику от своих подданых. Так, Екатерина II терпеливо выслушивала обвинения и упреки своего кабинет-секретаря, великого русского поэта Г.Р. Державина.

В 1791-1793 гг. Державин, автор самого верного и точного стихотворного портрета Екатерины II – «Фелицы» - служил у императрицы кабинет-секретарем. В его обязанности входило выявлять нарушения закона в сенатских документах, но Державин боролся за справедливость с «канцелярской крючкотворной дружиной». Екатерина жаловалась, что Державин лезет к ней со всяким вздором и в конце концов удалила поэта со службы, наградив его орденом Владимира II степени. Державину присвоили чин тайного советника и назначили сенатором. Однако «ссылка в сенат» в те времена была равносильна императорской немилости. Тогда Державин перестал видеть в Екатерине «Прекрасную и Премудрую Матерь Отечества». Не осталась она для поэта и на пьедестале Фелицы. Державин стал едко именовать императрицу «Тартюфом в юбке». Однако политические мифы, связанные с харизматическим образом Екатерины Великой, продолжали активно функционировать в русском обществе той эпохи.

Неверифицируемость политических мифов связана с тем, что их нельзя проверить или опровергнуть. Политические мифы внерациональны – их нужно просто принимать на веру. Е.И. Шейгал называет миф смыслонесущей реальностью - несомненно, более сильной и экспрессивной, чем реальность как таковая.

Вымысел – это то, что создано, создается воображением, фантазией. «Над вымыслом слезами обольюсь»[3] , - писал А.С. Пушкин. Не случайно литературу со времен А.С. Пушкина нередко уподобляют «магическому кристаллу», способному преобразовывать реальность «в соответствии с волей автора»[4] . Если в литературе вымысел способствует созданию ярких художественных образов, то вымысел в политике – явление необычное, которое по степени воздействия на аудиторию равно манипулированию.

К числу важнейших направлений политического манипулирования с использованием вымысла относится политическая реклама. В основе политической рекламы лежит идея власти как силы. В результате умелых манипуляций концептом «Власть» поведение масс становится предсказуемым для манипуляторов. Волевое, направляющее воздействие происходит в скрытой форме.

К жанрам политической рекламы относятся обращения, листовки, выступления на митингах. Разъяснение и оценка политической ситуации в обществе, формирование нужного для манипуляторов мировоззрения, всяческое препятствование деятельности политических противников – таковы задачи политической рекламы. Стратегическая цель политической рекламы состоит в том, чтобы гражданин поверил, что пропагандируемые рекламой концепты и ценности соответствуют его собственным предпочтениям. При этом именно в политической рекламе прагматическая установка на убеждение на уровне реализации часто подменяется внушением, то есть фидеистическим воздействием, а это прямой путь к манипулированию общественным сознанием.

Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе направлено не на отдельных индивидов, а на общество в целом, оно ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей. Манипуляцию общественным мнением можно рассматривать как комплексную стратегию убеждения с целью навязывания коллективных ценностей и преобразования ментальности определенной группы людей для поддержания власти правящей элиты, а шире – для «воспроизводства сложившегося статус-кво в социальной структуре»[5].

В политическом дискурсе время настоящее - это время преодоления ошибок и недостатков прошлого и формирования новой, лучшей реальности, некий мост в будущее, когда совместными усилиями народа и власти сегодня закладывается фундамент будущего демократически развитого, конкурентоспособного государства. Именно так составлен слоган, которым пользуется большинство современных политиков: «Будущее зависит от тебя».

Однако психологи считают, что «любое прогнозирование будущего утопично, что само по себе служит поводом для манипуляции»[6]. Однако, если вербализацию ближайшего будущего (как и тенденциозное описание прошлого и настоящего) так или иначе сопровождают логические аргументы убеждения (факты, статистика), то описание отдаленного будущего чаще всего носит характер констатаций: обещаний (преобладание морфологической формы сложного будущего времени), предписаний (модальность долженствования), перформативов-призывов, заверений в незыблемости заявленных ценностей, к примеру, употребление форм настоящего времени в значении будущего.

Согласно Эдварду Бернейсу, можно выделить несколько стадий политического манипулирования:

- организация хаоса;
- пропаганда новых ценностей;
- создание особой психологической атмосферы общения с массой;
-манипуляция желаниями и эмоциями масс.

Важнейшим элементом политического мифа (и политического вымысла в целом) является мифологема (мифема). Мифологема (от др.-греч. м?ипт – сказание, предание и др.-греч.- льгпт – мысль, причина) – это термин, использующийся для обозначения мифологических - сюжетов, сцен, образов, распространенных в самых разных культурах народов мира. В качестве примеров можно привести мифологему Мирового Древа или Первочеловека, Потопа. Существует также термин «мифологический архетип». Мифологемы (мифемы) активно применяются в политическом дискурсе и политической коммуникации (например, мифема идеального, богоподобного правителя, лишенного каких бы то ни было недостатков). Понятие «мифологема» было введено в научный оборот К.Г. Юнгом и К. Кереньи в монографии «Введение в сущность мифологии» (1941).

В целом можно сказать, что вымысел в политическом дискурсе реализуется посредством мифа (мифов). Политические мифы являются характернейшей формой функционирования вымысла в политике. Они стимулируют массы к той или иной деятельности, формируют психологические стереотипы, характерные для общества.

Литература

1. Бернейс Э. Манипуляция общественным мнением: как и почему // Полис. 2013. №4. С. 20-30.

2. Демьянков В.З. Методы манипулятивного воздействия телевидения на общественное сознание. [Электрон.ресурс] Режим доступа WorldWideWeb.URL: library.ru/help/guest.php?RubricID=10&PageNum=63&hv=7&lv=2.

3. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2012.

4. Лассуэлл Г. Язык политики // http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/880 // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал.

5. Пушкин А.С. Элегия («Безумных лет угасшее веселье») // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1959. Т. 2.

6. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. М.: Гнозис, 2000.

7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Ссылки:

1 Лассуэлл Г. Язык политики // http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/880 // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал.

2 Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. С. 100.

33 Пушкин А.С. Элегия («Безумных лет угасшее веселье») // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1959. Т. 2. С. 153.

4 Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2012. С. 32.

5 Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. М.: Гнозис, 2000. С.162

6 Бернейс Э. Манипуляция общественным мнением: как и почему // Полис. 2013. №4. С. 22.

Основные этапы покорения Сибири

Шавкунова К.А., Гутинева Е.Ю., Крицкая М.Ю.

В данной работе отмечены основные этапы покорения Сибири.
Ключевые слова: Сибирь, Строгановы, тюрьма, казаки, Сибирское ханство.

The main stages of the conquest of Siberia
Shavkunova Ch.A, Gutineva E.Yu., Kritskaya M.Yu.
St. Petersburg architectural and construction university
In the given work the basic stages of the conquest of Siberia
Key words: Siberia, the Stroganovs, the prison, the Cossacks, the Siberian khanate

Суровая Сибирь привлекала русских людей с давних времен. Новгородцы первыми стали ходить в Югру за дорогими мехами, лучшими в мире соколами, морковым клыком.

Есть скупые сведения, опубликованные, в частности, в книге Л.Р. Кызласова «Древние города Сибири» [5], что русские купцы в XII – начале XIII века время от времени заходили в Сибирь с торговлей вплоть до Енисея, до городов Кыргызского каганата. В 1465 году состоялся поход московского воеводы Василия Скрыта в Югру, где он собрал с местного населения дань в пользу московского князя.

Через несколько лет, в 1472 году, воевода Федор Пестрый совершил крупный военный поход в Пермь, завоевал ее и выстроил в центре этой земли укрепленный город Чердынь, который стал форпостом русского присутствия в Пермском крае и Предуралье. Через десять лет после основания Чердыни, в 1483 году, состоялся крупный поход воевод князей Федора Курбского и Ивана Салтыкова-Травкина на Пелымское княжество, которое занимало земли на Урале, по Тавде и Пелыму. Воеводы прошли Пелымское княжество, разгромили войско пелымского князя, наложили дань на его население и потом прошли вверх по Оби до слияния с Обью Иртыша. От Иртыша отряд воевод прошел до устья Тобола и вернулся в Московию [8]. Поход должен был покорить остяков и вогулов, живших по восточную сторону Урала, вплоть до устья Сосьвы, впадающей в Обь. Всего до тех мест отряд прошел более 6,5 тысяч верст.

Отряд взял штурмом более 40 укрепленных городков, захватил в плен 58 князей и богатырей, множество простых воинов. На население была наложена дань в пользу московского князя. В 1502 году, после возвращения князей из похода, Иван III присвоил себе титул князя Кондинского и Обдорского [8].

Зачинателями русского переселения на восток и промышленного освоения Сибири стали промышленники Строгановы. До этого Строгановы занималимь солеварением на Вычегде, но из-за большой конкуренции, со стороны других русских промышленников, Аника Строганов перебрался на реку Чусовую. Строгановым были пожалованы обширные земли по рекам Каме и Чусовой, с большими правами на управление и владения этим краем.[9]

В царских грамотах, занесенных в Сибирскую летопись, указывается: сначала Григорию Аникееву Строганову(1558 год), а затем Якову Аникееву Строганову(1568 год) «ставить в пожалованных землях городки по правую и левую сторону Чусовой , для крепости и оберегания».[10]

Строгановы получают право не только «ставить городки», но и иметь «городовой наряд скорострельный», а так же право «людей нанимать в те городки вольно: пушкарей, и затинщиков, и пищальников, и сторожей и воротников держати».

Все это было исполнено Строгановыми: городки были поставлены и оборудованы для отпора на «Пермские места», со стороны «Сибирских и Ногайских людей и иных орд, что бы им к государевым пермским городам пути не было»,«оберегать инородцев и русских всельников от нападения со стороны ратных людей Кучума», и еще они обязывались вести с ним наступательную войну, «посылать на него охочих людей, остяков, вогуличей, югров и самоедь с наемными казаками и нарядом, имать в плен сибирцев и приводить их в дань за царя».[4] Строгановы развивали в своих владениях земледелие, солеварение, рыбные, охотничьи и рудные промыслы, строили города-крепости, обзавелись собственными военными дружинами. Были выстоены городки и поселения, основанные предприимчивыми солепромышленникам. Строгановы решали проблемы с местным населением, брали на работу множество русских переселенцев и присоединяли к России всё новые территории в Предуралье, на Урале и в Сибири.

Царь Иван Грозный был очень доволен тем, что границы тогдашней России еще ближе приблизились к Сибири, которая, конечно же, его очень давно интересовала. Тем более, что Строгановы обходились своими силами, денег не просили.

В 1555 году сибирский хан Едигер признал вассальную зависимость от Русского царства и пообещал платить Москве дань – ясак. Но спустя восемь лет соперник Едигера хан Кучум совершил переворот и захватил власть, опираясь на отряды узбекских, ногайских и казахских татар. Он казнил хана Едигера. Местное население (сибирские татары, ханты и манси) не хотели признавать его власть. Ненависти к нему добавляло и то, что правил он в Сибири с крайней жестокостью, к тому же насильно насаждая ислам.[7]

Но политиком Кучум был умным. Он продолжил вассальные отношения с Россией, признав над собой власть московского царя, посылая в Москву дань соболями в знак верности, внимательно следя за тем, что происходит в русском государстве.

В 1571 году союзник Кучума, крымский хан Девлет-Гирей, совершил набег на Россию, дошел до Москвы и, сжег ее полностью. Кучум послал в Москву в качестве разведчиков своих послов, чтобы узнать о положении дел. Вернувшись, послы рассказали Кучуму, в какой тяжелой ситуации в данный момент находится Россия. Кучум понял, что пришел его час, и тут же отправил в Крым просьбу о присылке пушек и военного снаряжения. Открытые враждебные действия Кучума начались летом 1573 года.

В июле сибирские татары во главе с племянником Кучума, Маметкулом, вторглись в вотчины Строгановых. В Сибирском ханстве по указанию хана был убит посол Третьяк Чубуков. Начались набеги на селения Русского государства – хантов и манси, которым военачальники Кучума запретили платить дань в царскую казну. [8 приложения с.339]

Кучум полностью ликвидировал отношения вассалитета Сибирского ханства к русскому царю. Возникла угроза отторжения от России тех районов Зауралья, население которых считалось данниками России с конца XV–начала XVI в.

Правительство Ивана IV 30 мая 1574 г. направило Строгановым новую жалованную грамоту, закреплявшую за ними земли по восточным склонам Урала, по реке Тоболу, его притокам и область «Тахчеев».[2] Строгановы обязывались поставить в новом районе укрепленные крепости для защиты от сибирских и нагайских

набегов, а также собирать походы против сибирского хана, используя для этой цели наемных казаков и отряды, набранные из местных жителей строгановских вотчин.[8 приложения с. 339-340]

Правда, существовала еще одна сила, которая могла изменить ситуацию, – вольные казачьи ватаги. Изначально их задачей была охрана южных степей от татарских набегов, но между делом казаки промышляли разбоем на торговом пути по Волге, причем грабили караваны не только крымских и астраханских татар и казахов, но и русских купцов . Наглость казаков доходила до того, что они нападали даже на русских послов, отвозивших в Персию казну, которую царь посылал Персидскому шаху.

Иван Грозный посылает против них стольника Ивана Мурашкина с отрядом. Разбойники были рассеяны или убиты, а несколько тысяч из них бежало на Каму, а затем в Сибирь, где они, сами того не подозревая, положили начало русскому владычеству над Сибирью.

Одним из таких казачьих атаманов был Ермак Тимофеевич, который сколотил из беглецов отряд в 540-600 человек и ушел от царского гнева на реку Чусовую, в вотчину Строгановых. Не принять его, несмотря на опалу, Строгановы не могли, поскольку сплоченные, хорошо владевшие огнестрельным оружием и бесстрашные казаки стали их последней надеждой защититься от Кучума.

Сложилась уникальная ситуация, когда вольные люди, разбойничавшие на торговых путях, и тем самым ослаблявшие государство, на дальних рубежах выступили как единственный фактор его спасения.

Согласно исследованиям отечественного историка Р. Скрынникова, Ермак был профессиональным военным – он участвовал в Ливонской войне, командуя казачьей сотней, в 1581 году успешно воевал с Литвой и принимал участие в разблокировании осады Пскова. Атаман, пусть и навлекший на себя царскую немилость, был для Строгановых фигурой, способной переломить неблагоприятную ситуацию.

Согласно документам, два месяца на реке Чусовой казаки охраняли русские городки от грабительских набегов кучумовых отрядов. Но как военный профессионал Ермак быстро понял, что так победить Кучума невозможно, что надо не защищаться, а нападать.

Есть версия, что идея наступательного похода 1582 года против Кучума принадлежит самому Ермаку. Из общения с местными племенами вогулов, остяков и других коренных народов, не желавших воевать за Кучума, Ермак понял, что военная мощь Сибирского ханства сильно преувеличена. Поэтому, добившись от Строгановых снаряжения и боеприпасов, атаман начал поход в глубь Сибирского ханства.

Кучум усиленно готовился к встрече с отрядом Ермака. Его столица – город Кашлык – была укреплена каменными и деревянными оборонительными сооружениями. Мобилизовав все силы ханства, он смог собрать около 10 тысяч воинов. Кроме того, он получил от крымского хана две пушки и несколько сотен пищалей. Впрочем, с огнестрельным оружием кучумовы воины обращались неохотно, зато они прекрасно владели луками, саблями и копьями. И, конечно, основной ударной силой сибирских татар была конница.

По пути движения казачьих стругов (лодок) по рекам, кучумовцы устраивали засады, осыпали их дождем стрел. Дружинникам всякий раз приходилось покидать лодки и вступать в рукопашный бой с татарами. Произошло несколько крупных сражений, в которых малочисленные казаки, тем не менее, наголову разбивали татарские отряды. Казачий отряд приближался к столице ханства, и Кучуму пришлось отказаться от наступательных действий и перейти к обороне.

Наступила передышка в череде сражений, во время которой Ермак послал своего атамана Ивана Кольцо в вотчину к Строгановым за подкреплением. Весной 1582 года Строгановы отправили казакам 300 служивых людей, продовольствие, какое-то количество боеприпасов и даже пищаль, отлитую в Орле-городке.[11] В сентябре 1582 года казаки двинулись по Тоболу и затем вверх по Иртышу. Здесь после ряда сражений было захвачено укрепление Атика-мурзы. Впереди оставался только Кашлык, столица, где сосредоточились основные военные силы Сибирского ханства.

В октябре начался штурм укрепленного главного города ханства, поначалу неудачный. Через месяц состоялся повторный штурм, во время которого кучумовцы сами вышли из стен города на вылазку, но в рукопашной были наго-

лову разбиты. Кроме того, насильно мобилизованные остяки и вогулы покинули ханское войско. Ермак беспрепятственно вступил в столицу ханства, сам же Кучум бежал.

В последующие месяцы Ермак разбил остатки кучумовских войск, а в 1583 году захватил в плен лучшего военачальника ханства Маметкула (он впоследствии был доставлен в Москву, где поступил на царскую службу и стал известным воеводой).

Так ,практически меньше чем за два года, казаки покорили огромное Сибирское ханство, заключив с местными и татарскими племенами мирные соглашения и наложив на них весьма необременительный ясак. Но Кучум не смирился и продолжал бороться. Летом 1585 года на Иртыше татарский отряд напал на ночную стоянку казаков. В этом последнем бою был убит прославленный атаман и почти все казаки из его отряда.

После гибели Ермака, оставшиеся казаки покинули Кашлык, собираясь вернуться в Россию. По дороге они встретили новый русский отряд, направленный правительством в Сибирь под командованием Мансурова, они вернулись с ним на Иртыш и перезимовали в укрепленном лагере - Обском городке. Лагерь просуществовал до 1594 года. После уничтожения Обского укрепления соратники Ермака, вероятнее всего, переселились в русские городки, построенные в конце XVI века в Западной Сибири.

Еще несколько лет Кучум продолжал борьбу с Русским государством, но Сибирское ханство, после взятия Ермаком ханской ставки, фактически перестало существовать. Отдельные татарские улусы откочевали с Кучумом, но большая часть сибирских татар перешла под покровительство России.

После разгрома Кучума дружиной Ермака создались условия для заселения русскими крестьянами и посадскими людьми бассейнов Туры, Тавды и нижнего течения Тобола. Упоминания в официальных актовых материалах и раборы летописцев свидетельствуют, что в конце XVI века шло переселение крестьян в Сибирь не только принудительно, но и по их собственной инициативе. Под влияние крепнущей России последовательно попадали Казанское, Астраханское, Сибирское ханства и Ногайская орда. Какое-то время еще сопротивлялось этому поглощению Крымское ханство, но в целом уже к концу эпохи Ивана Грозного можно было сказать, что геополитическое наследство Золотой Орды полностью перешло к Руси. И этим она обязана, конечно же, простым выходцам из народа: казакам под предводительством Ермака; беглым крестьянам и раскольникам, бегущим от опричников Ивана Грозного и произвола бояр; купцам и промышленникам, привлекаемым выгодной торговлей; опальным дворянам и стрельцам, ищущим лучшей доли.

Первые партии русских переселенцев принесли с собой в Сибирь первичные формы общественной организации: казаки – военный круг; соболе-промышленники – артель, землепашцы – общину. В Сибири одновременно развивались две колонизации: вольнонародная , шедшая впереди , и правительственная, руководимая воеводами.

Литература

1.Бахрушин С.В. Очерки из истории колонизации Сибири русскими в XVII веке. М.: Соцэкгиз, 1927,

2.Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал. Научные труды. Т.III ч.1 с.142 М.1955г.

3.Бузукашвили М.М. Ермак. М.: Воениздат, 1989

4.Верхотуров А. Покорение Сибири мифы и реальность. Олма-Пресс 2005г.

5.Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 50.

6.Киселев С.Я. Древняя история Южной Сибири. М.: Наука, 1953.

7.Летописец (по каталогу летописей Румянцевского музеума №246) 1842г с.337

8.Миллер Г.Ф. История Сибири. М.;Л., 1937. Т. 1.

9.Небольсин П.Г. Историческое исследование СПб 1849.с 17,18,30

10.Резников К.Ю. Русская история: мифы и факты от рождения славян до покорения Сибири. Вече 2012г

11.Сергеев В.И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака. Вопросы истории, 1959г, №1 с.126

12.Р.Г.Скрынников сибирская экспедиция Ермака Новосибирск: Наука 1986г.

Размышление над новой книгой

«Великий разрыв» Джозефа Стиглица

Доброхотов Л.Н.

Статья посвящена новой книге лауреата Нобелевской премии по экономике, профессора Колумбийского университета, известного американского ученого Джозефа Стиглица «Великий разрыв» (The Great Divide) вышедшей из печати в США в 2015 году. Автор статьи отмечает, что в своей работе Стиглиц глубоко и убедительно критикует нынешнюю модель американской экономики, которую США навязывают всему миру, в том числе – и небезуспешно – современной России. Стиглиц доказывает, что эта модель, продиктованная интересами финансового капитала США и предназначенная прежде всего для спекулятивных банковских операций на финансовых рынках, надувание кредитных пузырей вместо инвестирования бюджетных средств в реальный сектор экономики и в человеческий капитал, что способствует снижению реального жизненного уровня большинства американцев и конкурентоспособности экономики страны в целом. А это приводит к социальному разрыву в уровне и качестве жизни между абсолютным меньшинством и абсолютным большинством граждан страны, все более резкому проявлению опасной в политическом отношении проблемы социального неравенства и несправедливости.
Ключевые слова: США, капитализм, рыночная экономика, банковские спекуляции, социальное неравенство, несправедливость

Dobrokhotov L.N.
The Great Divide of Joseph F. Stiglitz
The article is devoted to Great Divide – the new book by Nobel Prize winner, Columbia University professor, famous American scholar Joseph F. Stiglitz (The Great Divide. Unequal Societies and What We Can Do About Them. W.W.Norton & Company, 2015). As the article's author noted, at his book Stiglitz brought out clearly and profoundly his critique of current American economy's model which U.S. imposed to the whole world, modern Russia included. As Dr. Stiglitz proved this model is dictated by financial American banking capital's interests and intended for banking speculations on financial markets, for credit bubbles creation instead of budget money investments to real economy and human capital. It favoured deterioration of majority of Americans living standards and competitive capacity of it's economy in general. It brought the country to social divide in standard and quality of live between absolute minority and absolute majority of citizens, to more and more politically dangerous manifestation of social inequality and injustice.
Key words: USA, capitalism, market economy, banking speculations, social inequality, injustice

В июне 2015 года состоялся очередной Петербургский международный экономический форум. Показательно, что даже на федеральном канале Россия 1 в программе Владимира Соловьева вполне лояльные власти депутаты-единоросы и аналитики сошлись во мнении, что итоги мероприятия оказались противоречивыми. С одной стороны, Москве удалось прорвать санкционную блокаду Запада и форум вполне успешно заявил о себе (прежде всего благодаря участию в нем В.В.Путина) как мировая альтернативная геополитическая площадка. С другой, высказывания на нем представителей социально-экономического блока правительства и таких деятелей, как Герман Греф и других, в очередной раз сигнализировали о том, что эти люди и по убеждениям, и по проводимой ими политике в современном геополитическом раскладе явно стоят по другую сторону речки.

Лишь один пример. В заключение традиционного «Завтрака с Грефом» (входящей в программу форума, организованной «Сбербанком» панели) министр экономического развития Алексей Улюкаев выразился в том смысле, что единственное, что необходимо России для выхода из нынешнего экономического кризиса - это «мир и низкие налоги». И если то и другое сбудется, то усилий государства особо не потребуются. Рынок сам все отрегулирует.

Здесь не место вступать в полемику с г-ном Улюкаевым по поводу «мира» и того, как министр его себе представляет с точки зрения обеспечения прав граждан ДНР и ЛНР и безопасности России в нынешнем военно-политическом противостоянии на Украине и вокруг нее. Однако его либертарианская идея о низких налогах и саморегулирующемся рынке как панацее от всех проблем вызывает активное желание посмотреть, как эта идея на практике проявила себя не только в России за последнюю четверть века, но и на Западе (например, в Гре-

ции) и прежде всего в - США. Тем более, что для наших неолибералов именно эта страна является главным источником вдохновения.

В этой связи трудно найти более компетентный источник знаний и оценок, чем выдающийся американский ученый, профессор Колумбийского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц и его работы последних лет. В частности, книгу «Великий разрыв», вышедшую в апреле этого года из печати в Нью-Йорке[1] (Joseph E. Stiglitz. The Great Divide. Unequal Societies and What We Can Do About Them. W.W.Norton & Company, 2015). Основу книги составляют эссе автора, выходившие в таких ведущих американских изданиях, как газета «Нью-Йорк таймс» (The New York Times) и журнал «Вэнити феа» (Vanity Fair) начиная с 2007 года.

Книга состоит из 9 разделов. Первый назван автором «Прелюдия», поскольку в ней анализируется экономическая рецессия в США в 2007-2008 годах и то обстоятельство, что последовавшая на нее реакция правящего класса собственно заложила основу растущего до сего дня в Америке социального неравенства. Центральные разделы книги подробно описывают проблему неравенства, ее личное восприятие Стиглицом через описание студенческой задолженности за кредит на обучение и медицинское обслуживание, такие причины неравенства, как налоговая система (благоволящая элите и несправедливая по отношению ко всем остальным), а также социальные последствия неравенства.

Дальнейшие главы книги содержат аргумент, что подобное неравенство отнюдь не неизбежно, а является политическим выбором правящего класса (от себя добавим – как в Америке, так и в нынешней России).

Заключительный раздел содержит главы, в которых Стиглиц излагает свои соображения по поводу того, как Америка должна бороться с неравенством (впрочем, твердо отвергая предположение, что оно вытекает из самой сущности капитализма).

К недостаткам этой очень содержательной и хорошо аргументированной работы (помимо главного – неприятия автором того факта, что неравенство является сущностью любого, самого продвинутого капиталистического общества) относится тот факт, что она составлена из газетных и журнальных статей, что сказывается на ее цельности и вызывает некий стилистический диссонанс. Впрочем, по нашему мнению, это одна из самых острых, умных и прогрессивных работ на социально-экономическую тему, которые можно прочитать в сегодняшней Америке.

Автор совершенно не случайно начинает с воспоминаний о «Великой рецессии», начавшейся в 2006 году и погрузившей американскую экономику в наихудший провал после окончания «Великой депрессии» 1929-37 годов. Он пишет о том, как заблаговременно вместе с небольшой группой единомышленников пытался предупредить общество о грозящей опасности, но его тогда почти никто не слушал – «вечеринка продолжалась, и за немногих приглашенных пришлось заплатить всем остальным». А ведь «Великая рецессия» - подчеркивает ученый - неминуемо вела (и привела) Америку к нынешнему «Великому разрыву» в доходах и уровне жизни, расколовшему всю страну.

Стиглиц напоминает о главной причине рецессии – раздутом биржами до безобразия на фоне экономического бума 90-х годов, связанного с вложениями в информационные технологии и другие новые отрасли, пузыре дешевых и легко доступных акций соответствующих компаний и охватившей страну по инициативе банков эпидемии дешевых кредитов населению, прежде всего на покупку жилья. Но когда акции были раскуплены, ипотеки под мизерные проценты розданы, пузырь по причине несбывшихся тогда ожиданий сверхдоходности этих компаний лопнул, и в результате затрещала вся экономика – от предприятий и банков, и кончая рядовыми акционерами и закредитованными гражданами. Понятно, что республиканский фундаменталист президент Джордж Буш-младший (а главное – его мозговой трест неоконов) ответили тогда на этот вызов единственно возможным для исповедующих монетаристскую идеологию способом оживления экономики – сокращением налогов, и прежде всего налогов на самых богатых (а это именно то, к чему призывает сегодня г-н Улюкаев). Характерно при этом и то, что ключевой институт неолиберализма – Международный валютный фонд во главе с г-жой Лагард – уже в этом году отверг противоположную идею выхода из долгового кризиса в Греции, первоначально предложен-

ную премьером этой страны Ципрасом – повысить налог на богатых.

Выступая в январе 2014 года в основанном им московском «Меркурий-клубе», выдающийся российский государственный деятель, глава правительства России в 1990-е годы, академик РАН Е.М. Примаков обратил внимание на то, что основная идеологическая платформа российских неолибералов, составляющих костяк правительства Д.А.Медведева, заключается в уходе государства из экономики. Однако в настоящее время, по его оценке, Россия переживает период, когда государство должно там оставаться. «Помимо всего прочего, - заявил он, - наши неолибералы вообще не учитывают уроки кризиса 2008-2009 годов»[2] .

«Прежде всего... существует огромная разница между неолиберальной политикой, особенно в экономике, и истинно либеральными требованиями независимости суда, прекращения вседозволенности чиновничьего аппарата, борьбы с коррупцией, с фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения закону всех сверху донизу. Эти либеральные идеи выдвигаются и поддерживаются в нашей стране широкой общественностью, политическими партиями различных взглядов. Однако без четкого определения грани между либеральными идеями и принципами неолибералов, без противодействия неолиберальной политике возникает угроза серьезных негативных последствий для России», – отметил в своем выступлении Примаков[3] . По его убеждению, именно в связи с этим нынешний экономический кризис в России обусловлен прежде всего внутренними, а не внешними причинами. Это важнейшее политическое завещание Е.М. Примакова, на наш взгляд, требует своего раскрытия на примере США. И прежде всего потому, что заложенная в основу нынешнего социально-экономического кризиса в России (также как и кризиса 2008-09 годов) неолиберальная идеологема практически идентична с американской. Более того, она практически списана у американцев как почти все наши постперестроечные реформы.

Причины кризиса в Америке в первое десятилетие этого века и двух кризисов в России (2008-2009 годов и нынешнего) оказались похожими как близнецы-братья и по причинам их возникновения, и по реагированию на них властей, и по результатам. Причем, как правильно отметил Е.М.Примаков, причина нынешнего кризиса состоит, прежде всего, не в санкциях Запада против России, и не в падении цен на нефть, а в том, что российские власти не сделали никаких выводов из предшествующего опыта. То есть, вопреки урокам истории, продолжили неолиберальный курс (кстати, нынешний кризис начался у нас и до западных санкций против России, и до обвала нефтяных цен. Вирус провала был заложен в саму основу списанной у американцев модели).

Кризис в США 2008-2009 годов перекинулся тогда почти на весь мир. Его главной чертой стал недостаток денег в реальной экономике (кстати, сегодня любой российский предприниматель в качестве одной из важнейших причин кризиса в России укажет на то же отсутствие денег в реальной экономике, вызванное монетаристской политикой ЦБ).

В результате те же банки, причем крупнейшие в США, которые из-за своего легкомыслия и жадности стали главной причиной кризиса, в его разгар закричали «караул», и правительство страны, до этого руководствовавшееся исключительно праволиберальной мантрой «чем меньше государства, тем лучше», вдруг о нем вспомнило и, несмотря на хронические болезни Америки, – гигантский дефицит платежного баланса и огромный национальный долг - начало буквально за волосы вытаскивать эти банки из неминуемого для них дефолта именно за счет государственного бюджета – то есть, кровных интересов рядовых налогоплательщиков. Тех самых, кто, по выражению Стиглица, не участвуя в банкете, вынужден был за него расплачиваться. То же самое происходило тогда и происходит сейчас в России.

Ценность работ Стиглица в том, что он убедительно доказывает: подобная политика является проявлением системных пороков современного монополистического капитализма и соответствующей идеологии. Причем доказывает на многочисленных примерах.

Так, возвращаясь к самому началу рецессии в США, он напоминает о консенсусе в американском обществе в то время – для выхода из кризиса экономика с ее резко замедлившимися темпами развития нуждалась в стимулировании. Весь вопрос состоял в том, какими средствами этого можно было добиться. Стиглиц тогда предложил нарастить государственные инвес-

тиции в наиболее эффективные отрасли реальной (а не спекулятивной) производительной экономики, что увеличило бы ее темпы роста и количество рабочих мест. Однако, как мы знаем, неолибералы и их ставленник президент Буш-младший вместо этого в качестве выхода из положения сделали ставку на сокращение налогов для богатых. Стиглиц пишет, что это тогда уже вызвало у него серьезную озабоченность, так как влекло за собою растущее неравенство в обществе: оно отнимало деньги у основной части населения и передавало их верхушке общественной пирамиды. А поскольку эта верхушка заведомо с учетом своей ограниченной численности тратила меньше, чем основная часть общества, это ослабляло потребительский спрос в стране, что в еще больше степени усугубляло кризисные явления.

Автор при этом напоминает, что вообще-то наиболее эффективным инструментом усиления спроса и укрепления социального равенства является фискальная политика (то есть, налоговая политика и политика государственных расходов), определяемая конгрессом и президентом США. При этом неадекватная фискальная политика накладывает непомерное бремя на монетарную политику, являющуюся зоной ответственности Федеральной резервной системы США (аналога нашего Центрального банка). Это учреждение, признает Стиглиц, иногда действительно может стимулировать экономику, снижая кредитную ставку и ослабляя регулирование. Однако подобная монетарная политика весьма опасна, подчеркивает он. Рецепт подобного рода должен выписываться с очень серьезным предостережением: использовать с осторожностью и при жестком контроле со стороны «взрослых» (то есть, государства) отдающего себе отчет в том, насколько рискованным является употребление этого снадобья.

К сожалению, признает Стиглиц, ответственные за монетарную политику в США так и не удосужились принять во внимание это предупреждение – они оказались, по его словам, наивными рыночными фундаменталистами – верящими в то, что рынок всегда все сам отрегулирует, что он всегда эффективен и стабилен (тут мы должны опять вспомнить наших отечественных рыночных романтиков). Для их американских коллег в начале нового века дело кончилось печально: в результате подобного подхода и как следствие - разрыва кредитного пузыря - сильнейший удар был нанесен по бюджету страны, что вызвало резкий рост социального неравенства.

И тут Стиглиц задает главный принципиальный вопрос: что же стало причиной Великой рецессии? Что было сделано не так? Кого винить? И в то время как люди на финансовых рынках, в Федеральном резерве и в министерстве финансов пытались тогда претендовать на то, что происшедшее – следствие неких непреодолимых как цунами процессов, ученый уверен – кризис был рукотворным. Это было тем, что один процент (на самом деле, малая часть этого процента) американцев совершили против интересов остальной части нации. И это тоже стало проявлением Великого разрыва.

Если верить Министерству юстиции (оно же – Генеральная прокуратура США), не возбудившему ни одного дела против крупнейших банков, сыгравших главную роль в той драме, это было преступление без виноватых. Стиглиц этому не поверил, как и большинство американцев. Он упорно пытался (и это отражено в его книге) доискаться до истины: так кто же убил американскую экономику. Он, не удовольствовавшись отговоркой биржи о том, что все дело было лишь в банкирах, «дававших слишком много», и в гражданах, «занимавших слишком много» на покупку себе новых домов, приходит к фундаментальному выводу: на самом деле, причина кризиса была в целом в некомпетентности и неверных решениях властей по всему спектру проблем внутренней и внешней политики. Наиболее очевидным их примером он считает развязанную администрацией Буша-младшего войну в Ираке, помимо всего прочего, обошедшуюся бюджету США в триллионы долларов. Однако главную вину Стиглиц возлагает на «комбинированное давление идеологии и специальных интересов» - то самое сочетание, которое и привело страну к растущему неравенству.

И тут автор книги подходит к главному для Америки (да и для России) выводу: виновата вера в то, что т.н. свободный, ничем и никем не ограниченный рынок, всегда эффективен и стабилен. Нам же надо понять совсем иное, подчеркивает автор: «огромная экономическая неустойчивость была характерна для капитализма с момента его возникновения».

Некоторые при этом полагают, что все, что требуется в этой связи от государства – это

обеспечить стабильность экономики на макроуровне, т.к. рыночные неурядицы если и случаются, то лишь здесь, в категориях макропроцессов. Стиглиц с этим решительно не согласен. По его убеждению, макрокризисы – это лишь вершина айсберга. В основе проблемы – мириады значительно менее заметных несовершенств в практике экономической деятельности. Так, в коллапсе рынка 2008-10 годов решающую роль сыграли многочисленные ошибки в управлении рисками, размещении капитала, ошибки инициаторов ипотек, инвестиционных банков, рейтинговых агентств – миллионов участников финансового сектора и всей экономики в целом. Другими словами, здесь Стиглиц винит уже сам капитализм как систему.

И при этом он справедливо обвиняет адвокатов «свободного рынка» в лицемерии: их яростные призывы к невмешательству государства в экономику ничуть не помешали им в разгар кризиса принять помощь того же самого государства, в том числе в форме массивных вливаний бюджетных средств (bailouts) в терпящие бедствия частные банки и корпорации. Разумеется, эти меры имели дополнительные деструктивные последствия для увеличивающегося разрыва в доходах – чем больше государственных средств шло на помощь финансовой верхушке (а на самом деле, на ее дальнейшее обогащение), тем меньше оставалось всем остальным.

Один из самых ярких моментов в разделе книги Стиглица, посвященном кризису 2008-10 годов – его размышления о том, «кто же тогда убил экономику». На первое место в списке подозреваемых он поставил Джорджа Буша. «The Economic Conse» (цитата из вульгаризмов самого Буша, под этим неологизмом имевшего в виду экономических консерваторов), сами же и определили некоторые из последствий курса президента. Хотя консерваторы и выступали против платежного дефицита, они же, судя по всему, и продемонстрировали особую сноровку в его создании.

Огромный дефицит платежного баланса страны, напоминает Стиглиц, начал характеризовать американскую экономику при республиканце Рейгане, и лишь при демократе Клинтоне дефицит сменился профицитом (то есть, доходы бюджета США превысили его расходы). Однако вскоре после прихода к власти республиканец Буш развернул ситуацию с точностью до наоборот, что стало крупнейшим поворотом к худшему в фискальной политике за всю историю страны. Частично это стало также результатом стоивших баснословных средств налогоплательщикам двух развязанных Бушем войн (в Ираке и Афганистане), частично уже упоминавшегося сокращения налогов на богатых, а во многом - открытого (за счет интересов большинства американцев) покровительства крупным корпорациям. Этот новый грандиозный, искусственно созданный дефицит, подчеркивает Стиглиц, разумеется, не смог быть покрыт очередным сокращением социальной помощи бедным слоям населения под предлогом неспособности государства к этому.

Что важно для Америки (и еще важнее сегодня для нас), это убежденность Стиглица в том, что дефицит не всегда плох. Он не представляет проблемы, если бюджетные деньги тратятся на инвестиции в инфраструктуру, и тем более, когда такие инвестиции происходят в период ослабления экономики. Однако дефицит, созданный Бушем, вызывает у лауреата Нобелевской премии массу вопросов: он произошел в период относительного процветания (даже с учетом, что оно затронуло меньшинство американцев). Как подчеркивает Стиглиц, тогда бюджетные деньги были потрачены не на укрепление экономики, а на заполнение сейфов нескольких корпораций и набивание карманов одного процента населения (как мы знаем, именно по этому же принципу правительство Медведева «решало» в 2008 году проблему финансового кризиса в России; именно поэтому корни этого кризиса не были выкорчеваны тогда и вновь проросли сегодня).

Вспоминая то время, Стиглиц пишет, что настоящий шторм ожидал американскую экономику впереди. А потому главный одолевавший его вопрос был таким: что, оказавшиеся вновь у власти консерваторы опять потребуют фискальной бережливости, введут для страны и ее граждан режим жесткой экономии (austerity measures) в то время, как экономика остро требовала диаметрально противоположных средств лечения (то есть, как уже указывалось ранее, государственных инвестиций в инфраструктуру, образование, науку и здравоохранение, в другие социальные сферы?

Собственно говоря, именно так и произошло. А потому президентство Буша ознаменова-

лось растущим неравенством, которое он то ли не признавал, то ли просто ничего с ним не делал, кроме того, что лишь ухудшал ситуацию. Собственно говоря, констатирует Стиглиц, положение в этом вопросе стало неудовлетворительным вскоре после прихода Буша и республиканцев к власти. Но его главным провалом ученый считает создание условий для вскорости наступившей Великой рецессии. Свою роль в резком росте неравенства сыграли тогда также мало обращавшие внимание на эту проблему Международный валютный фонд и Федеральный резерв под водительством сначала Алана Гринспена, а затем бывшего экономического советника Буша Бена Бернанке (заметим от себя – оба, по своим убеждениям, глубокие экономические консерваторы-фундаменталисты).

И тут Стиглиц затрагивает решающий вопрос политики и идеологии тех, кто правит его страной. США, пишет он, могли ответить на ослабление своей экономики, инвестируя в Америку, или проводя политику, направленную на уменьшение неравенства. И то, и другое привело бы к укреплению экономики и к более справедливому обществу (тут в книге Стиглица впервые появляется этот решающе важный для нас, русских, принцип жизни). В то же время экономическое неравенство неминуемо ведет к неравенству политическому. В результате то, что произошло в Америке, - пишет Стиглиц, - было типичным для страны с расколотым обществом. «Вместо больших инвестиций мы получили сокращение налогов и корпоративные привилегии для богатых. Вместо регулирования, которое бы стабилизировало экономику и защитило рядовых граждан - дерегулирование, которое привело к нестабильности и вынудило американцев молиться на банкиров» (здесь необходимо обратить внимание нашего читателя на еще один появившийся у Стиглица ключевой термин – регулирование экономики).

Однако за его отсутствием в практической экономической политике современных США, он сосредотачивается в книге на особой вредоносности начавшегося при Рейгане дерегулирования. Решающим звеном было здесь назначение активного сторонника этой политики Гринспэна председателем Федрезерва, что позволило ее продолжить и при демократе Клинтоне.

И здесь Стиглиц затрагивает еще одну «горячую картошку» американской внутренней политики: захват финансовым сектором всех командных высот в экономике со всеми вытекающими отсюда гибельными последствиями (к нам, имея ввиду гигантскую роль ЦБ РФ в нынешнем кризисе, это тоже имеет самое прямо отношение). Он цитирует Джеми Гэлбрейта из Техасского университета: существует прямая связь между растущей «финансализацией» мировой экономики и ростом неравенства. По убеждению Стиглица, финансовый сектор - символ всего того, что неправильно в американской экономике. «Его вклад в рост неравенства является определяющим, он – важнейший источник экономической нестабильности и важная причина плохих экономических показателей США за последние три десятилетия».

А ведь предполагалось-то все по-другому, - сокрушается нобелевский лауреат. Либерализация финансовых рынков (а это и есть то самое «дерегулирование») предположительно должна была позволить финансистам сосредоточить в своих руках дефицитные источники капитала и лучше проводить рисковые операции. Предполагалось, что это приведет к более быстрому и стабильному росту экономики. При этом он соглашается с тем, что пропоненты сильного финансового сектора были правы по крайней мере в одном: трудно представить себе хорошо работающую экономику без хорошо функционирующего финансового сектора.

Однако вся штука в том, что сам по себе этот сектор работать удовлетворительно не может в принципе, ибо он нуждается в жестком регулировании, он должен подвергаться эффективному принуждению как для предотвращения вреда, который может нанести остальной части общества, так и просто для того, чтобы быть уверенным в том, что он выполняет именно те функции, которые предположительно должен выполнять. А именно этого и не произошло. Добавим от себя, что при отсутствии жесткого контроля финансисты немедленно начинают делать то, в чем их обвинил еще Иисус, изгнавший меновщиков из храма – устраивают денежные спекуляции в целях обогащения самих себя и того самого одного процента общества, который постоянно поминает недобрым словом Стиглиц.

Он называет кризис 2008 года рукотворным. И вспоминает, что «раньше уже смотрел подобное кино» о том, как «комбинация мощных и

порочных идей и стоящих за ними мощных интересов» может привести к бедственным результатам. В роли главного экономиста Всемирного банка, вспоминает Стиглиц, он в свое время вплотную наблюдал за тем, как после крушения колониальной системы Запад умудрился внедрить фундаменталистские идеи свободного рынка, отражавшие интересы Уолл-стрита, в развивающиеся страны – жертвы столетий жестокой колониальной эксплуатации со стороны того же Запада, почти ничего не делавшего для развития их экономики. Они отчаянно нуждались в помощи со стороны развитых стран, пишет Стиглиц, однако уже тогда чиновники МВФ и других неолиберальных институтов повсеместно выставили условия – развивающиеся страны должны были либерализировать свои финансовые рынки и в то же время открыть свои внутренние рынки водопаду товаров из развитых стран. И это при том, что сами эти страны отказались открыть свои собственные рынки сельскохозяйственной продукции с Юга планеты.

Тут необходимо отметить, что Стиглиц при всех своих, безусловно, прогрессивных для западного экономиста взглядах и оценках, остается быть человеком Запада. А потому положительного опыта реального социализма, позитивного примера СССР для него вообще не существует. Как известно нашему читателю, именно наша страна была главным фактором освобождения Африки и Латинской Америки от колониализма, и именно СССР вместе со своими союзниками демонстрировал тогда диаметрально противоположный подход к экономическим отношениям с развивающимися странами, о чем там хорошо и с признательностью помнят до сих пор.

Однако мы должны быть благодарны Стиглицу хотя бы за его признание: политика Запада в отношении развивающегося мира (разумеется, с точки зрения интересов этого мира, а не Запада, который на них чудовищно обогатился) тогда провалилась: доход на душу населения в Африке рухнул; Латинская Америка скатилась к стагнации с небольшим ростом, прибыль от которой тут же прибрала к рукам правящая верхушка этих стран.

А в то же время Восточная Азия, пишет он, пошла по другому пути – там именно государство взяло на себя главные усилия по развитию экономики (этот курс стал называться «экономикой развития»). В результате доход на душу населения в этих странах быстро удвоился и утроился, в конечном счете, увеличившись в восемь раз. За последнюю треть века, во время которой американцы жили при стагнирующей экономике, Китай из бедной страны с доходом на душу населения, составлявшим 1% от американского и 5% ВВП, превратился по паритету покупательной способности в крупнейшую экономику мира. А к середине этого века КНР, как планируется, в два раза превзойдет размеры экономики США.

И тут Стиглиц все-таки вспоминает СССР. Но, разумеется, только для того, чтобы как любой западник (будь то американский, или наш отечественный), помянуть его недобрым словом. Впрочем, для Стиглица это лишь полемический прием в его критике неолиберальных экономистов. Он отмечает, что эти экономисты по вполне объяснимым причинам редко обращали внимание на успехи «управляемой рыночной экономики» Восточной Азии (разумеется, под этим он имеет в виду, прежде всего КНР, но также, видимо, социалистический Вьетнам, Малайзию и некоторые другие страны). Конечно же, вместо этого они предпочитали с восторгом комментировать коллапс Советского Союза, «вообще избегавшего рынка как такового».

От себя добавим к этому то, чего ждать от Стиглица просто нереалистично: внешние, как и наши внутренние неолибералы как огня боялись и боятся сегодня любого регулирования экономики, тем более рыночного социализма, процветающего в Китае и во Вьетнаме. Им, конечно же, куда комфортнее и сподручнее топтаться на неудаче социалистической экономики в нашей стране, донельзя зарегулированной и отрицавшей конкурентную рыночную среду, защищая модель, которая в 1970– 80-е годы подошла к своему исчерпанию. Кстати говоря, когда мобилизационная, плановая экономика социализма десятилетиями с огромным успехом работала в СССР, американские консерваторы и на этот очевидный успех закрывали глаза.

Как пишет далее Стиглиц, с падением Берлинской стены и «коллапсом коммунизма» (опять западный штамп – никакого коммунизма ни в СССР, ни где-либо еще, разумеется, не было, был социализм, причем его рыночная модель торжествовала в Китае), все выглядело

так, что идеологи свободного рынка одержали триумфальную победу. Опять от себя добавим: широко известному американскому профессору Стивену Коэну принадлежит в описании этого состояния американской политической и экономической элиты термин «триумфализм»).

Стиглиц (как и Коэн) убежден: этот вывод «свободных рыночников» был в корне неверен. Однако он был использован для того, чтобы использовать положение США как единственной оставшейся сверхдержавы для продвижения своих экономических интересов (выражаясь более точно, для продвижения интересов больших и мощных корпораций). Наибольшую роль среди них играл, прежде всего, финансовый сектор.

Стиглиц напоминает, как США буквально вынуждали другие страны либерализировать свои финансовые рынки. Результат: поддавшиеся этому давлению государства сталкивались с финансовым кризисом – включая и те из них, экономика которых работала вполне прилично до операции по либерализации (нам тут надо вспомнить прежде всего трагическую судьбу большинства республик СССР и бывших социалистических стран Восточной Европы).

А, в общем-то, признает Стиглиц, мы и сами оказались в результате этой политики не в лучшем положении. И при Буше, и при Клинтоне, мы проводили внутреннюю и внешнюю политику, диктуемую финансовым сектором.

Причем у Стиглица есть концепция того, как деятельность этого сектора способствует росту неравенства. Существуют несколько приемов (они же – способы обогащения пресловутого 1% экономической элиты). Один из них – увеличить размеры национальной экономики - в данном случае не подходит. Второй – дополнительно поживиться тем, что уже есть путем отъема (в результате экономика в целом уменьшится). Стиглиц утверждает, что доходы верхушки финансового сектора связаны именно с этим, вторым способом. Причем в то время, как какая-то часть вновь приобретенного богатства появляется в руках этой верхушки путем изъятия средств у таких же финансовых спекулянтов, большая его часть оказывается в распоряжении богатейших из богатых посредством высасывания средств у людей, находящихся у основания финансовой пирамиды (то есть, у среднего класса и бедных).

От себя добавим – все описанное не является каким-то особым открытием нобелевского лауреата: в целом это было описано критиками капитализма как формы разбоя давным-давно – и Карлом Марксом, и Эптоном Синклером, и Теодором Драйзером, и Максимом Горьким, и другими мировыми и американскими классиками. Анализ Стиглица лишь подтверждает, что за последние полтора века в самой сути этого строя мало что изменилось.

Перед началом кризиса апологеты финансового сектора похвалялись тем, что являлись «движителем экономического роста», что их «инновативность» привела страну к выдающимся экономическим показателям. Однако Стиглиц в соответствии с демократическими традициями ранее перечисленных и других своих предшественников справедливо утверждает: реальный показатель состояния экономики – это то, как себя чувствует типичная семья, а с этой точки зрения результат названных усилий очевиден – нулевой рост экономики в пересчете на душу населения на протяжении последней четверти века. Но, даже взяв в качестве единицы измерения рост ВВП, результат носит анемичный характер – значительно более худший, чем за десятилетия, предшествовавшие началу финансовой либерализации и финансиализации экономики. В любом случае, пишет он, более высокие цены за поместья на Французской Ривьере или за манхэттенские апартаменты для миллиардеров, никак не перерастают в более продуктивную экономику.

Более того, излишняя рискованность в действиях финансового сектора в сочетании с ограничением регулирования привели, как это и было предсказано тем же Стиглицем, к самому жесткому кризису за три четверти века. И как всегда, самыми пострадавшими оказались бедные, потерявшие рабочие места и погрузившиеся в продолжительный период безработицы. Как уже говорилось ранее, последствия кризиса для рядовых американцев оказались особо тяжелыми с учетом того, что с 2007 по 2013 год 14 миллионов (!) домов были лишены права выкупа (то есть, изъяты у владельцев) из-за неуплаты причитающейся за них стоимости. А ведь до этого те же финансовые спекулянты буквально навязывали американцам кредиты на покупку этого жилья. Не менее болезненным оказалось сокращение бюджетных расходов, включая расходы на образование.

Ответом американского государства на кризис стала агрессивная монетарная политика, направленная на восстановление биржевых индексов, а не приемлемого уровня кредитования для малого и среднего бизнеса, в результате чего т.н. антикризисная политика правительства оказалась значительно более эффективной в поддержании процветания богатых чем в материального положения средних американцев.

Результат политики «финансиализации» был очевиден: за первые три года провозглашенного Белым домом «восстановления экономики» около 95% роста доходов пришлись все на тот же 1% сверхбогатых, в то время как спустя шесть лет после начала кризиса, средний уровень благосостояния остальных американцев снизился на 40% в сравнении с предкризисными временами. А это и есть то самое неравенство, глубоко несправедливый разрыв в доходах, которые и являются главной темой озабоченности Стиглица, и не только его.

Он приводит следующие факты. Каждый пятый ребенок в Америке живет в бедности. У самых лучших выпускников школ из бедных семей сегодня хуже перспективы трудоустройства и достижения успеха, чем у самых слабых абитуриентов из богатых семей» (сравнение проводится между верхними 25% и нижними 25% по доходам). За последние 25 лет средняя зарплата лиц с законченным средним образованием (12 лет) сократилась на 12%. За этот же период средняя оплата труда гендиректоров компаний увеличилась на порядок (если четверть века назад она в 30 раз превышала среднюю зарплату рядового сотрудника, то сейчас - в 300 раз).

Понятно, что авторы подобной глубоко непопулярной политики нуждались в оправдывающей ее идеологии. И они ее создали (впрочем, эти авторы – американские неоконсерваторы – ничего нового не придумали. Они лишь позаимствовали опыт т.н. свободного – нерегулируемого – рынка и вакханалии финансовых спекулянтов у президента Герберта Гувера, именно таким путем «успешно» доведшего Америку в 1929 году до Великой депрессии.

Стиглиц свидетельствует: финансовый сектор через оплачиваемые им СМИ начал пробивать сто тысяч раз до этого опровергнутую на практике идею о том, что рынок сам по себе ведет к позитивным и стабильным показателям экономики и, исходя из данной предпосылки, государство должно сосредоточить главные свои усилия на ее либерализации и приватизации. Те же финансисты утверждали, что нужно ограничить прогрессивное налогообложение, поскольку оно «оказывает неблагоприятное воздействие на стимулы к предпринимательству». Они же настаивали на том, что монетарная политика должна сосредоточиться на борьбе с инфляцией, а не на создании новых производств и рабочих мест. А когда вся эта политика закономерно и предсказуемо привела Америку к Великой рецессии, правительство так же закономерно начало сокращать социальные расходы, что ударило по рядовым гражданам. Нашему читателю вся эта история ничего не напоминает?

Более чем иронично Стиглиц комментирует в своей книге общеизвестное на Западе понимание, что рыночная экономика наилучшим образом работает в условиях открытости (транспарентности), ибо только при наличии надежной информации о реальном положении дел на рынке экономические ресурсы могут быть выгодно, с прибылью размещены. Но тут же замечает: в то время как участники рынка – а это особенно касается финансовых рынков – могут проповедовать принцип транспарентности для других, они же делают все возможное, чтобы ограничить ее для себя самих; ведь помимо всего прочего, в условиях открытого и конкурентного рынка прибыль стремится к нулю! Спросите любого бизнесмена, призывает Стиглиц. И он вам ответит, что очень мало удовольствия оказаться в условиях такого рынка. Тогда придется бороться за свое выживание, причем с очень небольшим внутренним потенциалом. Вот почему на Западе (а уж у нас в России тем более) так носятся с соблюдением деловых секретов и конфиденциальности.

Стиглицу все это представляется естественным и легко объяснимым. Но речь-то он ведет о другом. Правительство, по его убеждению, должно быть в этом вопросе по другую сторону барьера, противодействуя подобным тенденциям, и реально делая рынки более конкурентными и открытыми. Однако этого не происходит, подчеркивает он, если правительство по существу работает на интересы большого бизнеса, и более того, оно буквально захвачено в плен финансовыми рынками. Это «открытие» (хотя, что в нем нового – почитайте классиков!) особо разочаровало Джозефа Стиглица в случае с

администрацией Клинтона. Ведь иллюзии у нобелевского лауреата в отношении Клинтона и его команды были. Потом – спустя восемь лет - они повторились у него же с другим президентом-демократом - Обамой. И опять все закончилось полным разочарованием. Диктат финансовых рынков над конгрессом и Белым домом вопреки всем конституционным и законодательным нормам, и предвыборным песнопениям, работает в Штатах как нерушимый молох.

Разобравшись с правительством, Стиглиц добавляет еще одну главу в его обвинительный акт о виновниках в «Анатомии убийства» американской экономики. А именно - экономистов, утверждавших, что рынок якобы саморегулируем и предоставлявших т.н. интеллектуальное обоснование необходимости движения к его дерегуляции. Причем все это – вопреки длинной истории провалов нерегулируемых финансовых рынков и вопреки фундаментальным положениям экономической теории, разъясняющим, почему финансовые рынки нуждаются в регулировании и должны быть отрегулированы.

И наконец, упоминает о таких еще одних несостоявшихся защитниках социальных прав американцев, как профсоюзы (впрочем, коррумпированность американских профсоюзов, и прежде всего гигантского профобъединения АФТ-КПП – это история древняя и общеизвестная). Добавив к этому негативные аспекты глобализации, выносящей в интересах большого бизнеса производство, а вместе с ним рабочие места за пределы страны, а также продолжающуюся монополизацию производства, сокращающую конкуренцию, а значит, возможности для создания мелкого и среднего бизнеса, Стиглиц делает вывод: все это ослабляет переговорные позиции американских рабочих по отстаиванию своих трудовых и социальных прав. А значит, упрочивает в США основанную на неравенстве правовую систему.

С учетом вышеприведенных факторов, на практике означающих фактическое отсутствие контроля законодательной, исполнительной, судебной власти и профсоюзов США за соблюдением прав трудящихся, Стиглиц еще раз акцентирует внимание читателя на предельный не просто эгоцентризм, а цинизм, жестокость финансовых корпораций. Дело в том, что в случае краха какой-нибудь средней и тем более малой компании, последствия затрагивают лишь ее владельцев и членов их семей. Однако если это касается крупнейших банков страны, то как об этом неоднократно заявляли власти США, «мы не можем допустить их падения, ибо это затронет интересы всей экономики». Значит, размышляет Стиглиц, для гарантии их устойчивости и в интересах безопасности страны в целом, в соответствии со здравым смыслом надо ввести для этих крупных финансовых институтов меры более жесткого регулирования их деятельности со стороны государства. Однако вопреки этому здравому смыслу финансовые гиганты категорически не приемлют таких ограничений, а находящаяся от них в полной зависимости законодательная и исполнительная власть на этом и не настаивает. Почему? Да потому, что проводя рисковые спекулятивные финансовые операции, банковские спекулянты заранее знают: если выиграют, весь «пот», как в игре в покер, их; если проиграют, за погашение долга и недопущение банкротства заплатят рядовые налогоплательщики.

Ученый приводит более чем показательный пример этого: пузырь с кредитами на жилье, приведший к коллапсу финансового гиганта «Леман Бразерс», произошел в 2006 году, вслед за этим экономика страны погрузилась в рецессию в 2007, и тут же, в 2007 и 2008 годах, Федрезерв кинул банкам беспрецецентный спасательный жилет бюджетных ассигнований,а в том же 2008 году бросил огромные средства налогоплательщиков на спасение другого спекулятивного гиганта - «Беар Стернс».

В качестве другого примера автор книги приводит принятый не так давно конгрессом и подписанный президентом закон Додда-Фрэнка по реформе финансового сектора. По сути, он ничего не решает в указанной общенациональной проблеме, а наоборот, ее только усугубляет. В частности, закон в целом ряде случаев понуждает банковские учреждения к слиянию, так что теперь концентрация финансового рынка в Америке еще более усилилась в сравнении с тем, что было до кризиса (то есть, происходит и усиливается тот самый процесс монополизации финансового капитала, о котором писал В.И.Ленин «В империализме как высшей стадии капитализма»). И опять же, в полном соответствии с ленинским анализом Стиглиц (уверен, ничего о нем не знающий, очевидно, что Ленина он не читал) сегодня, практически сто лет спустя признает: эта концентрация имеет одно важнейшее следствие – она ведет к кон-

центрации политической власти в руках финансового капитала, в наиболее очевидной форме проявившейся в продолжающейся борьбе капитанов этого бизнеса за избежание эффективного банковского регулирования.

Стиглиц прямо пишет и о том, как власти удается принимать решения, «написанные языком самого «Ситибанка»: финансовый сектор предоставляет обильное вознаграждение тем, кто служит его интересам – это прибыльные консультации, гранты на исследовательскую работу и тому подобное.

А как при Обаме?

В своей работе автор задается очевидным вопросом о нынешнем положении дел в экономике его страны (ведь американская и наша либеральная пропаганда без устали твердят сегодня о преодолении кризиса в Америке в отличие от «экономического коллапса путинской России». Обама даже выразился в том смысле, что в результате западных санкций российская экономика якобы оказалась «разорванной в клочья»).

Однако Стиглиц считает, что вопреки заявлениям Обамы о том, что его администрация остановила экономику от сползания в новую Великую депрессию, на самом деле она так и не создала предпосылок для устойчивого восстановления. И семь лет спустя, на момент сдачи книги Стиглица в печать, доходы большинства американцев ниже уровня, предшествовавшего кризису. Благосостояние американцев в среднем откатилось на уровень 1992 года (!). ВВП страны на сегодня примерно на 15% ниже докризисного уровня. Да, пишет он, администрация и Федрезерв, возможно, спасли страну от Великой депрессии. Но они со всей очевидностью потерпели неудачу в восстановлении экономики до уровня процветания.

Да, банковскую систему они в основном восстановили (кто бы сомневался!). Рецессия официально закончилась, причем довольно-таки быстро. Однако в целом американская экономика не выздоровела. Даже при том, что ее рост возобновился, пройдут годы и годы, пока ущерб от рецессии будет ликвидирован, годы и годы (если это вообще когда-нибудь произойдет) пока доход большинства американцев вернется к докризисному уровню. Ущерб, пишет Стиглиц, грозит стать фактором долгоиграющим...

И самое важное, концептуальное заключение Нобелевского лауреата: «восстановление (экономики США) было спроектировано 1 процентом (населения) в интересах 1 процента». Все как у нас.

Кстати, еще одно очень показательное совпадение негативных проявлений в экономике США и России, вызванное исключительно механическим копированием нашим либеральным правительством американских моделей ее функционирования: как пишет Стиглиц, годы спустя после кризиса, кредитование малого и среднего бизнеса в Америке также значительно ниже докризисных показателей.

И тут ученый еще раз возвращается к одной из своих центральных тем. По его весьма радикальному для западного немарксистского экономиста заключению, основанному на многочисленных примерах последнего десятилетия, потребность в регулировании экономики становится особенно очевидной в свете того, что банки и другие институты финансового сектора имеют «давно установившуюся склонность к эксплуатации» других членов общества в форме рыночных манипуляций, торговли инсайдерской (конфиденциальной) информацией, злоупотребления кредитными картами, практики монополистической антиконкурентной деятельности, дискриминационного и грабительского кредитования...». Список заведомо преступных деяний финансового сектора Стиглиц считает бесконечным. И в этом с ним нельзя не согласиться.

В заключение можно сказать: «Великий разрыв» Джозефа Стиглица – не только о растущем социальном неравенстве в Америке. Это во многом и о России сегодня.

Ссылки:

1 Stiglitz Joseph E. The Great Divide. Unequal Societies and What We Can Do About Them. W.W.Norton & Company, 2015.

2 Евгений Примаков. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов (по материалам выступления на заседании «Меркурий клуба» 13 января 2014 года) // Российская газета №6277 (5) от 14 января 2014 г.

3 Евгений Примаков. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов (по материалам выступления на заседании «Меркурий клуба» 13 января 2014 года) // Российская газета №6277 (5) от 14 января 2014 г.

Наши авторы

Алиева Кулуйпа Мукашовна, доктор философских наук, профессор РХТУ им. Д.И. Менделеева, alievakm@mail.ru

Андрусяк Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, andrusyak_n@mail.ru

Бабаев Сергей Сергеевич, студент, Российский государственный социальный университет, Филиал в г. Дедовске 79168451888@ya.ru

Бирюкова Елена Евгеньевна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой «Архитектуры», архитектурно-строительный факультет, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, torgamao@yandex.ru

Борисова Ксения Юрьевна, аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова, kseniaborisova.2011@mail.ru

Голубева Анна Сергеевна - аспирантка социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. gulyanurka@inbox.ru.

Григорян Светлана Валерьевна, соискатель, ассистент кафедры Массовых коммуникаций, Российский Университет Дружбы Народов, S.v.grigoryan@mail.ru

Гутинева Екатерина Юрьевна, студент, Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет, gutineva00@mail.ru

Джавахидзе Лаура Борисовна, соискатель кафедры педагогики, Московский государственный Областной Университет, dzlaura@yandex.ru

Дзуцев Хасан Владимирович - доктор социологических наук, профессор, начальник отдела Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ. khasan_dzutsev@mail.ru

Дибирова Аминат Паруковна - кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, г. Владикавказ. dibirova59@mail.ru

Доброхотов Леонид Николаевич – доктор философских наук, профессор Социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной Славянской Академии Наук и Искусств. dobrokhotoza@yahoo.com.

Ежова Полина Сергеевна - выпускница социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и Финансово-кредитного факультета Финансовой Академии при Правительстве РФ. pauline.es@yandex.ru

Епархина Ольга Валерьевна - кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д.Ушинского. gelaq@mail.ru

Желнов Василий Маркович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. metaphysic@rambler.ru

Зиланова Марта Сергеевна, аспирант ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», m.zilanova@gmail.com

Кирка Артем Викторович,ФГБОУВПО «Государственный университет управления», аспирант, seloff@gmail.com

Клейменов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, alekklejmenov@yandex.ru

Колбаев Канат Байболдуевич, кандидат педагогических наук, доцент Кыргызского национального университета, kane_k@mail.ru

Константинова Александра Георгиевна, аспирант, Российский Экономический Университет им. Г.В. Плеханова, Kosta082@yandex.ru

Копейкина Оксана Владимировна, аспирант, Московский институт психоанализа, кафедра общей психологии, saanna@mail.ru

Костылев Павел Николаевич – старший преподаватель кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. relig@yandex.ru

Крицкая Мария Юрьевна, студент, Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет, mary_kritskaya@mail.ru

Кузнецова Юлия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения праву, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», knopjul@mail.ru

Манцуров Степан Олегович, аспирант кафедры Политологии и Социологии, ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», mancurof@mail.ru

Мартыненко Елена Викторовна, д.п.н., профессор, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов

Мелешко Галина Александровна, доцент кафедра «История и культура», Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, dombrovskayagalina1946@mail.ru

Михальский Алексей Владимирович, доцент кафедры психологии факультета педагогики и психологии, Московский государственный педагогический университет, amikhalsky@gmail.com

Насобин Олег Брониславович, РГГУ, кафедра музеологии, Oleg.N.egr@mail.ru

Нафаа Дорар, аспирант, Российский университет дружбы народов, dorarnafaa@gmail.com

Невская Татьяна Александровна - канд. полит. наук, ст. преп. кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Николаева Анастасия Юрьевна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, НОУ ВПО Новомосковский филиал Университета Российской академии образования, nastyaniknov@yandex.ru

Новиков Роман Анатольевич, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой социальной работы, психологии и социального права, Российский государственный социальный университет, Филиал в г. Дедовске

Новикова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, Донской государственный аграрный университет, achgaa@achgaa.ru

Олейник Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, oleynik.ev@mail.ru

Поплавская Ирина Анатольевна - кандидат социологических наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. tabirina@live.ru

Пятаков Андрей Николаевич - кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН

Рахманов Азат Борисович - доктор философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. azrakhmanov@mail.ru

Рогатко Сергей Александрович, канд. ист. наук, член Российского Комитета по истории и философии науки и техники РАН, rogatko1@yandex.ru

Романенко Михаил Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. miklwas@mail.ru

Самудинова Айчурек Каныбековна, соискатель КНУ им. Ж. Баласагына, sak1987.87@gmail.com

Сорокина Ирина Радиславовна, кандидат педагогических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, sociolog1966@yandex.ru

Супрун Нелли Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, suprunnelli@yandex.ru

Сушко Валентина Афанасьевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. valentina.sushko@gmail.com

Уздеева Зама Ибрагимовна, аспирант, Чеченский государственный педагогический институт, imafreemason@mail.ru

Улитина Татьяна Ивановна, Трехгорный технологический институт - филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», директор, neshumit@gmail.com

Ульяновская Людмила Васильевна, аспирант кафедры педагогики Института педагогики и психологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, azz1976@ya.ru

Федорова Олеся Юрьевна, аспирантка, кафедра «Банки, денежное обращение и кредит» , Московский Государственный Институт Международных Отношений (Университет), alesia.fedorova@gmail.com

Харченко Николай Леонидович, аспирант, Российский государственный социальный университет, m-rh@mail.ru

Хетагурова Людмила Тотурбековна – младший научный сотрудник института социально-политических исследований РАН, г. Владикавказ. lanagd@mail.ru

Цогоева Фатима Бексолтановна - старший научный сотрудник Северо-Осетинского Центра социальных исследований ИСПИ РАН, кандидат социологических наук, vesna_alania@list.ru

Шавкунова Кристина Артемовна, студент, Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет, AnonimStark@yandex.ru

Шимановская Светлана Владимировна, соискатель, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», sv_shimanovskaya@mail.ru